

Вадим Роговин

КОНЕЦ ОЗНАЧАЕТ НАЧАЛО

Часть I

СССР перед большой войной

I

Страна на «пайке»

В предвоенную третью пятилетку страна, освободившись от карточной системы, вошла с относительно благоприятными экономическими показателями. Однако усиливающиеся диспропорции в развитии экономики и сельского хозяйства, а также совокупность многих других причин привели к тому, что в 1939 году в стране вновь обострилось промышленно-продовольственное положение.

Приоритетными сферами развития по-прежнему оставались тяжёлая индустрия и оборонная промышленность.

Динамика капиталовложений в промышленность СССР

(в млрд руб., в сопоставимых ценах)

Дата	Всего в пром.	В т.ч. в тяжёлую пром.
1-я пятилетка (1929-1932)	3,3	2,8
2-я пятилетка (1933-1937)	7,4	6,0
3-я пятилетка (1938 – первая половина 1941)	7,0	5,8

Источник: Народное хозяйство СССР за 60 лет. Стат. сб., М., 1997. С. 436.

Таким образом, согласно этим данным, финансирование производства предметов потребления в годы 3-й пятилетки по сравнению со 2-й пятилеткой снизилось и составляло всего 1,2 млрд руб. (в сопоставимых ценах). Мизерные капиталовложения в лёгкую и пищевую промышленность обусловили низкий объём производства товаров и продуктов.

Если валовая продукция промышленности за 3 года (1938-1941 гг.) выросла на 45% (в среднем на 13% в год), то при этом доля средств производства увеличилась на 53%, а предметов потребления – на 33%¹. Такие темпы производства не могли удовлетворить потребности населения.

Так, в 1940 году лёгкая промышленность производила в год на душу населения всего лишь 14 кв. м хлопчатобумажных, 0,8 кв. м шерстяных и 0,3 кв. м шёлковых тканей, менее трёх пар носков и чулок, пару

кожаной обуви, менее одной пары белья. Пищевая промышленность выпускала на душу населения 11,1 кг сахара, 7,4 кг рыбы, 24 кг мяса, около 172 кг молочных продуктов, около 5 кг растительного масла, 7 банок консервов, 5 кг кондитерских изделий, 4 кг мыла².

Одной из основных причин тяжёлого экономического положения являлись последствия прошедших в стране массовых репрессий в 1937-1938 годах, в ходе которых были истреблены наиболее квалифицированные и профессиональные кадры. Люди были повергнуты в состояние растерянности, отчаяния, паники и страха, что, естественно, не могло способствовать росту производительности их труда. Производство лихорадило.

В одном из писем на имя Сталина некто М. Пахомов, анализируя последствия, к которым привела великая чистка, писал: «Атмосфера недоверия и излишняя подозрительность... суживают размах работы, парализуют инициативу и энергию работников и чрезвычайно вредно сказывается на всей работе... Считаю необходимым обратить Ваше внимание на совершенно ненормальное положение старых членов партии, подпольщиков и особенно членов партии с 1917-1920 годов, активных участников революции и гражданской войны. На руководящей работе старых членов партии можно найти единицы... Говорят, что им теперь нет доверия... Я не согласен с такой практикой»³.

От общего объёма произведённой в стране продукции лишь часть шла в открытую торговлю. Другая часть направлялась на вне рыночное потребление. Причём в 3-й пятилетке оно стало быстро увеличиваться. Так, например, на вне рыночное потребление шла треть всего произведённого сахара.

В 1939 г. в розничную торговлю (в расчёте на одного человека) поступило всего лишь немногим более 1,5 кг мяса, 2 кг колбасных изделий, около 1 кг масла. Из непродовольственных товаров — только половина произведённых хлопчатобумажных и льняных тканей, треть шерстяных тканей⁴. Фактически же рядовой потребитель получал и того меньше, учитывая потери от перевоза и хранения продукции, а также перераспределение её в закрытую сферу торговли. Например, в Сызрани закрытые распределители, обслуживая только пятую часть населения, получали 90% товаров, выделяемых городу. В Пермской области в открытую торговлю, которой пользовалось 65% населения, шло всего 2-3% от выделяемых области товаров⁵.

Росту товарного дефицита способствовало не только уменьшение рыночных фондов товаров (в 1940 году по сравнению с 1937 годом по продовольственным товарам на душу населения они уменьшились на 12%, а по непродовольственным товарам — на 6%⁶), но и увеличение денежной массы, находившейся в обращении у населения. К концу 1940 года по сравнению с 1938 годом она выросла вдвое⁷.

Усугубила ситуацию и начавшаяся в сентябре 1939 года война. Проведение военных кампаний — вторжение в Польшу, Румынию, Прибалтику, советско-финская война обострили топливно-энергетический и сырьевой кризис. Панический страх надвигающейся войны вызвал у народа нездоровый покупательский ажиотаж. Населением скупалось впрок абсолютно всё.

Обострили, конечно, дефицит на внутреннем рынке и расширение поставок сырья и продовольствия в Германию после заключения пакта о ненападении.

Товарный дефицит привёл к тому, что в открытой торговле утвердилось нормирование, по существу, — форма карточной системы. В конце 1939 года Совнарком установил «норму отпуска хлеба в одни руки», сопоставлявшую 2 кг. В октябре 1940 года СНК снизил эту норму до 1 кг⁸. Отпуск мяса сократился с 2 до 0,5 кг, колбасных изделий — с 2 до 0,5 кг, рыбы — с 3 до 1 кг, сахара — с 2 до 0,5 кг. Но фактически, по решению местных властей, и эти нормы были снижены. «Наиболее распространенной нормой хлеба было 500 г в день на человека, вместо 1 кг по нормам СНК». Рабочие авиационной промышленности в 1940 году получали на семью в месяц от 300 до 700 г мяса, 1-1,5 кг рыбы, 300 г масла⁹.

В дневниковых записях академика Вернадского, относящихся к 1939-1940 годам, важное место занимают упоминания о продовольственных трудностях и об угрожающей реакции на них населения:

«8.10. 1939 г. Кругом волнение в связи с недостатком самого необходимого. Чёрный хлеб ухудшился. Трудно доставать белый, дорогой. Всё население занято добычей хлеба и т. п. За водкой огромные очереди.

19.10. Население энергично и с ропотом добивается продуктов.

11. 1940 г. Москва. В городе всюду хвосты, нехватка всего. Население нервничает. Говорят, что в Москве ещё лучше (чем в других городах. — В. Р.).

4.1. 1940. Во всех городах недостаток продуктов... Нет самого необходимого — сыра, хлеба (кроме Москвы).

12.1. 1940. По-видимому, по всей стране не хватает и хлеба, и пищевых продуктов... Люди — тысячи и сотни тысяч — стоял в очередях буквально за куском хлеба¹⁰.

Положение на селе

Наиболее сложная ситуация складывалась на селе. Во второй половине 30-х годов темпы роста государственных заготовок и закупок сельхозпродукции превышали темпы роста её производства. Количество зерна и продуктов животноводства, которые оставались в деревне после того, как мепла госзаготовок проходила по колхозным и личным закромам, было меньше того, что оставалось в деревне на производственные и личные цели в дореволюционное время.¹

Государство изымало всю поварную продукцию свёклы и хлопка, 94% зерновых, до 70% картофеля, половину мяса, сала, яиц, около 60% молока. Поскольку более половины поварной продукции мяса, молока и почти все яйца в стране производились в личных подсобных хозяйствах крестьян, эти цифры свидетельствуют, что государственные заготовки изымали не только колхозную продукцию, но и то, что производилось крестьянином в его личном подсобном хозяйстве.²

После отгрузки зерна государству и создания семенных фондов колхозы оставались без хлеба. (Статистика показывает, что остаток хлеба в деревнях был меньше, чем в голодные 1931-1932 годы.)³ Максимальная выдача на трудодень по недородным районам не превысила 1-1,5 кг зерна. Во многих колхозах крестьяне получили по 300-600, а то и вовсе по 100-200 г зерна на трудодень^{4*}. В Ярославской области те, кто выработал 600 трудодней, получили за весь год только 50 рублей! В Республике немцев Поволжья и Саратовской области среди голодавших были семьи, заработавшие более 300-400 трудодней. В сводках НКВД рассказывалось о случае опухания от голода семьи ударника, заработавшего 800 трудодней (средняя выработка в 1937 году составляла 194 трудодня)⁵.

Многие крестьяне саботировали работу в колхозе. По официальным данным, в 1937 году более 10% колхозников не выработали ни одного трудодня, в 1938-м – 6,5%. 16% колхозников выработывали менее 50 трудодней в год.⁶

В конце зимы и весной 1937 года в целом ряде районов начался голод. «Ели кошек, собак, трупы павших, больных животных. Люди нищенствовали, пухли от голода, умирали. Зарегистрированы случаи самоубийства от голода... Наиболее тяжёлое положение сложилось на Волге. В 36 районах (Куйбышевской области) НКВД отмечал случаи употребления в пищу суррогатов, в 25 – опухания от голода, в 7 – зарегистрировано 40 случаев смерти от голода»⁷.

Чтобы не допустить повторения массового голода 1932-1933 годов, Политбюро с августа 1936 года резко сократило экспорт советского зерна, а с января-февраля 1937 года – прекратило его.⁸ Преодолеть

---

* По официальным же данным, средняя выдача зерна на трудодень составляла 4 кг. – История социалистической экономики СССР. Т. 5. С. 153.

продовольственный кризис в деревне помог и рекордный урожай 1937 года. Кризис миновал, но нужно было предъявить народу его «организаторов». Политбюро дало указания НКВД выявить и арестовать организаторов «контрреволюционной деятельности» в деревне. Осенью 1937 года прошла серия показательных судов. На скамье подсудимых оказались представители сельского руководства – секретари райкомов, председатели райисполкомов, сельских Советов, колхозов.

Главным источником самообеспечения крестьян оставались приусадебные хозяйства и рыночная торговля. Администрация колхозов ещё в годы 2-й пятилетки сдавала крестьянам общественные земли в аренду. За счёт этого расширялись приусадебные участки, стал процветать колхозный рынок. Во второй половине 30-х годов на его долю приходилась пятая часть товарооборота продовольствия. В Киеве, Иванове, например, крестьянский рынок обеспечивал более 60% мяса, треть картофеля, до 90% яиц. В Ростове-на-Дону, Краснодаре население покупало мясомолочные продукты, картофель, яйца исключительно на рынке. Даже в Москве, которая снабжалась гораздо лучше, рынок обеспечивал треть молока, более 15% мяса и картофеля⁹.

На майском пленуме ЦК ВКП(б) 1939 года с тревогой констатировалось, что крестьянские усадьбы приносят огромный доход – 15-20 тыс. руб. в год¹⁰. Было принято решение остановить «разбазаривание социалистической собственности». В соответствии с решением пленума 27 мая 1939 года вышло постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания». Согласно ему летом и осенью 1939 г. у колхозников проводились обмеры земель, и все излишки возвращались колхозам. «Из 8 млн га приусадебной земли было опрезано около 2 млн. Это повлекло за собой и сокращение скота в личном хозяйстве»¹¹. Фактором, дестабилизирующим сельскохозяйственное производство, были также массовые переселения крестьян для освоения восточных регионов, которые по решению Политбюро проводились на рубеже 30-40-х годов.

Чтобы уменьшить дефицит продовольствия в городе, в декабре 1939 года Политбюро отменило продажу муки, а затем и пшеничного хлеба в сельской местности¹².

Централизованное распределение товаров в стране подчинялось индустриальным приоритетам, то есть распределялось в пользу больших городов. Село получало менее трети рыночных фондов, в то время как сельское население составляло 70% населения страны¹³.

Если во 2-й пятилетке сельский житель получал от государства в среднем в 4,5 раза меньше товаров, чем горожанин, то в 3-й пятилетке этот разрыв увеличился до 5,2 раза¹⁴.

Уменьшились начисления на трудодни. Если в 1938 году колхозники получали на трудодень 1 кг 600 г зерна, то в 1939 году – в среднем 600 г¹⁵. И как следствие этого, в 1939 году около 600 тыс. трудоспособных колхозников не выходили на работу.

Всё это привело к тому, что осенью 1939 года ситуация с продовольствием обострилась вновь. «В апреле 1940 года Берия в донесении Сталину и Молотову информировал: «По сообщениям ряда УНКВД республик и областей за последнее время имеют место случаи заболевания отдельных колхозников и их семей по причине недоедания»... «Проведённой НКВД проверкой факты опухания на почве недоедания подтвердились»¹⁶.

На июльском пленуме ЦК ВКП(б) 1940 года Микоян в своём выступлении говорил о катастрофически низких

темпах заготовки хлеба: «В прошлом году на 25 день с начала уборки хлеба было заготовлено 283 млн пудов, в этом году — около 80 млн пудов. Хлеб, подлежащий сдаче государству, часто сдают самый худший, засоренный, заплесневевший»¹⁷. Отмечалось, что были случаи, когда хлеб старались сознательно испортить, лишь бы государство не приняло его, оставило.

Имея в арсенале решения проблем главным образом только административно-репрессивные меры, Сталин настаивал на ужесточении наказаний. В этой связи интересен диалог, состоявшийся между Сталиным и Хрущёвым на июльском пленуме.

Хрущёв: Трудовая дисциплина ещё не находится на той высоте, какая должна быть.

Сталин: Какая там высота? О чём вы говорите, когда люди отказываются работать, вовсе не выходят на работу... Мне, говоря, мало попадает на плуодень, я не хочу выходить на работу.

Хрущёв: За это надо судить...

Сталин: В концлагеря надо направлять. Труд — есть обязанность при социализме. За то, что рабочие опаздывают, мы их привлекаем к ответственности, а колхозник вовсе не выходит на работу, и никакого права на него нет¹⁸.

III

Борьба с очередями

Как уже отмечалось, государственная торговля подчинялась централизованному распределению. При распределении наиболее дефицитных продуктов, таких, например, как мясо и жиры, Российская Федерация получала более 80% рыночных фондов (при численности населения немногим более 60%), в то время как Средняя Азия вместе с Казахстаном, Закавказьем (около 15% населения) получала всего 1-2%¹.

Внутри республик приоритеты отдавались крупным промышленным городам. Москва, где проживало немногим более 2% населения страны, в 1939-1940 годах получала около 40% мяса и яиц, более четверти всех рыночных фондов жиров, сыра, шерстяных тканей, порядка 15% сахара, крупы, керосина, резиновой обуви, трикотажа. Фонды других товаров тоже не соответствовали доле столицы в общей численности населения страны и составляли порядка 7-10%. Москва и Ленинград «съедали» более половины всего рыночного фонда мяса, жиров и яиц.²

Всё это способствовало тому, что в крупные города хлынул поток покупателей со всей страны. О том, что творилось в магазинах Москвы, можно судить по следующим донесениям НКВД.

«Магазин «Ростекстильшвейпорга» (Кузнецкий мост). К 8 часам утра покупателей насчитывалось до 3500 человек. В момент открытия магазина в 8 час. 30 мин. насчитывалось 4000-4500 человек. Установленная в 8 часов утра очередь проходила внизу по Кузнецкому мосту, Неглинному проезду и оканчивалась наверху Пушечной улицы».

«Ленинградский универмаг. К 8 часам утра установилась очередь (тысяча человек), но нарядом милиции было поставлено 10 грузовых автомашин, с расчётом недопущения публики к магазину со стороны мостовой... К открытию очередь у магазина составляла 5 тыс. человек».

«Дзержинский универмаг. Скопление публики началось в 6 часов утра. Толпы располагались на ближайших улицах и автобусных остановках. К 9 часам в очереди находилось около 8 тыс. человек»³.

«В ночь с 13 на 14 апреля общее количество покупателей у магазинов ко времени их открытия составляло 33 тыс. человек. В ночь с 16 на 17 апреля 43 800 человек»⁴.

В апреле 1939 г. было принято постановление «О борьбе с очередями за промптоварами в магазинах г. Москвы». 1 мая вышло аналогичное постановление в отношении Ленинграда. 17 января 1940 г. появилось постановление СНК СССР «О борьбе с очередями за продовольственными товарами в Москве и Ленинграде». Весной и летом того же года Политбюро распространило его на длинный список городов Российской Федерации и других союзных республик.⁵

Главными методами борьбы с очередями были репрессивные. Милиция получила разрешение за нарушение «паспортного режима» «изымать» приезжих из очередей и выдвигать их за черту города, а также на вокзалы, где

для них формировались специальные составы. Устанавливались штрафы и уголовные наказания для тех, кто превышал нормы покупки.

Кроме того, Политбюро пошло ещё дальше. Оно вообще запретило очереди. Очередь могла стоять только внутри магазина и только в часы его работы. Стояние в очереди до открытия и после закрытия каралось штрафом. НКВД регулярно докладывал Политбюро и СНК о том, сколько людей и каким санкциям подвергнуто за нарушение этих постановлений. Но люди приспосабливались и к этой ситуации. Они прятались в подъездах близлежащих домов, в парках, толпились на трамвайных остановках недалеко от магазинов.

Из донесений НКВД: «На остановке толпится 100-150 чел. За углом же — тысячная толпа, мешающая трамвайному движению, ввиду чего милиционеры выстроились шпалерами вдоль трамвайных путей. Часов в 8 толпа у остановки, выросшая человек до 300, вдруг с криком бросилась к забору, являющемуся продолжением магазина, и стала там строиться в очередь»⁶.

Обходили люди и нормы продажи. Чтобы милиция не конфисковала и не вернула в магазин сверхнормативно приобретённый хлеб, его тут же ломали и крошили. Купленные крупы смешивали. Магазины не принимали повреждённый повар.

Таким образом, государство вынуждено было припугнуть колоссальные силы и средства на борьбу с последствиями дефицита, оставляя в стороне борьбу с его истинными причинами.

Смягчить дефицит на первоочередные продукты питания правительству стремилось локальными повышениями цен. В конце 1939 года государственная розничная цена на 1 кг сливочного масла составляла 15-20 руб., мяса — 7-10 руб., картофеля — 50 коп. Десяток яиц стоил 5-7 руб., молоко — 7-8 руб. за литр. С 24 января 1940 года были повышены цены на мясо, сахар и картофель, с апреля — на жиры, рыбу, овощи. В январе 1939 г. — на ткани, гоповое платье, белье, прикотаж, стеклянную посуду. В июне 1940 г. — на обувь и металлические изделия⁷. Цены на товары наибольшего спроса — хлеб, муку, крупу, макароны — оставались без изменения. СНК, пытаясь ограничить покупательский спрос на них, сократил «нормы продажи товаров в одни руки». В апреле 1940 г. они были уменьшены в 2-4 раза и вновь сокращены в октябре⁸.

Что касается заработной платы, то о её размерах и разрывах свидетельствуют следующие данные (сама статистика зарплаты перестала публиковаться в СССР в 1934 году). В 1937 году минимум заработной платы был повышен до 110 руб. В то же время согласно установленной тарифной сетке директора предприятий общественного питания получали от 500 до 1200 руб.⁹ В 1940 году средняя зарплата рабочего составляла 324 руб., а инженера — 696 руб. в месяц¹⁰.

О более конкретных размерах дифференциации заработной платы и социальных льгот на промышленных предприятиях говорилось в статье «О советской жизни», опубликованной в «Бюллетене оппозиции». В этой статье, написанной иностранным рабочим, много лет проработавшим на советских заводах, рассказывалось, что ставка инженера составляет до 2000 руб. в месяц, тогда как ставка слесаря — 400 руб., а неквалифицированного рабочего — 150 руб. Помимо основной ставки ответственный работник нередко имеет до 1500 руб. в месяц побочного дохода в виде премий, наград, сверхурочных и т. д.

Рабочий имеет право на социальное страхование в случае болезни в полном размере, если он проработал два года на одном и том же заводе, тогда как инженер обладает таким правом с момента поступления на завод. При этом медикаменты рабочий должен оплачивать сам. Чтобы удержать рабочих на предприятии, мастера прибегают к широкому распространению фиктивных смет, приписок, премий и т. п.¹¹

Что же касается руководителей предприятий и ведущих специалистов, то за счёт премий они получали намного больше своего официального заработка. Так, директор, чьё предприятие перевыполнило план, получал прибавку в виде премии, составляющую 70-230% основной заработной платы.

Помимо этого существовал директорский фонд, на который поступало свыше 50% доходов предприятия. Средства этого фонда официально должны были направляться на создание и эксплуатацию социальной инфраструктуры предприятия – жилья, детских садов, клубов и т. д. Между тем средства из этого фонда, как указывалось в печати, нередко попросту делились между директором, секретарём парткома и другими представителями заводской бюрократии. Получение таких доходов представляло результат всё возрастающей коррупции^{12*}.

Зарботки некоторых писателей и композиторов были неизмеримо выше даже доходов правящей элиты. Так, совокупные гонорары драматурга Погодина составили в 1939 году 732 тыс. руб., Тренева – 235 тыс. руб., тогда как ежегодный оклад начальника управления агитации и пропаганды ЦК КПСС составил в том же году примерно 27 тыс. руб.¹³

---

* Для сравнения напомним: в 20-е годы директор завода получал 187,9 руб., если он был членом партии, и 309,5 руб., если был беспартийным. До первого пятилетнего плана ни одному члену партии не разрешалось зарабатывать больше квалифицированного рабочего. Средний годовой заработок чернорабочего составлял в 1926-1927 гг. 465 довоенных рублей, разрешённый для специалистов максимум – 1811 руб. Помимо буржуазии, нэпманов и кулаков этот максимум получали всего 0,3% работающих, а их заработок составлял лишь 1% национального дохода (ЭКО. 1989. № 5. С. 128).

IV

Неравенство растёт

В условиях острого кризиса снабжения партийное и советское руководство на местах пыталось восстановить сеть закрытых распределителей, аналогичных тем, которые существовали в период карточной системы 1928-1935 годов. Эта система снабжения получила такое широкое развитие, что Политбюро специальным решением потребовало ликвидации закрытых распределителей для местной номенклатуры (сохранив их, разумеется, для номенклатуры высших рангов). «Наше Правительство (судя по контексту, под «правительством» здесь имелись в виду органы власти вообще. — В. Р.) себя обеспечивает больше, чем того требует хорошая жизнь, — писал Зайченко из Казани Молопову. — К 1 мая в Областкомполучили в своих закрытых распределителях (т. е. у них нет официально закрытых распределителей, но они превратили буфеты в закрытые распределители и великолепно снабжаются) всё, что ни пожелаешь: твою душу, и кур, и консервы, и колбасы, и икры, печенье, пирожные и конфеты. В автомобилях развозили всё по домам. Одним словом, всё, о чём мы забыли даже думать... Даже в колхозах стали говорить, что «попал в депутаты и брюха стал расти»... Каждый снабжается по возможности»¹.

На протяжении всех 30-х годов сохранялась система закрытой торговли и общественного питания для работников НКВД, рабочих и служащих, занятых на строительстве промышленных объектов и в отраслях, добывающих стратегическое сырьё. Постановлением ЦК и СНК от 29 мая 1939 года была создана закрытая система военторгов для обслуживания командного состава армии и флота, а также рабочих и служащих военных строек. Для военных расширилась система льгот по налогам и сборам, в социальном страховании, обеспечении жильём, медицинском обслуживании, образовании. Постановление ЦК и СНК от 17 декабря 1939 года ввело закрытую торговлю для рабочих и служащих железнодорожного транспорта².

Сохраняла своё привилегированное положение культурная и научная элита. Никакая другая страна не могла сравниться с СССР по обилию рангов, званий и орденов. Внутри каждой большой социальной группы возникала глубокая дифференциация, связанная с различиями в доходе, образе жизни, престиже и социальном сознании.

Реформирование условий наследования на протяжении 30-40-х годов привело к тому, что высокие оклады и премии не только обеспечивали их владельцам неизмеримо лучшие условия жизни, но и вели к образованию капитала и передаче его по наследству.

За псевдофразами о всеобщем равенстве в стране нарастало неравенство. Выделился слой, у которого были дополнительные возможности обеспечить себе высокие жизненные стандарты за счёт более высокой по сравнению с другими группами населения зарплаты, различных государственных дотаций на питание в столовых, отдых в санаториях, оплату квартир, транспорт и т. д. Расширилось строительство специальных номенклатурных жилых домов, санаториев, домов отдыха и дач.

Закрытые распределители, организованные для советской элиты, усугубляли, как уже отмечалось, поварный дефицит для остальной части населения. Они поглощали львиную долю поваров и продовольствия, выделяемых для региона или города. Кроме того, в них превышались нормы отпуска в одни руки, установленные СНК для открытой торговли. Так, например, в Тамбовской области руководящие работники обкома и облисполкома могли покупать в месяц продуктов на сумму от 250 до 1000 рублей на каждого. В Сталинабаде ответственный работник через закрытый распределитель получал шерстяных тканей на сумму 342 руб., в то время как «простой» горожанин в открытой торговле – на 1 рубль³. Люди, имевшие доступ в закрытые распределители, могли покупать товары в любое время, в любом ассортименте и по ценам ниже, чем в открытой торговле.

По всей стране существовала сеть социально-бытовых учреждений, способствовавших обособлению привилегированных слоёв от народа: клубов для директоров предприятий, для директорских жён, для немногочисленных тогда владельцев личных автомашин, пошивочных мастерских и т. д. Обобщая социальные процессы, которые развёртывались в СССР в конце 30-х годов, Троцкий писал: «Тенденция к социальному равенству, возвещённая революцией, расплывана и поругана. Надежды масс обмануты. В СССР есть 12-15 миллионов привилегированного населения, которое сосредоточивает в своих руках около половины национального дохода и называет этот режим «социализмом». Но, кроме этого, в стране есть около 160 миллионов, которые задушены бюрократией и не выходят из пискных нужд»⁴.

Дефицит поваров породил крупномасштабную волну спекуляции. Во второй половине 30-х годов она приобрела «организованный», групповой характер. Одним из основных каналов поступления поваров на спекулятивный рынок была государственная торговля. Подпольными миллионерами становились не предприниматели-производители, а государственные торговые работники, директора, заведующие отделами больших магазинов⁵.

Из донесения агента НКВД, работавшего в госторговле: «Большое количество торговых работников занимаются систематическими организованными хищениями и не только не наказываются, а, наоборот, считаются почётными людьми. Их пример заразителен для многих других, и постепенно хищения входят в традицию, в быт, как нечто неотъемлемое от торгового работника. Большинство окружающих склонно смотреть как на «нормальное» явление, что торговые работники обязательно должны быть крупными ворами, купилами, что они должны иметь ценности, постоянно их приобретать, строить себе дачи, иметь любовниц и т. д. К сожалению, многие на крупных воров – торговых работников смотрят так же либерально, как в своё время смотрели на инпендантов-казнокрадцев»⁶.

Выявленные хищения и расприкрытия в госторговле за первую половину 1940 года в рамках всей страны достигли 200 млн рублей (не меньшие суммы расхищались за счёт обвешивания, обмеривания, наценки и других способов,

которые, как говорилось в записке НКВД, учёту не поддаются)^{7*}.

Материальное положение подпольных миллионеров, позволявших себе в месяц тратить по 10-15 тыс. руб., покупать дома за 100 тыс. руб., легковые автомобили, предметы антиквариата и другие ценности и предметы роскоши, не уступало обеспечению высшей политической элиты страны. Вместе с тем шло сращивание государственной власти и подпольного капитала. По данным одного из донесений НКВД, торговые работники находились под покровительством руководителей советских, партийных и судебно-следственных органов, которые получали от «торгашей» взятки, дефицитные товары и продукты.⁸

---

* Товарооборот государственной торговли за весь 1940 год составил 128,1 млрд руб. (в ценах соответствующих лет). Весь розничный товарооборот, включая кооперативную торговлю и колхозные рынки, составлял 204,2 млрд руб. (Советская торговля. Статистический сборник. М. Госспатиздат, 1956. С. 24).

V

Недовольство народа

Одним из ценных источников, характеризующих кризис снабжения в городах, является собранная в партийно-государственных архивах подборка писем трудящихся в высшие органы власти, в том числе Сталину и другим «вождям». В этих письмах рисуется не только невыносимое положение советских людей, но и их растущее недовольство своим положением. Характерно, что из 18 писем в подборке, опубликованной в журнале «Вопросы истории», всего два анонимных, что свидетельствует о смелости их авторов в описании обостряющихся социальных конфликтов.

Судя по письмам из разных городов, рыночные цены на мясо составляли 20-60 руб. за килограмм, на масло — 75-90 руб. за килограмм, на картофель — 5-8 руб. за килограмм, на яйца — 15-35 руб. за десяток, на пшеничную муку — 80-85 руб. за пуд. «При такой цене на хлеб, — подчёркивалось в письмах, — вся заработная плата уходит на покупку хлеба; ведь, если купить 1 кило картофеля на 1 день, то в месяц выйдет до 150 руб. только на картофель, по одной шпуре на человека (при семье из пяти человек. — В. Р.), а на что покупать остальное?.. В чём виноваты наши дети, что они не видят ни булки, ни сладкое, ни жиров, даже грудные дети не имеют манной каши»¹.

Н. С. Неугасов писал в Наркомпорт СССР: «Город Алапаевск Свердловской области переживает кризис в хлебном и мучном снабжении, небывалый в истории. Люди, дети мёрзнут в очередях с вечера и до утра в 40-градусные морозы за 2 или 4 килограмма хлеба»². «Если продукты имеются в магазине по твёрдой цене, — писал Т. Макаренко из Севастополя Сталину, — то не достать работающему, так как здесь давка и один ужас делается, драки. Какое озверение человека... В одном из магазинов за то, что рабочий хотел достать колбасы, его задавили самым настоящим образом... Очереди создают с вечера, и на 6 часов утра очередь принимает колоссальные размеры»³.

Во многих письмах рисуются страшные картины таких эксцессов, которые возникали в очередях.

Член ВКП(б) Игнатьева писала в ЦК ВКП(б): «В Сталинграде в 2 часа ночи занимают очереди за хлебом, в 5-6 часов утра в очереди у магазинов — 500-700-1000 человек... На рынке у нас творится что-то ужасное... Мы не видели за всю зиму в магазинах Сталинграда мяса, капусты, картофеля, моркови, свёклы, лука и других овощей, молока по государственной цене... Спирать нечем и детей мыть нечем. Вошь одолевает, запаршивели все. Если в городе у нас, на поселке что появится в магазине, то там всю ночь дежурят на холоде, на ветру матери с детьми на руках, мужчины, старики по 6-7 тысяч человек... Одним словом, люди точно с ума сошли. Знаете, поварищи, спрашно видеть безумные, остервенелые лица, лезущие друг на друга в свалке за чем-нибудь в магазине, и уже нередки у нас случаи избияния и душения насмерть»⁴. Игнатьева рекомендовала «вождям» «поинтересоваться, чем кормят рабочих в столовых, то, что раньше давали свиньям, дают нам»⁵.

Домохозяйка Н. Е. Клементьева писала из Нижнего Тагила Сталину: «Все магазины пусты, за исключением в

небольшом количестве селедки, изредка если появится колбаса, то в драку. Иногда до того давка в магазине, что выносят людей в бессознательности. Иосиф Виссарионович, что-то прямо страшное началось. Хлеба, и то, надо идти в 2 часа ночи стоять до 6 утра и получишь 2 кг ржаного хлеба, белого достать очень трудно»⁶.

«Вот уже больше месяца в Нижнем Тагиле, — писал секретарю ЦК Андрееву член партии, работник газеты «Тагильский рабочий» С. Мелентьев, — у всех хлебных магазинов массовые очереди (до 500 и больше человек скапливается к моменту открытия магазинов). Завезённый с ночи хлеб распродается в течение 2-3 часов, а люди продолжают стоять в очереди, дожидаясь вечернего завоза. И так некоторые покупатели стоят с 4-5 утра до 6-7 вечера в очереди и только после этого могут купить два килограмма хлеба... В магазинах, кроме кофе, ничего больше не купить, а за всеми остальными видами продуктов массовые очереди. Ежедневно в магазинах ломают двери, бьют стёкла, просто кошмар»⁷.

Из того же Нижнего Тагила учитель И. Н. Фролов, член ВКП(б) с 1924 года, писал: «За последнее время, особенно с декабря 1939 г. ... у нас на Урале происходят ежедневные перебои с хлебом, вызывающие большое недовольство среди населения... Бывая ежедневно в очередях, слышишь от населения такие слова: «Неужели не знает наше правительство, как мучается народ, простаивая по многу часов ежедневно в очередях за хлебом?» Фролов обращал внимание и на то, что дефицит продуктов первой необходимости и гигантские очереди «создали огромную непроизводительную армию. Каждая семья, чтобы не остаться голодной, старается занять «домашнего завхоза» (т. е. неработающего человека, имеющего возможность простаивать долгие часы в очередях. — В. Р.), которых по одному Тагилу — не одна тысяча, а производство ощущает крайний недостаток в рабочей силе»⁸.

Рабочий Алапаевского металлургического завода Свердловской области С. В. Ставров писал в ЦК ВКП(б), что с первой декады декабря 1939 года «мы хлеб покупаем в очереди, в которой приходится стоять почти 12 часов. Очередь занимается с 1-2 часов ночи, а иногда и с вечера... В январе был холод на 50 градусов... Лучше иметь карточную систему, чем так колеть в очереди»⁹. Предложения о возвращении к карточной системе на продукты питания с целью ликвидации гигантских очередей встречаются и в других письмах.

Даже в Москве, как отмечал в письме Молотову С. Абуладзе, «снова очереди до ночи за жирами, пропал картофель, совсем нет рыбы... Что касается ширпотреба, то в бесконечных очередях стоят всё больше неработающие люди... Очереди развивают в людях самые плохие качества: зависть, злобу, грубость и изматывают людям всю душу»¹⁰.

В некоторых городах к страданиям людей, мнущихся в очередях, добавились издевательства со стороны милиции. Так, в Казани милиция не только разгоняла очереди или штрафовала на 25 руб. стоявших в них, но и выславывала из них людей, сажала десятками в грузовик и увозила километров за 30-40, где высаживала¹¹.

Возмущение людей бесконечными дефицитами и очередями усугублялось, когда они наблюдали открытое и наглое самоснабжение бюрократии, в том числе работников правоохранительных органов. «22 октября стояли в очереди рабочие, служащие, ожидая в раймаге промповары, — писал С. Д. Богданов из Ферганы наркомму пищевой промышленности. — После чего приходил начальник милиции, начальник уголовного розыска, прокурор, судья,

набрали самых ценных поваров и ушли. После чего народ заволновался, народ заговорил, что нет правды и нигде нельзя добиться»¹².

Описывая обстановку в своём городе, рабочие артели «Наша техника» писали в ЦК ВКП(б): «То, что в настоящее время делается в гор. Туле — это даже ужасно думать об этом, не то, что говорить об этом». В творящихся безобразиях они винили «жирных свиней» — тульских областных руководителей¹³.

Некоторых людей обстановка жалкого, полуголодного существования повергала в безысходное отчаяние, ведущее к суицидным и ещё более страшным мыслям. «Я настолько уже опочала, что не знаю, что будет дальше со мной... — писала Клементьева Сталину. — Толкает уже на плохое. Тяжело смотреть на голодного ребенка... От многих матерей приходится слышать, что ребята хоят губить. Говорят — заплю пещку, закрою трубу, пусть уснут и не встанут. Кормить совершенно нечем. Я тоже уже думаю об этом»¹⁴.

Другие открыто, не страшась, выражали в письмах свой гнев и задавали вождам нелицеприятные вопросы. «Спрашивается, почему гражданин Бастынчук... не может в течение четырёх лет купить хотя бы метр сипца или шерстяного материала?» — писал рабочий автозавода из Горького Г. С. Бастынчук Сталину, указывая на одну из причин такого чудовищного дефицита: «Преступный мир сплелся с торгующими элементами, и хоя «скрыто», но зато свободно — безучётно, разбазаривают всё, что только попадает в их распоряжение для свободной торговли. И на этой преступной спекуляции — устраивают для себя все блага жизни»¹⁵.

Характеризуя положение населения в своём городе, Зайченко писал Молотову: «Я хочу вам описать то кошмарное положение, которое имелось и имеется у нас в Казани... Почему у нас страшный голод и истощение? Почему такое хулиганство на улицах, среди подростков бандитизм, милиция для них ничто? Почему говорят о достижениях и всеми силами скрывают, что у нас творится? Почему народ озлобляется?.. Выдумаете, что это ложь, что это всё не так. Да и как Вам не думать так, когда сам Динмухамедов Г. А. (председатель Президиума Верховного Совета Татарской АССР в 1938-1951 гг. — В. Р.) расписал всё так красиво и поэтично, только, как ему не стыдно так говорить, уже лучше бы он молчал о «благополучии рабочих и интеллигенции», о том, что у нас больше нет нищеты и голода. Какое же чувство вызывают эти строки у трудящихся Казани? — Гнев, краску стыда за ложь и никакого доверия к своим депутатам»¹⁶.

У очень многих людей возникало недоумение и раздражение несоответствием между действительностью и обещаниями, которые давались «вождями» народу на протяжении многих лет. Ученик 9-го класса из Гомельской области Б. И. Морозов писал Микояну: «Придя один раз из очереди за мануфактурой, мама начала обижаться, что нет мануфактуры, рассказывая, как много было её раньше... В конце разговора я сказал матери, что не дождемся мы и конца 2-й пятилетки, как будет у нас мануфактуры сколько хочешь. Но вот прошла 2-я пятилетка, началась третья, а мои предсказания не оправдались — мануфактуры не было и нет. Привезут её иногда — народ давится». Не по годам зрелый подросток приходил к серьёзным политическим выводам: «Мы ещё хотим победить в грядущих боях, когда столкнутся две системы — капиталистическая и социалистическая. Нет, при таких порядках и при таких достижениях никогда нам не победить, никогда нам не построить коммунизм!»¹⁷

Ещё острее ставился вопрос в анонимном письме, направленном в Наркомторг СССР «Мы имеем к советской

стране большой счёт, — писал автор. — Как раньше ни угнетали рабочего и крестьянина, но хлеб он имел. Теперь в молодой советской стране, которая богата хлебом, чтобы люди умирали от голода?.. Надо давать хлеб немцам, но раньше нужно накормить свой народ, чтобы он не голодал, чтобы, если на нас нападут, мы могли дать отпор»¹⁸.

Из сводки НКВД, «Что это за жизнь! Если был бы Троцкий, то он руководил бы лучше Сталина (за этим высказыванием следует пометка НКВД — «разрабатывается»).

«Рано или поздно, а Сталину всё равно не жить. Против него много людей». «Сталин много людей уморил голодом»¹⁹.

В ряде писем содержались серьёзные предупреждения «вождям», что сохранение существующего положения чревато взрывом народного возмущения. «Нет ничего страшнее голода для человека, — писала В. Игнатьева в ЦК ВКП(б). — Этот смертельный страх потрясает сознание, лишает рассудка, и вот на этой почве такое большое недовольство. И везде, в семье, на работе, говоря об одном: об очередях, о недостатках. Глубоко вздыхают, стонут, а те семьи, где заработок 150-200 руб. при пятерых едоках, буквально голодают — пухнут... Меры надо принимать немедленно и самые решительные, пока ещё народ не взорвался»²⁰.

В анонимном письме, направленном Молотову из города Орджоникидзеград Орловской области, говорилось, что город вот уже четвёртый месяц находится без топлива и без света, в домах используют первобытное освещение — лучину. «У рабочих настроение повстанческое, — подчёркивал автор письма. — Тов. Молотов, рабочие могут терпеть, но терпение скоро может лопнуть»²¹. Ещё в сентябре 1939 года нарком торговли А. В. Любимов поставил перед Политбюро вопрос о необходимости введения карточной системы. По существу, он призывал узаконить лишь то, что стихийно уже сложилось в стране. Однако Молотов 17 сентября, выступая по радио, заявил, что «страна обеспечена всем необходимым и может обойтись без карточной системы в снабжении»²².

Ответственность за сложившийся в стране кризис снабжения и острый поварный дефицит была возложена на местные партийные, советские и хозяйственные органы. Именно поэтому Политбюро отказалось узаконить закрытые распределители для местной номенклатуры. Перед войной Политбюро усилило централизацию и контроль за деятельностью местных органов власти. 4 мая 1941 г. Политбюро приняло решение о назначении Сталина председателем СНК СССР. 6 мая это назначение было оформлено указом Президиума Верховного Совета²³. Таким образом, Сталин возглавил оба центральных органа власти.

Для обеспечения оперативного руководства в составе СНК СССР было создано Бюро, увеличилось число заместителей председателя СНК СССР, с тем чтобы каждый заместитель наблюдал за работой не более 2-3 наркоматов. Были ликвидированы хозяйственные советы при СНК СССР как посредническое звено между ним и наркоматами, создан Наркомат государственного контроля, изменён характер деятельности Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). Её единственной обязанностью стала проверка исполнения решений руководства страны партийными, советскими и хозяйственными органами на местах. Было проведено разукрупнение наркоматов и партийно-советских органов, с тем чтобы под их контролем находилось меньшее число предприятий и территорий²⁴.

VI

Карательные меры

по ужесточению трудовой дисциплины

Бессилие власти перед экономическим кризисом породило очередное насилие, целью которого было вернуть людей из очередей на производство, заставить работать и подавить растущее недовольство.

За две последние недели 1938 года было принято два постановления ЦК, СНК и ВЦСПС, направленные на ограничение трудовых и социальных прав рабочих и служащих. Принятию этих постановлений предшествовала шумная пропагандистская кампания, требующая применения суровых мер по отношению к «рвачам, перебегающим с места на место в погоне за длинным рублём». Начиная с 14 декабря в «Правде» и других газетах стали появляться статьи спахановцев, мастеров, директоров предприятий, повествующие об обилии в стране лодырей, прогульщиков и «лепунов». Во многих статьях приводились примеры огромной текучести рабочих, составляющей на некоторых предприятиях 50 и более процентов в год от их общей численности.

Для того чтобы затруднить рабочим переход с одного предприятия на другое, 20 декабря было принято постановление СНК «О введении трудовых книжек», согласно которому администрация предприятий и учреждений должна была принимать на работу рабочих и служащих только при предъявлении трудовой книжки, где записывались сведения о переходе работника с одного предприятия (учреждения) на другое.¹

Идею трудовых книжек Сталин заимствовал у Гиплера, который ввёл их ещё в 1934 году. Разница между немецкими и советскими трудовыми книжками состояла в том, что в последних указывалась причина ухода рабочего с предприятия, что нередко затрудняло приём на другую работу.

28 декабря было принято постановление СНК, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле». В постановлении указывалось, что для лодырей, прогульщиков и «рвачей, обманывающих государство», увольнение с предприятий за нарушение трудовой дисциплины «не является сколько-нибудь действенным наказанием, так как в большинстве случаев они немедленно устраиваются на работу на других предприятиях». Постановление устанавливало, что за «неприятные мер по укреплению трудовой дисциплины руководители предприятий, учреждений, цехов, отделов должны привлекаться к ответственности, вплоть до снятия с работы и предания суду»². Тем же постановлением вводилась ещё одна карательная мера — увольнение с работы за четыре опоздания в течение двух месяцев. При этом к опозданиям приравнивались задержки в заводских столовых. Учитывая, что обеденные перерывы были сокращены с 45 минут до 20-30, а из-за плохо налаженной работы в столовой нередко выстраивались длинные очереди, рабочие просто не успевали пообедать в столь короткий срок.

Изменению практики социального страхования также предшествовала пропагандистская кампания, в ходе которой указывалось, что «в соцстрахе деньгами бросаются направо и налево», а бюллетени по болезни «порой врачами выдаются бесконтрольно»³. Во многих статьях выдвигалось требование урезать право женщин – работниц и служащих на декретный отпуск в размере 56 дней до родов и столько же дней после родов. «Письма трудящихся», помещённые в «Правде», уверяли, что «закон об отпусках по беременности утверждался много лет назад» (! – В. Р.) и «устарел»⁴. Между тем указанный размер декретного отпуска был установлен в 1936 году. «Обновление» закона выразилось в том, что декретный отпуск был сведён к 35 дням до родов и 28 дням после родов.

Пособие по болезни также было урезано. Оно выдавалось только тем, кто более 6 лет проработал на одном предприятии. Проработавшим от 3 до 6 лет оно выплачивалось в размере 80% от средней зарплаты, от 2 до 3 лет – в размере 60% и до 2 лет – в размере 50%. При этом работники, не являвшиеся членами профсоюза, получали пособие в половинном размере от этих норм.

Путёвки в дома отдыха разрешалось предоставлять только тем, кто проработал на данном предприятии не менее двух лет. При этом не учитывалось даже то, что многие предприятия были построены в последние годы, и поэтому у рабочих и служащих не было никакой «вины» за малый стаж работы на них.

Однако все эти меры практически ничего не дали для снижения текучести кадров, которая по-прежнему оставалась бичом советской промышленности. Мизерная оплата труда и тяжёлые условия на производстве и в быту по-прежнему заставляли рабочих переходить с одного завода на другой в поисках более высокой зарплаты, лучших жилищных условий и т. д. Рабочие нередко саботировали постановление о трудовых книжках, а администрация предприятий в условиях повсеместного большого спроса на рабочую силу принимала людей на работу без предъявления трудовых книжек. Как сообщалось в «Правде», «на металлургических заводах лежат сотни трудовых книжек, не потребованных рабочими, ушедшими с производства. Всякими обходными путями прогульщики умудрялись устраиваться на других заводах, получая там новые трудовые книжки»⁵. Например, за полтора года с завода «Манометр» было уволено за прогулы и ушло по собственному желанию 2253 человека (при штатном расписании в 2500 человек)⁶.

Обнаружилось, что рабочие научились даже использовать меры, установленные в декабре 1938 года, для того, чтобы уходить с предприятия. На пленуме ВЦСПС Шверник жаловался, что рабочие «умышленно опаздывают на работу свыше 20 минут и на этом основании требуют увольнения с работы». Ещё более анекдотичным был рассказ директора московской обувной фабрики «Парижская коммуна» Рипмана о случае, когда к нему зашёл жестяник Капустин и стал возмущаться тем, что его не увольняют за кражу. «Оказалось, что этот Капустин пытался унести четыре пары подошв, но был задержан. Хорошо разбираясь в тонкостях уголовного законодательства, он украл ровно столько, чтобы не попасть со своим мелким делом в народный суд, а отделаться решением поварищеского суда и одновременно улизнуть с фабрики»⁷.

Зная об огромном множестве подобных фактов, сталинская клика не пошла по пути улучшения условий и охраны труда, работы заводских столовых и городского общественного транспорта, снабжения предприятий

сырьём и полуфабрикатами, уменьшения простоев, в том числе из-за отсутствия работы и плохого ремонта оборудования. Вместо этого она прибегла к привычным административно-полицейским мерам, введению уголовного наказания за многие виды проступков на производстве.

Вопрос о резком ужесточении трудового законодательства был поднят 19 июня 1940 г. Сталиным в кругу своего ближайшего окружения. Как явствует из дневниковых записей В. А. Малышева, Сталин поставил здесь вопрос о введении жёстких репрессивных мер по борьбе с текучестью. «После довольно жарких споров тов. Сталин предложил издать закон о запрещении самовольных переходов рабочих и служащих с предприятия на предприятие, добавив: «А тех, кто будет нарушать этот закон, надо сажать в тюрьму».

В той же беседе Сталин предложил ввести 8-часовой рабочий день и аргументировал это следующим образом: «Наши профсоюзы развратили рабочих. Это не школа коммунизма, а школа рвачей. Профсоюзы направляют рабочих против руководителей и поощряют рваческим, иждивенческим тенденциям. Почему рабочие в капиталистических странах могут работать на капиталистов по 10-12 часов (рабочего дня такой продолжительности давно не существовало в развитых капиталистических странах. — В. Р.), а наши рабочие на своё родное государство должны работать 7 часов?.. Мы сделали большую ошибку, когда ввели 7-часовой рабочий день... Сейчас такое время, когда надо призвать рабочих на жертвы и ввести 8-часовой рабочий день без повышения оплаты»⁸. Предложения Сталина были официально выдвинуты 26 июня 1940 года в обращении ВЦСПС к рабочим и служащим. На следующий день был обнародован Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня «О переходе на 8-часовой рабочий день, на 7-дневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений».

Согласно этому Указу, принятому, как говорилось в его преамбуле, по «представлению ВЦСПС», во-первых, существенно увеличивалась продолжительность рабочего дня — с семи до восьми часов на предприятиях с семичасовым рабочим днём и с шести до восьми часов — для служащих учреждений. Вводилась 7-дневная рабочая неделя. В среднем рабочее время было увеличено на 33 часа в месяц⁹. Кроме того, в связи с переходом на 8-часовой рабочий день постановлением СНК были повышены нормы выработки и в то же время снижены расценки¹⁰.

Во-вторых, Указ запрещал самовольный уход с предприятий и учреждений, а также самовольный переход с одного предприятия или учреждения на другое. Рабочие и служащие, самовольно ушедшие с предприятий и учреждений, должны были предаваться суду и по приговору суда подвергаться тюремному заключению сроком от двух до четырёх месяцев.

В-третьих, за прогул без уважительной причины (а к нему приравнивалось, например, опоздание на работу на 20 минут, а также опоздание после обеда, посещение в рабочее время заводской поликлиники или больницы) рабочие и служащие карались не увольнением, как это было раньше, а исполнительно-трудовыми работами по месту работы на срок до 6 месяцев с удержанием до 25% заработной платы.

В-четвёртых, директора предприятий и руководители учреждений подлежали привлечению к судебной ответственности за уклонение от предания суду лиц, виновных в самовольном уходе с предприятий и в прогулах, а также за приём на работу «укрывающихся от закона лиц, самовольно ушедших с предприятий и учреждений». И

этом Указ «единодушно одобрялся» на повсеместно проходивших собраниях рабочих и служащих. Как сообщал в «Правде» известный фельетонист Рыбкин, на некоторых собраниях обнаружилось, что «в семье не без урода». В общем согласном хоре воодушевления (sic! – В. Р.) кое-где прорывается чуждый нам голос. Так, например, на одном предприятии выступала работница Михальченко. Она, видите ли, не согласна с новым порядком работы. Ее заявление было встречено громким смехом»¹¹.

О свирепости мер, применяемых к нарушителям Указа, свидетельствовали материалы, публикуемые в печати. Так, прокурор Московского района Ленинграда сообщал, что работница-станочница Ремизова осмелилась потребовать у администрации завода расчёт на основании того, что она «не согласна с условиями труда». За это Ремизова была приговорена к четырём месяцам тюрьмы и немедленно после судебного заседания была взята под стражу¹².

Уже в течение первого месяца после появления Указа от 26 июня на его основе было возбуждено 103 542 уголовных дела¹³. А за вторую половину 1940 г. за самовольный уход с предприятий и учреждений, прогулы и опоздания было осуждено более 2 млн 90 тыс. человек, из которых свыше 1,7 миллиона отбывали 6-месячный исправительно-трудовой срок по месту работы¹⁴.

О значении, которое придавалось этому Указу, свидетельствовал тот факт, что 24-31 июля 1940 года состоялся пленум ЦК, который рассмотрел вопрос о контроле за проведением в жизнь данного Указа – случай, беспрецедентный в истории партии. 23 июля на заседании Политбюро Сталин вновь резко крипиковал Шверника за «реформистскую» политику профсоюзов. «Разве не развращают профсоюзы рабочих, когда профсоюзные работники приходят и тушат в цеху свет в то время, когда рабочие хватают работать сверхурочно?!» – заявил он. На том же заседании Сталин поддержал предложение об удлинении рабочего дня для подростков в возрасте от 16 до 18 лет до 8 часов вместо 6 часов¹⁵.

На пленуме с докладом о контроле за проведением в жизнь Указа Президиума Верховного Совета выступил Маленков. Он констатировал, что Указ проводится в жизнь неудовлетворительно. На ряде заводов прогулы не только не снизились, но даже увеличились. На предприятиях Донбасса в среднем за сутки увольняется 357 человек. В результате за истекший месяц действия Указа удалось добиться лишь незначительного увеличения выпуска промышленной продукции¹⁶.

В докладе и прениях приводились факты, свидетельствующие о фактическом саботаже работниками Указа и использовании при этом различных уверток. В Законе, принятом в 1933 году, за мелкие кражи на производстве предусматривался не суд, а административное взыскание или увольнение с производства. Пользуясь этим, рабочие специально практикуют мелкие хищения, чтобы быть уволенными с предприятия. Так, рабочий Мипрофанов, украв 5 метров товара, заявил: «Я украл потому, что просил уволить, а меня не увольняют. Если вы меня не уволите, я украду ещё 20 метров»¹⁷. На текстильных фабриках участились случаи, когда работницы, уходя с фабрики, демонстративно показывают в проходной полметра взятой мануфактуры для того, чтобы это было замечено и их уволили за мелкую кражу¹⁸. На пленуме приводились примеры того, как рабочие переставали выполнять нормы, чтобы их уволили с завода.

В выступлении по этому вопросу Сталин говорил: «Наши директора – трепачи, болпают, и их хулиганы не уважают... Сейчас рабочий идёт на мелкое воровство, чтобы уйти с работы. Этого нигде в мире нет. Это возможно только у нас, потому что у нас нет безработицы. У нас нет страха потерять работу. Лодыри, летуны расшатывают дисциплину... Припока рабочей силы на предприятия из деревни сейчас нет... Надо добиться, чтобы дармоеды, сидящие в колхозах, ушли бы отсюда. Людей, живущих в деревне и мало работающих, много. Их надо отсюда выгнать. Они пойдут работать в промышленность»¹⁹.

По предложению Маленкова на июльском пленуме было принято решение издать новый указ, согласно которому рабочие и служащие, виновные в совершении мелких краж на предприятиях, не увольнялись бы, а карались по приговору суда тюремным заключением сроком на один год²⁰.

На пленуме критиковалась также «антигосударственная практика» руководителей предприятий, под которой понимались случаи, когда директора предприятий, начальники цехов и мастера «прибегали к укрывательству от суда летунов и прогульщиков», выдавая им увольнительные записки на 1-2 дня для отпуска по домашним обстоятельствам, для поездки на родину, для встречи и проводов родственников, заготовки дров и т. д.²¹ Приводились случаи, когда нарушителям трудовой дисциплины выдавались характеристики, свидетельствующие о том, что они являются передовиками производства.

Так, рабочий Мосляков получил хорошую характеристику, в которой было указано, что он «за весь период работы на станке перевыполнял нормы в 3 раза и в настоящее время является лучшим новатором в цехе». Эта характеристика была названа «преступным укрывательством летунов и прогульщиков», а Мехлис охарактеризовал её даже как протест против закона²².

Передача дел о прогулах и других нарушениях трудовой дисциплины в суды приводила к огромным потерям времени. Советская печать оказалась вынужденной публиковать сообщения, например, о том, что отданный под суд рабочий только на вызовы к следователю потерял четыре смены²³. Кроме того, Указ ставил своей задачей оказывать «воспитательное воздействие на рабочих». В соответствии с этим слушание дел по нему первоначально проводилось с соблюдением норм судопроизводства, при участии адвокатов, а судебные заседания нередко устраивались в цехах – в качестве «показательных процессов». Поэтому не случайно, что даже в самый разгар репрессивной кампании число дел, переданных в суд согласно Указу от 26 июня, стало существенно сокращаться. Так, в сентябре в Московской области к ответственности за прогулы было привлечено лиц на 53,4% меньше, чем в августе, в Смоленской области – на 41,2% меньше²⁴. Многие приговоры были отменены после разъяснения Верховного Суда СССР: «Рассмотрение дел о преступлениях, предусмотренных Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года, без надлежащей проверки обстоятельств дела может привести... к осуждению невиновного»²⁵.

Для более быстрого и эффективного наказания «летунов» в докладе Маленкова предлагалось ввести намного более упрощённую практику разбора их дел: прежде всего отказаться от процедуры предварительного следствия в отношении прогульщиков и «летунов», а прокурорам прекратить приём объяснений о причинах прогула. Особое раздражение участников пленума вызывало равноправное участие сторон при рассмотрении дел о нарушителях

трудоу дисциплины. «Часто состязание было в пользу прогульщика, — говорил Маленков, — адвокат забивал прокурора. Защитники часто играют ведущую роль»²⁶. Нарком юстиции Рычков каялся, что дал указание рассматривать дела о нарушителях трудовой дисциплины обязательно с участием прокурора и адвоката. «Этой директивой дали на заводах трибуну адвокатам для произнесения политически вредных речей»²⁷. Впоря ему, Кузнецов утверждал, что в большинстве своём среди адвокатов — «люди, которые раньше работали в органах суда и прокуратуры и по политическим мотивам были изгнаны оппуда. Они очень крепко злы против нас и стараются каждый судебный процесс сорвать»²⁸.

Особую «самокритику» на пленуме вызвало стремление, отраженное в Указе от 26 июня, — превратить «в воспитательных целях» суды над прогульщиками в показательные процессы, проводимые в цехах предприятий. «То, что эти дела рассматривали среди рабочих, это дискредитировало Указ», — прямо заявил Рычков²⁹. «Эти показательные процессы превратились в плохо организованные митинги, и они фактически дискредитировали этот Указ». А Маленков привёл пример того, как на Ярославском прядильно-ткацком комбинате был организован в присутствии 900 рабочих показательный процесс над работницей Климовой за её самовольный уход с предприятия. Во время суда Климова очень болезненно реагировала на задаваемые ей вопросы, всё время плакала. Это вызвало сочувствие к ней со стороны присутствовавших рабочих. Когда суд приговорил Климову к трёхмесячному заключению и её взяли под стражу, вслед за ней из зала суда двинулась толпа рабочих и работниц численностью в 300-400 человек, которая с возгласами возмущения решением суда проводила её до дверей тюрьмы³⁰.

Во исполнение решений пленума* 10 августа был принят новый Указ Верховного Совета СССР, который ужесточил ответственность за мелкие кражи на производстве, заменив увольнение годом тюремного заключения. Данный Указ был принят одновременно с Указом, упростившим процедуру судебных рассматриваний дел о нарушении трудовой дисциплины. Опные дела о прогулах и самовольном уходе с предприятий и учреждений должны были рассматриваться без участия адвокатов и народных заседателей.

Пятого августа была опубликована передовая «Правды» «Покровительство прогульщикам — преступление против государства», в которой осуждались «гнилые либералы» — руководители предприятий и работники судов, не проявляющие должной жестокости к рабочим, допускающим прогулы и опоздания на работу.

Указ об уголовной ответственности за мелкие хищения был опубликован в «Правде» 17 августа, а уже 22 августа в той же газете был опубликован обширный список рабочих, осуждённых на год тюремного заключения за кражу, например, двух метров сапина или двух дверных замков.

16 августа был принят новый Указ Президиума Верховного Совета, распространявший карательные меры и на работников сельского хозяйства — «О запрещении самовольного ухода с работы трактористов и комбайнеров, работающих в машинно-тракторных станциях». А спустя ещё три месяца Указом Президиума Верховного

---

* Пленум решил резолюцию в печати не публиковать, а разослать партийным, комсомольским и профсоюзным организациям (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 666. Л. 22).

Совета «О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий и учреждений в другие» была установлена уголовная ответственность не только за попытку покинуть предприятие, но и за отказ на требование перейти на другое предприятие.

Ужесточающие трудовое законодательство указы появились вплоть до конца 1940 года, распространяясь даже на несовершеннолетних. 26 сентября на заседании Политбюро обсуждался вопрос о трудовых резервах. В ходе этого обсуждения Сталин заявил: «Есть у нас закон, запрещающий самовольный уход с предприятий, но на этом законе долго не удержимся... Основа проекта о трудовых резервах состоит в том, что парня учат, одевают, обувают, его мобилизуют и потом он обязан 4 года работать там, где нам нужно»³¹.

Второго октября был принят Указ «О государственных трудовых резервах СССР», вводивший мобилизацию молодёжи в ремесленные училища и школы фабрично-заводского обучения. Совнаркому предоставлялось право ежегодно призывать от 800 тыс. до 1 млн. подростков мужского пола для обязательного профессионального обучения. Поскольку учащиеся 8-10 классов от призыва освобождались*, он коснулся почти исключительно детей из бедных семей.

28 декабря ещё одним Указом была введена уголовная ответственность учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища (школы) – вплоть до заключения в колонию сроком до года.

Уголовные меры предусматривались и по отношению к руководящему и инженерно-техническому составу предприятий. Для пресечения их усилий использовать товарно-денежные отношения и бартерные сделки на производстве 10 февраля 1940 года был принят Указ «О запрещении продажи, обмена и оппуска на сторону оборудования и материалов и об ответственности по суду за эти незаконные действия». Указом от 10 июля того же года была введена уголовная ответственность (от 5 до 8 лет тюрьмы) «за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями». При этом для директоров, главных инженеров и начальников отделов технического контроля выпуск брака приравнивался к вредительству.

Однако даже самые жестокие карательные меры не могли пресечь текучесть кадров и другие явления, лихорадящие советскую промышленность. В октябре 1940 года «Правда» сообщала, что на Сталинградском тракторном заводе в июле было принято 450, а уволено 246 рабочих, в августе – соответственно 372 и 339, в сентябре – 428 и 405³².

Решения об опозданиях, прогулах и п. п. утеряли на многих предприятиях всякую силу, поскольку в условиях

---

* Указом СНК от 2.X.40 г. была введена плата за обучение в 8-10 классах в размере 150-200 руб. в год, а для студентов вузов – 300-500 руб. в год. В преамбуле Указа было записано: «Учитывая возросший уровень материального благосостояния... СНК признал необходимым возложить часть расходов на обучение... на самих учащихся».

Поскольку уже в 1938 году 42,3% студентов вузов составляли выходцы из семей интеллигенции, этот Указ замедлил рост образовательного уровня рабочего класса и положил начало процессу самовоспроизводства интеллигенции.

кризиса снабжения люди простаивали в очередях по многу часов рабочего времени, чтобы приобрести самые необходимые товары, начиная с хлеба.

Комментируя новшества в советском трудовом и уголовном законодательстве, «Бюллетень оппозиции» в статье «Политика кнута» писал: «Если бы все изданные за последнее время в Советской России указы действительно точно выполнялись, то добрая половина граждан СССР сидела бы в тюрьме: за прогул – исправительно-трудовые работы; за самовольный уход с завода – тюрьма; за выпуск брака – тюрьма; за самую что ни на есть мелкую кражу на производстве – тюрьма»³³.

VII

Боеспособность армии перед войной

За три с половиной предвоенных года капиталовложения в развитие оборонной промышленности составили более 25% всех капиталовложений в промышленность, а темпы роста оборонной промышленности были в 3 раза выше, чем промышленности СССР в целом.¹ Накануне войны СССР по объёму машиностроения занял второе место в мире и первое в Европе.² В 1939 и 1940 годах среднегодовое производство основных видов оружия и боевой техники поднялось в 2-10 раз по сравнению с 1935-1937 годами.³

Однако планы оборонной промышленности и в эти годы не выполнялись, прежде всего из-за систематического невыполнения, начиная с 1937 года, планов выпуска чёрной металлургии.⁴ Поэтому производство тяжёлого оружия всё время отставало, несмотря на резкое снижение выпуска продукции гражданской автотехники (с 201,7 тыс. автомобилей в 1939 году до 145,4 тыс. в 1940 году, со 112,9 тыс. тракторов в 1939 году до 31,6 тыс. в 1940 году).⁵

По количественному производству основных видов оружия и боевой техники СССР в 1940 – первой половине 1941 года превзошёл Германию. Благоприятным для СССР было и количественное соотношение важнейших видов вооружений к началу Отечественной войны. В июне 1941 года у Германии имелось 5650 танков и штурмовых орудий, а у Советского Союза – свыше 20 тыс., боевых самолётов – соответственно 10 и 22 тыс.⁶ Это соотношение было сведено на нет к началу 1942 года в результате тяжких поражений Советской армии. Уже в первый день войны противнику удалось уничтожить около 1200 советских боевых самолётов, в том числе 900 – прямо на аэродромах. В первые недели войны немецкими войсками было захвачено огромное количество оружия и боеприпасов, сосредоточенных до войны на складах в западных районах страны. Все эти огромные потери во многом объяснялись тем, что в 1940-1941 годах аэродромы и военные склады размещались в непосредственной близости от границы. К декабрю 1941 года потери оружия и боеприпасов составили 75% всего их наличия к началу гитлеровской агрессии.⁷ По немецким данным, на 1 декабря 1941 г. число уничтоженных или захваченных советских танков составило 21 391, орудий – 32 541, самолётов – 17 332.⁸

Однако имела и другая сторона дела. Значительная часть советской военной техники по своим техническим и эксплуатационным данным уступала немецкой. Из огромного танкового парка на 22 июня 1941 года боеготовых машин было лишь около 30%.⁹

Промышленность крайне медленно перестраивалась на производство новых видов вооружений. В этом отношении благополучнее всего обстояло дело в артиллерийской промышленности: две трети образцов артиллерийских орудий, находившихся к началу войны в производстве, были созданы в 1938-1940 годах.¹⁰ Что же касается танковой промышленности, то она в 1940-1941 годах выполнила заказ на поставку танков новых образцов только на треть.¹¹ В западных военных округах к началу войны находилось всего 636 танков KB и 1225

танков Т-34, которые по своим боевым и эксплуатационным характеристикам во многом превосходили немецкие танки¹². Новые танки стали поступать в войска только со второй половины 1940 года, а танки Т-34 и КВ – лишь в апреле-мае 1941 года¹³.

Отставание СССР по всем видам боевой авиации выявилось уже в годы гражданской войны в Испании. К началу Отечественной войны современной авиационной техникой удалось перевооружить не более 21% авиационных частей, а примерно 75-80% от общего числа самолётов по своим летно-техническим данным уступали однопипным самолётам Германии¹⁴. На вооружении Красной Армии находилось лишь 2700 самолётов новейших марок¹⁵, а безнадежно устаревших машин – 16,7 тыс.¹⁶ Среди выпускаемых непосредственно перед войной самолётов преобладали машины старых образцов, уступающие немецким самолётам по боевым и такпическим свойствам¹⁷.

Из-за недостатков авиационной техники даже в мирное время в военно-воздушных силах крайне велика была аварийность. 12 апреля 1941 года Тимошенко и Жуков доложили Сталину, что ежегодно при авариях и катастрофах гибнут в среднем 600-900 самолётов. Только за неполный первый квартал 1941 года произошли 71 катастрофа и 156 аварий, при которых было разбито 138 самолётов и погиб 141 летчик¹⁸.

Лишь после поездки в Германию в 1940 году специальной комиссии для знакомства с немецкой авиационной промышленностью Сталин с изумлением узнал, что по производству самолётов немцы обгоняют СССР и в количественном отношении в Германии выпускалось ежедневно 70-80 самолётов, а в Советском Союзе – 26¹⁹.

К началу Отечественной войны самолёты старых пипов составляли 82,7% самолётного парка Красной Армии, а новые – 17,3%, причём лишь 10% летчиков успели пройти переобучение на этих самолётах²⁰. До 90% советского танкового парка были устаревшие лёгкие танки. Среднемесячные потери советских танков составляли 19% от находившихся на фронте²¹.

Крайнее отставание наблюдалось в области средств связи и информации. В своих мемуарах Хрущёв рассказывал, как однажды посол Германии в СССР Шуленбург увидел, что на советском радио передачи записываются стенографистками. Он в удивлении спросил Молотова: «Как? У вас стенографистки ведут запись?» и тут же осекся, поняв, что невольно выдал военные секреты Германии. Молотов доложил об этом разговоре Сталину. Лишь тогда кремлёвские «вожди» пришли к выводу, что у немцев, видимо, имеются технические средства записи. «Только после войны, – вспоминал в этой связи Хрущёв, – мы узнали, что существуют магнитофоны.. Немцы же имели ещё до войны магнитофоны.. По таким деталям фашисты позже судили о нашем военно-техническом уровне, нашей военной оснащённости, чувствовали нашу слабость, и это укрепляло их желание поскорее развязать войну»²².

При всём этом Сталин продолжал держать дело производства вооружений под своим единоличным контролем, не допуская к соответствующей информации даже своих «ближайших соратников». «Что же делалось в нашей стране по повышению боеспособности Красной Армии, улучшению вооружений, оснащению войск техникой? – писал о предвоенных годах Хрущёв. – Конкретно я почти ничего не знал, и мне неизвестно, что знали другие члены Политбюро»²³.

Некомпетентность Сталина в вопросах вооружений дорого обошлась советскому народу. «Постоянное вмешательство Сталина в вопросы выбора новых типов вооружений часто приводило к печальным последствиям, — пишет французский историк Н. Верп. — До конца 1941 г. в военной промышленности предпочтение отдавалось массовому производству морально устаревшей техники, «поставленной в план» много лет назад. В своих мемуарах военные руководители вспоминали, что Сталин отказал в поддержке, необходимой для производства ряда созданных лучшими конструкторами новых видов вооружений»²⁴. Более того: накануне войны были арестованы нарком вооружения Ванников и несколько ведущих конструкторов вооружений, а нарком авиационной промышленности М. М. Каганович, будучи обвинённым в шпионаже в пользу Англии, покончил жизнь самоубийством.

31 мая 1941 года авиационный конструктор, генерал-майор Филин был предан суду военного трибунала. Этим же приказом отстранялась от должности группа инженеров и летчиков-испытателей, работавших в НИИ ВВС. Постановлением Особого совещания от 13 февраля 1942 года А. И. Филин был приговорён к расстрелу²⁵.

VIII

Обезглавленная армия

Общая численность Вооружённых Сил СССР увеличилась с 1 сентября 1939 года по 22 июня 1941 года более чем в 2,8 раза и достигла 5374 тыс. человек¹. Ассигнования на оборону, составлявшие в 1939 году 25,6% государственного бюджета, в начале 1941 года выросли до 43,4%². Однако за этими внушительными цифрами крылись огромные слабости Красной Армии и постановки дела обороны СССР вообще. Это выражалось прежде всего в крайне низком уровне профессиональной подготовки командного состава РККА.

В начале 1941 года в армии и на флоте служило свыше 579 тыс. офицеров. Из них лишь 7,1% командно-начальствующего состава армии имели высшее военное образование, 55,9% – среднее, 24,6% – прошли различные ускоренные курсы, а 12,4% – не имели военного образования вообще³.

Конечно, определяющее влияние на все эти процессы оказали репрессии 1937-1938 годов. В предвоенные годы значительная часть уволенных из армии была восстановлена. Так, в 1937 году из армии было уволено 18 656 человек, среди которых арестованные составляли 4 474, а исключённые из партии «за связь с заговорщиками» – 11 104. Из первой категории в 1939-1941 годах было возвращено в армию 206 человек, из второй – 4 338 человек.

В 1938 году было уволено 16 362 человека, из них арестовано 5 032 человека и исключено из партии 3 580 человек. Из первой категории было восстановлено в армии 1 225, из второй – 2 864 человека⁴.

В 1939 году репрессии в армии резко пошли на убыль. В этом году было арестовано 73 армейских командира (из них восстановлено 26) и уволено «за связь с заговорщиками» – 284 (из них восстановлено 126)⁵.

Однако большинство потерь остались невосполнимыми. Особенно это касалось высшего начальствующего состава. Из 85 членов Военного Совета при наркомате обороны, образованного в 1935 году из числа наиболее опытных и авторитетных военачальников, были подвергнуты репрессиям 76 человек. Из них 68 человек были расстреляны, двое покончили жизнь самоубийством, один (В. К. Блюхер) умер во время следствия, один (Д. М. Галлер) скончался в лагере, трое вышли на свободу после смерти Сталина⁶. Особый удар по Красной Армии был нанесён расстрелом Тухачевского, которого Жуков называл «гигантом военной мысли, звездой первой величины в плеяде военных нашей Родины»⁷.

Оставшиеся на воле высшие военачальники (в особенности из числа бывших командиров 1-й Конной армии) оказались в большинстве своём несостоятельными, а выдвинутые в годы массовых репрессий – не обладали необходимыми военными знаниями и опытом.

Непригодность многих новых командиров к ведению современной войны выявилась во время войны с Финляндией. Одним из её итогов было снятие со своих постов многих военных командиров, а затем – и самого Ворошилова, признанного одним из главных виновников неудач в «зимней войне». Сталин, вплоть до 1937 года упорно отвергавший предложения группы Тухачевского об отстранении Ворошилова от руководства Красной

Армией, уже после первых серьёзных неудач в локальных сражениях на Дальнем Востоке пришёл к выводу о неспособности Ворошилова занимать пост наркома обороны. После освобождения Ворошилова от этой должности в мае 1940 года Ворошилов, по словам Хрущёва, «долгое время находился как бы на положении мальчика для битья»⁸.

«Козлами опущения» за неудачи финской войны Сталин сделал также командиров — участников гражданской войны, явно преувеличив их роль, поскольку их доля в командном составе после репрессий 1937-1938 годов была крайне незначительной. В заключительном слове на заседании Главного военного совета он заявил: «У нас есть в командном составе засилье участников гражданской войны, которые не могут дать хода молодым кадрам». Среди таких «молодых кадров», «новых людей», «мастеров, инженеров войны» Сталин назвал, в частности, выдвинутого в возрасте 24 лет на пост командующего военно-воздушными силами Рычагова⁹.

Однако в 1940 — первой половине 1941 года были арестованы около двадцати высших военачальников, выдвинувшихся в 1937-1939 годах, в том числе несколько активных участников гражданской войны в Испании. Среди них были заместитель наркома обороны генерал-лейтенант Рычагов; начальник управления противовоздушной обороны генерал-полковник Штерн; помощник начальника Генштаба по авиации генерал-лейтенант авиации Смушкевич; начальник Главного управления авиации дальнего действия генерал-лейтенант авиации Проскуров и др.¹⁰

Причины расправы с этими людьми носили разный характер. Так, Рычагов на заседании Военного совета, где речь шла о большой аварийности авиации, неожиданно бросил резкую реплику Сталину: «Аварийность и будет большая, потому что вы заставляете нас летать на гробах». Эта реплика вызвала сильное раздражение Сталина. Спустя короткое время, в самом начале войны Рычагов был арестован и исчез навсегда¹¹.

В начале 1941 года начальник Генерального штаба Мерецков в выступлении на совместном заседании Политбюро и Главного военного совета заявил, что война с Германией неизбежна и поэтому нужно переводить на военное положение армию и страну, укреплять западную границу. За это он был объявлен «паникером войны» и на этом основании снят со своего поста, а спустя некоторое время арестован. Правда, после истязаний и издевательств в застенках НКВД он был по приказу Сталина освобождён и возвращён на руководящую работу в начале войны, которую он закончил в звании маршала¹².

Репрессии командного состава привели к тому, что уже война с Финляндией, по словам Жукова, показала: «Мало того, что армия, начиная с полков, была обезглавлена, она была ещё и разложена»¹³.

Это разложение выразалось прежде всего в упадке воинской дисциплины. На совещании по военной идеологии, состоявшемся в мае 1940 года, Проскуров говорил: «Как это ни тяжело, но я прямо должен сказать, что такой разболтанности и низкого уровня дисциплины нет ни у одной армии, как у нас (Голоса: «Правильно!»)»¹⁴.

На ослабление армейской дисциплины сталинская клика реагировала привычными для неё методами введения новых репрессий. 6 июля 1940 года был принят Указ Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за самовольные отлучки и дезертирство», согласно которому военнослужащие за совершение самовольной отлучки подвергались суду Военного трибунала и по его приговору направлялись в только что созданные дисциплинарные

батальоны на срок от 3 месяцев до 2 лет¹⁵.

В новом дисциплинарном уставе, введённом в действие в октябре 1940 года, указывалось, что командир не несёт ответственности, если он «для принуждения неповивающегося приказу и для восстановления дисциплины и порядка будет вынужден применять силу или оружие»¹⁶. Это положение привело к широкому распространению рукоприкладства офицеров, сержантов и старшин по отношению к подчинённым.

Обезглавливание Красной Армии, ослабление её морального духа и внедрение палочной дисциплины сыграли немалую роль в том, что, как говорил Жуков в беседе с К. Симоновым, «...немецкая армия к началу войны была лучше нашей армии подготовлена, выучена, вооружена, психологически была лучше готова к войне...»¹⁷.

Такое положение дел не было секретом для германского руководства. Даже в разгар советско-германской «дружбы» плачевное состояние Красной Армии оживлённо обсуждалось среди нацистских бонз, о чём свидетельствуют дневниковые записи Геббельса: «1939 г. 11. Русская армия большой ценности не имеет. Плохо руководима, ещё хуже оснащена и вооружена... 14. Гитлер вновь констатирует катастрофическое состояние русской армии. Её едва ли можно использовать для боевых действий»¹⁸.

Выступая 23 ноября 1939 года на секретном совещании главнокомандующих родами войск вермахта, Гитлер говорил: «Россия в данный момент не опасна. Она ослаблена многими внутренними обстоятельствами... Фактом остаётся то, что в настоящее время боеспособность русских войск незначительна. На ближайший год или два нынешнее состояние сохранится»¹⁹.

Эти выводы Гитлера были подтверждены и конкретизированы немецкими военными и политическими аналитиками, а также германской военной разведкой в непосредственном преддверии нападения Германии на СССР. В секретном докладе, подготовленном разведывательным отделом Генштаба сухопутных войск Германии 15 июня 1941 года, указывалось: «В связи с последовавшей после расстрела летом 1937 года Тухачевского и большой группы генералов «чисткой», жертвой которой стали 60-70% старшего начальствующего состава, имевшего частично опыт войны, у руководства «высшим военным эшелоном» (от главнокомандования до командования армий) находится совсем незначительное количество незаурядных личностей... На смену репрессированным пришли более молодые и имеющие меньший опыт лица. Преобладающее большинство нынешнего командного состава не обладают способностями и опытом руководства войсковыми соединениями. Они не смогут отойти от шаблона и будут мешать осуществлению самых смелых решений. Среднему и младшему командному составу (от командира корпуса до лейтенанта включительно) также, по имеющимся данным, свойственны очень серьёзные недостатки»²⁰.

С 1935 по 1940 год шесть раз менялось руководство военной разведки РККА. В 1938 году практически была ликвидирована вся нелегальная резидентура. Вместо опозванных в СССР и репрессированных лучших работников закордонных резидентур пришли малокомпетентные, неопытные и слабообученные работники, зачастую не знавшие даже языка страны пребывания.

Степень централизации поступления разведывательной информации, как и вообще степень централизации всей власти перед войной, в СССР была гораздо больше, чем в Германии. По сути советская стратегическая

разведка была личной разведкой Сталина, которому Берия, минуя Наркомат обороны и Генштаб, направлял непосредственно все сколько-нибудь важные донесения НКВД и ГРУ.

В докладе, посвящённом итогам финской войны, Ворошилов заявил, что разведки, как органа, обслуживающего и снабжающего Генеральный штаб всеми нужными данными о наших соседях и вероятных противниках, их армиях, вооружениях, планах, а во время войны исполняющего роль глаз и ушей нашей армии, у нас неп²¹.

IX

Репрессии

В результате подсчётов, проведённых в 1954 году работниками МВД, была подготовлена справка «Число осуждённых по делам органов ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ за 1921-1940 годы». В ней указывалось, что в 1939 году было осуждено 63 889 человек, в 1940 году – 71 806 человек (примерно в 5-6 раз меньше, чем в 1937 и 1938 годах), в том числе приговорено к высшей мере наказания соответственно 2 552 и 1 649 человек (в 150-200 раз меньше, чем в 1937 и в 1938 годах)¹. Указанные цифры расстрелянных следует считать преуменьшенными, поскольку в них не вошли данные о числе расстрелянных польских офицеров, считавшихся военнопленными, которые хранились под грифом особой секретности и были недоступны составителям справки.

Основную часть осуждённых в те годы составили жертвы репрессий, развернувшихся на территориях, вошедших в состав СССР в 1939-1940 годах. Кроме того, сюда входили «враги народа», арестованные в годы большого террора, рассмотрение дел которых завершилось в 1939 и 1940 годах. За эти два года из данной группы было освобождено и реабилитировано несколько десятков тысяч людей, а дела других нескольких десятков тысяч были подвергнуты серьёзному пересмотру. При этом, однако, не был освобождён и не избежал расстрела ни один ранее арестованный член или кандидат в члены ЦК ВКП(б) и ни один военачальник наиболее высокого ранга (начиная с комкоров). Более того – в эти годы бериевской «оттепели» прошла серия арестов детей наиболее видных оппозиционеров и партийно-государственных деятелей. Так, в 1939 году были арестованы и приговорены к заключению в лагеря или к ссылке несколько бывших одноклассниц, учившихся на первых курсах вузов. Всем им – Н. Крестинской, Н. Ломовой, Е. Рухимович, Т. Смирге – «тройкой» было «пришито» групповое дело².

Многие репрессированные в предвоенные годы были осуждены по совершенно фантасмагическим обвинениям. Так, в воспоминаниях И. Эренбурга рассказывается, что в начале 1941 года был арестован временный поверенный в делах СССР во Франции И. Н. Иванов. После его реабилитации в 1954 году ему показали вынесенный по его делу приговор Особого совещания. Оказалось, что в сентябре 1941 года он был приговорён к пяти годам лагерей за «антигерманские настроения». «Трудно себе это представить, – комментировал этот приговор Эренбург – Гиплеровцы рвались к Москве... а какой-то чиновник ГБ спокойно оформил дело, запечатное ещё во время советско-германского пакта, поставил номер и положил в папку, чтобы всё сохранилось для потомства»³.

Некоторые новые дела инспирировались непосредственно Берией. Так, перед открытием XVIII съезда ВКП(б) работники НКВД И. Кедров и В. Голубев направили Сталину письмо, в котором рассказывали о беззакониях, творимых Берией и Деканозовым. В конце февраля 1939 года они были арестованы, а 16 апреля арестовали отца И. Кедрова – старого большевика М. С. Кедрова, имевшего сведения о сомнительной роли Берии как «двойного агента» в годы гражданской войны. 29 января 1940 года Военная коллегия приговорила Голубева к расстрелу. По иному обстояло дело с М. С. Кедровым, которому в самом начале войны Военная коллегия вынесла оправдательный

приговор. Председатель Верховного суда Голяков подтвердил голословность предъявленных Кедрову обвинений и указал, что не видит оснований для отпечствования приговора Военной коллегии. Тем не менее Кедров был расстрелян в октябре 1941 года по самоличному приказу Берии⁴.

Поразительно, что в ходе следствия по некоторым делам, непосредственно курируемым Берией, оп арестованных добивались показаний на погдашних членов Политбюро. Так, 3 июня 1939 года по приказу Берии был арестован помощник первого секретаря ЦК КП Узбекистана Юсупова А. Пичурич, а вслед за ним – второй секретарь ЦК КП этой республики В. Чимбуров. Переживший сталинские лагеря Чимбуров в 1956 году на суде над одним из наиболее оголтелых бериевских палачей Б. Родосом рассказывал, что Родос обвинял его в том, что он покрывает таких опьявленных врагов народа, как Л. Каганович и А. Андреев. Обвинения Родоса в их адрес звучали так уверенно, что Чимбуров был убеждён: «Они уже арестованы, как и Юсупов»⁵.

Показаний на Андреева Родос требовал и от бывших руководителей Кабардино-Балкарской ССР, а от других арестованных добивался признаний, что во главе «шпионской банды» стоил Жданов⁶.

Что же касается освобождения заключённых, то здесь господствовал своего рода выборочный принцип. Так, в предвоенные годы было выпущено на свободу немало командиров среднего ранга, а также беспартийных учёных. В 1946 году на очередных выборах в Академию наук была избрана большая группа учёных, подвергавшихся арестам в предшествующие годы. 11 человек из них стали академиками, а 8 – членами-корреспондентами⁷.

Значительно труднее было добиться освобождения политэмигрантов, даже в тех случаях, когда с ходатайством за них выступали люди, близко стоявшие к Сталину. Так, 27 мая 1941 года В. Пик обратился к Сталину с просьбой о пересмотре дела Дамериуса, бывшего участника агитбригады «Красные блузы», возглавлявшейся сыном Пика. «По имеющимся у меня данным считаю почти невозможным, чтобы Дамериус был способен на какую-либо враждебную СССР работу», – писал Пик, приложивший к своему заявлению положительную характеристику Дамериуса, выданную отделом кадров ИККИ. Однако, несмотря на всё это, Дамериус вышел из лагеря только по отбытии своего срока в 1947 году.

Несмотря на «железный занавес», прочно отгородивший СССР от остального мира, отдельные эмигранты после пребывания в советских тюрьмах и лагерях оказывались на родине. Так, в 1937 году был арестован известный австрийский физик А. Вайсберг и его жена. Телеграмма Сталину с просьбой об освобождении Вайсберга, составленная А. Кестлером и подписанная тремя французскими лауреатами Нобелевской премии, дружественно настроенными по отношению к Советскому Союзу (Ланжевенон, Жолио-Кюри и Перреном), осталась без ответа. Жена Вайсберга была освобождена благодаря вмешательству австрийского консула в Москве и в 1938 году оказалась за границей. Вайсберг в 1940 году был передан гестапо вместе с сотнями немецких, австрийских и венгерских коммунистов. Он выжил, принимал участие в Варшавском восстании 1944 года и после войны написал книгу о пребывании в советской тюрьме⁸.

Особую группу осуждённых в 1939-1940 годах составляли работники НКВД, виновные в фальсификации следственных дел. При их допросах выявлялись самые чудовищные факты произвола, царившего в «органах» в годы большого террора. Так, в мае 1939 года арестованный следователь В. А. Смирнов показал, что один из

руководителей Московского УНКВД Якубович приказал ему «развернуть аресты по националам...». Было арестовано человек сорок немецких эмигрантов, якобы образующих ответвление германской молодёжной организации «Гиплерюгенд». От Якубовича Смирнов получил также указание сфабриковать дело студентов – детей репрессированных, которые якобы готовили террористические акты и имели склад винтовок, пулемётов и боевых патронов. На допросе одного из арестованных по этому делу Якубович, прочитав выбитые из него признательные показания, сказал: «Конечно, это верно, но где всё это (оружие) находилось?» Студент ответил: «На чердаке». «На каком?» – спросил Якубович. «На том чердаке, на котором вам выгодно, я и покажу», – отвечал студент. Несмотря на то что и другие показания имели подобный характер, Якубович приказал Смирнову их «оформить и развернуть дело востю»⁹.

Аресты следователей-фальсификаторов происходили и в центральном аппарате НКВД. Публицист А. Ваксберг, знакомившийся с некоторыми протоколами из их дел, пишет, что следователи, допрашивавшие бывшего заместителя наркома внутренних дел Фриновского, бывшего следователя по особо важным делам Ушакова-Ушмиурского и других **«целенаправленно»** (выделено А. Ваксбергом) стремились получить показания о фальсификации дел маршала Александра Егорова, командармов Якова Алксниса, Павла Дыбенко, Николая Каширина. И получили! Сами фальсификаторы за это были расстреляны, а те, кого они оболгали, продолжали считаться врагами народа»¹⁰.

На следствии по делу Ушакова-Ушмиурского было установлено, что показания о причастности Гамарника к «военному заговору» получены «незаконными методами для придания самоубийству Гамарника иной, чем в действительности, причины»¹¹. Однако ни единого слова об этом вплоть до реабилитации Гамарника в 1955 году в печати не появилось.

Многочисленные материалы о личном участии в фальсификации следственных дел содержались и в деле Ежова, приговорённого к расстрелу 4 февраля 1940 года. Тем поразительнее выглядит факт обращения Главной военной прокуратуры в 1998 году в высшую судебную инстанцию страны об отмене этого приговора на основании... Закона «О реабилитации жертв политических репрессий», принятого 18 октября 1991 года. Хотя 4 июля 1998 года Военная коллегия Верховного Суда Российской Федерации оставила приговор Ежову в силе, сам факт возвращения к его делу симптоматичен для правосудия и идеологии ельцинского режима. В публичных выступлениях А. Яковлева, продолжавшего оставаться и при этом режиме председателем комиссии по изучению материалов, связанных с репрессиями 30-х – начала 50-х годов, и в ряде выступлений «демократической» печати, выдвигавших кощунственное требование о реабилитации Ежова как «жертвы политических репрессий», лежало стремление снять проблему личной ответственности за злодеяния 30-х годов даже с такой одиозной фигуры, как Ежов, дабы перенести эту ответственность на «систему», большевизм и т. п.

«Правовую основу» для столь невероятной акции, как попытка реабилитации Ежова, «демокрапы» черпали в том, что его дело представляло собой типично сталинистскую амальгаму: на обвинения в действительных преступлениях были наложены ложные обвинения в шпионаже, подготовке террористического акта пропив Сталина и т. п. Именно обвинения такого рода фигурировали в опубликованных извлечениях из 12 томов

следственного дела Ежова, каждый из которых составлял сотни страниц. При этом замалчивался тот факт, что, даже если исключить из приговора эпизоды, связанные со шпионажем и террором, то в нём останутся обвинения в действительно совершённых Ежовым преступлениях, которые многократно пянуп на высшую меру наказания. Достопаочно упомянуть о содержавшихся в этом приговоре фактах относительно фабрикации Ежовым «в авантюристически-карьеристских целях» дела о его рпутном оправлении.

На процессе по делу «право-процкистского блока» бывший секретарь Ягоды Буланов показал, что заговорщики опрыскали ядом кабинет Ежова. Группа авторипетных медиков, привлечённая в качестве экспертов, заявила, что на основе анализа мебели и воздуха в кабинете Ежова, «а равно и анализ его (Ежова) мочи» она пришла к выводу: в результате рпутного оправления здоровью Ежова «был причинён значительный ущерб и, если бы данное преступление не было своевременно вскрыто, то жизни поварища Н. И. Ежова угрожала непосредственная опасность»¹². На суде над Ежовым было доказано, что этот «террористический акт» был сфальсифицирован по указанию самого Ежова. Как писал в заявлении от 11 апреля 1939 года, приложенном к делу Ежова, его бывший заместитель Фриновский, «мысль о покушении на его жизнь Ежов подал сам: стал твердить, что его оправили в кабинете, и внушил следствию добиваться соответствующих показаний, что и было сделано с использованием Лефортовской тюрьмы и избений»¹³.

В показаниях Фриновского и других сопрудников НКВД, «изобличавших», как значилось в приговоре Ежову, последнего в совершённых им преступлениях, указывалось на активное и инициативное участие Ежова в фальсификации множества одиночных и групповых дел. Причём, как это ни поразительно, некоторые арестованные в числе таких дел называли следствие по делу Тухачевского и других высших военачальников. На допросе 16 апреля 1939 года бывший начальник У НКВД по Московской области Радзивиловский показал: «Фриновский сказал мне о том, что первоочередная задача, в выполнении которой, видимо, и мне придётся принять участие, — это развернуть картину о большом и глубоком заговоре в Красной Армии. Из того, что мне тогда говорил Фриновский, я ясно понял, что речь идёт о подготовке раздутого военного заговора в стране, с раскрытием которой была бы ясна огромная роль и заслуга Ежова и Фриновского перед лицом ЦК. Как известно, это им удалось»¹⁴.

Радзивиловский сообщил, что, конкретизируя это указание Фриновского, сам Ежов дал ему поручение немедленно приступить к допросу арестованного бывшего начальника ПВО РККА Медведева и «добиться от него показаний с самым широким кругом участников о существовании военного заговора в РККА. При этом Ежов дал мне прямое указание применить к Медведеву методы физического воздействия, не стесняясь в их выборе... Медведев был арестован по распоряжению Ежова без каких-либо компрометирующих материалов, с расчётом начать от него раздувание дела о военном заговоре в РККА»¹⁵.

Как рассказал на допросе в 1938 году (за несколько месяцев до ареста Ежова) бывший начальник охраны НКВД Дагин, участникам будущего процесса по делу Тухачевского устраивали очные ставки, на которых присутствовали члены Политбюро. Об этих очных ставках «заранее предупреждали всех следователей, которые не переставали «накачивать» арестованных вплоть до самого момента очной ставки. Больше всех волновался

всегда Ежов, он вызывал к себе следователей, выяснял, не сдадут ли арестованные на очной ставке, интересовался не существом самого дела, а только тем, чтобы следствие не ударило лицом в грязь в присутствии членов Политбюро, а арестованные не отказались бы от своих показаний»¹⁶.

В уже упоминавшемся заявлении Фриновского на имя Берии от 12 апреля 1939 года подробно раскрывался механизм получения фальсифицированных показаний и роль Ежова в создании этого механизма. Фриновский писал, что следственный аппарат НКВД был разделён на «следователей-колольщиков», просто «колольщиков» и рядовых следователей. «Следователи-колольщики»... бесконтрольно избивали арестованных, в короткий срок добивались от них «показаний» и умели грамотно, красочно составлять протоколы допросов... При таких методах следствия арестованным подсказывались фамилии и факты. Таким образом, показания давали следователи, а не подсудимые. Такие методы Ежов поощрял».

Фриновский сообщал также, что Ежов сознательно проводил неприкрытую линию на фальсификацию материалов следствия о подготовке против него террористических актов. Дело дошло до того, что «уголовные следователи из числа «колольщиков» постоянно добивались «признания» арестованных о мнимой подготовке террористических актов против Ежова»¹⁷.

Бывший ответственный работник НКВД Постель 11 декабря 1939 года заявил на допросе, что большинство арестованных из числа поляков отказывались давать требуемые от них показания. «Тогда было указано, что нарком Ежов дал санкцию избивать арестованных, не стесняясь, и добиваться их показаний... Избиения эти происходили на глазах бывшего наркома Ежова, его заместителя Фриновского, которые часто по ночам посещали Лефортовскую тюрьму и обходили следственные комнаты»¹⁸.

Продолжение террористической практики НКВД вызвало ряд обращений в руководящие органы со стороны людей, находившихся на свободе. В конце 1939 года Жданов получил анонимное заявление, из содержания которого можно составить представление, что оно было написано работниками прокуратуры. В нём говорилось, что постановление ЦК и СНК от 17 ноября 1938 года обязывало органы прокуратуры и НКВД исправить грубые нарушения законов и освободить невинных людей. Между тем такие люди – «не единицы, а десятки и сотни тысяч людей сидят в лагерях и недоумевают, за что они были арестованы, по какому праву издевались над ними, применяя средневековые пытки. Берия продолжает линию Ежова». На этом письме Жданов наложил резолюцию «В архив». В партийных и государственных архивах хранится немало аналогичных писем с такой же судьбой.

Х

«Разбольшевичивание» партии

Всё более концентрируя власть и полностью отойдя от ленинских принципов руководства партии, в конце 30-х — начале 40-х годов Сталин счёл возможным опкаться от регулярных заседаний Политбюро и стал передоверять решение многих политических вопросов своим ближайшим сапрапам. В феврале 1941 года он заявил на Политбюро: «Вот мы в ЦК уже 4-5 месяцев не собирали Политбюро. Все вопросы подготавливают Жданов, Маленков и др. в порядке отдельных совещаний со знающими товарищами, и дело руководства от этого не ухудшилось, а улучшилось».¹

С негодными членами ЦК Сталин расправлялся в предвоенные годы иным способом, чем в годы большого террора. После 1938 года аресты и кровавые расправы затронули лишь нескольких членов и кандидатов в члены ЦК. Значительно большее их число было подвергнуто публичной дискредитации и наказаниям в форме организационных мер. На XVIII конференции ВКП(б) в феврале 1941 г. была принята необычная резолюция «Об обновлении центральных органов ВКП(б)», состоящая из девяти пунктов. В ней сообщалось о многочисленных перемещениях вверх и вниз в высшей партийной иерархии, а также делались «предупреждения» ряду работников, оставленных на своих постах. Четверо членов ЦК были исключены, а двое — переведены в кандидаты. 15 кандидатов в члены ЦК были исключены из состава Центрального Комитета, как «не обеспечившие выполнения своих обязанностей». Шести наркомам, «работавшим плохо», было указано, что, «если они не исправятся, не будут выполнять поручения партии и правительства, то будут выведены из руководства органов партии и сняты с работы».² Освободившиеся места в ЦК заняли в основном военные — Г. К. Жуков, А. И. Запорожец, И. В. Тюленев, М. П. Кирпонос, И. С. Юмашев, И. Р. Апанасенко и др.

В предвоенные годы Сталин форсировал массовый приём в партию. Только в 1939 году кандидатами в члены ВКП(б) было принято более миллиона человек³ (к началу 1937 года в партии состояло около 2 млн членов и кандидатов). Таким образом окончательно завершился процесс превращения партии из ленинской в сталинскую.

Много нелестных слов о нравственных качествах «новобранцев» конца 30-х годов содержится в дневниках В. И. Вернадского. Так, в 1941 году он сделал следующие записи: «26. IV. Идёт развал — все воры в партии и только думают, как бы больше зарабатывать... 17.V. Ослабление умственное — Коммунистического центра. Нелепые действия властей. Мошенники и воры пролезли в партию». Процессы коррумпирования значительной части коммунистов, резкое снижение интеллектуального и морального уровня партии Вернадский связывал с её «обезлюдением» в результате массовых репрессий, обрушившихся на её лучшую часть. В этих встречных процессах он видел главную причину неудач власти, с одной стороны, и коренного изменения партийной идеологии — с другой.

Конечно, Вернадский не был по своим убеждениям коммунистом-ленинцем. Но, будучи умнее и честнее

современных «демократов», не видящих существенной разницы между ленинизмом и сталинизмом, он отмечал глубочайшую пропасть, отделяющую Ленина от Сталина, ленинскую партию — от сталинской. 12 июня 1941 года он оставил в дневнике примечательную запись: «Много было бы иначе, если бы его (Ленина) жизнь не была насильственно прервана * ... 17 лет, прошедшие после его смерти, не дали развиваться многому, что он мог бы дать»⁴.

Естественно, что «новобранцев 1937 года», дорвавшихся до власти и привилегий, такого рода мысли не посещали. Чувствуя себя всецело обязанными Сталину за свой спремипельно поднявшийся социальный спатпус и сопряжённые с ним материальные блага, они испытывали по отношению к нему искренние чувства сервиллизма и подобострастия. Такого рода настроеня преобладали не только в среде партийно-государственного аппарата, но и среди приближенных к вождю деятелей творческой интеллигенции. «Я был членом Комитета по Сталинским премиям, — рассказывал в начале 90-х годов композитор Т. Хренников. — Мы все входили к нему, как к богу. Он был для меня абсолютным богом. Наверное, и тогда были люди, которые думали иначе, но я таких не знал... Когда Сталин умер, все думали, что пришёл конец мира»⁵. В приведённом высказывании обращает на себя внимание дважды повторенное слово «все». Если Хренников говорил о «всех» членах Комитета по Сталинским премиям или «всех», «входивших к Сталину», то его слова, несомненно, отражают жизненную реальность, подтверждаемую и другими воспоминаниями членов этого узкого клана. Если же под «всеми» он имел в виду более широкие слои, то его слова отражают только крайнюю оторванность этого клана от народа, жившего совсем другими настроениями.

В. И. Вернадский в своих дневниках 1939-1941 годов неоднократно отмечал всё большее расхождение ножиц между реальностью и официальным «благополучием», вызывающее резкое недовольство в народе:

«1940 г. 8. 1. Я думаю, что происходит большое скрытое брожение мысли в связи с резким противоречием между реальностью и официальным изложением положения.

12. 1. Полный хаос, и видишь, что легко может быть паника со всеми её последствиями... Недовольство растёт — и оно может быть грозным... Наряду с этим, как в *насмешку*, идёт пропаганда о «счастливой» у нас жизни.

10. IX. Получается впечатление чрезвычайно распущего недовольства властями... Попытки усилить дисциплину связаны с пониманием того, что реальность не отвечает тому «счастью», о котором кричат официальные лакеи. Всюду фальшь.

1941. 17. V. Грозный рост недовольства, всё распуший. «Любовь» к Сталину есть фикция, которой никто не верит».

Осмысливая содержание отчётов о XVIII конференции ВКП(б), Вернадский писал 20 февраля 1941 года: «Газеты переполнены бездарной болтовней... Ни одной живой речи. Поражает убогость и отсутствие живой мысли и одарённости выступающих большевиков. Сильно пала их умственная сила. Собрались чиновники, боящиеся сказать правду. Показывает, мне кажется, большое понижение их умственного и нравственного уровня по

---

* Эти непривычно звучащие слова показывают, на мой взгляд, что до Вернадского тем или иным путём дошла версия об отправлении Сталиным Ленина.

сравнению с реальной силой нации»⁶.

Невозможность сказать правду о фактах и явлениях, буквально бьющих в глаза, мучительно переживалась лучшими советскими писателями. Как сообщал в НКВД «испичник», в 1940 году М. М. Зощенко говорил: «Я совсем не знаю, о чём должен и могу писать, напишешь резко — не пропустят, а написать просто — мне трудно. Я вижу сплошные неполадки вокруг... Рабочие и служащие не заинтересованы в своей работе, да и не могут быть заинтересованы, так как для этого им должны платить деньги, на которые они могли бы существовать, а не прикреплять их к работе... Вообще впечатление такое, точно мозг всех учреждений распался, так как большинство хороших руководящих работников изъято, а новых нет»⁷.

Отмеченные великим советским учёным и выдающимся советским писателем противоречия между неприглядной реальностью, которую люди повседневно ощущали в своей жизни, и ложью официальной пропаганды, пристально исследовал Троцкий. Он утверждал, что режим бонапартистской бюрократии, утвердившийся в СССР, «преступен не только тем, что создаёт возрастающее неравенство во всех областях жизни, но и тем, что принижает интеллектуальную деятельность страны до уровня разнузданных болванов ГПУ»⁸.

Считая ложь определяющей чертой идеологии и пропаганды сталинской бюрократии, Троцкий в одной из своих последних статей «Сталинцы за работой» отмечал «навязанность» этой лжи правящей касте её объективным положением. Она «вынуждена систематически лгать, носить маску и приписывать своим крикикам и противникам мотивы, прямо противоположные тем, которые движут ими. Всякого, кто выступает в защиту трудящихся против олигархии, Кремль немедленно клеймит как сторонника реставрации капитализма. Эта стандартная ложь не случайна: она выплывает из объективного положения касты, которая воплощает реакцию, клянясь революцией»⁹.

С этих же позиций Троцкий доказывал неспособность сталинской олигархии оправдывать свою диктатуру и свои растущие привилегии какими бы то ни было разумными и убедительными доводами. Абсолютизм Сталина идеологически опирается не на традиционную власть «божьей милостью» и не на «священную» и «неприкосновенную» частную собственность, а на идею коммунистического равенства. Правда, сталинцы относят это равенство в дальнее и неопределённое будущее, но они не могут в своё оправдание сослаться на «переходный» характер своего режима, поскольку главный социальный вопрос в СССР состоит не в том, почему равенство не осуществлено полностью, а в том, почему неравенство непрерывно растёт. Всем этим объясняется и удручающая пирамида, всеобщее рабство перед «вождём» и всеобщее лицемерие... гигантская роль ГПУ как инструмента тоталитарного господства»¹⁰.

Троцкий подчёркивал, что «наши разногласия с руководством так называемой Коммунистической партии СССР давно перестали носить теоретический характер. Дело вовсе не идёт ныне о «марксистско-ленинской линии». Мы обвиняем правящий слой в том, что он превратился в новую аристократию, душил и грабил народные массы. Бюрократия отвечает нам обвинениями в том, что мы являемся агентами Гиплера (так было вчера) или агентами Чемберлена и Волстрипа (так гласит обвинение сегодня). Всё это мало похоже на теоретические разногласия внутри марксизма»¹¹.

Хотя марксизм (большевизм, коммунизм) формально оставался в СССР государственной и единственной идеологической доктриной, даже в среде коммунистов марксистские идеи, разительно противоречащие утвердившемуся в стране тоталитарному режиму, всё реже воспринимались как нечто жизненное и актуальное. Отсюда шла и девальвация самих понятий «идейность», «идейный», в 20-е годы воспринимавшихся в народе и среди честной беспартийной интеллигенции как высшая нравственная ценность. «Я очень редко вижу идейных коммунистов, — записывал 3 января 1939 года в своём дневнике Вернадский — Элементы идеи и веры, живого творчества исчезают. Идеиные коммунисты вымирают. Толпа по существу к коммунизму безразлична»¹².

«Разбольшевичивание» партии и страны с удовлетворением отмечали вожди фашизма. «Большевизм постепенно отбрасывает то, что в нём есть большевистского», — записывал в дневнике 16 августа 1940 года Геббельс¹³. «В данный момент империонализм отошел для России на задний план», — говорил Гитлер в речи на секретном совещании военных чинов вермахта¹⁴.

Конечно, в предвоенные и военные годы в ряды партии вступало немало честных, самоотверженных и мужественных людей, отнюдь не выдающихся в этом поступке путь к карьере и преуспеванию. Но их выбором руководили, как правило, не собственно коммунистические мотивы. «Покорность всеохватному партийнодержавию, — вспоминал Л. Копелев, — не только оскотляла мысли и души верноподданных партийцев, но, в конечном итоге, вела к исчезновению самой партии. Остатки её живых сил были разгромлены уже к 1938-1939 гг. Основы её идеологии разрушались на протяжении всех последующих лет. Когда в годы войны вступали в партию мои друзья, товарищи и я, для нас это было эмоциональным, патристическим порывом. И менее всего партийным, идейным выбором. Почти никто из нас не думал уже о программе, об идеалах, о принципах марксизма. И нас не потрясло, не огорчало то, что вместо «Империонала» зазвучал новый державный гимн — бездарное подражание церковным хоралам. Девиз «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» был заменён заклинанием «Смерть немецким оккупантам!». Коминтерн, КИМ, МОПР распустили также легко и просто, как до этого ликвидировали общество бывших полкапоржан, союз эсперантистов, республику немцев Поволжья»¹⁵.

Однако идеология зрелой сталинщины и характерные для неё великодержавные амбиции не так легко внедрялись в сознание множества рядовых людей. «И проникли они в душу не слишком глубоко, не укоренились, а позднее легко отпадали мертвой шелухой. Им противодействовали не забытые юношеские представления о равенстве всех народов — представления столь же обдуманные, осознанные, сколь и непосредственные — укоренённые в подсознании, в мировоззрении»¹⁶.

XI

Прогерманская пропаганда

Немедленно после заключения советско-германского пакта из советской прессы исчезли разоблачения фашизма (и даже сам этот термин), описание гитлеровских зверств и бесчинств в оккупированных странах. О событиях на фронте публиковались преимущественно немецкие сводки, нередко печатавшиеся целиком.

Вспоминая об уродливых формах, которые приобрела пропаганда новоявленной советско-германской дружбы, Венер писал: «Всякий, имевший глаза, чтобы видеть, мог заметить в период расцвета немецко-русского пакта признаки не только внутреннего родства тоталитарных методов, но и фундаментального безумия многих русских коммунистических пропагандистов. Русская функционерка Самойлович, имевшая возможность посетить польские области (оккупированные Красной Армией. — В. Р.), рассказывала мне, что немецкие солдаты с завистью смотрели на звезды советских солдат и что красноармейцы целого полка (?) доложили на проверке, что они отдали свои пуговицы и звезды на память немецким солдатам, которые их об этом просили. Из таких эпизодов, истинность которых невозможно было проверить, делался вывод, что немецко-советская «дружба» должна привести к смягчению положения внутри Германии и что прорусские симпатии среди немецкого населения смогут стать препятствием на пути возможных восточных планов Гитлера»¹.

В советской печати стали появляться образчики фашистской «социалистической» демагогии, типа изречения Муссолини: «Народы-пролетарии поднимаются против народов богатых и исторически нисходящих»².

Прекратилась демонстрация антифашистских фильмов. Главное управление по контролю за репертуаром и зрелищами Комитета по делам искусств запретило 4200 произведений, в которых были обнаружены антифашистские мотивы. В Московской библиотеке иностранной литературы были изъяты из свободного доступа все зарубежные газеты антифашистской направленности, зато в открытом хранении появились нацистские издания.

Коренной переориентации подверглось советское искусство. Началась работа над фильмами антипольской направленности «Богдан Хмельницкий» и «Минин и Пожарский». В фильме «Суворов», сценарий которого был предварительно просмотрен Сталиным, выдвигались на передний план идеи вражды между Россией и Францией. Эйзенштейну было предложено поставить в Большом театре оперу Вагнера «Валькирия», которую особенно любил Гитлер³.

Постановлением Секретариата ЦК ВКП(б) от 14 сентября 1940 года были запрещены к постановке в театрах пьесы «Начистопу» Глебова, «Домик» Капаева, «Когда я один» Козакова как идеологически вредные и антихудожественные. Постановлением Политбюро от 18 сентября запрещалась постановка пьесы Леонова «Метель» как идеологически враждебная, являющаяся злобной клеветой на советскую действительность⁴.

За резкую критику фашизма были изъяты книги С. Вишнёва «Как вооружились фашистские поджигатели

войны» (1939), Н. Корнева «Третья империя в лицах» (1937) и даже Э. Тельмана «Боевые статьи и речи» (1935), так как «в книге немецкие фашисты и Гитлер характеризуются как террористы и бандиты»⁵.

В тех произведениях о современности, которые всё же допускались в печать, делались существенные изъятия либо исправления. Как вспоминал Эренбург, «первую часть «Падения Парижа» разрешили, но придётся пойти на купюры. Хотя речь шла о Париже 1935-1937 годов, и немцев там не было, надо было убирать слово «фашизм». В тексте описывалась парижская демонстрация, цензор хотел, чтобы вместо возгласа «Долой фашистов!» – я поставил «Долой реакционеров»⁶.

Писатели, для которых антифашистские взгляды были чем-то кровным и близким, мучительно переживали невозможность правдиво писать о бушующей рядом с СССР войне и о гитлеровском «новом порядке». В. Вишневский в декабре 1940 года записывал в дневнике: «Ненависть к прусской казарме, к фашизму, к «новому порядку» – у нас в крови.. Мы пишем в условиях военных ограничений, видимых и невидимых. Хотелось бы говорить о враге, подымать ярость против того, что творится в распятой Европе. Надо пока молчать»⁷.

Существенные изменения вносились в советскую историографию. «Вместо обычных допеле нападок на роковое воздействие, которое Германия оказывала на царскую Россию, теперь стали появляться материалы о благопорном воздействии германского духа на культурное развитие русского народа, – вспоминал внимательно следивший в те годы за изменениями в идеологической жизни СССР советник германского посольства в Москве Г. Хильгер. – Известный историк Тарле, который с 1933 г. постоянно, желчно и ядовито выступал против Германии, поспешил раньше других открыть, что немцы издавна играли в России положительную роль. Бисмарк и его политика, благодаря публикации русского перевода его «Мыслей и воспоминаний», теперь тоже должны были стать достоянием русского народа»⁸.

В очередное переписывание истории включился Сталин, который при этом не гнушался даже криптикой классиков марксизма. В 1941 году он опубликовал свою работу «О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма», написанную им ещё в 1934 году. Здесь Сталин резко криптиковал Энгельса за то, что тот якобы упустил «роль Англии, как фактор грядущей (первой) мировой войны» и переоценивал роль завоевательных стремлений русского царизма в развязывании этой войны, а также переоценивал роль царской власти, как «последней твердьни общеевропейской реакции» (слова Энгельса. – В. Р.). Более того, Сталин утверждал, что из этих положений Энгельса вытекало: «Война, скажем, буржуазной Германии с царской Россией является не империалистической, не грабительской, не антинародной, а войной освободительной или почти освободительной»⁹.

Вмешательство Сталина в переписывание истории выразилось и в серьёзной редакционной правке, которой он подверг вводную статью известного советского историка А. С. Ерусалимского к книге Бисмарка «Мысли и воспоминания». В тексте и на полях рукописи этой статьи, которую Ерусалимскому поручил написать лично Молотов, Сталиным были сделаны многочисленные замечания и исправления. Осенью 1940 года Сталин вызвал Ерусалимского и в беседе с ним коснулся, в частности, концовки статьи, в которой «Бисмарк, не раз высказывавшийся против войны с Россией, боявшийся её пространств и повторения участи шведского короля и

императора Наполеона», как бы призывался в советчики Гитлеру. Сталин сократил размер этих косвенных предупреждений и предложил оставить весь «русский сюжет» лишь при условии переноса его в середину статьи. Молопов, присутствовавший при этой беседе, был явно удивлён этими соображениями Сталина, но не произнёс ни слова. Ерусалимский же попытался робко возразить, указывая на актуальность этих положений статьи. Сталин на это ответил: «А зачем вы их (гитлеровцев. — В. Р.) пугаете. Пусть попробуют (напасть на СССР)»¹⁰ (об этой беседе рассказал историк Гефтер со слов Ерусалимского).

Несмотря на нагнетание прогерманских настроений в пропаганде, среди населения сохранилось недоумение по поводу её новой направленности, с которым приходилось постоянно сталкиваться агитаторам, лекторам и пропагандистам, которым задавались «трудные» вопросы. Да и сами идеологические работники, непосредственно имевшие дело с населением, ощущали фальшь того, о чём они были обязаны говорить в своих выступлениях. По этому поводу поступали их запросы на имя секретарей ЦК. В одном из таких писем агитатор прямо утверждал, что приходится «отвечать (вернее, лгать) рабочим и колхозникам»¹¹.

Резкие донесения поступали в ПУР (Политуправление Красной Армии) от армейских политработников. Один из них выражал недовольство тем, что «агитацию и пропаганду против фашизма нельзя проводить, так как наше правительствo не видит никаких разногласий с фашизмом». Другой распрянно писал, что «сейчас вообще не знаешь, что писать и как писать, нас раньше воспитывали в антифашистском духе, а теперь наоборот». «Если внимательно присмотреться, то Германия, оказывается, околпачила всех, — не скрывая своего протеста против официальной внешней политики, писал автор ещё одного письма. — Германия теперь будет прибираться к рукам малые страны, а договор о ненападении будет лежать и ничего нельзя будет сделать»¹².

Идеологические органы прилагали немало усилий для «пресечения» подобных настроений. Даже германское посольство в Москве, тщательно следившее за характером идеологической обработки советского населения, знало, как впоследствии вспоминал Хильгер, что «проводились закрытые собрания, на которых партийных функционеров и «актив» учили, какими аргументами они должны убеждать сомневающийся»¹³.

В результате всего этого идеологическое сознание советских людей, их реакция на международные события представляли весьма пёструю картину. Историк М. Я. Гефтер, бывший в предвоенные годы студентом, вспоминал о настроениях своей среды: «Союз с Гитлером был всё более невыносимым для нас, а мужество и единство англичан восхищали и удивляли»¹⁴.

Были, однако, распространены и прямо противоположные настроения. Р. Б. Лерт, работавшая в 1940 году журналисткой, вспоминала, что известие о падении Парижа застигло её в подмосковном санатории для партийного актива. Там она услышала, как обменялись мнениями по поводу этого события два секретаря подмосковных райкомов. Один из них с восторгом сказал: «Ты смотри, до чего здорово немцы идут. Сила, а?» Второй ответил ему: «Да, молодцы, ничего не скажешь!»

«Я повернулась к моим соседям, — рассказывала Лерт, — и спросила их: чему они радуются? Тому, что немецкие фашисты оскверняют город, который был колыбелью всех революций?.. Тому, что могут теперь рубить головы не только немцам, но и французским рабочим? Собеседники простодушно удивились моему взрыву и

начали доказывать — словами, явно услышанными недавно от докладчика, — что эта война империалистическая с обеих сторон... что англо-французский империализм... французская компартия не поддерживает своё правительство...»⁵.

Официальная протерманская пропаганда воскрешала в определённых кругах самые тёмные, обскурантистские настроения. Эренбург, отражая реакцию разных людей на его роман «Падение Парижа», писал: «Были и такие писатели, журналисты, которые считали, что я рассуждаю не как советский гражданин — слишком долго жил во Франции, привязался к ней, рисуя гиплеровцев, «сгущаю краски». Однажды я услышал даже такие слова (в то время диковинные): «Людам некоторой национальности не нравится наша внешняя политика. Это понятно. Но пускай они прибергут свои чувства для домашних...» Меня это поразило. Я ещё не знал, что нам предстоит»¹⁶.

Часть II

Мир в войне

I

Раздел Польши

Первого сентября 1939 г. фашистская Германия напала на Польшу, наглядно показав, что советско-германский пакт не способствовал укреплению мира. И хотя заключение пакта происходило в обстановке эйфории*, любому сколько-нибудь проницательному политическому было ясно, что спустя несколько дней после его подписания последует вторжение Гитлера в Польшу.

Сам Гитлер надеялся, что перед лицом совместных военных действий Германии и СССР против Польши Англия и Франция откажутся от гарантий, данных ими Польше в апреле 1939 года. Однако правительство Англии, надеясь удержать Гитлера от нападения на Польшу, уже 25 августа подписало договор о взаимной помощи с Польшей, который придал гарантиям, данным ею Польше, форму военного союза, обязательства взаимной военной помощи в случае агрессии против любого из этих государств¹.

3 сентября 1939 года Англия и Франция объявили войну Германии. Вторая мировая война началась. Германское нападение на Польшу вызвало негодование во всём мире, прежде всего в антифашистских кругах. Предпринимались попытки создания воинских подразделений из числа эмигрантов-антифашистов, желавших сражаться на стороне Польши. Однако 15 сентября Исполком Коминтерна принял решение, выражавшее резко отрицательное отношение к добровольному вступлению коммунистов в такого рода иностранные легионы².

Ещё будучи в августе 1939 года в Москве, Риббентроп договорился со Сталиным о выступлении СССР против Польши почти одновременно с Германией. 30 августа Советское правительство официально заявило, что «ввиду обострения положения в восточных районах Европы и ввиду возможности всяких неожиданностей советское командование решило усилить численный состав гарнизонов западных границ СССР»³. Эта мера сковала значительную часть польских войск на востоке. Однако Советское правительство не спешило с вторжением в Польшу, ожидая, как будет развёртываться там наступление германских войск. С 3 сентября Шуленбург в переговорах с Молотовым настаивал, чтобы Советское правительство как можно скорее сообщило срок вторжения советских войск⁴. Он напомнил Молотову, что Советское правительство должно делать выводы из

---

* Как рассказывал Хрущёв, при заключении пакта Шуленбург, с которым Молотов решал потопные вопросы, «буквально сиял от радости и говорил: «Сам бог помог нам, сам бог!» (Вопросы истории. 1990. № 7. С. 103).

секретного дополнительного протокола к советско-германскому пакту и двинуть Красную Армию против польских вооружённых сил, находящихся в «сфере советских интересов». Как вспоминал Хрущёв, в начале сентября он узнал от Сталина, что Гитлер через советского посла в Москве заявлял ему: «Что же Вы ничего не предпринимаете, как мы условились?» Ответ, переданный Молотовым Шуленбургу, гласил: «Чрезмерная поропливість может принести нам вред и содействовать сплочению наших врагов»⁵.

Тем временем германская армия одерживала ошеломляющие победы над польскими войсками. По численности сухопутных сил Германия имела превосходство перед Польшей в 1,5 раза, по артиллерии — в 2,8 раза, по танкам — в 5,3 раза⁶. С 1 по 6 сентября она взломала линии польской обороны и подошла к Варшаве. 6 сентября польское правительство покинуло Варшаву⁷. Ещё через три дня Молотов через Шуленбурга передал свои «поздравления и приветствия германскому правительству» по случаю вступления немецких войск в Варшаву⁸.

К 10 сентября Германия захватила 40% территории Польши и все её главные экономические центры и морские порты⁹. В этот день Шуленбург сообщил в Берлин, что «во время сегодняшнего совещания в 16 часов Молотов... сказал, что Советское правительство было застигнуто совершенно врасплох неожиданно быстрыми военными успехами Германии... Красная Армия рассчитывала на несколько недель операций, которые теперь сократились до нескольких дней. Советские военные руководители оказались поэтому в тяжёлом положении, так как, учитывая здешние условия, они просили на подготовку, возможно, ещё две или три недели»¹⁰. За несколько дней до этого Шуленбург, пытаясь опыскапть политические причины отсрочки вторжения Красной Армии в Польшу, констатировал, что «начало войны между Германией и Польшей сильно действовало на здешнее (т. е. советское) общественное мнение и вызвало в широких кругах населения новые опасения того, что Советский Союз может оказаться вовлечённым в войну. Годами распространяемое недоверие по отношению к Германии не может быть рассеяно, несмотря на эффективную контрпропаганду, которая проводилась на партийных и производственных собраниях. Население выражает опасение, что после того, как Германия разгромил Польшу, она может пойти против Советского Союза»¹¹.

16-17 сентября польские войска были полностью окружены германскими войсками. Германское наступление распространилось на территорию, расположенную, согласно секретному протоколу, в зоне «интересов Советского Союза». В конце сентября начальник оперативного штаба Объединённого командования войск Германии Йодль заявил на совещании в ставке Гитлера, что «линию, установленную в Москве, мы перевалили на 200 километров»¹².

Это побудило Советское правительство ускорить вторжение в Польшу. Принятие такого решения затруднялось поиском подходящего мотива. 10 сентября Молотов заявил Шуленбургу, что «Советское правительство намерено воспользоваться дальнейшим продвижением немецких частей, чтобы объявить, что Польша распалась и что Советскому Союзу необходимо, следовательно, прийти на помощь украинцам и белорусам, которым «угрожает» Германия. Этот аргумент нужен для того, чтобы интервенция Советского Союза выглядела благовидной для масс и чтобы в то же самое время избежать того, чтобы Советский Союз выглядел агрессором»¹³.

15 сентября Риббентроп поручил Шуленбургу передать Молотову, что «о выдвигении подобной

мотивировки не может быть и речи», поскольку подобное объяснение действий Красной Армии выставит Германию и СССР врагами перед всем миром и окажется «в противоречии со стремлением к дружеским отношениям, высказанным обеими сторонами»¹⁴.

На следующий день, после передачи Шуленбургом этого сообщения Риббентропу, Молотов заявил немецкому послу, что Советское правительство нашло новую мотивировку, чтобы оправдать за рубежом своё вступление в Польшу: «Польское государство распалось и больше не существует, следовательно, все соглашения, заключённые с Польшей, больше недействительны. Советский Союз считает своим долгом вмешаться, чтобы защитить своих украинских и белорусских братьев и создать условия мирного труда для этих обездоленных народов... К сожалению, Советское правительство не видит никакой другой возможной мотивировки, так как... Советский Союз должен тем или иным образом оправдать свою интервенцию в глазах мира»¹⁵.

В два часа ночи 17 сентября Шуленбург, Хильгер и военный аташе Германии в СССР генерал Кестринг были приглашены к Сталину, который сообщил им, что на рассвете этого дня Красная Армия перейдёт советско-польскую границу¹⁶. Ещё через час заместитель наркома иностранных дел Потёмкин вручил польскому послу ноту, в которой заявлялось, что Советское правительство не может безразлично относиться к тому, чтобы единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, оставались беззащитными. Поэтому Советское правительство дало приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии. Одновременно Советское правительство намерено принять все меры к тому, чтобы вывести польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность начать мирной жизнью¹⁷. В тот же день аналогичные ноты были переданы всем послам и посланникам, аккредитованным в Москве.

За день до этого, 16 сентября, в армейских частях был зачитан приказ Ворошилова о том, что Красная Армия должна вступить на территорию Польши и разгромить «панско-буржуазные польские войска». В приказе указывалось, что советские войска посланы в Западную Украину и Западную Белоруссию «выполнять революционный долг и свою обязанность оказать безоплаговательную помощь и поддержку белорусам, украинцам, трудящимся края, чтобы спасти их от угрозы разорения и избиения со стороны врагов»¹⁸. Кпо именно относится к этим врагам, в приказе не уточнялось.

Дополнительные разъяснения были даны в речи Молотова по радио 17 сентября, где было заявлено о «внутренней несостоятельности и явной недееспособности польского государства». Между тем к этому дню сохранилось польское правительство, военное командование и продолжалось сопротивление польской армии немцам, в том числе и в Варшаве.

19 сентября в Москве была получена англо-французская нота, которая требовала прекратить продвижение советских войск и вывести их из Польши. Разумеется, эта нота Советским правительством была проигнорирована¹⁹.

Двинув Красную Армию в «польский поход», сталинское руководство грубо нарушило Рижский мирный договор 1921 года, советско-польский договор о ненападении 1932 года и нормы международного права в целом,

фактически не соблюдая нейтралитета, декларированного в советско-германском пакте, а участвуя вместе с Германией в войне с Польшей.

После вступления Красной Армии в Польшу возник вопрос об уточнении раздела её территории между СССР и Германией. Ещё в конце августа 1939 года, после подписания пакта, Сталин стал требовать «доработки территориальных проблем», результатом чего явилось подписание 28 августа нового секретного протокола, расширяющего «зону советских интересов».

В своём указании о нападении на Польшу Гитлер не определил её окончательной судьбы. Такая неопределённость содержалась и в поспешно подписанном секретном протоколе от 23 августа. Между тем немецкие части достигли условно определённой в этом протоколе демаркационной линии гораздо раньше, чем это предполагали в Кремле. К 25 сентября советские войска продвинулись на 250-300 километров, выйдя на рубеж рек Западный Буг и Сан. Как вспоминал Хрущёв, участвовавший в «польском походе» в качестве члена Военного Совета КОВО (Киевского особого военного округа), «мы переправлялись совершенно беспрепятственно» и «население встречало нас радушно»²⁰.

Уже 17 сентября советскому послу в Польше было вручено письмо генерала Руммеля, командующего обороной Варшавы, в котором говорилось, что польское командование не рассматривает переход границы Красной Армией как состояние войны СССР с Польшей. Хотя немецкие войска окружили Львов, польское командование предпочло передать этот город подошедшим к нему частям Красной Армии²¹. По этому поводу Каганович хвастливо заявил в речи на партхозактиве Наркома путей сообщения 4 октября 1939 года: «Вы подумайте, сколько лет царизм воевал за то, чтобы Львов присоединить — 4 года империалистической войны, под крепостью Перемышлем три корпуса легли, а наши войска за 7 дней забрали эту территорию без больших жертв»²².

Хотя польское командование отдало своим войскам приказ не оказывать сопротивления Красной Армии, в отдельных местах, например, в районе Львова и на Люблинщине, происходили столкновения между польскими и советскими частями. В докладе на сессии Верховного Совета СССР Молопов заявил, что в ходе «польской кампании погибло 737 и было ранено 1862 советских воина»²³.

О том, что «освободительный поход» представлял собой малую войну, свидетельствовали содержащиеся в том же докладе утверждения о «боевом продвижении Красной Армии» и о захвате ею «боевых трофеев», которые составляли «значительную часть вооружения и боевой техники польской армии».

Повинуясь приказу своего командования, основная часть польских военнослужащих (до 250 тыс. человек) добровольно сдала оружие Красной Армии. Часть этих людей, в основном украинцев и белорусов, распустили по домам, а 130 тыс. человек заключили в лагеря²⁴, где они содержались как военнопленные, хотя не было никаких оснований так к ним относиться, потому что официально между СССР и Польшей не было объявлено состояние войны.

После вступления Красной Армии на территорию Польши Вышинский (тогда — заместитель наркома иностранных дел) совместно с руководством НКВД разработал «Положение о военнопленных»²⁵.

В сентябре 1940 года в советской печати были опубликованы частичные данные о польских военнослужащих,

сдавших оружие Красной Армии²⁶. В печати и служебных документах они именовались именно военнопленными. Только с июня 1941 года их стали называть «интернированными»^{*}.

Более точные данные содержатся в документе НКВД, представленном Сталину во время заключения договора о дружбе между правительством СССР и эмигрантским польским правительством Сикорского. В документе указывалось, что к этому моменту (30 июля 1941 года) в тюрьмах, лагерях и местах ссылки содержалось 389 382 человека. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 года из этого числа было амнистировано 389 041 человек²⁷.

Значительная часть польских офицеров к тому времени была уничтожена. В докладе Берии Сталину от 5 марта 1940 года сообщалось, что в лагерях для военнопленных содержится 14 700 бывших польских офицеров (не считая унтер-офицерского состава), чиновников, полицейских, жандармов, среди которых поляки по национальности составляют свыше 97%. Кроме того, в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии содержится 18 632 арестованных, из которых поляки составляют 10 685 человек. «Исходя из того, что все они являются закоренелыми, неисправимыми врагами Советской власти, — писал Берия, — НКВД считает необходимым: дела находящихся в лагерях военнопленных (14 700 человек) и дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии (11 000 человек) — рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинений — решением специально созданной тройки». Это предложение Берии было оформлено и утверждено решением Политбюро от 5 марта 1940 г.²⁸ Даже на фоне многочисленных преступлений сталинского режима это преступление выглядело особенно чудовищным, и к тому же оно серьёзно затрагивало отношения между СССР и Польшей. Поэтому после смерти Сталина было принято решение уничтожить связанные с этим преступлением документы.

Третьего марта 1959 года председатель КГБ Шелепин доложил Хрущёву, что по решению «Тройки» было расстреляно 21857 человек, преимущественно поляков. Поскольку «какая-либо непредвиденная случайность, — как говорилось в этом документе, — может привести к расконспирации проведённой операции со всеми нежелательными для нашего государства последствиями», Шелепин предложил «уничтожить все учётные дела на лиц, расстрелянных в 1940 году по названной выше операции»²⁹.

Для обсуждения вопроса об установлении точной линии разграничения германских и советских войск в Москву 18 сентября прибыла германская военная делегация. С советской стороны в переговорах с ней участвовали Ворошилов и Шапошников. Было подписано совместное германо-советское коммюнике, в котором было сказано, что цель германских и советских войск состояла в том, чтобы «восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенные распадом польского государства, и помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования»³⁰.

---

^{*} 30 июля 1941 года правительство СССР и эмигрантское правительство Польши официально признали недействительными советско-германские договоры 1939 года (Вопросы истории. 1997. № 7. С. 28).

В германо-советском коммюнике от 22 сентября граница «между государственными интересами СССР и Польши» ещё именовалась «демаркационной линией между германской и советской армиями», которая должна была проходить гораздо восточнее линии, определённой в секретном протоколе от 23 августа³¹. Однако, как мы увидим далее, Сталин сумел извлечь выгоду и из этой передвижки границы, «обменяв» некоторые польские области на Литву. Один из параграфов соглашения предусматривал «очищение» городов и местечек, передаваемых Красной Армией немцами, от «саботажников», а также помощь Красной Армии немецким подразделениям в уничтожении «вражеского», т. е. польского сопротивления³². Таким образом, имело место прямое сотрудничество советских и германских войск в борьбе с польским народом.

21 сентября был подписан секретный порядок и график отвода немецких войск на Запад до установленной ранее линии по рекам Нарев – Висла и Сан. Сталин сохранил за собой и нефтеносный район Львов – Дрогобыч, занятый в первой половине сентября германскими войсками, позже опустившими к Сану. Была также достигнута договорённость о том, что «для уничтожения польских банд по пути следования советские и германские войска будут действовать совместно»³³.

Ещё во время боевых действий у германского руководства возникла идея о возможности создания в зоне между линиями «государственных интересов» Германии и СССР в качестве буфера «остаточного» польского государства. Однако уже 19 сентября в беседе с Шуленбургом Молотов «намекнул, что первоначальное намерение Советского правительства и лично Сталина допустить существование остатка Польши сменилось желанием разделить Польшу по линии, проходящей вдоль Писса – Нарев – Висла – Сан. Советское правительство желает без промедления начать переговоры по этому вопросу»³⁴. Таким образом, советской стороной было высказано стремление осуществить полный раздел Польши между Германией и СССР.

Конкретизируя это стремление, Сталин выдвинул план, связанный с существенным изменением договорённостей, достигнутых в Москве 23 августа. Как сообщал Шуленбург, 25 сентября Сталин заявил ему, что «считает неправильным сохранять существование независимого польского государства на оставшейся территории. Он предлагает следующее: начиная с территории к востоку от демаркационной линии всё Люблинское воеводство и та часть Варшавского воеводства, которая простирается до Буга, должны быть присвоены к нашей (т. е. немецкой – В. Р.) доле. Но зато мы (т. е. немцы) должны отказаться от припозданий на Литву»³⁵. Этот план был принят Гиплером и официально объявлен им 6 октября в речи, произнесённой в рейхстаге³⁶.

Раскрывая цели «польского похода» Сталина, Троцкий писал: «Оккупацией Западной Украины и Западной Белоруссии Кремль пытается прежде всего дать населению паприотическое удовлетворение за ненавистный союз с Гиплером. Но у Сталина для вторжения в Польшу был и свой личный мотив, как всегда почти – мотив мести. В 1920 г. Тухачевский, будущий маршал, вёл красные войска на Варшаву. Будущий маршал Егоров наступал на Лемберг (Львов – В. Р.). С Егоровым шёл Сталин. Когда стало ясно, что Тухачевскому на Висле угрожает контрудар, московское командование отдало Егорову приказ повернуть с лембергского направления на Люблин, чтобы поддержать Тухачевского. Но Сталин боялся, что Тухачевский, взяв Варшаву, «перехватит» у него Лемберг

Прикрываясь авторитетом Сталина, Егоров не выполнил приказ ставки. Только через четыре дня, когда критическое положение Тухачевского обнаружилось полностью, армии Егорова повернули на Люблин. Но было уже поздно: катастрофа разразилась. На верхах партии и армии все знали, что виновником разгрома Тухачевского был Сталин. Нынешнее влечение в Польшу и захват Лемберга есть для Сталина реванш за грандиозную неудачу 1920 г.»³⁷.

Ещё до полного разгрома Польши в местах соприкосновения советских и германских войск состоялись парады (немцы называли их «парадами победы») с участием войск обеих стран. Например, в Гродно совместно с германским генералом парад принимал командир В. И. Чуйков, в Брест-Литовске — фельдмаршал Г. Гудериан и командир С. М. Кривошеин³⁸.

В результате раздела Польши СССР получил территорию площадью более 120 тыс. кв. км, с населением 13 млн человек, около трети из которых были украинцами, одна треть — поляками, а остальные более или менее делились на евреев, белорусов и несколько ещё меньших национальных групп³⁹.

Вместе с тем усилия советской пропаганды, направленные на то, чтобы представить «польский поход» освободительным, нашли известное понимание в ряде буржуазно-демократических государств. Так, государственный секретарь США К. Хэлл, в целом недоброжелательно относившийся к СССР, тем не менее заявил: «Хотя русское наступление на Польшу могло быть признано военной акцией, президент (Рузвельт) и я ... не хотели рассматривать Россию, как государство, воюющее в равной мере, как и Германия, ибо, поступая так, мы толкнули бы ещё больше Россию в объятия Гитлера»⁴⁰.

Выступая с докладом на сессии Верховного Совета 31 октября 1939 года, Молотов в особенно издевательских тонах говорил о Польше: «Правящие круги Польши немало кичились «прочностью» своего государства и «мощью» своей армии. Однако оказалось достаточно короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем — Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счёт угнетения польских национальностей»⁴¹.

Ещё более презрительные оценки содержались в приказе наркома обороны Ворошилова от 7 ноября 1939 года, где говорилось: «Польское государство, правители которого всегда проявляли так много заносчивости и бахвальства, при первом же серьёзном военном столкновении разлетелось как старая, стгнившая телега... Спрямительным написанием части Красной Армии разгромили польские войска»⁴². Эти и подобные официальные заявления внесли немалый вклад в ухудшение отношения польского народа к СССР.

Описывая положение, сложившееся после раздела Польши, Хрущёв отмечал в своих мемуарах: «Поляки переживали траур, их страна была оккупирована, Варшава разгромлена. Но мы не могли говорить о том в полный голос, так как не хотели вести пропаганду против Гитлера как нашего фактического, хотя и временного, союзника. То была прагматическая ситуация для наших партийных пропагандистов. Правда, в украинской партийной среде поляков почти не осталось, всех их уже уничтожил Сталин»⁴³.

На присоединённых к СССР территориях Сталин сделал всё, чтобы испортить отношения местного населения к Советскому Союзу. Это выразилось, в частности, в том, что Польша, считавшаяся одной из самых

бедных и опсталых стран Европы, показала советским военным служащим и чиновникам, хлынувшим в «освобожденные районы», страной изобилия. Сначала Красная Армия, а затем тысячи бюрократов, прибывших сюда с семьями, буквально за несколько недель опустошили полки в промтоварных магазинах.

Тяжело ударило по местному населению и то, что рубль был приравнен к польскому злотому, который в действительности копировался намного дороже. Цены на многие товары в Советском Союзе были гораздо выше, чем в западных областях Украины и Белоруссии. Например, наручные часы в Москве стоили 340-400 рублей, а во Львове – 30 злотых. В результате этих ценовых ножиц советские офицеры и работники различных советских ведомств, организаций, хлынувшие в освобожденные районы, скупили всё, что в СССР являлось дефицитным. Мелкие лавочники и кустари быстро разорились. Цены на все товары, включая и продовольствие, выросли в несколько раз, а заработная плата у местного населения оставалась прежней и выплачивалась в злотых. Решение Сталина провести ускоренную советизацию бывших польских территорий вызвало осуществление там форсированными темпами раскулачивания, насильственной коллективизации, огосударствления не только крупных предприятий, но и мелких кустарных мастерских.

Всё это, естественно, вызвало недовольство местного населения, выразившееся прежде всего в студенческих демонстрациях. Хотя протесты носили главным образом экономический характер, органы НКВД объявили их контрреволюционными антисоветскими вылазками. Начались жестокие расправы над участниками демонстраций, аресты и массовые депортации⁴⁴.

В феврале, марте-апреле и июле 1940 года органы НКВД осуществили три массовые высылки населения из западноукраинских и западнобелорусских земель в Сибирь, на Алтай и в степные районы Казахстана. Из материалов главного управления конвойных войск НКВД следует, что только ими было вывезено более 400 тыс. человек. По польским данным, было депортировано от 500 тыс. до 1 млн человек. В основном выселялись имущие граждане, чиновники, члены политических партий, беженцы, перебежчики, представители интеллигенции, члены семей офицеров и полицейских⁴⁵.

Неудивительно, что отношение местного населения к СССР (включая украинцев и белорусов) за период с вступления Красной Армии в Польшу до нападения Германии на Советский Союз изменилось коренным образом. Если в сентябре 1939 года советские войска встречались жителями Западной Украины и Западной Белоруссии как освободители – с цветами и хлебом-солью, то в июне 1941 года в этих районах так сначала встречали уже немцев⁴⁶.

«Германо-советская дружба установлена окончательно»

27 сентября, т. е. за день до капитуляции Польши, в Москву прибыл Риббентроп. На следующий день был подписан «Договор о дружбе и границе между СССР и Германией». В статье 1 договора указывалось, что правительства СССР и Германии «устанавливают в качестве границы между обоюдными государственными интересами на территории бывшего Польского государства линию, которая нанесена на прилагаемую при сем карту и более подробно будет описана в дополнительном протоколе». Эту линию, означавшую по сути новую государственную границу между СССР и Германией, провёл на карте Сталин, поставив рядом свою подпись. Вслед за этим в знак согласия расписался на карте и Риббентроп. Карта раздела Польши появилась вместе с текстом договора на страницах советских газет (разумеется, без подписей Сталина и Риббентропа)¹.

По инициативе советской стороны были внесены некоторые территориальные изменения «сфер влияния» по сравнению с секретным протоколом, подписанным 23 августа. Главное из них касалось Липвы, рассматривавшейся в этом протоколе как сфера интересов Германии. Ещё 20 сентября был подготовлен проект «Договора о защите между Германским рейхом и Липовской республикой», в котором говорилось: «1. Не в ущерб своей самостоятельности Липва становится под защиту Германского рейха. 2. Для осуществления этой защиты Германия и Липва заключают между собой военную конвенцию»². Однако при обсуждении договора о дружбе и границе Сталин высказал желание включить территорию Липвы в сферу государственных интересов СССР, взамен предложив включить в сферу германских интересов, т. е., попросив говоря, передать Германии, территории Люблинского и части Варшавского воеводств. Это предложение, принятое германской стороной, нашло отражение в первом секретном дополнительном протоколе к договору о дружбе и границе, где указывалось, что территория Липовского государства (за исключением её небольшой части, отходящей к Германии) включается в сферу интересов СССР и на ней должны быть проведены «особые меры для охраны интересов СССР».

От небольшого куса Липвы, оставшегося у Германии, последняя после долгих переговоров отказалась в обмен на денежную компенсацию со стороны СССР в размере 7,5 миллиона золотых долларов, или 315 миллиона германских марок, что было зафиксировано в специальном протоколе, подписанном Молотовым и Шуленбургом 10 января 1941 года³.

В договоре указывалось, что новая граница признаётся окончательной и каждая из договаривающихся сторон производит «в своей зоне» «необходимое государственное переустройство». Причём оба правительства рассматривают это переустройство «исключительно как свою задачу», как «надёжный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между своими народами»⁴. Таким образом, в договоре о дружбе и границе не было сказано ни слова о праве польского народа на самостоятельное государственное существование, а «государственное переустройство» на территории бывшего Польского государства рассматривалось

исключительно с точки зрения интересов СССР и Германии.

Как вспоминал Риббентроп во время своего второго визита в Москву, который продолжался 3 дня, он «нашёл у Сталина и Молотова ярко выраженный, почти дружеский приём... Когда я стал зондировать возможность более тесного союза, Сталин отвечал: «Я никогда не допущу ослабления Германии!»⁵.

Второй визит Риббентропа прошёл в значительно более тёплой обстановке, чем первый. На сей раз состоялось несколько торжественных церемоний. В Большом театре в честь немецкой делегации был дан балет «Лебединое озеро». На банкете, устроенном в честь Риббентропа, присутствовали не только Сталин и Молотов, как в августе 1939 года, а все члены Политбюро. Советник германского посольства Г. Хильгер рассказывал, что «Сталин был в весьма хорошем расположении духа, и Риббентроп позже не раз повторял: «Я чувствовал себя в Кремле так хорошо, словно находился среди старых национал-социалистических партийгеноссен» (товарищей по партии)⁶. От пронизательного взгляда Хильгера не ускользнул и характер общения Сталина со своими «соратниками». «Я и сейчас очень чётко вспоминаю, — писал он, — о той подбострастной манере, с какой народные комиссары, словно школьники, вскакивали со своих мест, лишь только Сталин изволил адресовать им вопросы. На всех беседах, на которых присутствовал Сталин, Молотов был единственным, кроме Ворошилова, кто говорил со Сталиным как с товарищем. И всё-таки обращало на себя внимание то, как глядел он на Сталина, как счастлив был служить ему»⁷.

Вспоминая о том же банкете, Молотов рассказывал Чуеву: «Мне приходилось поднимать тост за Гитлера как руководителя Германии... Они поднимали тост за Сталина, я — за Гитлера. В узком кругу. Это же дипломатия». Когда же Молотов предоставил слово Сталину, тот неожиданно предложил тост «за нашего наркома сообщения Лазаря Кагановича», который сидел через кресло от Риббентропа. «И Риббентропу пришлось выпить за меня!» — рассказывал Каганович Чуеву, умиленно говоря о Сталине, заставившем нацистских бонз выпить тост за здоровье еврея, допущенного к торжественному столу⁸.

В дневниковой записи от 5 октября Розенберг отмечал, что особенное впечатление на него произвёл рассказ Риббентропа о том, что на банкете «Сталин произнёс здравицу не только в честь фюрера, но и в честь Гимлера как гаранта порядка в Германии. Гимлер уничтожил коммунистов, то есть тех, кто верил в Сталина, — с изумлением писал Розенберг, — а тот — причём без всякой необходимости — провозглашает «хох» испребицелю тех, кто ему верит! Он — великий человек, говорили Риббентроп и его окружение»⁹.

Перед отъездом из Москвы Риббентроп сделал следующее заявление сотруднику ТАСС: «1. Германско-советская дружба теперь установлена окончательно. 2. Обе страны никогда не допустят вмешательства третьих держав в восточно-европейские вопросы. 3. Оба государства желают, чтобы мир был восстановлен и чтобы Англия и Франция прекратили абсолютно бессмысленную и бесперспективную борьбу против Германии. 4. Если, однако, в этих странах возьмут верх поджигатели войны, то Германия и СССР будут знать, как ответить на это».

Отметив, что на переговорах было подписано совместное советско-германское заявление и достигнуто соглашение об «обширной экономической программе, которое принесёт выгоду обеим державам», Риббентроп завершил своё обращение следующими словами: «Переговоры происходили в особенно дружественной и

великолепной атмосфере. Однако прежде всего я хотел бы отметить исключительно сердечный приём, оказанный мне Советским правительством, и в особенности гг. Сталиным и Молотовым»¹⁰.

В течение последующих месяцев германская пресса широко комментировала итоги переговоров с советскими руководителями, щедро распуская слухи, адресованные персонально Сталину как инициатору сближения Германии и СССР. В статье газеты «Фрейхейтскампф», опубликованной 22 декабря 1939 года, говорилось: «Это Сталин, ставший после смерти Ленина вершителем судеб России, внёс коренную перемену во внешнюю политику Советского Союза. Когда весной этого года он в своей большой речи на партсъезде заклеил козлы западной плутократии, ясно обнаружилось, где ответственный руководитель избрал своё место в великом споре наших дней... Ясный выбор Сталина означал проведение жирной черты по расчётам западных держав, которые надеялись заставить Советский Союз защищать их воз экономических стремлений к господству над миром. Своим умным взором Сталин заблаговременно распознал эти махинации... Принятое Германией и Россией совместное решение польской проблемы, равно как подписанные экономические соглашения положили начало такому развитию событий, которое будет иметь решающее значение для будущего нашего континента»¹¹.

III

«Миротворческая» концепция Германии и Советского

Союза

«Ни один народ – писал немецкий историк Тилпельскирх, – даже немецкой, не испытывал ничего похожего на то воодушевление, которое в 1914 г. охватило все народы Европы. Всего лишь двадцать лет прошло со времен первой катастрофы в Европе, а ещё никто не забыл перенесённых страданий и огромных жертв»¹.

Учитывая эти настроения, советское и германское правительства во время пребывания Риббентропа в Москве сформулировали «миротворческую» концепцию, изложенную в совместном «Заявлении правительства Германского Рейха и правительства СССР», где говорилось: «После того, как германское правительство и правительство СССР подписанным сегодня договором («О дружбе и границе». – В. Р.) окончательно урегулировали вопросы, возникшие в результате распада Польского государства, и тем самым создали прочный фундамент для длительного мира в Восточной Европе (Sic! – В. Р.), они в обоюдном согласии выражают мнение, что ликвидация настоящей войны между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой стороны, отвечала бы интересам всех народов. Поэтому оба правительства направят свои общие усилия в случае нужды совместно с другими дружественными державами, чтобы возможно скорее достигнуть этой цели. Если, однако, эти усилия обоих правительств останутся безуспешными, то таким образом будет установлен факт, что Англия и Франция несут ответственность за продолжение войны»².

Эта «миротворческая» концепция получила оформление в выступлении Гитлера 6 октября в рейхстаге с декларацией, в которой он предложил Англии и Франции «мир», разумеется, при условии признания ими аннексии Польши. На следующий день в «Правде» была опубликована эта декларация Гитлера, а также изложение беседы Риббентропа с японским журналистом, в которой Риббентроп заявил: «Германия всегда хотела мира, а не войны. Война с Польшей была нам навязана вопреки всем предложениям фюрера. Также и на Западе объявила войну не Германия, а Англия и Франция. Если Германия всё ещё готова заключить мир, то это не новость». К этому Риббентроп добавил, что «Германия и Советский Союз в своём совместном заявлении предложили Англии и Франции выбор: хотят они войны или мира. Решение зависит от западных держав»³.

Согласиться заключить с Гитлером мир, признав захват им Польши, значило совершить намного более тяжкое преступление, чем даже заключение мюнхенского соглашения. Естественно, что английское и французское правительства отвергли предложение Гитлера, что дало основание советской и коминтерновской пропаганде в унисон с гитлеровской пропагандой объявить Англию и Францию агрессорами и поджигателями войны против Германии.

31 октября 1939 года на сессии Верховного Совета СССР, созванной для ратификации нового советско-

германского договора, Молотов заявил, что «наши отношения с Германией... улучшились коренным образом. Здесь дело развивалось по линии укрепления дружественных отношений, практического сотрудничества и политической поддержки Германии в её стремлении к миру».

Развивая мысль о «миролюбии» Германии и «агрессивности» её противников, Молотов говорил: «Германия находится в положении государства, стремящегося к скорейшему окончанию войны и к миру, а Англия и Франция, вчера ещё раповавшие против агрессии, стоят за продолжение войны и против заключения мира... В последнее время правящие круги Англии и Франции пытаются изобразить себя в качестве борцов за демократические права народов против гитлеризма, причём английское правительство объявило, что будто бы для него целью войны против Германии является не больше и не меньше, как «уничтожение гитлеризма»... Не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за «уничтожение гитлеризма», прикрываемая фальшивым флагом войны за «демократию». Получается так, что английские, а вместе с ними и французские сторонники войны объявили против Германии что-то вроде «идеологической войны», напоминающей старые религиозные войны... Но такого рода война не имеет для себя никакого идеологического оправдания». Молотов заявил, что «политику разжигания войны против Германии» диктуют правящим кругам Англии и Франции «опасения за потерю мирового господства».

Молотов воспользовался случаем, чтобы объявить о полном изменении направленности советской пропаганды. «Идеологию гитлеризма, — заявил он, — как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать, это — дело политических взглядов. Но любой человек поймёт, что идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с ней войной. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война «за уничтожение гитлеризма»⁴.

В докладе Молотова повторялась гитлеровская версия о том, что Франция и Англия, выполняя свои гарантии Польше и объявив войну Германии, совершили акт агрессии против Германии. Сотрудники геббельсовского пропагандистского аппарата, подхватив эту версию, отпечатали доклад Молотова на английском и французском языках в виде листовок и разбрасывали их с самолётов над позициями англо-французских войск⁵.

В той же речи Молотов сказал: «Мы всегда были того мнения, что сильная Германия является необходимым условием прочного мира в Европе»⁶.

Подобные установки Сталин стремился навязать и всем секциям Коминтерна, что, как оказалось, представляло достаточно трудную задачу.

IV

Переориентация политики западных компартий

В первые недели второй мировой войны коммунистические партии большинства европейских стран, а также США и Канады выступили в поддержку войны против Германии и выдвинули лозунг превращения войны в антифашистскую, направленную на разгром гитлеризма. Первоначально такую позицию занимало и руководство Коминтерна. После известия о визите Риббентропа в Советский Союз для подписания пакта о ненападении Секретариат ИККИ 22 августа принял постановление, в котором компартиям предлагалось «продолжать с ещё большей энергией борьбу против агрессоров, в особенности, против германского фашизма»¹.

В первые дни после начала мировой войны ЦК Компартии Бельгии утверждал, что «агрессию против Польши осуждают все народы»², и требовал «твёрдости» со стороны Парижа, Лондона и Варшавы, чтобы «спасти независимость Польши»³. Руководство Голландской компартии выступило за решительный отказ от любых уступок фашистским державам и призвало к широкой моральной, дипломатической и военной помощи польскому народу в защите независимости своей страны. ЦК Компартии Англии призывал «добиться наиболее полного сотрудничества» с СССР и демократическими странами «в победоносной войне против фашизма»⁴. Орган Коммунистической партии Швеции подчёркивал, что «история человечества не знает более чёрного преступления, чем насильственные действия национал-социалистических безумцев против Польши, могущие вызвать всеобщую европейскую войну»⁵. Компартия Канады продолжала отстаивать лозунги: «Превратить империалистическую войну в подлинную антифашистскую народную войну», «Война за спасение Польши» и п. п.⁶

Наиболее противоречивую позицию по отношению к советско-германскому пакту и последовавшим за ним событиям занимали германские коммунисты. Так, в воззвании Берлин-Бранденбургского комитета КПГ, с одной стороны, утверждалось: «Наш лозунг гласит при всех обстоятельствах — как в военных условиях, так и в мирное время: *долой Гитлера и поджигателей войны в Германии!*. За свержение Гитлера и за уничтожение «германских» завоевателей, врагов нашей нации!» С другой стороны, в том же документе говорилось, что Гитлер пошёл на заключение пакта с СССР потому, что германским империалистам «известен неофициальный союз» (? — В. Р.) германских народных масс с социалистическим Советским Союзом»⁷.

28 августа был разработан проект воззвания ЦК КПГ к немецкому народу, в котором содержался призыв «Свергни гитлеровский фашизм, который является твоим заклятым врагом»⁸. В дальнейшем этот документ подвергся многократной переработке. В составленных Ульбрихтом 9 сентября предложениях об изменениях в политике КПГ подчёркивалось, что советско-германский договор «укрепляет дружбу между Советским Союзом и трудовым народом в Германии и тем самым усиливает идеологическое влияние социализма»⁹. В одобренном Секретариатом ИККИ 23 октября новом проекте воззвания уже не содержались слова «гитлеризм» и «фашизм» и сохранился лишь термин «германский крупный капитал». Однако вскоре Секретариат ИККИ дал указание вообще

не публиковать воззвание¹⁰. Вместо него было выпущено письмо партруководства КПГ, в котором выдвигалось требование «разъяснить трудящимся, находящимся под влиянием национал-социалистов, что именно Советский Союз, заключив договор с Германией, уберёт немецкий народ от самой страшной войны, в которую его должна была ввергнуть империалистическая реакция своими преступными планами»¹¹.

После заключения советско-германского пакта перед коммунистами Франции с особой остротой встал вопрос о том, как в новых условиях сохранить «верность» СССР, в котором, как указывалось в программе Коминтерна, рабочие всех стран видят «свое единственное отечество, важнейший оплот своих завоеваний и главный фактор своего международного освобождения»¹².

Тем не менее в первые дни после заключения пакта французские коммунисты не видели в нём основания для изменения своей прежней антифашистской линии. На собрании парламентской группы коммунистов 25 августа Торез поддержал меры французского правительства по проведению мобилизации, чтобы в случае необходимости оказать помощь Польше, «которая может подвергнуться агрессии и с которой мы связаны договором о дружбе»¹³. В «Декларации Французской коммунистической партии», опубликованной в тот же день «Юманипе», компартия предлагала правительствам Англии и Франции «заключить соглашение с СССР, чтобы совместно организовать сопротивление агрессору»¹⁴.

Второго сентября, когда французское правительство обратилось к парламенту с просьбой о дополнительных военных кредитах для ведения войны, парламентская группа ФКП без прений, под аплодисменты единогласно голосовала за военные кредиты. 6 сентября один из самых популярных лидеров ФКП Марсель Кашен в письме председателю сената заявил, что компартия «согласна с мерами военного порядка», принятыми правительством, чтобы разбить Гитлера и гарантировать спасение страны». Отстаивая линию на защиту национальных интересов и демократических традиций Франции, Кашен 9 сентября опубликовал в газете социалистической партии «Ле Популер» письмо лидеру французских социалистов Блому, в котором заявлял о стремлении коммунистов быть в первых рядах защитников родины. «Что же касается нас, французских коммунистов, — утверждал Кашен, — то мы связаны с нашей страной самыми прочными узами... мы первыми сигнализировали о необходимости пожертвовать всем, чтобы сокрушить гитлеровский нацизм... мы получаем наши установки только от французского народа»¹⁵. В этом же духе были выдержаны заявления парламентской группы ФКП, в которых говорилось о «непоколебимой решимости всех коммунистов встать в первые ряды сопротивления агрессии гитлеровского фашизма» и «обеспечить поражение гитлеровского агрессора»¹⁶.

Первоначально такая позиция встречала одобрение руководства Коминтерна. 27 августа Димитров и Мануильский писали Сталину, что ФКП «должна и впредь стоять на позиции сопротивления фашизму». Но после беседы Сталина с Димитровым, состоявшейся 7 сентября, позиция коминтерновских вождей круто изменилась. В директиве Секретариата ИККИ от 9 сентября подчёркивалось, что «коммунистические партии, особенно во

---

* 1 сентября 1939 г. правительство Э. Далады ввело во Франции осадное положение, ликвидировавшее свободу слова, печати и собраний (Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 32).

Франции, Англии, Соединённых Штатах, Бельгии... должны как можно быстрее выправить свою линию»¹⁷.

Чтобы «выправить линию» ряда западных компартий, Секретариат ИККИ 8 сентября направил директиву компартиям капиталистических стран, в которой давалась оценка начавшейся войны как империалистической с обеих воюющих сторон, отрицался её антифашистский характер со стороны Англии и Франции. Перед компартиями ставились задачи «выступать против войны, разоблачать её империалистический характер, голосовать там, где есть депутаты-коммунисты, против военных кредитов, говорить массам, что война им ничего не даст, кроме тягот и разорений»¹⁸.

Такую установку поддерживали отнюдь не все деятели коммунистических партий. Так, по свидетельству Артура Лондона, Клементис, будущий министр иностранных дел коммунистического правительства Чехословакии, расстрелянный в 1952 году по приговору суда над Сланским и другими коммунистическими деятелями, в 1939 году выступал против германо-советского пакта, а затем — против оккупации Красной Армией Западной Украины и Западной Белоруссии и советско-финляндской войны¹⁹.

Даже лидеры Коминтерна испытывали серьёзные трудности при попытках сформировать новые установки для коммунистических партий. Гопвальд, Пик и Копленг пытались в начале войны выработать совместный манифест Коммунистических партий Чехословакии, Австрии и Германии. Однако их общие усилия не привели к результату, который мог бы быть одобрен Секретариатом ИККИ. Поэтому Фюрнберг и Венер получили задание выработать и представить текст этого манифеста. «Фюрнберг, — вспоминал в этой связи Венер, — который, как всегда, был непроницаем, сказал мне по этому поводу, что многие предрассудки следует выбросить за борт. Если таким путём (сближения Советского Союза с Германией), сказал он, можно прийти к социализму, то нужно примириться с концентрационными лагерями (в Германии) и с антисемитизмом как с необходимым злом. Мне не было ясно, хотел ли Фюрнберг таким образом выразить своё мнение или выяснить моё. Поэтому я не ответил. Когда мы с трудом и отпиранием выработали проект, который был направлен против империалистической войны, против врага в собственной стране и за брапание рабочих в военной форме, Мануильский сказал, что для брапания ещё время не пришло и что нужно быть поосторожнее с утверждениями, будто рабочие ни в одной стране не хотели или не стремились к войне»²⁰.

Сполкнувшись со стремлением эмигрантов из разных стран сформировать легионы для участия в войне против фашистской Германии, Секретариат ИККИ принял 15 сентября решение об отрицательном отношении к добровольному вступлению коммунистов в эти легионы²¹.

Новым испытанием для коммунистов стало впрожение 17 сентября советских войск в Польшу. За несколько дней до этой акции членам ЦК Германской компартии через Пика была передана информация, идущая из кругов советского партийного руководства. В ней говорилось, что Советское правительство из-за угрожающего международного положения и попыток виновников Мюнхенского соглашения повернуть войну против СССР вынуждено было заключить советско-германский договор. Пока ещё не ясно, как в дальнейшем будет развёртываться война. Но с точки зрения международного пролетариата будет неплохо, если с карты мира исчезнет полуфашистская Польша. «Брапские партии в капиталистических странах, однако, не должны делать

вывод из советско-германского пакта, что они могут заключать подобные пакты с буржуазией своих стран; это принципиально иной вопрос. Немецкие коммунисты никогда не должны упускать из виду, что у них *нет* пакта с Гитлером». Подобные «разъяснения» получили и ЦК компартий других стран. «Это было единственное непосредственное обращение со стороны русского партийного руководства, о каком я слышал за всё время своего пребывания в Москве, — писал Венер. — Из этого обращения возникало впечатление, будто бы Советское правительство действовало в ситуации необходимой обороны и просило коммунистов других стран поддержать его и облегчить его безвыходное положение путём своей борьбы против врага в собственных странах»²².

Подобная «информация» оказала влияние на поведение руководства западных компартий. Так, парламентская группа ФКП, ещё 16 сентября приветствовавшая «героических защитников Варшавы», оправавших напик «фашистских орд», спустя несколько дней предложила «ускорить час заключения мира». На совещании группы членов ЦК ФКП, состоявшемся 20 сентября, был принят манифест «Надо заключить мир», в котором указывалось, что начавшаяся война в действительности «не является антифашистской, антигитлеровской»²³.

Следующий этап в эволюции политики Коминтерна был связан с заключением договора «О дружбе и границе между СССР и Германией». Рассказывая Чуеву о событиях, связанных с заключением договора. Молотов сообщил любопытный эпизод. «Когда мы принимали Риббентропа... Сталин неожиданно предложил: «Выпьем за нового антикоминтерновца Сталина!» — издевательски так сказал и незаметно подмигнул мне. Пошутил, чтобы вызвать реакцию Риббентропа. Тот бросился звонить в Берлин, докладывает Гитлеру в восторге. Гитлер ему отвечает: «Мой гениальный министр иностранных дел». Гитлер никогда не понимал марксистов»²⁴.

Между тем шутка Сталина была не так уж далека от истины. В стремлении к укреплению союза с Германией Сталин всё больше разрушал Коминтерн, проводя линию на отказ от революционных выступлений рабочего класса, возрождая установки начала 30-х годов о социал-демократии как враге № 1 и изолируя коммунистов от широких масс трудящихся их стран. На этих путях руководство Коминтерна вступало в конфликт даже с «испытанными» лидерами компартий капиталистических стран. Так, на заседании ЦК Компартии Великобритании 3-4 октября была принята оценка начавшейся войны как в равной степени несправедливой и империалистической с обеих сторон, хотя такая оценка встретила сопротивление со стороны ведущих партийных деятелей Г. Полипа, Кемпбелла и в известной степени Галлахера²⁵.

В письме, написанном Димитровым в конце сентября — начале октября генеральному секретарю Компартии США Браудеру, говорилось: «Вы продолжаете... оставаться в плену тех установок, которые до европейской войны были правильными, а сейчас являются ошибочными... Вопрос о фашизме играет второстепенную роль, главное и основное — это борьба против капитализма... Исчезает основа для противопоставления «буржуазной демократии» фашизму... Вопрос о том, кто первый напал, не играет роли»²⁶.

19-20 октября Президиум ИККИ принял решение о стратегии и тактике компартий в условиях империалистической войны. В нём выдвигалось требование «сосредоточить огонь против оппортунизма, выражающегося в скатывании на оборонческую позицию, в поддержании легенды об антифашистском

характере войны»²⁷. В соответствии с этой установкой коммунистам Англии и Франции предписывалось голосовать в парламентах против военных кредитов и вести непримиримую борьбу против правительств своих стран как «виновников войны». Эта установка означала указание английским и французским коммунистам саботировать военные усилия в своих странах.

Разнобой, наблюдавшийся в установках компартий, их стремление сохранить прежнюю антифашистскую линию вызывали явное недовольство Сталина, решившего лично сформулировать лозунги, которыми должны руководствоваться компартии капиталистических стран. 17 октября он получил написанную Димитровым статью «Война и рабочий класс капиталистических стран», в препроводительной записке к которой Димитров писал: «Хотя коммунистические партии в основном уже исправили свою позицию в отношении войны, всё же продолжается в их рядах некоторое замешательство по вопросу о характере и причинах войны, а также о выдвигающихся сейчас перед рабочим классом новых задачах и необходимой перемене тактики»²⁸.

В беседе с Димитровым, состоявшейся 25 октября, Сталин потребовал снять из статьи все революционные лозунги и «не ставить вопрос о мире на основе уничтожения капитала», поскольку такой лозунг приведёт к изоляции коммунистических партий от масс. В той же беседе Сталин заявил: «Мы не будем выступать против правительств, которые за мир» и посоветовал Димитрову поставить в центр статьи требование «прогнать правительства, которые за войну!»²⁹. Эти установки вошли в воззвание ИККИ, опубликованное в конце ноября, а также в окончательный текст статьи Димитрова, исправленный и дополненный в соответствии с замечаниями Сталина. В статье утверждалось, что германо-советский договор «О дружбе и границе» создал барьер против расширения империалистической войны, а английские и французские империалисты выступают в роли самых ревностных сторонников продолжения и разжигания войны³⁰.

Крупная смена установок Коминтерна вызвала массовый отлив коммунистов из компартий капиталистических стран. В некоторых буржуазно-демократических странах, особенно там, где коммунисты пользовались значительным влиянием, деятельность компартий была запрещена. Во Франции депутаты-коммунисты, поддерживавшие пораженческую линию Коминтерна, были лишены парламентской неприкосновенности и арестованы. 20 марта – 3 апреля 1940 года прошёл судебный процесс над 44 коммунистическими депутатами парламента, приговорёнными к различным срокам тюремного заключения за выступления в пользу заключения мира с гитлеровской Германией³¹.

Повсеместно были разрушены единые рабочие и народные фронты, возникшие в середине 30-х годов. Деятели III Интернационала именовались в документах Коминтерна не иначе как «империалистические и полицейские агенты»³², «злейшие, бешеные враги рабочего класса», «носители национальной измены и агенты иностранных разведок»³³.

Что же касается одного из ключевых вопросов войны – вопроса о защите демократии, то Исполком Коминтерна в октябре 1939 года разъяснил, что «в мире сейчас есть только одна демократия, за которую готов умереть рабочий класс. Это великая социалистическая демократия советской страны»³⁴.

Объективно коминтерновская печать оказывала содействие нацистской пропаганде. В директиве

Секретариата ИККИ Компартии Голландии от 27 января 1940 года утверждалось, что «английский (и связанный с ним французский) империализм стал агрессором и главным поджигателем войны, и против него, как такового, рабочий класс должен бороться самым решительным образом. Партия должна основательно очиститься от всех остатков ложных представлений о том, будто в империалистической войне Англии и Франции «всё-таки» есть что-то демократическое и прогрессивное... Простое отождествление Германии с Англией и Францией, как если бы от них исходила для Голландии равная угроза, сегодня уже является политически неверным»³⁵. Аналогичные установки содержались в директиве Секретариата ИККИ Компартии Австрии, где указывалось, что «Англия и Франция стали агрессорами: они развязали войну с Германией»³⁶.

В директивах Компартия Австрии и Голландии не ставился вопрос о борьбе с национал-социализмом, более того, допускалась возможность работы коммунистов среди массовых нацистских организаций³⁷. О том, какой характер носило такое участие, свидетельствует помещённое в голландской коммунистической газете «Фольксдагблад» письмо из Берлина под заголовком «Некоторое понятие о внутреннем фронте в Германии». КПГ, говорилось в письме, ведёт энергичную кампанию по популяризации Советского Союза. «Рабочие доказывают национал-социалистам противоречие между прежними утверждениями национал-социалистических газет о Советском Союзе и той правдой, которую теперь они вынуждены писать о СССР. Если прежде, — говорят рабочие национал-социалистам, — писалось, что Советский Союз представляет собой страну, где «дети мрут от голода», то теперь Советскому Союзу приходится даже вам помогать продовольствием»³⁸.

Документы ЦК Компартии Германии весьма аморфно ставили вопрос об отношении к нацистскому режиму и поддерживали войну Германии против Англии и Франции как «агрессоров». В решении ЦК КПГ говорилось лишь о необходимости создания некоего нового порядка внутри Германии путём «борьбы за права трудящегося народа»³⁹. В проекте директив Компартии Чехословакии от 28 февраля 1940 года, написанном Готвальдом, указывалось: «Мы придерживаемся одинаковой с немецким пролетариатом линии, направленной против западного империализма как агрессора»⁴⁰.

Лишь в отношении Италии, с которой у Советского Союза сохранялись в первой половине 1940 года неприязненные отношения, выдвигался призыв «прогнать проклятую фашистскую плутокрапию»⁴¹.

Расширение экономических отношений с Германией

Советско-германская «дружба» нашла выражение в неуклонном росте экономических связей. Спустя две недели после заключения договора «О дружбе и границе между СССР и Германией» Молотов принял хозяйственных представителей Германии Риппера и Шнурре и договорился с ними о том, что СССР незамедлительно приступит к снабжению Германии сырьём, а Германия — к поставкам товаров для СССР¹.

О значении, которое придавала сталинская клика экономическим отношениям с Германией, говорит тот факт, что несколько раз (в том числе в ночь на 1 января 1940 года) Сталин вместе с лицами из своего ближайшего окружения встречался с послом по особым поручениям, главным экономическим экспертом МИД Германии Риппером и вёл с ним самый настоящий торг по поводу условий заключения широкого хозяйственного соглашения². Такое соглашение было подписано 11 февраля 1940 года³.

Комментируя заключение германо-советского торгового договора, эссенская газета «Национальцайтунг» писала: «Для Германии это больше, чем выигранное сражение, это безусловно решающая победа... Благодаря раскрывающимся в этом договоре с Советским Союзом неисчерпаемым сырьевым источникам для Германии последствия английской торговой блокады должны быть сведены на нет. Германо-советский договор уничтожил блокаду как сильнейшее оружие англичан против Германии»⁴.

Выполнение этого договора обеспечивало поставки в Германию в огромных масштабах зерна, хлопка, льна, лесоматериалов, платины, никеля, меди, марганцевой и хромовой руды и п. д. Согласно германским источникам, с октября 1939 года и вплоть до начала войны Германия получила из Советского Союза не менее 2 млн 200 тыс. тонн зерна, кукурузы и бобовых культур, 1 млн тонн нефти, свыше 100 тыс. тонн хлопка и большое количество фосфатов, никеля, марганцевой руды и других стратегически важных металлов⁵.

Помимо этого в значительных объёмах советские закупки товаров для продажи их Германии осуществлялись в третьих странах, в том числе отказывавшихся торговать с Германией. Перевозки закупленных товаров производились на советских кораблях, которые завозили их в советские порты для последующей переправки по суше в Германию. Все попытки английского правительства уговорить Советское правительство не продавать Германии стратегическое сырьё, служащее нуждам войны, отвергались. 23 мая 1940 года Геббельс с удовлетворением записывал в своём дневнике: «Англия попробовала в Москве ограничения германо-русской торговли. Получила заслуженный твёрдый отпор... Тяжёлые времена для Альбиона»⁶.

Конечно, Советский Союз получал тоже немалую выгоду от экономических отношений с Германией. Они позволили Советскому Союзу приобрести значительное количество новейшего промышленного оборудования, станков, машин, образцов современной военной техники.

В октябре 1940 года в Германию была отправлена комиссия из шестидесяти специалистов во главе с

наркомом судостроения И. Ф. Тевосяном. Эта комиссия, направленная для выяснения возможности размещения советских заказов на германских предприятиях, осмотрела большое количество образцов новинок германской военной техники для всех родов войск и побывала на предприятиях, производящих эту технику, в экспериментальных лабораториях, конструкторских бюро и т. д. Она познакомилась с последними немецкими военно-конструкторскими разработками. После того, как Тевосян потребовал от Риппера показать всё новое, что имеется у Германии в области вооружения, Гиплер и Геринг разрешили более полный показ новинок германской военной техники и согласились даже на такие поставки, которые означали ограничение германской программы наращивания вооружений⁷.

В марте 1940 года в Германию была послана закупочная комиссия, которая осмотрела крупнейшие самолётостроительные заводы — Мессершмитца, Юнкера, Хейнкеля и др. Ей были показаны самолёты новейших конструкций, составлявшие основу вооружения германских военно-воздушных сил. Комиссия закупила образцы лучших самолётов, включая «Хейнкель-100» — самый скоростной в то время истребитель в мире. Все рекомендованные к закупке образцы перед отправкой в СССР были испытаны на аэродромах немецких фирм и приняты членами комиссии⁸. Таким образом, можно сказать, что не только «немецкий меч ковался в СССР» (в 1923-1932 годах), но и советский меч ковался в Германии (в 1939-1940 годах).

В мае 1940 года в Германию прибыла комиссия «Аэрофлота» во главе с начальником Главного управления гражданской авиации В. С. Молоковым. Осмотрев крупнейшие авиазаводы Германии, она составила подробное описание расположения авиазаводов, технологического цикла, различных типов самолётов, методов сборки и ремонта их. В своём отчёте комиссия представила также описание организации противовоздушной обороны, системы светомаскировки и газоубежищ, деятельности военно-воздушной академии и организации в ней исследований по созданию новейших приборов и технологий⁹.

Сталин лично следил за выполнением поставок Германии и требовал от Наркомвнешторга неукоснительного соблюдения условий хозяйственного соглашения. «Русские поставляют нам даже больше, чем мы хотим иметь, — записывал 27 июля 1940 года Геббельс в своём дневнике. — Сталин не жалеет труда, чтобы нравиться нам. У него, верно, достаточно причин для этого»¹⁰.

10 января 1941 года в Москве было подписано новое хозяйственное соглашение, которое было призвано регулировать товарооборот между СССР и Германией до 1 августа 1942 года¹¹. Хотя советско-германские отношения к тому времени ухудшились, советская сторона аккуратно соблюдала условия этого соглашения. «Если в январе и феврале Народный комиссариат внешней торговли допускал явное отставание в советских поставках в Германию, — вспоминал Хильгер, — то март принёс ошеломляющую перемену. Хотя Германия к тому времени ещё сильнее, чем прежде, отставала в своих поставках Советскому Союзу и никаких признаков изменения положения к лучшему в обозримое время не имелось, объём советских поставок вдруг заметно возрос. Советское правительство совершенно очевидно избегало всего, что могло бы вызвать раздражение у Германии»¹².

VI

Нацистский «социализм» в Германии

В апреле 1939 года Гитлер подвёл итог своим обещаниям и свершениям: он расправился с демократией и восстановил авторитарную власть, покончил с безработицей и возродил экономику страны. Сравнивая теперешние господствующие позиции Германии, возрождённую мощь и международный престиж с её униженным положением во время версальского диктата, фашистская пропаганда фанатично прославляла величие нации под руководством гитлеровского режима.

Отвечая на вопрос, чем объяснить, что рабочие так сильно проявляют свою симпатию и восторг Гитлеру, — Тельман писал: «Должно иметься и имеется что-то такое, что гипнотизирует массы, приводит их в состояние опьянения, способно сковать их и отвлечь от повседневного гнёта. Этим является большая политика с её излучаемой на массы магической силой, систематически проводимая и хорошо задуманная политика гитлеровского руководства, выплываемая вперёд и вдальбываемая массам всеми мыслимыми, политически замаскированными и пропагандистски разукрашенными методами.

Этой большой политикой и её магичными наэлектризовываются и притягиваются массы; она производит чуть ли не волшебное действие на большую часть немецкого народа, и уже вследствие этого повседневный гнёт, крик всего и вся и недовольство проявляются слабее, в особенности на массовых собраниях. К этому ещё присоединяется гений вождя и личность Гитлера, который, будучи постоянно восхваляем как национальный герой, способен действовать на большинство трудящихся чуть ли не как магическая притягательная сила.

Массы забывают иногда повседневную нужду и заботы, в особенности если им в докладах говорят в замаскированной под социалистическую и разукрашенной под антикапиталистическую форме о том величии, которое ожидает Германию в будущем; тогда настроение масс меняется и, как, например, при гитлеровских выступлениях на собраниях, оно находит своё выражение в появляющейся радости и восторге. Для того повсюду в Великой Германии организуются многочисленные политические собрания и массовые доклады, для того выступают и выступают с речами вожди нацистов, чтобы отвлечь внимание народа от размышлений о его действительных интересах, держать его в состоянии подъёма и целеустремленно напалкивать его на якобы социалистические лозунги и дела национал-социалистического режима»¹.

Используя всё разнообразие пропагандистских методов и осуществляя на протяжении многих лет тотальный контроль над прессой, радио и всеми видами искусства, гитлеровскому режиму удалось трансформировать сознание людей.

К магической силе большой политики, о которой говорил Тельман, можно отнести психологическую мобилизацию народа, возрождение духа национального единства и национальной гордости. Руководствуясь в политике приматом национального над классовым, Гитлер смог повернуть рабочий класс к идее германского

«единого народа». В речи, произнесённой 30 января 1940 года, Гитлер подчёркивал, что «германский народ преодолел свои классовые и сословные различия и образовал единый коллектив»².

Ради доказательства приоритетности интересов рабочего класса нацистские бонзы упрекали германскую буржуазию за её недалёковидность, способствующую в Веймарской Германии популярности марксистских лозунгов. К 1 мая газета «Ангриф» выпустила специальную страницу под заголовком: «10 лет лозунгов — от классовой борьбы до народного сотрудничества». На этой странице была опубликована редакционная статья, написанная лидером нацистских профсоюзов Леем, в которой говорилось: «Именно слепота и ограниченность нашей буржуазии заставили её всякое пренебрежение рабочего класса считать по меньшей мере нескромным, в большинстве случаев, марксистским и, стало быть, непатриотическим. Она была слепа и не понимала, что голодный просит хлеба. Раньше, чем буржуазия, рабочий понял, что без удовлетворения его требований он погибнет. В национал-социалистической Германии весь народ сделал требования рабочих собственными требованиями»³.

Одним из трюизмов нацистской пропаганды было утверждение о равномерности распределения тягот войны между всеми классами и социальными слоями германского общества. Газета национал-социалистической партии «Рейнфронт» заявляла, что «полная унификация, проведённая во время войны в хозяйственной и социально-политической области», представляла собой «путь добровольной и принудительной социализации во время войны». Правда, газета признавалась, что деньги и социальное положение всё ещё представляют силу. «Но сила эта взята государством под строгий контроль, не позволяющий уклоняться и извлекать корыстные выгоды». В доказательство того, что военное право принесло рабочему окончательное и моральное уравнение со всеми другими соотечественниками, газета ссылаясь на топ факт, что «генеральный директор предприятия находится в такой же неподкупной зависимости от палочек на мясо и одежду, как и беднейший из его сотрудников»⁴.

Такого рода пропаганда распространялась и в других странах. Так, голландская газета «Фольк» в статье «О настроениях в Германии» утверждала, что немецкие рабочие в общем вменяют в заслугу национал-социалистам топ факт, что в Германии «состоятельные» получают по своим продовольственным карточкам так же мало, как и рабочие»⁵.

Во фронтовом приложении к эсэсовской газете «Шварцес Кор» было помещено письмо офицера с фронта, который с негодованием опровергал суждения о том, что «офицерам хорошо живётся». «Того, кто осмеливается так утверждать, что солдаты испытывают лишения, надо хорошенько проучить, — говорилось в письме. — Что же касается тех, кто утверждает, что для офицеров жарится особая колбаса, то они делают это по злобе или по глупости. Офицеры питаются так же, как и солдаты»⁶.

Не будучи в силах отрицать, что в стране существует сильное социальное расслоение, «Шварцес Кор» обращался к моральной проповеди против расточительства и роскошества в быту, угрожая людям, допускающим бытовые «излишества», суровыми наказаниями. В статье «Бездельничать неприлично» газета предлагала «произвести проверку и подвергнуть обследованию женщин, которые при семье из трёх человек ищут третью

горничную (имея уже двух). Надо принять такие меры, чтобы эти люди почувствовали войну»⁷.

Выступая перед рабочими военной промышленности на заводах Борзич в Берлине 10 января 1940 года, Гитлер в леворадикальной, почти коммунистической, демагогической форме заявил, «что первые предпосылки для настоящего напряжения лежат в том, что этот мир несправедливо поделён. И это вполне естественно, т. к. в этом большой ход развития таков же, как и внутри народов. Точно также как внутри народов слишком большое напряжение между богатством и бедностью должно быть выравнено с помощью разума или, если последний отказывает... силой, в международной жизни один не имеет права претендовать на всё, не оставляя ничего другому.

Провидение не для того создало людей, чтобы одни имели в 40, в 80 раз больше, чем другие. Или они имеют рассудок и соглашаются на урегулирование вопроса на более или менее дешёвых для них условиях, или подавленный и обременённый несчастьем в своё время возьмёт себе всё то, что ему полагается. Так обстоит дело во внутренней и внешней жизни народов»⁸.

Одним из главных направлений нацистской пропаганды была крипика дельцов «теневого экономики». Та же «Шварцес Кор» напоминала, что она с самого начала войны систематически разоблачала взвинчивание цен, торговлю из-под полы и распространение некачественных, суррогатных продуктов. Газета подвергла резкой критике «оптовых торговцев, которые слишком часто являются «властелинами» своих клиентов» и одобряла поведение «честных соотечественников, раскрывших нарушение закона со стороны оптовой торговли или частных торговцев»⁹.

Такого рода пропагандистские усилия подкреплялись чрезвычайным законодательством военного времени, устанавливавшим крайне жестокие наказания тем, кто «уничтожает, портит или припрятывает сырьё и жизненно важные для населения продукты» и тем самым злонамеренно создаёт угрозу для снабжения населения. В этой связи центральным органом Германской национал-социалистской рабочей партии — газета «Фелькишер Beobachter» с одобрением отзывалась в статье «Военное правосудие — народное правосудие» о законе, направленном против паразитов и вредителей, карающем их тюремным заключением, а в особо серьёзных случаях — смертной казнью. В подтверждение приводился пример, когда особый трибунал в Кенигсберге присудил преступника к смертной казни за то, что он, пользуясь «временной нехваткой папирос», продавал их солдатам по спекулятивным ценам¹⁰. «Франкфуртер Цайтунг» сообщила о том, что за серьёзные нарушения правил о ценах имперский комиссар по регулированию цен наложил административный штраф в размере 50 тыс. марок на крупную берлинскую дровяную фирму¹¹.

Одновременно пропагандировалось социальное законодательство, направленное на поддержку социально ущемлённых слоёв. В феврале 1940 года германская печать опубликовала письмо Гитлера имперскому организационному руководителю Лёю, в котором говорилось: «Для дальнейшей реализации начертаний национально-социалистической программы... поручаю вам разработать основы широкого и всеобъемлющего обеспечения престарелых... Это законодательство в области строительства национально-социалистического народного общества всегда должно напоминать нашему народу о совместной борьбе фронта и тыла за свободу и

независимость великой Германской империи». Комментируя это письмо, газета «Фрейхейтскамф» писала: «То, к чему мы теперь приступили, означает распространение обеспечения престарелых на всех соплеменников, т. е. выходит за пределы слов, уже охваченных социальным страхованием... Таким образом, после завершения этого монументального законодательства ни одному немцу не надо будет больше тревожиться за свою старость, и он сможет с чувством полной уверенности завершить дело своей жизни. Тем самым социальная система достигнет своего завершения и увенчания»¹².

В политических целях дело социальной поддержки материнства и детства было передано в руки национально-социалистической организации бытовой помощи населению. Рассказывая о деятельности этой организации, «Фелькишер Беобахтер» сообщала, что с её помощью через 34 тысячи детских консультаций прошло свыше 18 млн человек. 20 тысяч дневных детских яслей пропустили более 1 млн детей. 3 млн детей и 100 тыс. матерей были направлены на отдых¹³.

Пропаганда «благосостояния» немецкого народа сочеталась с описанием тягот, которые разделяют с остальным населением политические руководители нацистской партии, «в течение зимы каждое воскресенье разгружавшие в Берлине поезда с углём». Этот факт газета расценивала как свидетельство того, что партия является живым связующим звеном между народом и государством. Она изнутри уничтожает всякий бюрократизм. Не аппарат управления, а сами методы управления надо изменить для того, чтобы живая жизнь народа не подавлялась и не поглощалась аппаратом управления. Эта реформа исходит от Германской национал-социалистической рабочей партии»¹⁴.

Беря на своё вооружение идеи социального равенства и социальной справедливости, нацистские бонзы апеллировали к «социальным требованиям германского рабочего», которые «характеризуют его как одну из полноценнейших частей нашего германского народа». «Наше германское счастье заключается в уверенности в том, — писал Лей, — что германский рабочий в расовом отношении равноценен германскому предпринимателю, германскому крестьянину, германскому чиновнику и германскому солдату. Второе сознание, определяющее нашу германскую судьбу, состоит в том, что на всём земном шаре нет ничего более единого в расовом отношении, чем наш германский народ. Это обуславливает германскую народную общность и в более узком смысле германскую производственную общность»¹⁵.

С этих позиций определялись характер и цели ведущейся войны, которая характеризовалась как «война денежной машины против труда и тем самым против трудящегося человека»¹⁶. В одной из своих самых демагогических статей, многозначительно озаглавленной «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», Лей вспоминал, как в 1933 году, когда он возглавлял германскую делегацию на международном конгрессе труда, лидеры английских и французских профсоюзов «пели старую песню об интернациональной солидарности. Никогда никто не становился жертвой более бесстыдного обмана, чем рабочие всего мира, которые поверили, что Англия и Франция хоть в малейшей степени заинтересованы в благополучии международного рабочего класса. Для Франции и Англии (II) Интернационал был орудием для подавления других народов. Теперь они выступают в качестве самых завзятых поджигателей к войне с Германией... Интернациональную солидарность они, не задумываясь,

выбрасывают за борты, когда им это представляется полезным. Её они заменяют самым разнузданным, самым безумным шовинизмом. Все они — представители гнусного, подлого капитализма. Для сохранения этого капиталистического режима во всём мире они ведут войну... Вопь почему трудящиеся должны сплотиться. Лозунг всех пробуждающихся народов, в жизни которых труд занимает центральное место, отныне должен гласить: рабочие всех стран, соединитесь для свержения господства английского капитализма»¹⁷.

«Национал-социалистический пропагандистский аппарат... — писал Тельман в одном из писем Сталину, — маскирует существо нового великогерманского империализма полпикикой, в которой ударение делается на социальные нужды, закутанное псевдосоциалистическим покровом и приукрашенные антикапиталистическими разговорами. Искусно созданная система полпикики, в которой национал-социалистические вожди не гнушаются средствами, если есть возможность сделать с народом политический гешефт. Дерзко и бесстыдно они утверждают, что они ведут войну в благородных целях, за человеческий прогресс против недостойного человечества капитализма, за социальные идеалы против капиталистической эксплуатации, за свободу народа против капиталистического произвола и подавления, да, они борются якобы за новый социальный мир, за обретенный европейский «социализм» и за пропитывание Европы немецким «социализмом»¹⁸.

В приукрашенном образе рисуется картина перспективы обеспечения условий жизни и существования всего немецкого народа в будущем. Проповедуется, что теперешнее поколение осуждено приносить жертвы и что оно борется за счастливое будущее своих детей и новый подъём нации. Являющееся якобы социалистическим, социальное творение Гитлера и обширные планы будущего выпячиваются как важнейшие мирные задачи будущего и одновременно воспеваются как «социалистическая» воля руководства во время войны»¹⁹.

Столь же упорно, как на понятии «социализм», нацистские идеологи спекулировали на понятии «социальная революция». «Все в Германии должны проникнуться сознанием того, — заявлял А. Розенберг, — что мы ведём великую революционную борьбу и войну и что наша армия — это революционная армия»²⁰. В статье «Что такое плутократия» «Фелькишер Beobachter» утверждала, что «социальная революция, наложившая отпечаток на лицо германской народной общности, внушает ужас плутократической (английской. — В. Р.) правящей группе. Она чувствует опасность для своих сословных привилегий: ведь в один прекрасный день широкие массы английского народа могут, следуя примеру Германии, взять под сомнение справедливость социальной структуры Англии»²¹.

В ряде выступлений германской печати развивалась мысль о том, что «национал-социалистическая Германия... хочет защитить свой социализм от союзнической плутократии»²².

Эссенская «Национальцайтунг» в передовой «Социализм против капитализма» писала: «В то время как западная плутократия Англии и Франции затеяла эту войну исключительно для того, чтобы сохранить свою эксплуататорскую систему и навязать её всем народам земного шара, Германия в противовес этой дерзости задалась целью уничтожить эксплуататорские стремления иудейско-капиталистической клики Англии и Франции, обеспечить любой ценой своё право на существование, т. е. завоевать социалистическое право на устройство своей жизни по собственному желанию»²³.

Противопоставляя социальные достижения нацистской Германии, якобы достигшей социальной

справедливости, эксплуататорскому строю, царящему в странах противника, заместитель Гитлера по партии Гесс в речи 1 мая 1940 г на заводе Круппа, обращаясь ко всем немецким рабочим, заявлял: «Наступил день, когда народы в т. н. демократических странах зададут своим правящим классам вопрос: почему в Германии сумели победить социальную нужду и почему т. н. демократы борются именно с этой Германией. Почему в Германии создаются клубы, спортивные площадки, бассейны для плавания, детские сады и т. д. Почему там есть всё, между тем как в демократических странах массы находятся в бедственном положении... На социальной справедливости базируется мощь нации. Германский социализм гарантирует рабочим Германии, что они никогда не станут объектом эксплуатации»²⁴.

Изображая войну как «борьбу международной plutократии против немецкого труда», нацистская пропаганда в ряде случаев модифицировала эту схему, противопоставляя «поднимающиеся» нации «упадническим» нациям, клонящимся к своему закатам. Эссенская «Национальцайтунг» в передовой статье «Социалистическая борьба» утверждала: «Морально и духовно обессиленный мир капитализма напрягает все свои силы, чтобы преградить путь молодым, поднимающимся народам и нациям. Он борется за обеспечение старой, несправедливой собственности системы, но вместе с тем и за увековечивание возможности лёгкой наживы путём эксплуатации народов через капиталистическую систему... Иудейский биржевой век будет окончательно сметён социализмом народов»²⁵.

Обещая германским рабочим все мыслимые и немыслимые жизненные блага в случае победы в войне, Лей недвусмысленно указывал, что война ведётся за «сокровища мира», которые германский народ должен оплывать у plutократов. В статье «Plutократы заглапят за всё» Лей писал: «Нынешнюю войну надо вести до тех пор, пока мы не достигнем уровня жизни, который необходим нашей расе для сохранения и продолжения своего существования! И если plutократы Лондона и Парижа хотят этому помешать, если они хотят опрезать нас от сокровищ мира, то мы силой оружия разобьём и уничтожим их! Эта война не есть дело небольшой кучки германских капиталистов — её больше нет (Sic! — В. Р.), а является вопросом сердца и жизни германского рабочего. Ведь германский рабочий чувствует, что не может жить в условиях прошлого». Перечисляя все блага, которых следует добиться путём завоевания «нового жизненного пространства», Лей писал: «Вместо одного морского курорта на Рюгене у нас должно быть по крайней мере десять таких мест отдыха для германских рабочих... Для человечества лучше, чтобы долю в сокровищах мира получили миллионы прилежных германских рабочих, чем кучка plutократов в лондонском Сити или в Банк де Франс, которые в бездельи и праздности ведут развратный и разлагающий образ жизни... Мы тоже хотим быть богатыми»²⁶.

Изображая перспективу такого «светлого будущего» для немецкого рабочего класса, нацистская пропаганда призывала рабочих идти ради этой перспективы на серьёзные социальные жертвы, внося свою решающую лепту в «финансирование войны». Как подчёркивала «Национальцайтунг», «война представляет собой чудовищное напряжение производительности труда... Никакое финансирование не может этого игнорировать. Но оно может позаботиться о том, чтобы тяготы и производительность были уравновешены таким образом, чтобы возник жизнеспособный социальный строй. Подлинный социализм ничего не делает даром». Исходя из этого, газета

призывала немецких рабочих «целесообразно экономить», с тем чтобы «заложить для себя и своих детей основы дома и семьи, образования, обзаведения хозяйством и обеспечения престарелых. Жизнеспособен тот социальный порядок, который обеспечивает всем соотечественникам главное условие: достойную жизнь... Право на труд заложило фундамент для перестройки нации. Наше финансирование войны может опираться на этот фундамент. Это ставит перед нами выдающуюся творческую задачу: создание такой имущественной структуры, которая соответствовала бы будущим производственным возможностям нашего народного хозяйства. Германский народ, не обязанный платить дань капиталу, а работающий для удовлетворения своих потребностей, не в последнюю очередь также и через своё финансирование войны, осуществляет достойный его народный производительный строй»²⁷.

Особенность нацистского «социализма» заключалась в его неразрывной связи с расовой теорией, проповедающей необходимость создания преимущественных условий жизни для немцев по сравнению со всеми другими народами. Эти идеи с наибольшей определённостью были высказаны Леем, который утверждал, что «национал-социалисты убеждены, что человечество делится на высшие и низшие расы, и поэтому для каждой расы закономерно должны существовать различные условия жизни. «Низшей расе нужно меньше жилой площади, меньше одежды, меньше питания и меньше культуры, чем высшей». В качестве примера Лей указывал на Варшаву, в которой на одного человека приходилось намного меньше жилой площади, чем в крупнейших городах Германии. «Это значит, что в Варшаве на одинаковой жилой площади жило втрое больше людей, чем в немецких городах. Поляки и, в особенности, евреи чувствуют себя прекрасно в таких жилищных условиях. Они сохраняют здоровье и могут жить в таких условиях. Немец же погиб бы в таких условиях. Этот пример относится ко всем условиям жизни вообще»²⁸.

Исходя из этих предпосылок, Лей утверждал, что «германский народ ведёт труднейшую борьбу за своё будущее. Нынешняя война должна создать и создаёт материальные и идейные предпосылки для того, чтобы германский народ мог в грядущем столетии жить в условиях, соответствующих его расе и его крови. Больше хлеба, больше одежды, больше жилплощади и больше красоты! Всё это нужно нашей расе, иначе она умрёт. Германский рабочий, таково твоё социалистическое требование!»²⁹.

VII

Расправа Сталина с политэмигрантами

После поражения финской революции в 1918 году многие участники гражданской войны в Финляндии нашли убежище в Советской России. А в 1937-1938 годах прошли повальные аресты финских политэмигрантов, в том числе деятелей Коминтерна и руководящих работников Карельской АССР. Были репрессированы Маннер, возглавлявший в 1918 году правительство Советской Финляндии, Рахся и Ровно, организовавшие летом 1917 года переезд Ленина в Финляндию и укрывавшие его там от агентов Временного правительства. Среди арестованных были: один из основателей Финской компартии Э.Грюлинг, возглавлявший на протяжении 12 лет Совнарком Карелии, и Виртанен, высланный в 1934 году нацистами из Германии в Финляндию, откуда он с величайшим трудом перебрался в Советский Союз¹.

Ещё более масштабный характер приобрела расправа с польскими коммунистами, которых насчитывалось в середине 30-х годов в СССР свыше пяти тысяч человек. Уже в 1933 году часть руководства КПП была арестована и расстреляна по обвинению в троцкизме, шпионаже и п. д.²

«Когда в 1936, 1937, 1938 годах, — писал Хрущёв в своих мемуарах, — развернулась настоящая «погоня за ведьмами», какому-либо поляку трудно было где-то удержаться, а о выдвижении на руководящие посты теперь не могло быть и речи»³.

11 августа 1937 года Ежов отдал директивный приказ о проведении широкой операции по ликвидации «польских диверсионно-шпионских и повстанческих кадров». Этот приказ предписывал, в частности, арестовать всех политэмигрантов, бежавших из Польши в СССР.

Как показал на допросе 11 декабря 1939 года ответственный работник Московского управления НКВД Постель, «когда в управлении области... был зачитан приказ Ежова об аресте абсолютно всех поляков, польских эмигрантов, бывших военнопленных, членов Польской коммунистической партии и др., это вызвало не только удивление, но и целый ряд кулуарных разговоров, которые были прекращены тем, что было доведено до сведения: приказ согласован со Сталиным и Политбюро ЦК ВКП(б) и что нужно поляков громить вовсю... Третий отдел и другие отделы, не имея у себя на учёте всех проживающих в Москве польских эмигрантов и других поляков, стали проводить массовые аресты на основе учётных данных спецчастей и секретных заводов, учреждений и выискивали тех, кто по личным делам и биографии указан как польский эмигрант... Таким образом, вследствие этого приказа в области появились сотни арестованных, на которых не только не было никаких материалов, но и у которых были документы при их аресте о том, что они ряд лет проживали в Польше, были в тюрьмах, по несколько лет отбывали там срок наказания и приехали сюда или по окончании отбывания наказания, или путём бегства, или в порядке обмена, или же с санкции польской секции Коминтерна»⁴.

Говоря о причинах, побудивших Сталина в 1938 году ликвидировать Польскую компартию, Л. Треппер писал,

что после советско-германского пакта и раздела Польши эти причины «представлялись совершенно очевидными, ибо коммунисты этой страны ни за что бы не потерпели такого позора! Они доказали это в первые же дни войны, когда заключённые в (польские) тюрьмы члены партии просили освободить их и отправить на фронт, чтобы сражаться против вермахта»⁵.

В начале 1939 года ИККИ принял резолюцию о воссоздании Компартии Польши, согласно которой назначался Временный руководящий центр Польской компартии для руководства партией «до съезда и выборов постоянного ЦК». В резолюции указывалось, что бывшие члены партии, саботировавшие решение Коминтерна о роспуске КПП или выступавшие против этого решения, не могут быть вновь приняты в партию. Более того – на Временный руководящий центр возлагалась обязанность «не допускать ни малейшего соприкосновения новых партийных инстанций со всеми членами КПП, вызывающими малейшее сомнение». В резолюции также указывалось, что Временный центр не должен исходить «из формальной необходимости проведения основ демократического централизма в партии» и не должен допускать создания выборных партийных комитетов⁶.

После захвата Польши в «освобождённых» районах Западной Украины и Западной Белоруссии коммунисты, в том числе бывшие политзаключённые, стали одним из главных объектов репрессий, поскольку к членам растущенной в 1938 году Компартии Польши органы НКВД относились как к шпионам и провокаторам. Один из немногих польских коммунистов, избежавших депортации, А. Лямпе писал в ИККИ, что «бывшие заключённые, активные борцы против польского фашизма за торжество Советской власти, получают не нормальные советские паспорта, а паспорта, лишающие их права проживать в 100-километровой пограничной зоне и областных центрах»⁷.

В письме Димитрова Маленкову от 30 июля 1940 года указывалось, что во Львове из 1000 бывших политзаключённых паспорта получили лишь 100 человек, а остальные – в своём большинстве бывшие члены КПП и КСМП (Коммунистический союз молодёжи Польши) – несмотря на наличие справок МОПРа (Международной организации помощи борцам революции. – В. Р.), высылаются в глубь СССР, получая паспорта с §11, по которым они не могут получить работу. 600 бывших польских политзаключённых высланы из Белостока в Магнитогорск, Челябинскую и Молотовскую области, в Донбасс, в Оршу и Лепель (Восточная Белоруссия). Большинство из них работает не по специальности и поэтому находится в исключительно тяжёлых материальных условиях. Среди них отмечено много случаев заболеваний. Имеются случаи смерти детей. «Бывших политзаключённых приравнивают к подозрительным и раскулаченным элементам, не допускают к участию в общественной и культурной жизни, не принимают в члены профсоюзов»⁸.

Но и после этого письма Димитрова положение бывших политзаключённых, в том числе тех, кто бежал в СССР из оккупированных Германией районов Польши, не изменилось. Из 400 бывших членов КПП, проживавших во Львове, более половины не получили паспортов и были уволены с работы. Среди коммунистов, высланных в отдалённые районы СССР, были, например, такие, как известный врач и бактериолог Гольдфингер, его жена – комсомолка, которая в возрасте 16 лет в 1935 г. была заключена в польскую тюрьму и вышла оттуда только в сентябре 1939 года, как Ю. А. Фридберг, проведший 10 лет в польских тюрьмах, его жена и больной ребенок⁹.

Разгулом репрессий против местных коммунистов сопровождалось установление Советской власти в Бессарабии и Северной Буковине. За несколько дней до «освободительного похода» Красной Армии начальник отдела кадров ИККИ П. Гуляев передал Димитрову материалы на членов Бессарабского обкома Компартии Румынии и других партийных активистов, подозреваемых в шпионаже и провокапорстве. Все эти документы, а также дополнительный список на 39 человек, подозревавшихся «в связи с румынской тайной полицией (Сигуранцей)», были направлены Димитровым Хрущёву, руководившему чисткой коммунистов на «освобождённой» территории¹⁰.

Одним из наиболее тяжких преступлений сталинизма была передача гитлеровской Германии арестованных немецких и австрийских политэмигрантов. Такие случаи были ещё в период неприязненных отношений между СССР и Германией. Так, австрийский подданный, композитор и музыкант Г. Гауска, проживавший в Москве с 1931 года, был в 1937 году арестован и свыше года провёл в Таганской тюрьме. Не будучи в состоянии предъявить ему конкретные обвинения, органы НКВД на основании решения Особого совещания выслали его за пределы СССР, передав его на границе сотрудникам гестапо. В Германии Гауска за свою антифашистскую деятельность был немедленно арестован и осуждён на 18 месяцев тюремного заключения¹¹.

Описывая советскую тюрьму 1939-1940 годов, М. Шрейдер рассказывал, что там находились немцы-фашисты и немцы-коммунисты. Фашисты злорадствовали, что немецкие коммунисты сидят в советской тюрьме, и радовались, что они скоро направятся к себе, в фаерланд. К ним приходили на свидания представители германского посольства, вслед за чем им объявлялось, что скоро они будут вывезены в Германию.

К немецким коммунистам представители посольства не являлись, но им также было объявлено, что они скоро будут высланы в Германию. От этого коммунисты пришли в ужас и стали писать письма Сталину, умоляя лучше расстрелять их, но только не высылать в Германию¹².

Гитлер в пропагандистских целях использовал факт высылки немецких коммунистов из СССР, подчёркивая, как советские коммунисты расправляются со своими «братьями по классу».

После подписания советско-германского пакта СССР, по официальным данным, выдал немецким властям около четырёх тысяч эмигрантов, основную часть которых составляли рабочие и инженеры, приехавшие на работу в Советский Союз во время экономического кризиса 1929-1933 годов, а также семьи репрессированных в СССР германских коммунистов. Около тысячи человек составляли бывшие члены КПГ и лица, симпатизирующие этой партии¹³.

Зимой 1939-1940 годов примерно 500 немецких и австрийских коммунистов-эмигрантов были привезены из советских концентрационных лагерей в Бутырскую тюрьму. Там им был объявлен новый приговор — «немедленная высылка с территории СССР».

Этим людям не было сообщено, в какую именно страну предполагается их выдворить. Заключённые стали догадываться об этом лишь тогда, когда поезд с ними направился в западном направлении. Некоторые из них надеялись, что их доставят к границе Прибалтийских государств, и там они окажутся на свободе. Когда же поезд проехал Минск и двинулся дальше на Запад, всем стало ясно, куда их везут. Находившаяся в одном из таких

поездов М. Бубер-Нейман, вдова расстрелянного в Москве члена ЦК КПГ Г. Неймана, вспоминала: «Хотя эти неоднократно преданные коммунисты после всего того, что произошло с ними, не строили больше никаких иллюзий о советской системе, они считали просто невероятным, что теперь должно было произойти. Но это случилось: эмигрантов-коммунистов, людей, копорые, рискуя жизнью, бежали в Советский Союз, Сталин отправлял опять к Гитлеру. 500 человек были принесены в жертву дружбе между Сталиным и Гитлером как своего рода подарок^{*}. Этим актом Сталин хотел доказать, насколько серьёзно он воспринимает эту дружбу: широким жестом он предоставил Гитлеру возможность самому расчиститься с пятюстами своими яркими проповниками»¹⁴.

Выдача советскими властями немецких коммунистов гестаповцам происходила в несколько этапов: с конца 1939 по июнь 1940 года. Поезд, в котором находилась Бубер-Нейман, прибыл 3 февраля 1940 года в Брест-Литовск, к демаркационной линии, разделявшей СССР и Германию. Офицер НКВД с группой солдат повёл заключённых к железнодорожному мосту через Буг, где их ожидали люди в форме СС. Офицер СС и его коллега из СССР сердечно приветствовали друг друга. Советский офицер сделал перекичку и приказал осуждённым идти по мосту. «Тут я услышала сзади себя возбужденные голоса и увидела, как трое мужчин из нашей группы умоляли офицера НКВД не посылать их через мост, — вспоминала Бубер-Нейман. — Один из них, по имени Блох, до 1933 г. являлся редактором немецкой коммунистической газеты. Для него другая сторона моста означала верную смерть. Такая же судьба должна была ожидать молодого немецкого рабочего, заочно приговорённого гестапо к смерти. Всех троих насильно потащили по мосту. Затем подошли гестаповцы и приняли на себя работу НКВД Сталина»¹⁵.

Что касается самой Бубер-Нейман, то после шести месяцев пребывания в тюрьме гестапо перевело её в женский концентрационный лагерь Равенсбрюк, откуда она вышла только в 1945 году.

Находившиеся в Москве деятели КПГ не возражали против выдачи гитлеровцам коммунистов, но зато препятствовали возвращению в Германию и оккупированные немцами страны эмигрантов, которые добровольно выразили такое желание. В письме Ульбрихта Димитрову, которое последний в свою очередь переслал Берии, сообщалось о находившейся в СССР эмигрантке Баумерт, которая в частных беседах говорила, что чешские беженцы теперь сожалеют о своём приезде в СССР и что им никогда так плохо не жилось, как здесь. Донеся о нескольких подобных фактах, Ульбрихт писал, что агитация за возвращение из СССР ведётся среди эмигрантов «для продвижения в Германии антисоветской пропаганды, чтобы самим фактом возвращения продемонстрировать, что бывшие коммунисты предпочитают из СССР вернуться в Германию. Одновременно они хотят добиться, чтобы жёны арестованных, возвращающиеся в Германию, рассказывали всевозможные страшные истории о Советском Союзе относительно положения арестованных... Мы указывали на то, что, по

---

* Когда же после заключения пакта с Москвой Гитлер в свою очередь в качестве брачного дара предложил Сталину освобождение вождя рабочих (Тельмана), Москва, к удивлению нацистов, оставила без внимания это дружеское предложение... Из пропагандистских соображений арестант в камере немецкой тюрьмы был более ценным для диктатора в Кремле, чем эмигрант в Париже или Москве (Бубер-Нейман М. Мировая революция и сталинский режим. М., 1995. С. 205).

нашему мнению, в таких случаях неправильно давать разрешение на выезд... Просьба довести об этом до (сведения) соответствующих органов, чтобы они могли принять те меры, которые считали бы необходимыми» (последняя фраза вписана рукой Димитрова)¹⁶.

Вместе с тем тот же Ульбрихт 27 января 1941 года подготовил записку «О положении политэмигрантов», в которой говорилось об отношении руководителей МОПРа к политэмигрантам «как к людям, обременяющим их». Особенно тяжёлым Ульбрихт называл положение немецких политэмигрантов, включавших «много жён арестованных. Среди них есть хорошие поварищи. Но МОПР отказывает им и их детям в помощи, даже если эти женщины уже 10 лет не имеют ничего общего со своими мужьями»¹⁷.

VIII

«Военная прогулка» в Финляндию

В 1932 году СССР заключил договоры о ненападении с Финляндией, Эстонией, Литвой и Латвией.

Ещё в 1938 году Москва начала тайные переговоры с Хельсинки о сотрудничестве в области политики безопасности. Советское правительство потребовало от правительства Финляндии надёжных гарантий защиты своего нейтралитета в случае попытки Германии нанести против СССР фланговый удар с Севера. В соответствии с этим было выдвинуто требование участия Советского Союза в фортификации принадлежавших Финляндии Аландских островов и острова Суурсаари, а также принятия Финляндией «советской помощи» с целью отражения германской агрессии. Финляндская сторона категорически отказалась от этих предложений, квалифицировав их как нарушение суверенитета страны.¹

Весной 1939 года на новых переговорах Советский Союз предложил предоставить в своё распоряжение острова Финского залива на основе арендного договора или обмена территориями. На переговорах с Англией и Францией Советское правительство требовало, чтобы эти державы добились от правительства Финляндии разрешения пользоваться Аландскими островами и островом Ханко как общими военными базами для СССР и его западных союзников. Вместе с тем одним из главных условий Советского правительства по заключению англо-советско-французского блока по отпору германской агрессии было принятие всеми четырьмя Прибалтийскими странами гарантий от СССР. Однако все правительства этих стран отказались от этих гарантий, а Финляндия и Эстония даже заявили, что будут рассматривать гарантии, данные без их согласия, как акт агрессии.²

Пятого октября 1939 года, после заключения договоров о взаимной безопасности с тремя Прибалтийскими республиками, Молотов предложил правительству Финляндии направить своих представителей в Москву для проведения переговоров «по конкретным политическим вопросам». Спустя несколько дней в Берлине финские представители были проинформированы о том, что, согласно советско-германским договорённостям, Финляндия оказалась в «сфере интересов СССР» и поэтому для неё будет целесообразно пойти на уступки требованиям своего южного соседа.³

На переговорах, возобновившихся 12 октября, Сталин предложил заключить советско-финляндский договор о ненападении по типу договоров, заключённых СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Этот договор должен был предусматривать дислокацию контингента советских войск и создание военных баз на территории Финляндии. Вслед за этим советской стороной было выдвинуто новое предложение: отодвинуть на несколько десятков километров от Ленинграда границу на Карельском перешейке, передать Советскому Союзу несколько островов в Финском заливе и часть полуостровов в Баренцевом море, сдать в аренду, продать или обменять полуостров Ханко для строительства на нём советской военно-морской базы.

Эти территории общим размером в 2700 км Сталин предложил обменять на вдвое большую территорию в Северной Карелии. Однако при этом финны должны были потерять не только экономически более освоенные территории, но и свои главные линии военных укреплений.

Ещё задолго до этого начались приготовления к военным действиям в Финляндии. Как вспоминал маршал Мерецков, в конце июня он в качестве командующего войсками Ленинградского военного округа присутствовал при беседе Сталина с Куусиненом, на которой обсуждалась обстановка в Финляндии и различные варианты действий против этой стропыивой страны. После завершения этой беседы Сталин поручил Мерецкову разработать план боевых действий округа на случай военного конфликта. Во второй половине июля план был рассмотрен и одобрен Сталиным⁴.

В середине сентября директивами Ворошилова и Шапошникова Военному Совету Ленинградского военного округа было приказано провести сосредоточение войск на случай войны с Финляндией.

31 октября, когда переговоры в Москве ещё продолжались, Молотов в докладе на сессии Верховного Совета СССР, говоря о минимальном характере требований СССР к Финляндии, опроверг утверждения зарубежной прессы, будто Советский Союз требует себе город Выборг и территорию, лежащую севернее Ладожского озера. В связи с советско-финляндскими переговорами Молотов особенно озлобленно говорил о заявлении Рузвельта, который в письме Калинину выразил надежду «на сохранение и развитие дружественных и мирных отношений между СССР и Финляндией». Молотов назвал это заявление вмешательством в дела СССР и посоветовал американскому президенту лучше предоставить свободу и независимость Филиппинам и Кубе⁵.

После почти месячных переговоров выяснилось, что финская делегация по-прежнему не согласна на отппоржение части своей территории. 3 ноября Молотов прибег к угрозам, заявив: «Мы, гражданские люди, не достигли никакого прогресса. Теперь будет предоставлено слово солдатам»⁶. 9 ноября переговоры были прерваны, и финская делегация отбыла в Хельсинки.

26 ноября произошёл спровоцированный советскими войсками пограничный инцидент около советского села Майнила, расположенного на Карельском перешейке. Обвинив в угрожающей ноте финляндскому правительству финские военные части в провокационном обстреле советских войск, советское правительство утверждало, что «сосредоточение финляндских войск под Ленинградом не только создаёт угрозу для Ленинграда, но и представляет на деле вражеский акт против СССР, уже приведший к нападению на советские войска и к жертвам». В этой связи финляндскому правительству предлагалось в одностороннем порядке незамедлительно отвести свои войска на 20-25 км от советско-финской границы⁷.

В ответной ноте финляндское правительство заявило, что оно произвело срочное расследование данного инцидента, которым было установлено, что артиллерийские выстрелы были произведены не с финляндской, а с советской стороны. В ноте было предложено провести переговоры об обоюдном отводе советских и финских войск на известное расстояние от границы⁸.

29 ноября Молотов произнёс речь по радио, в которой уже не упоминал о незначительном инциденте в районе села Майнила, а утверждал, что в последние дни на советско-финляндской границе «начались

возмутительные провокации финляндской военщины, вплоть до артиллерийского обстрела наших воинских частей под Ленинградом, приведшего к тяжёлым жертвам в красноармейских частях». Предложение финской стороны о совместном расследовании пограничных инцидентов и о взаимном отводе войск от границы Молопов объявил «нахальным отрицанием фактов, издевательским отношением к понесённым нами жертвам, неприкрытым стремлением и впредь держать Ленинград под непосредственной угрозой своих войск». На этом основании он заявил о разрыве Советским правительством пакта о ненападении, заключённого с Финляндией в 1932 году, и о немедленном отзыве из Финляндии политических и хозяйственных представителей СССР⁹.

Готовясь к агрессии против Финляндии, советское руководство весьма низко оценивало не только военный потенциал, но и внутреннее положение в Финляндии. 29 ноября Каганович на заседании коллегии НКПС доверительно заявил: «У нас есть сведения, что у этого (финляндского. – В. Р.) правительства положение довольно шаткое. Они мобилизовали много людей, кормить нечем, одевать не во что, денег у них не так много... Я не могу сейчас ничего определённого сказать, не могу вам сказать кое-что, но соображаю, что эта сволочь, эти шуфы гороховые... если они бросят нам вызов, то я думаю, что если придётся, никто из вас не откажется (идти на войну – В. Р.) (бурные аплодисменты)»¹⁰.

В 8 часов 30 ноября 1939 года орудия береговой обороны Кронштадта открыли огонь по территории Финляндии, вслед за чем началось вторжение советских войск в эту страну.

Вспоминая о своей встрече в этот день со Сталиным, Молоповым и Куусиненом, Хрущёв рассказывал: «У Сталина сложилось такое мнение, что после того, как Финляндии будут предъявлены ультимативные требования территориального характера, и в случае, если она их отвергнет, придётся начать военные действия. Я лично не возражал... Насчёт войны с Финляндией думал: достаточно громко сказать им, и всё. А если не услышат, то разок выстрелить из пушки, и финны поднимут руки вверх, согласятся с требованиями. Сталин заметил: «Сегодня начнётся это дело». По словам Хрущёва, он и Куусинен узнали на квартире у Сталина, что «первые выстрелы уже совершены именно с нашей стороны»¹¹.

К началу войны Финляндия располагала шестью дивизиями, на вооружении которых находилось 280 орудий, 15 танков и 150 самолётов. Для разгрома этих сил советское командование сосредоточило 20 стрелковых дивизий, более 4 тыс. орудий и минометов, около 2 тыс. танков и более 960 самолётов. Предполагалось, что эта группировка обеспечит проведение операции за 10-15 дней, а сама война будет скоротечной и во всяком случае не представит больших трудностей для Красной Армии¹².

Вторжение Красной Армии в Финляндию означало спланированную и подготовленную агрессию против малой страны, не желавшей подчиняться диктату со стороны великой державы.

Войскам Ленинградского фронта был отдан приказ «перейти границу и разгромить финские войска». «Мы идём в Финляндию, – говорилось в приказе, – не как завоеватели, а как друзья и освободители финского народа от гнёта помещиков и капиталистов»¹³. С этого времени в советской пропаганде тезис об «обеспечении безопасности Ленинграда» был снят и заменён тезисом об «освободительной миссии» Красной Армии в Финляндии.

Уже на второй день войны в советской печати было помещено сообщение о том, что Советскому правительству «путём радиоперехвата» стало известно, что в финском городе Териоки (ныне Зеленоград) «по соглашению представителей ряда левых партий и восставших финских солдат» образовалось новое правительство Финляндии – «Народное Правительство Финляндской Демократической Республики (ФДР)». Одновременно была опубликована декларация «Народного правительства», в которой говорилось, что «в разных частях страны народ уже восстал и провозгласил создание Демократической Республики»¹⁴.

Первоначально на пост премьер-министра этого «правительства» предполагалось назначить секретаря ЦК Финской компартии Арви Туоминена, находившегося в то время в Стокгольме. Однако Туоминен отказался принять это предложение и даже прибыл для его обсуждения в Москву. Тогда на этот пост был назначен Куусинен, который, по словам Троцкого, давно зарекомендовал себя не вождем революционных масс, а послушным чиновником сталинизированного Коминтерна «с тугой мыслью и гибкой спиной»¹⁵.

Сообщение об образовании «Народного правительства», его «Декларация», а также обращение Финской компартии к трудящимся Финляндии были написаны Ждановым. Обдумывая форму публикации этих документов, Жданов сделал пометки «радиоперехват» и «перевод с финского»¹⁶. Это должно было подчеркнуть наличие уже «освобождённых» районов на территории Финляндии.

Второго декабря было инсценировано прибытие Куусинена и других членов «Народного правительства» в Москву, причём на Ленинградском вокзале их встречали Сталин и Молотов. В тот же день был заключён «договор о взаимопомощи между Советским Союзом и Финляндской Демократической Республикой». В нём указывалось, что «героической борьбой финляндского народа и усилиями Красной Армии СССР ликвидируется опаснейший очаг войны». В договоре содержался пункт о помощи «вооружением и прочими военными материалами», которую Советский Союз будет оказывать «Финляндской Народной армии». Декларация «Народного правительства» сообщала о формировании «первого финского корпуса, который в ходе предстоящих боёв будет пополняться добровольцами из революционных рабочих и крестьян»¹⁷.

Сообщения о «восстаниях», которые должны были вспыхнуть в разных районах Финляндии, не были чистым блефом. Впоследствии в докладе ИККИ о работе Компартии Финляндии говорилось, что в разных районах страны были созданы «группы для помощи Красной Армии» и партизанские отряды, которые ждали приближения советских войск, чтобы включиться в боевые действия¹⁸.

Второго декабря было опубликовано обращение ЦК Компартии Финляндии к «трудовому народу» (также якобы полученное путём «радиоперехвата») с призывом свергнуть «правительство палачей» в Хельсинки, возглавляемое «предательскими вождями финской социал-демократии», которые «открыто смыкаются со злейшими поджигателями войны». В этом документе говорилось, что «Советский Союз, следуя своей национальной политике, не захочет, чтобы ему могли приписать стремление расширить свои границы» и не намерен «ограничить право Финляндии на самоопределение и суверенитет». Обращение подчёркивало, что Красная Армия идёт в Финляндию по приглашению её народного правительства «как освободитель нашего народа от гнёта капиталистических злодеев», причём «сотни тысяч рабочих и крестьян с радостным нетерпением

ожидают приближения Красной Армии»¹⁹. 11 декабря Секретариат ИККИ направил директиву компартиям всех стран, где выдвигалось требование «солидаризироваться с народным правительством ФДР» и предлагалось организовать кампанию в «защиту политики СССР»²⁰.

На следующий день после вторжения советских войск на территорию Финляндии, происшедшего без объявления войны, финское правительство предложило возвратиться к переговорам с Советским Союзом, на что Советское правительство никак не отреагировало. В последующие дни правительства ряда других стран обратились к правительству СССР с предложениями о посредничестве в переговорах с Финляндией. В ответ на сообщение шведского посланника Винтера о желании финляндского правительства приступить к новым переговорам с СССР Молотов, как сообщало ТАСС, «объяснил г. Винтеру, что Советское правительство не признаёт так называемого «финляндского правительства»... и поэтому ни о каких переговорах с этим «правительством» не может теперь стоять вопрос. Советское правительство признаёт только народное правительство Финляндской Демократической Республики»²¹. Особенно оскорбительной была реакция на обращение Рузвельта к Советскому правительству с предложением посредничества в урегулировании советско-финского конфликта. На это предложение Советское правительство даже не пожелало ответить²².

Финляндское правительство обратилось за помощью в Лигу Наций. В ответ на предложение генерального секретаря Лиги Наций оказать посреднические усилия для прекращения войны Молотов 4 декабря направил ему заявление, в котором говорилось: «Советский Союз не находится в состоянии войны с Финляндией и не угрожает финляндскому народу. Советский Союз находится в мирных отношениях с Демократической Финляндской Республикой, с правительством которой 2 декабря с.г. им заключён договор о взаимопомощи и дружбе. Этим документом урегулированы все вопросы... В настоящее время мы совместными усилиями... ликвидируем опаснейший очаг войны, созданный в Финляндии её прежним правительством». Поэтому, если будут созваны Совет и Ассамблея Лиги Наций для рассмотрения обращения финского правительства, Советское правительство не будет участвовать в их заседаниях»²³.

11 декабря сессия Ассамблеи Лиги Наций образовала комитет по финляндскому вопросу, который обратился к правительствам СССР и Финляндии с призывом прекратить военные действия и при посредстве Ассамблеи начать немедленные переговоры о восстановлении мира. Правительство Финляндии немедленно приняло это предложение, но Молотов вторично ответил решительным отказом.

14 декабря Совет Лиги Наций принял резолюцию об исключении СССР из Лиги Наций и призвал государства – члены Лиги Наций оказать поддержку Финляндии. До тех пор Лигой Наций были заклеены как агрессоры Япония, Германия и Италия. Теперь к числу агрессоров был причислен и Советский Союз.

На это решение Совета Лиги Наций Советское правительство отозвалось сообщением ТАСС, в котором в циничном и издевательском тоне говорилось: «ТАСС уполномочен передать следующую оценку авторитетных советских кругов резолюции Совета Лиги Наций от 14 декабря об «исключении» СССР из Лиги Наций... Вместо того, чтобы содействовать прекращению войны между Германией и англо-французским блоком, в чём, собственно, и должна была заключаться миссия Лиги Наций, если бы она продолжала оставаться «инструментом

мира», нынешний состав Совета Лиги Наций, провозгласив политику поддержки провокаторов войны в Финляндии — клики Маннергейма и Таннера, стал на путь разжигания войны также и на северо-востоке Европы... По мнению советских кругов, это нелепое решение Лиги Наций вызывает ироническую улыбку, и оно способно лишь оскандалить его незадачливых авторов... Лига Наций, по милости её нынешних режиссеров, превратилась из кое-какого «инструмента мира», каким она могла быть, в действительный инструмент англо-французского военного блока по поддержке и разжиганию войны в Европе. При такой бесславной эволюции Лиги Наций становится вполне понятным её решение об «исключении» СССР... Что же, тем хуже для Лиги Наций и её подорванного авторитета. В конечном счёте СССР может здесь остаться в выигрыше... СССР теперь не связан с пактом Лиги Наций и будет иметь опьянённые свободные руки»²⁴.

Таким образом, Советское правительство выражало своё удовлетворение тем, что исключение СССР из Лиги Наций освобождает его от политической и моральной ответственности за выполнение обязательств, вытекающих из принадлежности к этой международной организации, и обеспечивает ему «свободу рук».

Советская агрессия была встречена с возмущением во всём мире. «Чувство негодования против Советского правительства, вызванное в то время пактом Риббентропа-Молотова, — писал Черчилль в книге «Вторая мировая война», — ныне, под влиянием грубого запугивания и агрессии, разгорелось ярким пламенем. К этому примешивалось презрение по поводу неспособности советских войск и восторженное отношение к доблестным финнам»²⁵.

Разгневанные многотысячные толпы били стёкла в советских посольствах в Париже и Лондоне. «За семь лет моей предшествующей работы в Лондоне в качестве посла СССР, — вспоминал Майский, — я пережил немало антисоветских бурь, но то, что последовало после 30 ноября 1939 года, побило всякие рекорды... Антисоветская буря не ограничивалась только официальными кругами. Она приняла более широкий характер. Особую роль тут играли лейбористы... Некоторые мои лейбористские знакомые в это время даже перестали на встречах раскланиваться со мной. Леон Блум во Франции заявлял, что помощь Финляндии должна быть оказана во что бы то ни стало, хотя бы это вызвало войну с СССР. Вполне понятно, что Социалистический Интернационал и Амстердамский (профсоюзный) Интернационал решительно выступили против нас... Вокруг нашего посольства образовалась леденящая пустота, и на различных дипломатических приёмах от нас с женой многие шарахались, как от зачумлённых. Если бы не старые личные связи, накопившиеся в более благоприятные годы, связи, дававшие мне возможность в этой исключительно враждебной обстановке кое-что узнавать о совершающихся событиях, положение советского посольства в Лондоне было бы очень затруднительно»²⁶.

В Стокгольме, несмотря на то что полиция со всех сторон ограждала подступы к советскому посольству, огромные толпы осаждали его, выкрикивая лозунги: «Агрессоры-большевики, вон отсюда!»²⁷

Даже осторожный Рузвельт, всегда лояльно относившийся к Советскому Союзу, говорил на конгрессе американской молодёжи в феврале 1940 года: «Советский Союз, как сознает всякий, у кого хватает мужества посмотреть в лицо фактам, управляется диктатурой столь абсолютной, что подобную трудно найти в мире. Она вспулила в союз с другой диктатурой и вторглась на территорию соседа столь бесконечно малого, что он не

мог представлять никакой угрозы, не мог нанести никакого ущерба Советскому Союзу»²⁸.

Английская делегация лейбористов во главе с секретарём Генерального Совета пред-юнионов Сиприном побывала в Финляндии и после возвращения оттуда оказывала давление на правительство, требуя усиления помощи Финляндии²⁹.

18 стран выразили желание помочь Финляндии. В них осуществлялся сбор средств в пользу финнов, организовывалась посылка в Финляндию походных гостипалей, боевой техники, вооружения и боеприпасов. США и Швеция предоставили Финляндии займы. Из Англии, Франции, Швеции, Норвегии и некоторых других стран в Финляндию отправилось более 11 тысяч добровольцев. Англия и Франция предоставили финнам 100 самолётов и много другого оружия³⁰.

В Швеции и Норвегии требования общественности о вооружённом вмешательстве этих стран в советско-финскую войну были столь сильны, что советские послы передали норвежскому и шведскому правительству заявления от имени Советского правительства, в которых утверждалось, что такие действия несовместимы с политикой нейтралитета, провозглашённой этими странами³¹.

Пятого февраля Верховный Совет союзников принял решение направить в Финляндию две англо-французские бригады, но Скандинавские страны под сильным нажимом немцев отвергли предложения правительств этих стран пропустить их войска через свою территорию.

Принципиально пропивоположную позицию в советско-финском конфликте заняла фашистская Германия. Вскоре после начала боевых действий официоз «Франкфуртер Цейтунг» 5 декабря поместил на своих страницах статью под заголовком «С открытыми картами». В ней говорилось: «Ясное разграничение германских и русских интересов подчинило весь европейский восток новому закону... В соответствии с этим русские предоставили Германии вновь организовать своё жизненное пространство на германской восточной границе. С такой же последовательностью Германия признала право русских в зоне своих интересов извлекать необходимые выводы из новой обстановки... Германия не считает себя вправе определять пределы русских притязаний и не в состоянии снять ответственность с финского правительства»³².

В ходе финской войны Германия оказала Советскому Союзу не только дипломатическую помощь. Произошло нечто вроде установления прямого военного союза между Германией и СССР. По приказу Гитлера были запрещены всякие торговые сделки между Германией и Финляндией. Немцы дали согласие на просьбу Советского правительства, чтобы немецкие суда, направляющиеся в Швецию, снабжали горючим и продовольствием советские подводные лодки, осуществляющие блокаду финских портов с целью предотвратить поступление морским путём помощи Финляндии от западных держав. В свою очередь в октябре 1939 года Советское правительство согласилось на создание немецкой базы на Кольском полуострове для снабжения, ремонта и заправки германских военных судов и подводных лодок. Немцы использовали эту базу во время кампании в Норвегии и ведения военных операций против Англии в Северной Атлантике.

Гитлер оказался, по существу, единственным государственным деятелем, проявившим «понимание» советской интервенции в Финляндии. В беседе с профашистски настроенным шведским писателем Свенном

Гедином, состоявшейся 4 марта 1940 года, он оправдывал действия Сталина против Финляндии необходимостью выхода Советского Союза к незамерзающим портам. При этом фюрер утверждал, что Сталин за последнее время серьёзно изменил свою политическую позицию: он не является больше интернационалистом-большевиком, а действует как русский националист, продолжающий политику русских царей³³.

Несмотря на несоизмеримость сил воюющих сторон (СССР использовал в войне против финнов в общей сложности 1,2 млн человек, тогда как численность всего населения Финляндии не превышала 4 млн человек), наступление советских войск захлебнулось уже в первую неделю войны. Продвижение Красной Армии в Финляндии продолжалось лишь несколько дней, когда ей оказывали сопротивление отдельные пограничные отряды. Продвинувшись в глубь Финляндии в разных районах на 20-140 км, 10 декабря советские войска подошли к переднему краю финского укрепленного района, где вынуждены были остановиться и перейти к обороне. Вслед за этим на ряде участков фронта началось отступление Красной Армии, при котором финские войска захватили большие трофеи. Попытка прорыва линии Маннергейма закончилась 22 декабря, когда наступательные действия Красной Армии приостановились. Пользуясь тем, что стрелковые советские войска, как правило, не умели ходить на лыжах, небольшие группы финских лыжников, прорывавшиеся ночью, а иногда и днём в тыл советских войска, имея десяток пистолетов-пулемётов, нападали на советские части, располагавшиеся, как правило, на дорогах или возле них, и наносили им внушительный урон. Две советские дивизии были окружены противником, блокированы и понесли большие потери в людях и материальной части³⁴.

Война обнаружила неподготовленность Красной Армии к боевым действиям в условиях наступивших лютых морозов (зима 1939/40 года оказалась крайне суровой, морозы достигали временами 50 градусов). «На финнах пулуцы, подбитые овечьими шкурками, и шапки белые бараньи из США, — записывала в своём дневнике тщательно следившая за ходом боевых действий А. М. Коллонтай. — Наши замерзают споя»³⁵.

Оказавшись перед лицом потери военного престижа во всём мире, Сталин резко усилил группировку советских войска на финском фронте. Из запаса без объявления мобилизации было призвано несколько сот тысяч человек, в том числе 50 тыс. начальствующего состава³⁶. Против Финляндии было задействовано 52 дивизии общей численностью около миллиона человек. Им противопоставило 400 тысяч солдат и офицеров финских регулярных войска и военизированных частей (щюцкоровцев). По боевой технике Красная Армия имела тройное, а по танкам и авиации — абсолютное превосходство. В марте 1940 года в боевых действиях участвовало пять советских армий, на вооружении которых было 11 266 орудий и минометов, 2998 танков и 3253 самолёта³⁷.

Активные военные действия возобновились в феврале 1940 года, когда был осуществлён прорыв линии Маннергейма. Добившись этого, Сталин решил увенчать войну торжественным ритуалом. «В феврале 1940 г., — писал Троцкий в набросках к книге «Сталин», — газеты сообщали, что Сталин выехал в Ленинград для празднования 22-летнего юбилея Красной Армии. Это сообщение крайне поучительно. К этому дню надеялись подготовить захват Выборга и придать празднованию особенно торжественный характер с участием Сталина. Если этого чисто парадного участия Сталина в событиях финляндской войны не произошло, то потому, что не удалось захватить Выборг своевременно, т. е. в указанный юбилейный срок»³⁸.

Победа Советского Союза в 105-дневной войне была достигнута ценой чудовищных потерь. Безвозвратные людские потери СССР в советско-финской войне составили 126 875 человек, из них убитыми – 71 214 человек, умершими в госпиталях – 16 292, пропавшими без вести – 39 369³⁹. Это число в несколько раз превышало потери финских вооружённых сил. Финнами было уничтожено около 800 советских самолётов⁴⁰.

Уже в ходе войны наиболее проницательные аналитики пришли к выводу, что неудачи советских войск ещё более тесно привязывают Советский Союз к Германии. Как подчёркивалось в меморандуме советника германского посольства в СССР Типпельскирха от 25 января 1940 года, «Советское правительство в настоящее время приходило к осознанию того, что трудности войны опрезвляюще действовали на оценку своего мнимого превосходства и собственных достижений... Исключительные трудности и неудачи, особенно в связи с правительством Куусинена, являются для Советского Союза и Коминтерна своеобразным предостережением. Отсюда напрашивается вывод, что союзнические отношения с Германией имеют для Советского Союза в данное время исключительное значение»⁴¹.

Язвительные замечания по поводу советских неудач в «зимней войне» часто встречаются в дневниках Геббельса. «Финская кампания, а особенно наблюдающиеся до сих пор неудачи очень навредили России, – записывал он 23 января 1940 года. – Особенно глупости с правительством Куусинена». Спустя несколько месяцев Геббельс отмечал, что в Москве «не особенно-то расхваливают наши успехи, чтобы в связи с финской кампанией не выглядеть слишком жалкими. В остальном же никакого омрачения германо-русских отношений констатировать нельзя. Сталин твёрдо остаётся с нами, несмотря на все лондонские соблазны»⁴².

Конечно, из хода и итогов советско-финской войны в Берлине были сделаны и более серьёзные выводы. Историки второй мировой войны сходятся на том, что обнаружившиеся в «зимней войне» слабые стороны Красной Армии явились одним из главных факторов, побудивших Гитлера к нападению на СССР. «Русские в течение всей войны проявили такую тактическую неповоротливость и такое плохое командование, несли такие огромные потери во время борьбы за линию Маннергейма, – писал Типпельскирх, – что во всём мире сложилось неблагоприятное мнение относительно боеспособности Красной Армии. Несомненно, впоследствии это оказало значительное влияние и на решения Гитлера»⁴³. Английский историк Буллок замечает: «Ничто не могло с большей силой убедить его (Гитлера) в 1941 году, что он может поставить (пари – В. Р.) на победу над русскими за одну кампанию, чем то, как они провели войну с финнами»⁴⁴.

К подобным выводам приходил в своих мемуарах и Хрущёв. «Если бы мы финнов не тронули и договорились как-то без войны, – писал он, – то о нас имелось бы за рубежом иное представление. Ведь если Советский Союз еле-еле справился с Финляндией, с которой Германия расправилась бы очень быстро, то что останется от СССР, если на него двинутся немецкие войска, вышколенные, отлично организованные, имеющие хороших командиров, сильную боевую технику и большие массы военнослужащих? Гитлер рассчитывал, что расправится с СССР в два счёта. Так родился курс на молниеносную войну и план «Барбаросса», основанные на самоуверенности. Пипала эту самоуверенность в немалой степени злополучная, неудачно проведённая нами финляндская кампания»⁴⁵.

Чтобы избежать дальнейших позорных провалов и вовлечения в войну Англии и Франции, Советское

правительство в январе 1940 года приняло решение приступить к мирным переговорам с Финляндией, избрав наиболее подходящую для этого фигуру – советского посла в Стокгольме А. М. Коллонпай. Этот выбор был тем более удачен, что на конфиденциальном, специально устроенном ужине один из шведских министров предложил Коллонпай посредничество шведов для мирного завершения военного конфликта. Незадолго до этого состоялась назначение финского министра иностранных дел Эрко послом в Стокгольм. Главной целью этого назначения было ведение переговоров с Коллонпай.

Однако недоверие, присущее Сталину по отношению к старым большевикам, привело к тому, что главным лицом, ведущим переговоры, оказался второй секретарь советского посольства в Хельсинки Ярцев, настоящее имя которого было Рыбкин, полковник НКВД. Ему было предоставлено право вести переговоры на высоком уровне, не давая об этом отчётов Коллонпай. Она была обязана лишь «помогать» ему.

Вслед за Ярцевым в Стокгольм прибыла финская писательница Хейла Вуолийоки, работавшая на советскую разведку. Она вела переговоры с Рыбкиным в закрытой для всех комнате шифровальщика советского посольства, не ставя в известность об их содержании Коллонпай, формально уполномоченную Молотовым на ведение советско-финских переговоров.

В те дни Коллонпай записывала в своём дневнике: «Всё больше совещаются за моей спиной Ярцев и Вуолийоки. Часами спрочат донесения в Москву, а о чём – не говорят. Она и Ярцев не доверяют искренности шведов. Тем более не доверяют мне... Зачем Таннер (новый министр иностранных дел Финляндии) прислал сюда Вуолийоки? Может быть, у неё есть поручения не только из Хельсинки? Мне она не поможет, а эти совещания за моей спиной в секретной части советского полпредства меня нервную и злят»⁴⁶.

Положение изменилось, когда в Стокгольм прибыл Таннер, знакомый с Коллонпай с дореволюционных времен по совместному участию в международном социалистическом движении. Теперь переговоры с Таннером вела Коллонпай.

29 января Советское правительство направило ноту шведскому правительству, в которой сообщалось, что СССР не имеет в принципе возражений против заключения мира с правительством Финляндии, если последнее пойдёт на большие территориальные уступки, чем от него требовали в ноябре 1939 года. При этом Советское правительство выражало готовность отказаться от правительства Куусинена, создание которого только способствовало сплочению и усилению сопротивления финнов.

В феврале 1940 года Молотов заговорил другим, более мягким языком с послами иностранных государств, хотя он продолжал настаивать на ужесточении условий мирного договора по сравнению с предложениями, выдвигавшимися советским руководством до начала войны. В беседе с послом США Штейнгардтом он заявил, что, «как ему известно, финляндское правительство теперь готово принять те предложения, которые СССР делал во время переговоров, проходивших в Москве. Но теперь, когда пролилась кровь... прежние предложения СССР недостаточны с точки зрения безопасности советских границ»⁴⁷.

В телеграмме Майскому от 21 февраля Молотов предлагал довести до сведения английского правительства, что Советский Союз не возражает против переговоров и соглашения с правительством Рюти – Таннера, однако

прежние условия уже недостаточны, поскольку «наши военные» требуют теперь получения всего Карельского перешейка. Выполняя указание Молотова, Майский в беседе с заместителем министра иностранных дел Великобритании Баплером заявил, что «в нынешних условиях не приходится говорить о предоставлении Финляндии каких-либо компенсаций» и «советское командование» в случае продолжения войны будет настаивать... на ещё более далеко идущих требованиях⁴⁸.

После предварительных переговоров Колонпай с Танкером финляндская делегация во главе с премьер-министром Рюти 6 марта вылетела в Москву. На этот раз Сталин и Молотов предъявили новые территориальные требования, сводящиеся к передаче СССР не только Карельского перешейка и островов Финского залива, но также Выборга и Сортавалы и некоторых других территорий. Финская делегация была вынуждена согласиться на эти требования. В ночь с 12 на 13 марта мирный договор на советских условиях был подписан. За два дня до вступления его в силу Сталин приказал взять Выборг штурмом, что стоило Красной Армии множества новых бессмысленных жертв.

В соответствии с мирным договором Финляндия уступала Советскому Союзу десятую часть своей территории. Помимо этого Финляндия сдала Советскому Союзу в аренду сроком на 30 лет полуостров Ханко для создания там военно-морской базы СССР.

Сразу же после заключения мирного договора благожелательные отклики о сталинской дипломатии появились в фашистской печати. «Что сразу бросается в глаза в заключении соглашения, — писала 13 марта «Берлинер Бейзенцейпунг», — это та умеренность, которая проявлена советской стороной при определении условий мира. Договор несёт на себе отпечаток сталинских государственных воззрений, в силу которых Советский Союз... добивался не территориальных завоеваний, а в первую очередь обеспечения своих интересов». «Для Германии было тем меньше оснований вмешиваться для противодействия стратегическим интересам дружественного Советского Союза, что ещё незадолго до этого Финляндия высокомерно отклонила предложенный пакт о ненападении», — констатировала 14 марта 1940 года «Дойче Альгемайне Цайтунг»⁴⁹.

Официальная оценка советско-финской войны была дана в докладе Молотова на сессии Верховного Совета СССР 29 марта 1940 года. Чтобы преувеличить опасность, угрожавшую Советскому Союзу со стороны Финляндии, Молотов заявил, что «Финляндия, и прежде всего Карельский перешеек, была уже к 1939 году превращена в готовый военный плацдарм для третьих держав для нападения на Советский Союз, для нападения на Ленинград». Советско-финскую войну Молотов представил как войну СССР с целым полчищем враждебных сил. «Не трудно видеть, — говорил он, — что война в Финляндии была не просто столкновением с финскими войсками... Здесь произошло столкновение наших войск... с соединёнными силами империалистов ряда стран, включая английских, французских и других... В яростном вое врагов Советского Союза всё время выделялись визгливые голоса всех этих простигнированных «социалистов» из II Интернационала (весёлое оживление в зале)... лакеев капитала, вконец продавших себя поджигателям войны».

Особенно фальшивой и казуистической выглядела та часть речи Молотова, в которой говорилось о судьбе щедро разрекламированного, но так ничем себя и не проявившего «правительства» Куусинена. «Через шведское

правительство мы узнали, – говорил Молотов, – что финляндское правительство хотело бы знать о наших условиях, на которых можно кончить войну. Раньше, чем решить этот вопрос, мы обратились к Народному правительству Финляндии, чтобы узнать его мнение по этому вопросу. Народное правительство высказалось за то, чтобы в целях предотвращения кровопролития и облегчения положения финского народа, следовало бы пойти навстречу предложению об окончании войны. Тогда нами были выдвинуты условия, которые вскоре были приняты финляндским правительством... В связи с этим вспал вопрос о самороступе Народного правительства, что им и было осуществлено... Таким образом, цель, поставленная нами, достигнута, и мы можем выразить полное удовлетворение договором с Финляндией».

В своём докладе Молотов не преминул указать и на то, что «у англо-французских правящих кругов сорвались расчёты насчёт использования нашей страны в войне против Германии. Они хопял навязать нам... политику вражды и войны с Германией, политику, которая дала бы им возможность использовать СССР в империалистических целях. Пора бы этим господам понять, что Советский Союз не был и никогда не будет орудием чужой политики»⁵⁰.

По иному ипоги советско-финской войны расценивались на пленуме ЦК ВКП(б), состоявшемся 26-28 марта 1940 года. Здесь был заслушан доклад Ворошилова «Уроки войны с Финляндией». Незадачливый нарком вынужден был признать, что ни он сам, ни Генштаб, ни командование Ленинградского военного округа в начале войны совершенно не представляли связанных с ней особенностей и трудностей. Они не располагали сколько-нибудь точными данными о силах и средствах противника, качестве его войск и вооружения и о действительном состоянии укрепленного района. Многие лица начсостава, не будучи уверенными в своих силах, а часто просто растерявшись, оказались неспособными наводить в своих частях порядок и воинскую дисциплину»⁵¹.

Вина за позорные провалы в войне была возложена на высших командиров и начальников штабов, многие из которых были отстранены от должности.

В прениях по докладу Сталин заявил, что «наш рядовой состав является прекрасным материалом, а вот командный состав оказался не совсем на высоте положения. Были пряпки, шляпы. Задача заключается в том, чтобы улучшить командный состав, и тогда наша армия будет самой лучшей армией в мире»⁵². (Поскольку речь Сталина, как и другие выступления в прениях по докладу Ворошилова, не была включена в стенограмму пленума, я привожу эту цитату по дневниковым записям члена ЦК ВКП(б) В. А. Мальшева – В. Р.)

Ипоги советско-финской войны вызвали возмущение финского народа и побудили в дальнейшем Финляндию к сотрудничеству с Германией в войне против СССР. «Финны пошли на это, – писал Хрущёв в своих мемуарах, – потому что были озлоблены и хотели вернуть потерянное ими путём войны вместе с Германией против Советского Союза»⁵³. В этом же, как мы увидим далее, крылись и причины превращения Румынии в союзника Германии.

Марксистская оценка советско-финляндской войны в контексте всей внешней политики СССР на рубеже 40-х годов была дана А. Туоминеном, секретарём ЦК Компартии Финляндии, членом ИККИ и кандидатом в члены Президиума ИККИ. Отказавшись в ноябре 1939 года выполнить директиву Москвы о вхождении в марионеточное

«Народное правительство», Туоминен 4 апреля 1940 года обратился к Димитрову и ИККИ с письмом, в котором обвинял Коминтерн и советских руководителей в преступлениях против финского и других народов. «Я уже давно отношусь критически к политике Коминтерна, — писал Туоминен, — особенно к тому, что его руководство, как покорный, безвольный слуга, одобряло даже такие внутри- и внешнеполитические мероприятия вождей Советского Союза, которые противоречили первоначальной программе Коминтерна и интересам международного пролетариата. Выражением этого моего критического отношения было до сих пор стремление постепенно отойти в сторону от политической деятельности... Но последние события, особенно преступное наступление Советского Союза на Финляндию и совершённые в связи с этим несправедливости и жестокости, которыми и вы, руководители Коминтерна, уже спешили дать своё одобрение, заставляют меня во имя справедливости и правды отказаться от молчания и публично отойти от этой политики и заявить мой протест против неё; одновременно я откажусь от кандидатура в члены Исполкома и Президиума Исполкома Коминтерна».

Туоминен утверждал, что Сталин порвал с ленинской линией в национальном вопросе, развернув наступление на Финляндию, которое явилось «преступлением против самоопределения народов и политики мира». Сталин начал войну не только против финской буржуазии, но и «против народа Финляндии». Чтобы прикрыть преступный характер этой войны, им было задумано и создано по примеру Гитлера «народное правительство», которое «просило Красную Армию «освободить народ Финляндии от ига капитализма»... Но так же, как Гитлер забыл спросить народы Австрии, Чехословакии и Польши, хотя ли они освободителя в лице гитлеровской армии, так же Советское правительство забыло или высокомерно не считало нужным спросить собственный народ Финляндии или хотя бы ту часть его, на поддержку которого рассчитывали в начале наступления, — какое было его мнение, хотел ли он такого «народного правительства» и Красной Армии для своего освобождения».

Туоминен утверждал, что СССР является агрессором, а навязанный им Финляндии мир — империалистическим диктатом. Он заявлял, что не финский народ, а Гитлер дал Красной Армии разрешение двинуться против Финляндии. «Даже самая лучшая пропаганда не может теперь изменить того факта, что Советское правительство, заключив союз с самым преступным раздувателем войны, с империалистической Германией — одновременно вступило на путь империалистической политики»⁵⁴.

IX

Троцкий о советско-финляндской войне

Внимательно следя за ходом советско-финляндской войны, Троцкий уделял существенное внимание объяснению причин, заставивших Сталина развязать её. «В Прибалтике Кремль ограничил свои задачи стратегическими выгодами, — писал он, — с несомненным расчётом на то, что опорные военные базы позволят в дальнейшем советизировать и эти бывшие части царской империи. Успехи в Прибалтике, достигнутые дипломатическими угрозами, наполнились, однако, на сопротивление Финляндии. Примириться с этим сопротивлением означало бы для Кремля поставить под знак вопроса свой «престиж» и тем самым свои успехи в Эстонии, Латвии и Литве. Так, вопреки первоначальным планам, Кремль счёл себя вынужденным прибегнуть к военной силе»¹.

Осечка с Финляндией произошла совсем не случайно. «Не сумев оценить традицию долгой борьбы финского народа за независимость, Сталин полагал, что сломит правительство Гельсингфорса (Хельсинки) одним дипломатическим нажимом. Он грубо просчитался». Сперва советская печать «обещала впереди ряд чудес, осуществляемых без пролития крови, силою одних гениальных комбинаций. Вышло не так». Тогда Сталин, столкнувшийся с неуступчивостью финского правительства, вместо того, чтобы перестроить свой план, стал угрожать. «По его приказу «Правда» давала обещание покончить с Финляндией в несколько дней. В окружающей его атмосфере византийского раболепства Сталин сам стал жертвой своих угроз: они не действовали на финнов, но вынудили его самого к немедленным действиям. Так началась постыдная война — без необходимости, без ясной перспективы, без моральной и материальной подготовки, в такой момент, когда сам календарь, казалось, предостерегал против авантюры»².

Предполагавшаяся «военная прогулка» в Финляндию превратилась в беспощадную проверку всех сторон тоталитарного режима. Обнаружилось, что «чудовищная централизация всей промышленности и торговли, сверху донизу, как и принудительная коллективизация сельского хозяйства, вызваны вовсе не потребностями социализма, а жадностью бюрократии, которая всё, без остатка, хочет иметь в своих руках. Это отвратительное и ненужное насилие над хозяйством и человеком... нашло теперь жестокую кару в снегах Финляндии»³.

Война показала «несостоятельность общего руководства и непригодность высшего командного состава, подобранного по признаку покорности, а не таланта и знания. Война обнаружила, сверх того, крайнюю несогласованность разных сторон советского хозяйства, в частности, жалкое состояние транспорта и разных видов военного снабжения, особенно продовольственного и вещевого. Кремль строил не без успеха танки и аэропланы, но пренебрёг санитарной службой, рукавицами, зимней обувью. О живом человеке, который стоит за всеми машинами, бюрократия попросту забыла»⁴.

Троцкий писал, что он не предвидел первых поражений Красной Армии, поскольку не мог предполагать, «какая степень безголовости и деморализации царит в Кремле и на верхах обезглавленной Кремлём армии»⁵. Он не сомневался в том, что конечный результат борьбы предрешиён соотношением сил гигантского СССР и маленькой Финляндии. В конце концов Красная Армия раздавит финляндскую армию; «но уже теперь с уверенностью можно сказать одно: то, что произошло в первый период войны, не вычеркнуто из мирового сознания никакие позднейшие успехи»⁶.

Высмеивая заявления московских пропагандистов о том, что никто в Советском Союзе не рассчитывал на быструю победу, и их ссылки на морозы и снежные заносы, Троцкий писал: «Поражительный аргумент! Если Сталин и Ворошилов не умеют читать военной карты, то они, надо думать, умеют читать календарь. Климат Финляндии во всяком случае не мог быть для них тайной. Сталин способен с большой энергией использовать обстановку, когда она создана помимо его активного участия и когда выгоды бесспорны, а риск минимален. Он — человек аппарата. Война и революция — не его стихия. Где нужны были предвидение и инициатива, Сталин не знал ничего, кроме поражений. Так было в Китае, в Германии, в Испании. Так происходит сейчас в Финляндии»⁷.

К этим мыслям Троцкий вернулся после «победоносного» мира, заключённого Советским Союзом с Финляндией. В статье «Сталин после финляндского опыта» он подчёркивал, что «в течение двух с половиной месяцев Красная Армия не знала ничего, кроме неудач, страданий и унижений: ничто не было предвидено, даже климат. Второе наступление развивалось медленно и стоило больших жертв. Отсутствие обещанной «молниеносной» победы над слабым противником было уже само по себе поражением... Трагическая авантюра закончилась бабьим миром: «диктатом» по форме, гнилым компромиссом по существу... В результате международное положение СССР не укрепилось, а стало слабее. Сталин лично вышел из всей этой операции полностью разбитым... Авторитету диктатора нанесён непоправимый удар»⁸.

Наиболее прагматичный результат финляндской войны Троцкий усматривал в том, что в военных неудачах Кремля найдут серьёзную морально-политическую опору все сторонники крестового похода против СССР. «Финляндская авантюра, — писал он, — вызвала уже радикальную переоценку удельного веса Красной Армии, которую чрезвычайно идеализировали некоторые иностранные журналисты, «бескорыстно» преданные Кремлю... Уже сейчас можно сказать, что если *преувеличенная оценка наступательных способностей* Красной Армии характеризовала предшествующую эпоху, то ныне открывается эпоха *недооценки оборонительной силы Красной Армии*»⁹.

Троцкий тщательно анализировал и такой аспект финляндской войны, как попытку вызвать в стране восстание и дополнить вторжение Красной Армии социальным переворотом и гражданской войной. «Для этого и был извлечён из канцелярии Коминтерна злополучный Куусинен»¹⁰.

Причины того, почему призыв «народного правительства» не встретил отклика среди народных масс Финляндии, Троцкий видел в следующем: «Во-первых, в Финляндии полностью царит ныне реакционная военщина, поддерживаемая не только буржуазией, но и верхними слоями крестьянства и рабочей бюрократией; во-вторых, полиция Коминтерна успела превратить Финляндскую компартию в незначительную величину; в-третьих,

режим СССР отнюдь не способен вызывать энтузиазм в финляндских трудящихся массах»¹¹.

Третий фактор Троцкий считал решающим для понимания того единодушия, с которым весь финляндский народ выступил против советской агрессии. «Если бы кремлёвское правительство выражало действительные интересы рабочего класса и если бы Коминтерн служил делу международной революции, — писал он в программном документе — «Манифесте Четвёртого Интернационала», — народные массы маленькой Финляндии неизбежно тяготели бы к СССР, и вторжение Красной Армии либо не понадобилось бы вовсе, либо сразу было бы понято финляндским народом, как революционный акт освобождения. На самом деле вся предшествующая политика Кремля оттолкнула финляндских рабочих и крестьян от СССР. Сталин не нашёл в Финляндии никакой поддержки, несмотря на традицию восстания 1918 г. и на долгое существование Финляндской коммунистической партии. В этих условиях вторжение Красной Армии приняло характер прямого и открытого военного насилия»¹².

Эти мысли Троцкий развил в «Письме советским рабочим», которое с полным основанием можно назвать его политическим завещанием. Здесь он со всей отчётливостью объяснял социальным режимом, царящим в Советском Союзе, падение престижа СССР в глазах трудящихся зарубежных стран. «Если бы советское хозяйство велось в интересах народа, — писал он, — если бы бюрократия не расхищала и не губила зря большую часть дохода страны; если бы она не попирала жизненные интересы населения, СССР был бы великим магнитом для трудящихся всего мира, и неприкосновенность СССР была бы обеспечена. Но бесчестный насильнический режим Сталина лишил СССР призывательной силы. Во время войны с Финляндией не только финские крестьяне, но и рабочие оказались в большинстве на стороне своей буржуазии. Не мудрено: они знают о неслыханных насилиях сталинской бюрократии над рабочими в соседнем Ленинграде и во всём СССР. Так сталинская бюрократия, кровожадная и беспощадная внутри страны и трусливая перед империалистическими врагами, стала главным источником военных опасностей для СССР»¹³.

Х

Советское вторжение в прибалтийские республики

Между 28 сентября и 10 октября 1939 года были подписаны договоры СССР о взаимопомощи с Эстонией, Латвией и Литвой.

В соответствии с ними на территории этих стран создавались советские военные, военно-морские и военно-воздушные базы, на них дислоцировались части Красной Армии, численность которых была относительно невелика. Так, согласно конфиденциальному протоколу, приложенному к договору с Литвой, Советский Союз получил право держать в определённых пунктах свои гарнизоны общей численностью до 20 тыс. человек¹.

Чтобы доказать своё стремление к «справедливости», Советский Союз одновременно с заключением советско-литовского договора о взаимопомощи передал Литве Вильнюс и Виленский край, отошедшие после раздела Польши к СССР.

Пакты о взаимопомощи содержали обязательства о невмешательстве СССР во внутренние дела Прибалтийских государств, которые на первых порах выполнялись. 21 октября 1939 г. Молотов направил телеграмму полпреду СССР в Литве Н. Г. Позднякову, в которой говорилось: «Вам, всем работникам полпредства, в том числе и военному аташе, категорически воспрещая вмешиваться в междупартийные дела в Литве, поддерживать какие-либо оппозиционные течения и т. д. Малейшая попытка кого-либо из вас вмешаться во внутренние дела Литвы повлечёт строжайшую кару на виновного. Имейте в виду, что договор с Литвой будет выполняться с нашей стороны честно и пунктуально... Следует отбросить как провокационную и вредную болтовню о «советизации» Литвы». Аналогичные директивы были даны Молотовым полпредам СССР в Латвии и Эстонии².

Подобные установки содержались и в приказах наркома обороны о поведении личного состава частей Красной Армии, расположенных в Эстонии, Латвии и Литве. В этих приказах говорилось, что части Красной Армии не имеют права вмешиваться в политические дела и социальный строй суверенных государств, на территории которых они расположены, а всякие наспроения и разговоры о «советизации», если они имеют место среди военнослужащих, следует «в корне ликвидировать и впредь пресекать самым беспощадным образом... Командиры и комиссары должны проникнуться сознанием, что части Красной Армии находятся в чужой стране, с которой мы стоим в определённых договорных отношениях»³.

По-видимому, в этот период, когда ещё был не ясен дальнейший ход войны между Германией и англо-французским блоком, Сталин считал целесообразным проводить подобную «умеренную» политику по отношению к малым странам, которые он хотел втянуть в сферу своего влияния.

Суть подлинных его намерений ярко выражена в выступлении Кагановича на партактиве Наркомапа путей сообщений 4 октября 1939 года: «События на Украине и договоры с Прибалтийскими странами показывают, насколько наша страна может при благоприятных условиях без больших жертв целый ряд таких стран по-новому завоевать на свою сторону, присоединить, приобщить, а там постепенно... (Аглодисменпы)»⁴.

В отличие от стратегии Ленина-Троцкого Сталин предпочитал методы геополитической экспансии, а не поддержки народных революций.

23 марта 1940 года Секретариат ИККИ утвердил резолюцию «О задачах Компартии Литвы», в которой выдвигалось требование «поставить в повестку дня вопрос о свержении реакционного режима и создании демократического народного правительства». Вслед за этим подобные призывы к созданию «новой, свободной, демократической республики на развалинах режима» появились в апреле и мае в Эстонии и Латвии⁵. Однако поднять народы этих стран на свержение существующих режимов силами местных компартий было невозможно уже потому, что эти компартии были обескровлены в результате сталинских репрессий предшествующих лет (численность Компартии Литвы сократилась, например, с 1800 человек в 1937 году до 1000 в 1939 году)⁶, причём уничтожены были прежде всего наиболее опытные и преданные революционному делу партийные кадры.

Убедившись в невозможности изменить характер существующих режимов путём революционного движения масс и выбрав подходящий момент — разгар боёв во Франции, сталинская клика решила прибегнуть к методу грубого дипломатического давления и диктата на правительства Прибалтийских государств. Этому предшествовало появление ряда циничных статей в советской печати с выражением пренебрежительного отношения к нейтралитету малых стран. 18 апреля 1940 г «Правда» опубликовала статью Я. Викпорова «Малые страны и нейтралитет», в которой говорилось: «Особенно должны призадуматься те малые государства, которые под флагом «нейтралитета» фактически способствуют разжиганию войны. Они должны понять, что для них такая политика равносильна самоубийству». Отрицание нейтралитета Прибалтийских республик косвенно содержалось и в передовой «Известий» «Война расширяется», посвящённой вторжению Германии в малые страны Европы. «Последние события ещё раз подтвердили, — писали «Известия» по этому поводу, — что «нейтралитет» малых стран, за которым нет реальной силы, способной обеспечить этот нейтралитет, — является ни чем иным, как фантазией. Таким образом, шансы малых стран, желающих оставаться нейтральными и независимыми, резко сокращаются и сводятся к минимуму. Всякие рассуждения о правомерности или неправомерности действий в отношении малых стран, когда великие империалистические державы ведут войну не на жизнь, а на смерть, могут выглядеть только наивными»⁷.

Фактическое одобрение действий Германии по нарушению нейтралитета стран Центральной и Северной Европы сопутствовало действиям Советского правительства по ликвидации декларированного в договорах, заключённых ранее между СССР и Прибалтийскими государствами, нейтралитета Латвии, Литвы и Эстонии. Ради этого сталинская клика прибегла к грубым провокациям.

Боевые действия на Западе сталинская клика решила использовать для осуществления новых собственных аннексионистских акций.

25 мая Молотов заявил посланнику Литвы в СССР, что недавно исчезли двое советских военнослужащих и что их исчезновение организовано «некоторыми лицами, пользующимися покровительством органов литовского правительства, которые спаивают красноармейцев, впускают их в преступления и устраивают попом их побег либо уничтожают их»⁸. Эти и другие аналогичные обвинения были опубликованы спустя несколько дней в советской печати в форме сообщения Наркоминдела⁹. В последующие дни советские власти, отвергая предложения литовского правительства о проведении совместного расследования подобных эпизодов, продолжали нагнетать провокационные обвинения в адрес правительства Литвы. 14 июня 1940 г. Молотов направил литовскому правительству заявление Советского правительства, содержащее требования о вводе дополнительных советских военных частей для размещения их в важнейших центрах Литвы и о немедленном формировании нового просоветского правительства¹⁰. 15 июня советские гарнизоны перешли границу с Литвой и начали продвижение в глубь страны.

В середине июня была поднята газетная шумиха и по поводу якобы враждебного отношения к СССР со стороны правительств Латвии и Эстонии. В ночь на 17 июня Молотов вызвал к себе посланников этих стран и ульпимативно заявил им о переходе на рассвете того же дня советскими войсками государственной границы¹¹. Хвастливо рассказывая Чуеву в 80-е годы о своих действиях в то время, Молотов вспоминал: «Я вам должен сказать по секрету, что я выполнял очень твёрдый курс. Министр иностранных дел Латвии приехал к нам... я ему сказал: «Обратно вы уже не вернётесь, пока не подпишете присоединение к нам... Из Эстонии к нам приехал военный министр... мы ему то же сказали»¹².

После того, как советское вторжение в Прибалтийские республики, не встретившее никакого сопротивления, состоялось, Молотов счёл нужным известить о нём своего германского союзника. Вечером 17 июня он пригласил Шуленбурга и передал ему от имени Советского правительства «самые сердечные поздравления в связи с замечательными успехами германских вооружённых сил». Вслед за этим Молотов сообщил Шуленбургу о «советской акции против Прибалтийских стран». Эта «акция», по его словам, сводилась к тому, что «Советский Союз договорился с Латвией, Литвой и Эстонией о смене правительств этих стран и о вводе советских войск на их территорию». Шуленбург ответил, что «это дело исключительно только Советского Союза и Прибалтийских стран»¹³.

Для установления новых порядков в Прибалтике Сталин направил туда своих наиболее свирепых саппаратов: в Эстонию – Жданова, в Латвию – Вышинского, в Литву – Деканозова. По их указке были немедленно образованы удобные Москве новые правительства и назначены выборы в сеймы, причём в списках кандидатов значились только представители спешно созданных Союзов трудового народа.

Многие факты свидетельствуют о том, что эти акции были поддержаны значительными слоями рабочих, так что события июня-июля 1940 года в Латвии, Эстонии и Литве нельзя безоговорочно относить к разряду «инсценированных» революций. Однако сталинские наместники сделали всё, чтобы подавить революционную самостоятельность трудящихся. Так, Жданов 21 июня отдал приказ «прекратить революционные действия и разоружить рабочие дружины»¹⁴. Многочисленные демонстрации трудящихся с требованиями образования в

Литве, Латвии и Эстонии советских республик происходили под строгим контролем со стороны советских войск. Ещё до выборов начались аресты и депортации оппозиционных по отношению к происходящим переменам лиц. Так, в Литве за одну лишь ночь с 11 на 12 июля было арестовано около 2 тысяч человек¹⁵.

Избирательные платформы Союзов трудового народа не содержали положений о провозглашении советской власти и вступлении в состав Советского Союза. Однако избранные 14 июня Сеймы и эстонская Дума включили соответствующие положения в свои декларации, создававшиеся на основе одного и того же исходного документа, выработанного в Москве. В этих декларациях Прибалтийские страны были провозглашены Советскими социалистическими республиками, банки и крупные промышленные предприятия были объявлены национализированными, а земля – государственной собственностью, правда, при этом было обещано, что «всякие попытки посягнуть на личную крестьянскую собственность или против воли трудящихся крестьян навязать организацию колхозов будут решительно пресекаться, как идущие во вред интересам государства и народа»¹⁶.

На сессии Верховного Совета СССР, состоявшейся в начале августа, были «удовлетворены просьбы» новых парламентов Прибалтийских республик о включении последних в состав СССР. В результате этих мер, а также присоединения к СССР Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии и Северной Буковины население СССР увеличилось более чем на 23 млн человек¹⁷.

В мае и июне 1941 года ЦК ВКП(б) и СНК принял постановление об «очистке» республик Прибалтики, Молдавии, Западной Украины и Западной Белоруссии от «антисоветского, уголовного и социально-опасного элемента». Данные категории лиц арестовывались и направлялись в лагерь сроком от 5 до 8 лет с последующей ссылкой на 20 лет, а члены их семей выслались в отдалённые местности Советского Союза. При этом происходила конфискация их имущества. После войны все высланные лица были освобождены от административного надзора, но компенсации за конфискованное имущество не получили.

Всего в предвоенный и послевоенный период было выселено 618 084 человека, из них 49 707 человек – арестовано. Из Украины за 1940 – 1 половину 1941 года было выслано 163,6 тыс. человек, из Белоруссии – 105,3 тыс. Только за первую половину 1941 года из Молдавии выслали 29,9 тыс. человек, из Латвии – 15,2 тыс., из Эстонии – 9,2 тыс. человек¹⁸.

Перенесение в Прибалтийские республики худших сторон сталинского режима, массовые депортации, осуществлённые в 1940-1941 годах, подорвали дружеское отношение к СССР даже той части местного населения, которая с энтузиазмом встретила летом 1940 года вторжение Красной Армии, социально-политические преобразования и вступление этих республик в СССР. Недоброжелательность, стойко удерживавшаяся на протяжении шести десятилетий, выплеснулась в конце 80-х – начале 90-х годов и привела к выходу этих республик из СССР и установлению там реакционных националистических режимов.

Действия СССР в Прибалтике проходили при политической поддержке Германии и при отсутствии сколько-нибудь серьёзных протестов со стороны правительств и государственных деятелей буржуазно-демократических стран. «Англия не имеет оснований возражать против действий СССР в Прибалтике, – говорил ещё в октябре 1939 года Майскому Черчилль. – Конечно, кое-кто из сентиментальных деятелей сможет пустить слезу по поводу

русского протектората над Эстонией или Латвией, но к этому нельзя относиться серьёзно». Заявив, что СССР должен быть хозяином на восточном берегу Балтийского моря, Черчилль прибавил, что он очень рад включению Балтийских стран в советскую, а не в германскую государственную систему. «Это исторически нормально и вместе с тем сокращает возможный «лебенсraum» (жизненное пространство) для Гитлера»¹⁹.

Завершение советской экспансии в Прибалтике не вызвало серьёзных возражений в германских руководящих кругах. Об этом свидетельствуют записи в дневнике Геббельса: «17 июня. Вчера: липовские министры и президент бежали через германскую границу. Деликатное дело, к которому мы относимся весьма тактично... 9 августа. Мы говорим (с фюрером) о Прибалтийских государствах, в которых русские устанавливают свою террористическую диктатуру. Но нам нечего проявлять к этим государствам сострадание»²⁰.

XI

«Бессарабский поход»

По-прежнему была встречена нацистскими вождями новая аннексионистская акция, следовавшая вскоре после присоединения Прибалтики и связанная с перрипорриальными претензиями СССР к Румынии. 23 июня Молотов впервые сообщил Шуленбургу о намерениях Советского правительства относительно отторжения от этой страны части её территории. Он сделал заявление, согласно которому решение бессарабского вопроса не терпит отлагательства. Советское правительство... решило использовать силу, если румынское правительство отклонит мирное урегулирование. К изумлению Шуленбурга, Молотов добавил, что советские приписания распространяются также на Буковину и что Советское правительство рассчитывает на то, что Германия не будет мешать советским акциям и даже поддержит их. Молотов особо подчеркнул, что Советское правительство считает вопрос о Бессарабии и Буковине «чрезвычайно срочным»¹.

В Берлине известие об этом демарше Молотова вызвало такое беспокойство, что Риббентроп счёл нужным немедленно направить меморандум Гитлеру, в котором указывал, что при подписании секретного дополнительного протокола от 23 августа 1939 г. «Советский Союз подчеркнул свою заинтересованность в Бессарабии»². На следующий день Риббентроп послал телеграмму Шуленбургу, в которой просил передать Молотову, что Германия, оставаясь верной московским соглашениям, «не проявляет интереса к Бессарабии», но зато считает «приписания Советского Союза на Буковину чем-то новым»³. Выполняя это поручение Риббентропа, Шуленбург заявил Молотову, что «присоединение к СССР Буковины, которая никогда не принадлежала даже царской России, вряд ли может содействовать мирному решению проблемы». Молотов в ответ выдвинул чисто геополитический аргумент, сказав, что «Буковина является последней недостающей частью единой Украины и по этой причине Советское правительство хотело бы, чтобы этот вопрос был решен одновременно с бессарабским»⁴. На следующий день Молотов сообщил Шуленбургу, что, учитывая возражения германской стороны, Советское правительство «решило ограничить свои требования северной частью Буковины» и надеется, что «германское правительство... срочно посоветует румынскому правительству подчиниться и принять советские требования, так как в противном случае война окажется неизбежной»⁵.

Германское правительство решило удовлетвориться этой «уступкой» и передало 27 июня румынскому правительству совет «уступить требованию Советского правительства»⁶. Однако в германских руководящих кругах это решение вызвало сильнейшее раздражение, о чём свидетельствуют, в частности, дневниковые записи Геббельса: «25 июня. Сталин сообщает Шуленбургу, что намерен действовать против Румынии. Это снова противоречит нашей договорённости. Посмотрим... 29 июня. Румыния уступила Москве. Бессарабия и Северная Буковина отойдут к России. Для нас это никоим образом не является приятным. Русские используют ситуацию»⁷.

Заручившись согласием Германии на новую аннексионистскую акцию, Молотов заявил 27 июня посланнику

Румынии в СССР, что завтра же советские войска вступят на территорию Бессарабии и Северной Буковины, с тем чтобы оккупировать эти территории в течение 3-4 дней⁸. Впрочем, немцы, уже тогда считавшие не исключённым нападение Германии на СССР, конфиденциально дали румынским руководителям успокоительные заверения, что эти территориальные уступки носят временный характер⁹. Германский военный атташе заявил румынскому министру обороны: «Отдайте Советскому Союзу всё, что он просит. Через несколько месяцев мы поможем вам забрать всё обратно с прибавлением территории»¹⁰. Так советская аннексия фактически полкнула Румынию в объятия Германии, сделав её союзницей последней в войне против Советского Союза.

В беседах с Чуевым, пытаясь в некоторых деталях переговоров по этим вопросам, Молотов тем не менее довольно точно, с самодовольным цинизмом изложил характер своих разговоров с немцами: «Предъявляют требование: границу провести так, чтобы Черновицы* к нам отошли. Немцы мне говорят: «Так никогда же Черновиц у вас не было, они всегда были в Австрии, как же вы можете требовать?» — «Украинцы требуют!» (отвечает Молотов. — В. Р.). Там украинцы живут, они нам дали указание! (Sic! — В. Р.)... Украинцев надо же воссоединить!.. А украинцы теперь — и Закарпатская Украина, и на востоке тоже украинская часть, вся принадлежащая Украине, а тут что же, останется кусок? Так нельзя».

«Как это называется? (продолжает свой рассказ Молотов). — Буковина. [Шуленбург. — В. Р.] вертелся, вертелся, потом: «Я доложу правительству». Доложил, и тот (Гитлер) согласился».

Никогда не принадлежавшие России Черновцы к нам перешли и теперь остаются. А в тот момент немцы были настроены так, что им не надо было с нами портить отношения, окончательно разрывая. По поводу Черновиц все прыгали и только удивлялись»¹¹. В результате «бессарабского похода» Румыния потеряла часть своей территории.

Новая аннексия Советского Союза получила циничное одобрение Черчилля. 4 июня Майский сообщил в Москву, что Черчилль в беседе с ним очень интересовался событиями в Бессарабии и Северной Буковине и спрашивал, не означает ли захват этих территорий возврат к империализму царских времен. «Я разъяснил ему истинный смысл наших действий, — писал Майский. — Черчилль внимательно выслушал и затем с усмешкой сказал: «Может быть, Вы и правы. Но если Ваши действия даже продиктованы не старым царём, а новым советским империализмом, — что с того, у меня нет возражений»¹².

---

* Так до 1944 г. назывался г. Черновцы.

XII

Троцкий о социальном характере

советской экспансии

Оценивая морально-политическое значение «мирных» захватов Советским Союзом чужих территорий, Троцкий писал: «После пяти лет непрерывной агитации против фашизма, после истребления старой большевистской гвардии и командного состава армии за мнимую связь с наци, неожиданный союз с Гитлером естественно оказался крайне непопулярен в стране. Нужно было оправдать его непосредственными и осязательными успехами. Присоединение Западной Украины и Белоруссии и мирные завоевания стратегических позиций в Балтийских государствах должны были доказать населению мудрость внешней политики «отца народов». Однако Финляндия изрядно испортила этот расчёт»¹.

Даже если отвлечься от стойкого сопротивления финляндского народа, вставшего стеной на пути советской интервенции (причины неудач СССР в советско-финской войне Троцкий анализировал в целом ряде работ), то «триумфальные» успехи, выразившиеся в присоединении к СССР Западной Украины и Западной Белоруссии, позднее – Прибалтийских государств, Бессарабии и Северной Буковины, Троцкий рассматривал с серьёзными оговорками. Он крипиковал сталинскую клику не за само по себе военное вмешательство в судьбы других государств. *Революционное* военное вмешательство, совпадающее с устремлениями народов этих государств, он считал вполне правомерным и потому нередко употреблял в этой связи даже такие понятия, как «военная интервенция», «военная экспансия» социалистического государства». Разъясняя свою позицию в этом вопросе, он писал: «Робеспьер говорил, что народы не любят миссионеров со штыками. Он хотел этим сказать, что нельзя навязывать другим народам революционные идеи и убеждения при помощи военного насилия. Эта правильная мысль не означает, разумеется, недопустимости военной интервенции в других странах с целью содействия революции. Но такая интервенция, как часть революционной международной политики, должна быть понятна международному пролетариату, должна отвечать желаниям рабочих масс той страны, на территорию которой вступают революционные войска. Теория социализма в отдельной стране совершенно не годится, разумеется, для воспитания той активной международной солидарности, которая одна только может подготовить и оправдать вооружённое вмешательство. Вопрос о военной интервенции, как и все другие вопросы своей политики, Кремль ставит и разрешает совершенно независимо от мыслей и чувств международного рабочего класса. Оттого последние дипломатические «успехи» Кремля чудовищно компрометируют СССР и вносят крайнее замешательство в ряды мирового пролетариата»².

При всём этом Троцкий не склонен был полностью отождествлять действия Красной Армии с чисто империалистической экспансией. Он признавал тот немаловажный факт, что наступление Красной Армии в

Восточной Польше сопровождалось революционной поддержкой со стороны украинских и белорусских рабочих и крестьян. В доказательство этого Троцкий ссылался на прессу меньшевиков, которая была хорошо осведомлена о событиях, происходящих в Польше благодаря своим тесным связям с Бундом и эмигрантами из Польской социалистической партии. Так, Ф. Дан отмечал: «По единодушному свидетельству всех наблюдателей, появление советской армии и советской бюрократии даёт не только в оккупированной ими территории, но и за её пределами... толчок (!!!) общественному возбуждению и социальным преобразованиям». Другой меньшевистский автор подчёркивал: «Как ни старались в Кремле избегнуть всего, от чего ещё веет великой революцией, самый факт вступления советских войск в пределы восточной Польши, с её давно пережившими себя полуфеодальными аграрными отношениями, должен был вызвать бурное аграрное движение: при приближении советских войск крестьяне начинали захватывать помещичьи земли и создавать крестьянские комитеты»³.

Суммируя такого рода высказывания, Троцкий писал: «Парижский орган меньшевиков, который солидарен с буржуазной демократией Франции, а не с Четвёртым Интернационалом, прямо говорит, что продвижение Красной Армии сопровождалось волной революционного подъёма»⁴.

Касаясь сообщений московских газет о беспредельном «энтузиазме» рабочих и крестьянской бедноты, воспорженно встречавших Красную Армию, Троцкий замечал: «К этим сообщениям можно и должно подходить с законным недоверием: во вранье недостатка не было. Но нельзя всё же закрывать глаза на факты: призыв расправляться с помещиками и изгонять капиталистов не мог не породить подъём духа в загнанном, придавленном украинском и белорусском крестьянине и рабочем, которые в польском помещике видели двойного врага»⁵.

В этой связи Троцкий ставил вопрос: можно ли считать советизацию Западной Украины и Западной Белоруссии актом социальной революции? На этот вопрос он отвечал следующим образом: «И да, и нет. Больше нет, чем да. После того как Красная Армия занимает новую территорию, московская бюрократия устанавливает в ней тот режим, который обеспечивает её господство. Населению разрешено только одобрять проведённые реформы посредством тоталитарного плебисцита. Такого рода переворот осуществим только на завоёванной территории, с немногочисленным и достаточно отсталым населением... Такую «революцию» Кремль, конечно, приемлет. Такой «революции» Гитлер не боится»⁶.

По мнению Троцкого, в известной степени можно было говорить о соединении вторжения Красной Армии с элементами гражданской войны*, поскольку Кремль оказался вынужден на захватываемой им территории вызывать социально-революционное движение, апеллировать к низам, к бедноте, выдвигать призыв экспроприировать богачей, находящий в этой среде отклик. Разумеется, такая гражданская война носил

---

* Троцкий неоднократно вспоминал, что «последний из великих гуманистов – имя его Анатолий Франс – не раз высказывал ту мысль, что из всех видов кровавого безумия, которое называется войной, наименее безумной является всё же гражданская война, ибо в ней люди, по крайней мере, сознательно, а не по приказу делятся на враждебные лагеря» (Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. М., 1991. С. 39).

«ограниченный, полузадавленный характер»⁷, поскольку «она не возникает самопроизвольно из народных глубин. Она не ведётся под руководством... революционной партии, опирающейся на массы. Она вносится извне на штыках. Она контролируется бюрократией Москвы»⁸.

Революционная по своему характеру мера — экспроприация экспроприаторов в данном случае осуществляется, таким образом, военно-бюрократическим путём. «Апелляция к самостоятельности масс в новых территориях — а без такой апелляции, хотя бы и очень осторожной, невозможно установить новый режим — будет, несомненно, завтра же подавлена беспощадными полицейскими мерами, чтоб обеспечить перевес бюрократии над пробуждёнными революционными массами»⁹.

Исходя из этих посылок, Троцкий указывал, что огосударствление средств производства в принципе представляет прогрессивную меру. «Но её прогрессивность относительна, её удельный вес зависит от совокупности всех остальных факторов. Так, прежде всего приходится установить, что расширение территории бюрократического самодержавия и паразитизма, прикрытое «социалистическими» мерами, может увеличить престиж Кремля, породить иллюзии насчёт возможности заменить пролетарскую революцию бюрократическими маневрами и пр. Это зло далеко перевешивает прогрессивное содержание сталинских реформ в Польше». Анализ действительного социального содержания мер, осуществлённых сталинской кликой на захваченных ею территориях, приводил Троцкого к выводу: «Мы были и остаёмся против захвата Кремлём новых областей»¹⁰.

К такому же выводу Троцкий приходил, рассматривая данную проблему с точки зрения международного положения СССР. Сопоставляя внешнюю политику большевизма и сталинизма, он указывал, что «изолированное рабочее государство не может не лавировать между враждующими империалистическими лагерями. Лавировать — значит временно поддерживать один из них против другого... Но есть лавирование и лавирование. В Брест-Литовске Советское правительство пожертвовало национальной независимостью Украины с целью спасения рабочего государства. Об измене по отношению к Украине не могло быть и речи, так как все сознательные рабочие понимали вынужденный характер этой жертвы. Совершенно иначе обстоит дело с Польшей. Сам Кремль нигде и никогда не изображал дело так, будто он оказался *вынужден* пожертвовать Польшей. Наоборот, он цинично хвастает своей комбинацией, которая справедливо оскорбляет самые элементарные демократические чувства угнетённых классов и народов во всём мире, и тем самым чрезвычайно ослабляет международное положение Советского Союза. Этого и на одну десятую долю не возмещают экономические преобразования в оккупированных областях!»¹¹.

Троцкий подчёркивал, что в 1919 году, когда Антанты подавляла венгерскую революцию, русская революция имела политическое и моральное право прийти на помощь Венгерской Республике военными мерами. «Такая помощь была бы понята и одобрена трудящимися всего мира. К несчастью, мы были тогда слишком слабы... Сейчас Кремль в военном отношении гораздо сильнее. Но зато он утратил доверие масс, как внутри страны, так и за её пределами»¹².

Суммируя свои выводы о внешней политике сталинизма накануне второй мировой войны и на первых её

этапах, Троцкий писал, что «при помощи Коминтерна Кремль дезориентировал и деморализовал рабочий класс, чем не только облегчил взрыв новой империалистической войны, но и чрезвычайно затруднил использование этой войны для революции. По сравнению с этими преступлениями социальный переворот в двух провинциях, оплаченный к тому же закабалением Польши, имеет, конечно, второстепенное значение и не меняет общего реакционного характера политики Кремля»¹³.

В начале 1940 г., когда Троцкий обладал более полной информацией о том, что творится на оккупированных Советским Союзом территориях, он писал: «Если бы в России царил режим советской демократии, если бы технический процесс сопровождался ростом социального равенства, если бы бюрократия опмирала, уступая место самоуправлению масс, Москва обладала бы такой притягательной силой, особенно по отношению к своим ближайшим соседям, что нынешняя мировая катастрофа неизбежно толкнула бы народные массы Польши, причём не только украинцев и белорусов, но и поляков и евреев, как и население Балтийских лимитрофов, на путь объединения с СССР». Однако в настоящее время эти важнейшие внутрисоциальные условия революционной интервенции СССР отсутствуют. «Полицейское удушение народов СССР, особенно национальных меньшинств, оттолкнуло большинство трудящихся периферийных государств от Москвы. Врождение Красной Армии воспринимается народными массами не как акт освобождения, а как акт насилия и тем облегчает империалистическим правительствам мобилизацию мирового общественного мнения против СССР. Вот почему оно, в конечном счёте, принесёт защите СССР больше вреда, чем пользы»¹⁴.

XIII

Коминтерн

После захвата Германией Польши на Западном фронте началась «странная война»: войска обеих сторон на пропяхжении более чем полугода практически стояли на месте.

Положение изменилось 9 апреля, когда гитлеровские войска вторглись в Данию и Норвегию, грубо нарушив нейтралитет этих стран. Утром этого дня Шуленбург посетил Молотова и сообщил ему об этих событиях. В ответ Молотов заявил, что «Советскому правительству понятны меры, на которые вынуждена была пойти Германия». В конце беседы, как сообщал Шуленбург Риббентропу, «Молотов сказал буквально следующее: «Мы желаем Германии успешно завершить её оборонительные мероприятия»¹.

В той же беседе Молотов заявил Шуленбургу о том, что Советским правительством будет немедленно исправлено «излишнее рвение нижестоящих инстанций», задерживающих поставки Германии нефти и зерна. На этой встрече, по словам Шуленбурга, «господин Молотов был сама лобезность и высказал намерение выполнить все наши пожелания и обещал помочь»².

В советской печати и даже в документах Коминтерна поддерживалась немецкая версия о превентивном характере нападения на Данию и Норвегию. Так, в постановлении Секретариата ИККИ говорилось, что «политические и военные мероприятия англо-французского военного блока... привели к занятию Дании германскими войсками»³.

В ответ на интервенцию Германии 4 мая в Северной Норвегии был высажен английский десант. Однако после двухмесячных боёв он был вынужден покинуть эту страну и германская армия полностью оккупировала Норвегию, обеспечив себя важнейшими военно-стратегическими морскими базами.

Недовольство поражением, которое, несмотря на своё хвалёное превосходство на море, понесли англичане, привело к падению кабинета Чемберлена, и 10 мая Черчилль сменил его на посту премьер-министра.

В тот же день германская армия перешла в наступление на западе, которое так долго оттягивалось. Благодаря пакту со Сталиным Гитлер смог перебросить дополнительные дивизии с восточного фронта на западный, обеспечив таким образом примерно равное соотношение сил с противниками: 141 немецкая дивизия против 144 союзных дивизий (французских, английских, бельгийских и голландских)⁴.

Всего за несколько дней Германия захватила Голландию и Бельгию. Через немецкого посла в СССР Шуленбурга Риббентроп просил передать Молотову, «что правительство Рейха исходя из дружеских отношений спешит информировать Советское правительство об этих операциях на западе, на которые вынудила Германию нависшая угроза англо-французского наступления на Рурский район через Бельгию и Голландию». Молотов, как сообщил Шуленбург, с пониманием отнесся к тому, что «Германии необходимо себя защищать от угрозы англо-французского нападения»⁵.

Успехи германской армии были ошеломляющими: уже 12 мая она пересекла французскую границу. Главным секретом их успеха была в высшей степени эффективная поддержка с воздуха. Французская авиация была подавлена. Такой быстроты наступления не ожидали даже сами германские генералы. (Успехи немцев полкнули Сталина к незамедлительному решению вопроса с Румынией.)

14 июня 1940 года посол французской республики в СССР Э. Лабонн передал Молотову некоторые соображения французского правительства: «Изменение военной обстановки на суше подрывает в настоящее время равновесие европейских сил. Не считает ли Советское правительство, что имеющийся одновременно для Франции и СССР риск увеличил идентичность их интересов. Если Советское правительство имеет ту же точку зрения, как и французское, согласится ли оно на обмен мнениями о средствах сохранения равновесия, которое находится под угрозой?»

По существу, французским правительством делалась попытка наладить отношения с СССР. Однако в этой беседе с Лабонном Молотов заявил, что «позиция Советского Союза определяется договорами, заключёнными им с другими странами, и политикой нейтралитета, о которой было заявлено в начале европейской войны»⁶.

Чтобы «улучшить отношения с Советским Союзом», французское правительство намеревалось послать в Москву известного просоветского деятеля Пьера Кота. Министр общественных работ Де Монзи говорил Эренбургу, находящемуся в то время в Париже: «Если русские нам продадут самолёты, мы сможем выстоять. Неужели Советский Союз выиграет от разгрома Франции? Гиплер пойдёт на вас... Мы просим об одном: продайте нам самолёты... Сообщите в Москву... Если нам не продадут самолётов, через месяц или два немцы займут всю Францию»⁷. Разумеется, все подобные инициативы Франции не встречали в Москве никакого ответа.

14 июня немецкие войска вошли в Париж. 22 июня было подписано перемирие между Германией и Францией, означавшее фактическую капитуляцию Франции. 84-летний маршал Петэн сформировал новое, коллаборационистское правительство.

Одной из главных причин крушения Франции была пораженческая политика Французской компартии, которая перестала играть в этот период сколько-нибудь активную роль в жизни страны.

В статье «Бонапартизм, фашизм и война», над которой Троцкий работал в день покушения Меркадера (не успел завершить и обработать её), он дал набросок классового анализа причин поражения Франции: «После пяти лет пропаганды союза демократии и коллективной безопасности, после неожиданного перемещения Сталина в лагерь Гиплера французский рабочий класс оказался застигнут врасплох. Война вызвала ужасную дезориентацию и пассивное поражение, вернее, индифференцизм безысходности. Из этого сцепления обстоятельств возникла, во-первых, беспрецедентная военная катастрофа, вслед за нею — презренный режим Петэна»⁸.

Отсутствие революционного подъёма народных масс капиталистических стран в условиях беспрецедентных бедствий, приносимых им войной, Троцкий объяснял тем, что, несмотря на все машины истребления, решающее значение в войне сохраняет моральный фактор, который оказался подорван контрреволюционной политикой Сталина. «Деморализовав народные массы Европы — не только Европы — Сталин сыграл свою роль агента-провокатора на службе Гиплера»⁹.

Уже в первые дни после подписания советско-германского пакта французские коммунисты столкнулись с резким осуждением и неприязнью со стороны масс. Член Политбюро ЦК ФКП А. Раммет вспоминал, что «коммунистов оскорбляли на улице, на заводах. Ничего подобного я не переживал... Это были страшные дни изоляции. Мы не могли даже выступать, нас больше не слушали»¹⁰.

Французское правительство 26 августа запретило «Юманите» и приступило к арестам коммунистов, распространявших листовки в защиту советско-германского пакта. Спустя месяц правительством была запрещена деятельность коммунистической партии и вообще всякая деятельность, «имеющая целью распространение лозунгов, исходящих или зависящих от третьего Коммунистического Интернационала»¹¹.

28 сентября Президиум ИККИ направил в адрес ЦК ФКП, уже нелегальной, телеграмму, в которой требовал «порвать с политикой священного единения и разоблачать ложь французской буржуазии об антифашистской войне... Позиция национальной обороны недопустима для французских коммунистов в этой войне... Вопрос о фашизме играет сегодня второстепенную роль, первостепенный вопрос — борьба... против режима буржуазной диктатуры во всех её формах, прежде всего в вашей собственной стране»¹².

Во исполнение этой директивы группа депутатов-коммунистов, оформившаяся после роспуска коммунистической фракции в новую «рабоче-крестьянскую группу», подписала письмо председателю палаты депутатов Эррио, в котором предлагала созвать парламент для обсуждения «проблемы мира», с тем чтобы заключить «справедливый и прочный мир» (письмо подписали 47 из 74 депутатов ФКП).

Правительство Даладе воспользовалось этим письмом для того, чтобы лишить всех подписавших его депутатов парламентской неприкосновенности. В течение нескольких дней было арестовано более тридцати депутатов, подписавших письмо к Эррио. Оставшиеся руководители партии перешли на нелегальное положение.

Продолжая вести определённую Коминтерном линию, руководство ФКП опубликовало в коммунистическом журнале «Монд», легально выходящем в Бельгии, манифест ФКП к народу Франции. В этом документе осуждалась «империалистическая война», которую «ведут друг против друга английские и германские империалисты и в которой французскому народу отведена роль исполнителя воли лондонских банкиров». Утверждая, что французские правящие круги «вводят во Франции фашистские методы», «Манифест» требовал, чтобы «в первую очередь, были обезврежены французские фашисты, враги французского народа»¹³.

Однако даже эта линия вызвала недовольство А. Марти, который призывал «вести настоящие пораженческие действия». Он резко выступал против Политбюро ЦК ФКП за то, что оно не признавало империалистического характера войны со стороны Франции. Заслушав доклад Марти, Президиум ИККИ принял резолюцию, требовавшую «сосредоточить огонь против оппортунизма, выражающегося в скапывании на оборонческую позицию, в поддержании легенды об антифашистском характере войны». После прибытия в Москву 14 ноября Торез добился смягчения обвинений в адрес ЦК ФКП, но вместе с Марти заверил руководство Коминтерна, что Французская компартия будет руководствоваться лозунгом «наш враг внутри страны»¹⁴.

В самой Франции нелегальная «Юманите» опубликовала статью, в которой утверждалось, что в стране «нет ни одного рабочего, который не приветствовал бы помощь Красной Армии эксплуатируемому и приписанному

пролетариату «республики» Финляндии в создании нового государства»^Б.

«Выправление» линии ФКП и безоговорочная поддержка ею СССР в советско-финляндской войне вызвали публичное осуждение политики партии двадцатью семью из 74 депутатов, составлявших до войны парламентскую группу ФКП. Новые лозунги ФКП осудил и старейший французский коммунист М. Кашен, который подчёркивал, что считает главным противником Франции «нацистский империализм». Даже после серьёзного нажима со стороны других лидеров партии Кашен выступил на заседании комиссии сената с заявлением, в котором твёрдо заявлял, что главную ответственность за войну несут «топалитарные государства», а «гитлеровские претензии на господство в Европе неприемлемы»¹⁶. Серьёзные колебания проявил и член ЦК ФКП Г. Пери.

20 марта – 3 апреля 1940 года прошёл процесс над депутатами-коммунистами, подписавшими заявление, обращённое к Эррио. Многие подсудимые отказались присоединиться к совместной декларации с одобрением политики ФКП, подготовленной для зачтения на суде. Часть других присоединилась к декларации лишь в силу партийной дисциплины или из-за солидарности с товарищами. В выступлениях подсудимых на суде содержалось, к неудовольствию руководства ФКП, «много патристических утверждений» и отказ подчеркнуть «верность Коммунистическому Интернационалу».

Максимальное наказание, применённое судом, в том числе к осуждённым заочно руководителям партии, составляло 5 лет тюремного заключения. Депутаты, отмежевавшиеся от политики ФКП, были приговорены к условному заключению.

Прогерманская линия сталинской политики, наложившая отпечаток на деятельность Коминтерна и всех его секций, сохранялась и после того, как агрессивная направленность политики Гитлера определилась со всей полнотой. При подготовке текста первомайского воззвания Коминтерна 1940 года Жданов внёс в него положение о правящих кругах Англии и Франции и их «социал-демократических прислужниках», как поджигателей войны, а также тезис о том, что «именно благодаря предательской роли» социал-демократов «буржуазии удастся отправлять известные слои рабочего класса ядом шовинизма и национализма»¹⁷.

В декларации ФКП, утверждённой Секретариатом ИККИ 19 июня, т. е. накануне капитуляции Франции, впервые за всё время войны появилось упоминание о том, что коммунисты «боролись и борются против закабаления нашего народа иноземным завоевателем». Однако даже здесь запоздалые призывы к сопротивлению фашистскому нашествию по настоянию Сталина и Жданова были приглушены, а нападки на правящие круги Англии и Франции были вновь поставлены во главу угла. Была снята содержавшаяся в проекте декларации фраза о том, что «коммунисты сейчас выступают сторонниками самой решительной защиты против иноземного нашествия и обращаются к армии, рабочим, крестьянам и к народным массам с призывом напрячь все силы, чтобы отразить внешнее нашествие и обеспечить независимость и целостность страны»¹⁸.

Троцкий подчёркивал, что ярче всего деморализация народных масс сказалась на судьбах Французской и Английской компартий, которые Коминтерн вынудил атаковать свои собственные правительства, ведущие войну с Гитлером. «Но это внезапное поражение – не интернационализм, а искажённая разновидность

патриотизма: отечеством эти господа (лидеры Компартий Франции и Англии – В.Р.) считают Кремль, от которого зависит их благополучие. Многие французские сталинисты ведут себя под преследованиями с несомненным мужеством. Но политическое содержание этого мужества загрязняется прикрашиванием разбойничьей политики враждебного лагеря» (Гиплера-Сталина. – В.Р.)¹⁹.

Даже после захвата Германией ряда европейских стран советская и коминтерновская пропаганда не заменили своих политических установок, продолжая оценивать войну как несправедливую и империалистическую с обеих сторон и подчёркивать особенно реакционный, агрессивный характер политики Англии.

После захвата гитлеровцами Франции руководство ФКП вписало в историю своей партии одну из самых позорных страниц. Речь идёт о переговорах ряда деятелей ФКП с немецкими оккупационными властями о получении их разрешения на легализацию деятельности партии. Для ведения этих переговоров в июне 1940 г. из Москвы во Францию прибыл Жак Дюкло. В письме, направленном руководству Коминтерна, Дюкло сообщил, что он и другие активисты ФКП пытались договориться с оккупантами о легальном издании газеты «Юманите». В этих целях он организовал встречу двух представителей руководства ФКП с Отто Абецем, назначенным Гитлером представителем германского МИДа при военной администрации в Париже, а затем – послом Германии во Франции. После встречи в германском посольстве Абеца и других нацистских чиновников с представителями ФКП немецкие власти распорядились освободить группу коммунистов, арестованных парижской полицейской префектурой²⁰.

При встрече коммунистических функционеров с Маесом, руководителем пропаганды нацистской партии во Франции, было получено согласие на издание газеты «Се Суар» и освобождение заключённых, осуждённых за поддержку советско-германского пакта. В ходе беседы на эту тему Маес сказал: «Победа над Францией была благоприятствована германо-советским договором. Он способствовал собиранию немецких масс и дезорганизации французских масс... Ваша листовка, воспроизводящая октябрьское письмо коммунистических депутатов к председателю палаты депутатов, распространена в недостаточном количестве экземпляров. Должны её распространять больше. Прибавьте несколько выдержек из речи Гитлера о международном мире»²¹.

В конце июля руководством Коминтерна были получены из Франции письма Дюкло и других деятелей ФКП о продолжении переговоров парижского руководства ФКП с представителями германских оккупационных властей²².

Лишь 5 августа руководство Коминтерна выработало проект директивы, обращённой к Компартии Франции, где указывалось на попытки немцев «использовать партию в качестве орудия для создания среди масс благоприятных настроений в отношении оккупантов», ради чего «делаются упорные попытки со стороны оккупационных властей войти в контакт с партией... проявляется временно показной либерализм в отношении коммунистов». Директива требовала «категорически отвергать и осуждать, как предательство, всякое проявление солидарности с оккупантами. Необходимо избегать статей, деклараций, переговоров, встреч такого порядка, которые носили бы характер солидарности с оккупантами или предоставляли бы одобрение или оправдание их действий». Однако даже в этой директиве не содержалось установки на полный отказ от сотрудничества с германскими властями, а предлагалось «ограничить отношения с властями оккупантов строго

и исключительно лишь вопросами формального и административного характера»²³.

Но и когда мировая обстановка изменилась коренным образом, советско-германский пакт существенно ослаблял идеологические позиции коммунистов, сохранивших верность своему знамени. В этой связи уместно коснуться одной из лучших пьес американского драматурга Артура Миллера «Это случилось в Виши».

В центре пьесы – острейший идеологический спор, происходящий в экстремальной обстановке, когда несколько человек, схваченных в очередной фашистской облаве, ожидают допроса в полицейском участке «независимой» части Франции, где верховодят гестаповцы. Среди них – немецкий аристократ фон Берг, апеллирующий к нормам общественной морали, художник Ледюк и мужественный рабочий-коммунист Байяр. Все они – честные люди, глубоко ненавидящие фашизм и мучительно ищущие ответа на вопрос о причинах его господства. Но если Ледюк и фон Берг апеллируют к аргументам от здравого смысла и общечеловеческих норм морали, то Байяр ищет объективные основания для объяснения того чудовищного и невероятного, что происходил вокруг. Он стремится базировать свою внутреннюю стойкость на основе той идеологии, которой он предан. Остроту и динамизм этому спору придают обстоятельства, в которых он протекает.

Байяр изъясняется по преимуществу политическими формулами, но эти формулы им выстраданы, они превратились в неотъемлемую часть его личности.

«Байяр. Буржуазия продала Францию, она впустила фашистов, чтобы уничтожить французский рабочий класс. Достаточно вспомнить причины этой войны, и у вас появится *настоящая* уверенность в своей правоте.

Ледюк. Причины войны разные люди объясняют по-разному.

Байяр. Но не те, кто ясно понимает движущие силы экономики и политики.

Ледюк. Однако, когда немцы на нас напали, коммунисты отказались помогать Франции. Они объявили войну империалистической. Когда же фашисты напали на Россию, тут же оказалось, что идёт священная война против тирании. В чём же можно быть уверенным, если всё меняется с такой быстротой?

(Байяр не отвечает. Ледюк нащупал слабейший пункт его аргументации. Байяр переводит разговор, по существу, на другую тему. – В. Р.)

Байяр. Эх, друг, без Красной Армии, которая теперь с ними сражается, прощай наша Франция на тысячу лет.

Ледюк. Согласен. Но при чём тут понимание политических и экономических сил, если надо только верить в Красную Армию?

Байяр. Надо верить в будущее, а будущее – это социализм. Вот с этой верой я и пойду туда. *(Остальным.)* Имейте в виду: я знаю этих прохвостов. Обопричьтесь покрепче на идеологию, не то они вам переломят хребет.

Ледюк. Понимаю. Главное – не чувствовать себя одиноким, вы это хотите сказать?

Байяр. Люди не бывают одиноки. Все мы – участники исторического процесса. Может, кое-кто этого и не знает, но пусть узнает, если хочет выжить»²⁴.

Ущербная позиция французских коммунистов в 1939-1941 годах привела к утрате доверия к ним миллионов французов и в конечном счёте стала одной из главных причин столь быстрого поражения Франции.

Линия на сотрудничество с оккупантами проводилась летом 1940 года и руководством компартий Скандинавских стран, подвергшихся германской агрессии.

На собрании Копенгагенского партактива председатель КП Дании А. Ларсен назвал события 9 апреля 1940 года «незамедлительным ответом Германии на провокации Англии в форме оккупационных действий». «Отсюда ясно, — заявил Ларсен, — что тяготы и временные ограничения национальной свободы и самостоятельности нашего народа, являющиеся следствием вызванной английскими атаками военной оккупации нашей страны, опадут вместе с окончанием войны, что мир вернёт нам полную свободу»²⁵.

В день, когда произошла оккупация Норвегии, лидеры социал-демократии, редакции газет, руководители профсоюзных организаций покинули Осло. В тот же день газета Шведской компартии «Ню Даг» писала о положении в норвежской столице: «Рабочее движение может легально продолжать свою работу и, несмотря на строгую военную цензуру, издавать газеты»²⁶. Спустя несколько дней в статье своего корреспондента, возвратившегося из оккупированной немцами территории Норвегии, «Ню Даг» утверждала: «В организациях КП и комсомола наблюдается небывалая активность... Политика партии может быть выражена в следующих лозунгах: мир для Норвегии, возобновление работы на предприятиях... спокойствие и дисциплина»²⁷.

Орган ЦК КП Норвегии «Арбейдерен» заявлял, что «восстановление мира в нашей стране означает восстановление единства в стране и среди народа... Это важная предпосылка реализации лозунга: все свободные руки должны работать»²⁸.

Восьмого июня в Осло состоялось расширенное заседание Политбюро ЦК КП Норвегии с участием всех членов ЦК оккупированных районов. В качестве центральной задачи было выдвинуто установление единого фронта норвежского рабочего класса, борьба за ликвидацию социал-демократии внутри рабочего движения и за широкое развитие коммунистической партии²⁹.

Это произошло в разгар боёв между германскими войсками и объединёнными англо-норвежскими силами на территории Северной Норвегии. Как сообщила из Стокгольма 8 июня 1940 г. газета «Пресс ок Бильдженст», при вступлении немцев в Берген «всё население ушло из города в близлежащие леса. Работа повсюду прекратилась, торговцы закрыли магазины. Немцы застали мертвый город»³⁰.

Коллаборационистские настроения проявились и в Компартии Голландии, теоретический журнал которой «Политика и культура» опубликовал в июле 1940 года редакционную статью, содержащую требование соблюдать «корректное отношение» к немецким войскам.

В Англии влияние компартии среди рабочего класса быстро приближалось к нулю, так как её «миротворческие» лозунги вступали во всё более острое противоречие с антифашистскими и патриотическими устремлениями рабочих, среди которых политика Черчилля, особенно после поражения Франции, находила всё большую поддержку. Как сообщал 22 июня в Москву Майский, «теперь уже можно с полной определённой сказать, что решение британского правительства, несмотря на капитуляцию Франции, продолжать войну находил всеобщую поддержку населения, в особенности в широких рабочих массах... (среди наиболее передовых представителей пролетариата, включая и кое-кого из коммунистов) вырастает примерно такая концепция:

нынешняя война, начавшись как «империалистическая» и «несправедливая», теперь, в ходе событий, вопреки воле её инициаторов, превращается в войну «освободительную» и «справедливую» со всеми вытекающими отсюда последствиями... Все думают только об одном: как бы отбить предстоящую немецкую атаку». В то же время, как подчёркивал Майский, «течение, возглавленное Черчиллем, стоит за «войну до конца», причём ради этой цели склонны идти довольно далеко навстречу рабочим в сфере внутренней и экономической политики (обложение богатых, ликвидация военных прибылей... и тому подобное)»³¹.

Но даже подобные сообщения не могли побудить сталинскую клику к проведению более гибкой внешней политики, связанной с отказом от односторонней «привязки» к колеснице Гитлера. В сообщении ТАСС, опубликованном на следующий день после капитуляции Франции, подчёркивалось, что «добрососедские отношения, сложившиеся между СССР и Германией в результате заключения пакта о ненападении, нельзя поколебать какими-либо слухами и мелкоправчатой пропагандой, ибо эти отношения основаны не на переходящих мотивах конъюнктурного характера, а на коренных государственных интересах СССР и Германии»³².

На следующий день после появления сообщения ТАСС Геббельс записал в своём дневнике: «Русские ещё сильнее опровергают приписываемую им попытку проведения враждебной Германии политики. Это производит глубокое впечатление»³³.

Когда И. Эренбург вернулся в конце июля 1940 г. из Парижа, он написал письмо Молотову о том, что хочет рассказать ему о хозяйничаньи гитлеровцев во Франции. Вместо Молотова Эренбурга принял заместитель наркома иностранных дел С. А. Лозовой, которого Эренбург знал ещё по дореволюционному времени, когда Лозовой выступал в Париже на собраниях социал-демократов. «Он слушал меня рассеянно, — вспоминал Эренбург об этой встрече, — печально глядел в сторону. Я не выдержал: «Разве то, что я рассказываю, лишено всякого интереса?» Соломон Абрамович грустно улыбнулся: «Мне лично это интересно... Но вы ведь знаете, что у нас другая политика...» («Я всё же оставался наивным, — комментировал свой рассказ об этой встрече Эренбург, — думал, что правдивая информация помогает определить политику: оказалось наоборот — требовалась информация, подтверждающая правильность выбранной политики»)»³⁴.

Лишь с осени 1940 года, когда решительно обозначилось укрепление позиций Германии в Европе, в документах Коминтерна появились установки, направленные на борьбу с немецкими оккупантами и на восстановление независимости захваченных ими стран. В резолюции Секретариата ИККИ «О положении в Венгрии и задачах КПВ» от 20 августа 1940 года говорилось: «Подчинение Венгрии германскому и итальянскому империализму и её приспособление к нему в целях собственных завоеваний уже сейчас всё больше ведёт к лишению народа последних остатков прав на свободу, к ещё более жестокой эксплуатации и несёт с собой прямую опасность установления открытой, террористической диктатуры буржуазии»³⁵. Это было первым более чем за год упоминанием в коминтерновских документах определения фашизма, выдвинутого на VII конгрессе Коминтерна.

В директивном письме руководству Компартии Австрии от 7 октября 1940 года были внесены новые существенные моменты в оценку политики Германии. «Германские империалисты, — говорилось в этом документе, — оккупировали пол-Европы, они подвергли невыносимому гнёту народы оккупированных ими стран и

беззастенчиво проливают их кровь, принося в жертву последние резервы трудящихся для того, чтобы грабительскими методами создавать в Африке и Азии свою колониальную империю. Неслыханная жестокость, с которой они закабаляют народы, доводя их до нищеты, голода и унижения, безудержность, с которой они претендуют на всё большую часть в добыче, с беспощадной основательностью опровергают лицемерные утверждения национал-социализма о том, будто он ведёт «революционную войну» и ратует за «социализм»³⁶.

Среди народов оккупированных стран возросло стремление к сопротивлению германским захватчикам. Ощущая нарастающую угрозу Советскому Союзу со стороны Германии, руководство Коминтерна склонно было поддерживать это движение сопротивления, но предпочитало вести эту работу «осторожно», чтобы не вызвать чрезмерного недовольства Берлина Москвой. «Мы ведём курс на разложение оккупационных немецких войск в разных странах и эту работу, не крича об этом, хотим ещё больше усилить, — говорил Димитров 25 ноября 1940 года Молотову. — Не помешает ли это советской политике?» «Конечно, это надо делать, — отвечал Молотов. — Только делать это надо бесшумно (!? — В. Р.)»³⁷.

Лишь в конце 1940 — начале 1941 года сталинское руководство стало ориентировать Коминтерн и его секции на борьбу с фашизмом. В «Предложениях для ЦК КП Франции», написанных Торезом и Марти и одобренных Димитровым 8 января 1941 года, рекомендовалось направлять «главный огонь кампаний против агентов оккупантов, против всех сторонников и проводников политики соглашения с оккупантами, ведущей к рабскому закабалению французского народа»³⁸.

Примерно в то же время в коминтерновских документах стали появляться упоминания о временном характере германских завоеваний и гитлеровского «нового порядка». В «Рекомендациях Секретариата ИККИ Компартии Чехословакии» от 2 декабря 1940 года указывалось: «Пропаганда якобы обеспеченной уже победы Германии является блефом. Иллюзорен и так называемый новый порядок в Европе под руководством Германии-Италии»³⁹.

Диктуя те или иные тактические шаги компартиям зарубежных стран, Москва, как и прежде, неизменно ориентировала их на то, чтобы подчинять свои действия интересам внешней политики СССР. Когда Советское правительство выразило своё недовольство усилением германской активности на Балканах, особенно в Болгарии, Болгарской компартии была дана директива Коминтерна «выступать решительно против переброски германских войск в Болгарию» и развернуть кампанию за улучшение советско-болгарских отношений. При этом, однако, подчёркивалось, что эта кампания не должна носить антигерманский характер и её следует вести «не на классовой, а на общенациональной и государственной почве»⁴⁰.

Активную роль коммунисты играли в Югославии, где численность компартии выросла с октября 1940 до июня 1941 года вдвое, достигнув 12 тыс. человек, несмотря на то, что на протяжении двадцати лет компартия находилась здесь на нелегальном положении. С июня 1939 года в Загребе был создан пункт радиосвязи с Коминтерном, который в дальнейшем использовался ИККИ для зашифрованной переписки с компартиями ряда оккупированных, в том числе балканских стран.

Когда королевское правительство Югославии стало склоняться к присоединению к Тройственному пакту,

Димитров отправил 22 марта 1941 года радиogramму Тито, в которой рекомендовал «взять решительную позицию против капитуляции перед Германией. Поддерживать движение за всенародное сопротивление попытке военного вторжения (Германии). Требовать дружбу с Советским Союзом...»⁴¹. Однако, когда в обстановке подъёма в стране массового протеста против присоединения Югославии к Тройственному пакту КПЮ предложила организовать всенародный отпор германо-итальянскому вторжению в Югославию, Димитров в соответствии с указаниями Молотова потребовал отказаться даже от организации уличных демонстраций⁴².

Лишь в апреле 1941 года, после нападения Германии на Югославию и Грецию, Сталин одобрил предложение Димитрова считать войну этих стран против германских агрессоров справедливой⁴³. Вместе с тем спалинская клика и на этом этапе продолжала сохранять оценку войны со стороны Англии как империалистической. В апреле 1941 года Жданов заявил: «Балканские события не меняют общей установки, занятой нами в отношении империалистической войны и обеих воюющих капиталистических группировок. Германскую экспансию на Балканах мы не одобряем. Но это не означает, что мы отходим от пакта с Германией и поворачиваем в сторону Англии. Те наши люди, которые так думают, недооценивают самостоятельную роли и мощи Советского Союза. Им кажется, что надо ориентироваться либо на одну, либо на другую империалистическую группировку, а это глубоко неверно»⁴⁴.

20 апреля 1941 г. Сталин на ужине с членами Политбюро поставил вопрос о роспуске Коминтерна и превращении его секций в партии, которые «не оглядывались бы на Москву», а «разрешали бы стоящие перед ними конкретные задачи в данной стране самостоятельно»⁴⁵. За этими демагогическими словами (Сталин, конечно же, не собирался выпустить из-под своего жёсткого контроля и диктата ни одну коммунистическую партию) крылось стремление Сталина прекратить деятельность Коминтерна ради сохранения «дружбы» с Германией. Однако в середине мая Сталин отказался от этой идеи. Роспуск Коминтерна был осуществлён в мае 1943 года в целях укрепления коалиции Советского Союза с США и Англией.

XIV

Дискуссия в Социалистической

Рабочей Партии США

Спустя несколько дней после заключения советско-германского пакта все издания коммунистического направления, выходявшие во Франции, были запрещены. 29 августа 1939 года издатели «Бюллетеня оппозиции» писали Троцкому: «Дела совсем дрянь, здорово завинтили, о выпуске Бюллетеня в данное время и речи быть не может»¹. Августовско-октябрьский номер «Бюллетеня оппозиции» (№ 79-80), как и все последующие номера, был выпущен в Нью-Йорке.

В 1939 году Нью-Йорк стал главным центром международного троцкистского движения, а Социалистическая Рабочая Партия США (SWP) — наиболее многочисленной троцкистской партией в мире. Она выпускала два периодических издания — газету «Милитант» и теоретический ежемесячник «Нью Инпернейшенел».

Троцкий высоко ценил деятельность этой партии и поддерживал непрерывную переписку с её лидерами и активистами. Эта переписка, наряду с теоретическими статьями Троцкого по поводу дискуссии в этой партии, была впервые опубликована в США в 1942 году, а на русском языке — американским издательством «Iskra Research» в 1994 году.

Помимо троцкистов в общественно-политической жизни США принимали активное участие многие антисталински настроенные представители радикальных кругов, далёких от повседневной деятельности троцкистских организаций, но «в высшей степени захваченных интеллектуальной борьбой Троцкого со Сталиным и его криптикой в адрес СССР»². К ним относились, например, нью-йоркские литераторы, группировавшиеся вокруг журнала «Партизан Ревью». Издатель этого журнала Дуайт Макдональд в 1938 году стал сотрудничать с «Нью Инпернейшенел», а в конце 1939 года вступил в Социалистическую Рабочую Партию.

В 1939 году произошло размежевание Социалистической Рабочей Партии — на «большинство», возглавляемое Д. Кэнноном, и «меньшинство», лидерами и теоретиками которого выступали редакторы «Нью Инпернейшенел» Д. Бернхем и М. Шахтман. Это размежевание было вызвано серьёзными разногласиями по вопросу об оценке социального характера СССР после заключения советско-германского пакта и интервенции в Финляндию и по вопросу о том, какую позицию должны занять троцкисты по отношению к СССР после этих событий. Эти вопросы оживлённо дебатировались во всём троцкистском движении. Дискуссия на эту тему охватила, помимо политических, много коренных теоретических проблем, прежде всего в области философии и социологии.

Троцкий, внимательно следивший за этой дискуссией, поначалу пытался ослабить её остроту, дабы не допустить организационного раскола в рядах SWP. 27 декабря 1939 года он писал руководству партии: «Я абсолютно уверен, что сталинистские агенты работают среди нас с целью углубить дискуссию и спровоцировать

раскол»³. В ряде писем, направленных представителям «большинства», теоретические и политические позиции которого Троцкий поддерживал, он предостерегал от каких-либо организационных выводов по отношению к «меньшинству». 10 января 1940 года он писал Фарелу Добсу: «Наши собственные секции унаследовали от Коминтерна много злобы в том смысле, что некоторые товарищи были склонны злоупотреблять организационными мерами, исключением, расколом или угрозой этих мер... Если кто-то предложит, например, исключить товарища Бернама (так Троцкий передавал в русской транскрипции фамилию Бернхема — В. Р.), то я буду энергично возражать»⁴.

Особое внимание Троцкий уделял попыткам смягчить свои разногласия с Шахтманом, которого он ценил как марксистского теоретика. 20 декабря 1939 года он направил Шахтману письмо, в котором в товарищеской форме предупреждал последнего: «Если вы и сейчас откажетесь повернуть к сотрудничеству с марксистским крылом против мелкобуржуазных ревизионистов, то вы неизбежно будете об этом жалеть годы спустя, как о самой серьезной ошибке в вашей жизни». К этому Троцкий прибавлял: «Если бы я имел возможность, то я бы немедленно прилетел в Нью-Йорк, чтобы дискутировать с вами 48 или 72 часа подряд. Я весьма сожалею, что вы не чувствуете в этой ситуации необходимости приехать сюда для дискуссии по всем вопросам. А может, вы всё-таки приедете? Я был бы счастлив...»⁵

Однако в ходе дискуссии Бернхем, а вслед за ним и Шахтман всё более сдвигались вправо, причём их ошибки касались не только вопросов текущей политики, но и коренных теоретических принципов марксизма, отставанию которых Троцкий всегда придавал особое значение. Поэтому он, как справедливо заметил Кэннон, «в последний год своей жизни всё отодвинул в сторону во имя политической и теоретической защиты марксизма в рядах 4-го Интернационала»⁶.

XV

Троцкий о диалектике

В январском номере журнала «Нью Интернейшенел» за 1939 год была помещена статья Бернхема и Шахтмана «Оспутывающие интеллигенты». Находя в этой статье много правильных мыслей и метких политических наблюдений, Троцкий одновременно отмечал её существенный недостаток: «Статья преднамеренно не поднимала вопрос на теоретическую высоту». Авторы статьи заявляли, что один из них (Бернхем) не признаёт диалектики, а другой (Шахтман) считает диалектику важной стороной марксизма. Однако, по мнению обоих, «никому ещё не удалось доказать, что согласие или несогласие по наиболее абстрактным положениям диалектического материализма необходимо задевает сегодняшние конкретные политические вопросы».

«Каков смысл этого поистине поразительного рассуждения? — писал Троцкий. — Так как *некоторые* люди при помощи плохого метода приходят *иногда* к правильным выводам, так как некоторые люди при помощи правильного метода приходят *нередко* к ложным выводам, то... метод не имеет значения. Когда-нибудь на досуге мы подумаем о методе, но сейчас нам не до того. Представьте себе рабочего, который жалуется мастеру на плохой инструмент и получает ответ: при помощи плохого инструмента можно сделать хорошую вещь, а при помощи хорошего инструмента многие только портят материал. Боюсь, что рабочий, особенно если он работает сдельно, ответит мастеру какой-нибудь неакадемической фразой. Рабочий вынужден иметь дело с твёрдыми материалами, которые оказывают сопротивление, и поэтому заставляя его ценить хороший инструмент, тогда как мелкобуржуазный интеллигент — увь! — в качестве «инструмента» пользуется беглыми наблюдениями и поверхностными обобщениями — до тех пор, пока большие события не ударят его крепко по плечу»¹.

Прочитав статью, Троцкий немедленно послал письмо Шахтману, в котором подчёркивал, что её часть, касающаяся диалектики, представляет «величайший удар, который вы, как редактор «Нью Интернейшенел», могли нанести марксистской теории. Бернхем говорит: «Я не признаю диалектики». Это ясно, и всякий считается с этим. Но вы говорите: «Я признаю диалектику, но это неважно, это не имеет никакого значения»... Ладно, мы ещё поговорим об этом публично!»².

Находя суждения Бернхема типичными для американской радикальной интеллигенции, Троцкий давал социологическое объяснение тому факту, что эта интеллигенция «принимает марксизм без диалектики (часы без пружины). Секрет прост. Нигде не было такого отращения к классовой борьбе, как в стране «неограниченных возможностей». Оприцание социальных противоречий, как движущего начала развития, вело в царстве теоретической мысли к отрицанию диалектики, как логики противоречий. Как в области политики считалось, что можно при помощи хороших силлогизмов убедить всех в правильности известной программы, и, постепенно, «разумными» мерами, преобразовать общество, так и в области теории принималось за доказанное, что логика

Аристотеля, приниженная до уровня «здорового смысла», достапчна для разрешения всех проблем»³.

Отказ от диалектики, как подчёркивал Троцкий, неизбежно ведёт к торжеству вульгарного мышления, основной порок которого заключается в том, что «оно хочет удовлетвориться неподвижными оппечатками действительности, которая есть вечное движение. Диалектическое мышление придаёт самим понятиям — при помощи дальнейших уточнений, поправок, конкретизации — ту содержательность и гибкость, я готов почти сказать, сочность, которая до некоторой степени приближает их к живым явлениям». Поэтому марксистская социология, основанная на диалектическом методе, при конкретном исследовании социальных явлений оперирует и более конкретными понятиями: «Не капитализм вообще, а *данный* капитализм, на определённой стадии развития. Не рабочее государство вообще, а *данное* рабочее государство, в отсталой стране, в империалистском окружении и пр.»⁴.

Другое отличие «диалектического воспитания мысли, столь же необходимого для революционного политика, как упражнение пальцев для пианиста», состоит в том, что оно «заставляет ко всем проблемам подходить с точки зрения процессов, а не неподвижных сущностей. Между тем вульгарные эволюционисты, ограничиваясь обычно признанием эволюции в определённых областях, довольствуются во всех остальных вопросах пошлостями «здорового смысла»⁵.

Ценность диалектического метода состоит в том, что он «не только облегчает достижение правильного вывода, но, связывая каждый новый вывод с предшествующими выводами цепью преемственности, закрепляет вывод в памяти. Если же политические выводы делаются эмпирически, на глаз, если непоследовательность провозглашается при этом своего рода преимуществом, то марксистская система политики неизменно подменяется импрессионизмом, столь характерным для мелкобуржуазной интеллигенции»⁶.

Диалектику Троцкий называл «наукой о формах нашего мышления, поскольку оно не ограничивается повседневными заботами жизни, а пытается понять более сложные и длительные процессы. Между диалектикой и формальной логикой такое же, скажем, взаимоотношение, как между высшей и низшей математикой»⁷.

При всём этом Троцкий подчёркивал, что диалектика не есть волшебная опмычка для решения всех вопросов. Она не заменяет конкретного научного анализа, а «направляет этот анализ на правильный путь, ограждая от бесплодных блужданий в пустыне субъективизма или схоластики»⁸.

В отличие от марксистских догматиков Троцкий не считал диалектику окончательной вершиной философской мысли человечества. Он указывал, что «дальнейшее развитие научной мысли создаст, несомненно, более глубокую доктрину, в которую диалектический материализм войдёт лишь как строительный материал»⁹.

XVI

Троцкий о социологии и политике

От философии Троцкий переходил к более конкретным проблемам, которыми занимается марксистская социология. Один из главных результатов сознательного применения диалектики Марксом он видел в том, что «вульгарно-описательную классификацию обществ и государств, которая ещё сейчас процветает на университетских кафедрах, марксизм заменил материалистически-диалектической классификацией»¹. В соответствии с этой классификацией исходным пунктом социологического анализа «является *классовое* определение данного явления: государства, партии, философского направления, литературного течения и пр.». Это объясняется тем, что «скелетом и мышечной системой общества являются производительные силы и классовые (имущественные) отношения».

«Голого классового определения, — продолжал свою мысль Троцкий, — бывает, однако, в большинстве случаев недостаточно, ибо класс состоит из разных слоёв, проходит через разные этапы развития, попадает в разные условия, подвергается воздействию других классов. Эти факторы второго и третьего порядка необходимо бывает привлекать для полноты анализа, разрозненно или совместно, в зависимости от преследуемой цели»².

В этой связи Троцкий подвергал критике ту разновидность извращения марксистской теории, которую примерно в то же время лучшие марксистские философы в СССР (Д. Лукач, М. Лифшиц) называли вульгарной социологией. «Взгляд, будто экономика прямо и непосредственно определяет творчество композитора или хотя бы вердикты судьи, — писал Троцкий, — представляет спарую карикатуру на марксизм, которую буржуазная профессура всех стран неизбежно пускала в ход, чтобы прикрыть свою умственную импотенцию»³.

Троцкий упрекал Бернхейма и Шапмана в том, что они отрывают не только социологию от диалектического материализма, но и политику от марксистской социологии. Такой отрыв представляет отход от принципов и традиций марксизма, поскольку «во всех без исключения принципиальных конфликтах марксисты неизменно стремились повернуть партию лицом к основным проблемам доктрины и программы, считая, что только при этом условии «конкретный» вопрос найдет своё законное место и законные пропорции»⁴.

Коренные вопросы марксистской социологической доктрины связаны прежде всего с тем, что, «если экономика определяет политику не прямо и непосредственно, а лишь в последней инстанции, то *она всё же определяет её*»⁵ — и в том случае, когда экономические отношения развиваются стихийно или полустихийно, и тогда, когда они сознательно регулируются политикой. Во втором случае политика оказывает сильное обратное воздействие на экономику. Разъясняя в этой связи ленинское определение политики как концентрированной экономики, Троцкий писал, что «правильность политики, с марксистской точки зрения, определяется именно тем, в какой мере она глубоко и всесторонне «концентрирует» экономику, т. е. выражает прогрессивные тенденции её развития». «Когда экономические процессы, задачи, интересы получают *сознательный* и

обобщённый («концентрированный») характер, они тем самым входят в область политики, образуя её существо. В этом смысле политика, как концентрированная экономика, возвышается над повседневной, раздробленной, неосознанной, необобщённой экономической действительностью⁶.

Осознание и обобщение экономической и политической действительности позволяет дать социологический прогноз дальнейших путей общественного развития. При этом, однако, важно помнить, что «исторический прогноз всегда условен, и чем он конкретнее, тем он условнее. Это не вексель, по которому можно в определённый день требовать оплаты. Прогноз вскрывает лишь определённые тенденции развития. Но рядом с ними действуют силы и тенденции другого порядка, которые в известный момент выдвигаются на первый план. Кто хочет точного предсказания конкретных событий, пусть обращается к астрологии. Марксистский прогноз лишь помогает ориентации»⁷.

XVII

Троцкий о характере советского государства и политике

сталинизма

На основе изложенных выше философских и социологических идей Троцкий рассматривал политическую проблему, которая широко обсуждалась в троцкистском движении на протяжении нескольких предшествующих лет и вновь была поднята лидерами оппозиции в Социалистической Рабочей Партии, прежде всего Бернхемом. Бернхем повторил уже давно подвергнутое критике Троцким определение СССР как «не рабочего и не буржуазного государства», обосновывая его тем, что сталинская клика перешла к явно реакционной не только внутренней, но и внешней политике*. Троцкий же по-прежнему считал это определение теоретически и политически бесплодным, поскольку оно «является чисто негативным, вырвано из цепи исторического развития, висит в воздухе, не включает в себе ни одного грана социологии и представляет попросту теоретическую капитуляцию прагматика перед *противоречивым* историческим явлением»¹.

Троцкий отмечал, что люди, ограничивающиеся таким определением социальной природы СССР, будучи справедливо возмущены «поведением Москвы, перешедшим все границы подлости и цинизма», дают своему возмущению чисто эмоциональный выход, прибегая к крепким выражениям, ругательствам и проклятиям. В этой связи он приводил следующее сравнение: «Когда нервный механик осматривает автомобиль, в котором, скажем, гангстеры спасались от преследования полиции по дурной дороге, и находит исковерканный кузов, искривлённые колёса и частично испорченный мотор, то он может с полным правом сказать: «Это не автомобиль, а чёрт знает что такое!» Подобное определение не будет иметь научно-технического характера, но оно выразит законное возмущение механика перед работой гангстеров. Представим себе, однако, что тот же механик вынужден ремонтировать предмет, который он назвал «чёрт знает что такое». В этом случае он будет исходить из признания, что перед ним — исковерканный автомобиль. Он определит здоровые и больные части, чтобы решить, как приступить к работе. Подобным же образом сознательный рабочий относится к СССР. Он имеет полное

---

* Такого рода взгляды имели хождение в марксистских диссидентских кругах и в последующие годы. Как отмечал Д. Белл, видя, что в Советском Союзе возникла новая форма общества, не являющаяся ни капитализмом, ни социализмом, была широко распространена среди социалистов и марксистов не сталинской ориентации в 40-50-е годы» (Bell D. The Post-Industrial Society: The Evolution of an Idea Survey. 1971. P. 143). Однако, несмотря на живучесть этой идеи, её сторонники не могли противопоставить что-либо существенное аргументации Троцкого, его концепции двойственного характера советского общества и государства: с одной стороны, промежуточная между капитализмом и социализмом формация, с другой стороны, политическая тирания, наиболее жестокая из всех встречавшихся в истории.

право сказать, что гангстеры бюрократии превратили рабочее государство в «чёрт знает что такое». Но когда он от этого взрыва возмущения переходит к решению политической проблемы, он вынужден признать, что перед ним — исковерканное рабочее государство, в котором экономический мотор поврежден, но продолжает ещё действовать и может быть восстановлен при замене некоторых частей. Разумеется, это только сравнение. Но над ним стоит всё же задуматься»².

Выражая эти мысли в более строгой научной форме, Троцкий напоминал, что уже с 1923 года левая оппозиция стала открыто говорить о возрастающем противоречии между заложенным Октябрьской революцией и сохранившимся экономическим и социальным фундаментом советского общества (государственная собственность и плановое хозяйство), с одной стороны, и тенденциями правительственной «надстройки» — с другой. Усугубление этого противоречия породило непримиримый антагонизм между социальными основами Советского государства и управляющей им бюрократией. «Новые экономические основы в общем и целом сохранились в СССР, хотя и в искажённом виде. Политическая система, наоборот, совершенно выродилась: зачатки советской демократии раздавлены тоталитарной бюрократией»³.

Конкретизируя эту мысль, Троцкий напоминал, что Октябрьская революция преследовала две взаимосвязанные задачи: «Во-первых, социализовать средства производства и повысить, при помощи планового хозяйства, материальный уровень страны; во-вторых, создать на этом фундаменте общество без классовых различий, следовательно, и без профессиональной бюрократии, общество социалистического самоуправления трудящихся. Первая задача в грубых чертах разрешена; преимущества планового хозяйства, несмотря на губительное влияние бюрократизма, обнаружили себя с бесспорной силой. Иначе обстояло дело с социальным режимом, который не приближается к социализму, а удаляется от него»⁴. Таким образом, если национализация средств производства и плановое ведение хозяйства приближают СССР к социализму, то политическая надстройка сближает Советский Союз с худшими проявлениями империалистического режима (фашизмом).

Троцкий указывал, что опыт СССР — не первый встречавшийся в истории случай классовой противоположности между государством и экономикой. Специфику социально-экономической и политической ситуации, сложившейся в Советском Союзе, он усматривал в следующих трёх особенностях: «1) те черты, которые являлись в 1920 г. «бюрократическим извращением» советской системы (в этом году Ленин выдвинул данное определение. — В. Р.), стали ныне самостоятельной бюрократической системой, пожравшей Советы; 2) диктатура бюрократии, несовместимая с внутренними и международными задачами социализма, внесла и продолжает вносить глубокие извращения также и в экономику страны; 3) в основном, однако, система планового хозяйства, на базе государственных средств производства, сохранилась и продолжает оставаться грандиозным завоеванием человечества»⁵.

Поэтому политику Кремля можно свести «к национализированной экономике, преломленной через интересы бюрократии». Эта экономика имеет собственные законы, ограничивающие стремление бюрократии полностью отказать от социальных завоеваний Октябрьской революции. «Анализируя и обличая возрастающую

политическую независимость бюрократии от пролетариата, мы никогда не упускали из виду объективные социальные пределы этой «независимости», именно национализированную собственность, дополняемую монополией внешней торговли»⁶. Поэтому «мы вовсе не боремся против того, что бюрократия охраняет (по-своему!) государственную собственность, монополию внешней торговли или отказывается платить царские долги. Между тем в войне между СССР и капиталистическим миром — независимо от поводов войны и «целей» того или другого правительства — дело будет идти о судьбе этих именно исторических завоеваний, которые мы защищаем безусловно, т. е. независимо от реакционной политики бюрократии»⁷.

Опыт СССР показывает, как велики возможности, заложенные в рабочем государстве, и как велика в нём сила сопротивления реакционной бюрократии. Социальные завоевания Октябрьской революции укоренились в Советском Союзе так глубоко, что в случае победы в СССР буржуазной контрреволюции новому правительству пришлось бы в течение определённого периода опираться на национализированное хозяйство. Такое временное противоречие или классовая противоположность между государством и экономикой не раз встречалась в истории, означая либо революцию, либо контрреволюцию. Но такое состояние раздвоения, являющееся необходимым моментом всякого социального переворота, не имеет ничего общего с теорией бесклассового государства, которое при отсутствии настоящего хозяина эксплуатируется приказчиком, т. е. бюрократией.

Отмечая, что бюрократизм как система стал главным тормозом технического и культурного развития СССР, Троцкий писал, что этот факт до известного времени маскировался перенесением и усвоением советским хозяйством техники и организации передовых капиталистических стран. Этот период заимствований и подражаний ещё мог ужиться с бюрократическим абсолютизмом, т. е. с удушением инициативы и творчества. Но чем выше поднималось хозяйство, чем сложнее становились его требования, тем более невыносимым препятствием для успешного развития экономики и культуры становился бюрократический режим. Постоянное противоречие между потребностями экономики и тоталитарной властью вело к непрерывным политическим конвульсиям, к систематическому истреблению наиболее выдающихся творческих элементов во всех областях деятельности. «Таким образом, прежде чем бюрократия могла успеть выделить из себя «господствующий класс», она пришла в непримиримое противоречие с потребностями развития. Объясняется это именно тем, что бюрократия является не носительницей новой, ей свойственной, без неё невозможной системы хозяйства, а паразитическим наростом на рабочем государстве»⁸.

Троцкий указывал, что советская бюрократия обладает всеми пороками прежних господствующих классов, не имея их исторической миссии — двигать вперёд хозяйство и культуру. Поэтому она превращается в величайший тормоз производительных сил. Отсюда постоянный недостаток предметов потребления и всеобщая стихийная борьба за обладание ими. Чтобы как-то упорядочить эту стихию, бюрократия, способная действовать только административно-приказными и карательными методами, превращается в жандарма, который захватывает управление всей сферой распределения. Свою роль распределителя скудных жизненных благ бюрократия использует в первую очередь для обеспечения собственного благополучия и могущества. «Враждебное давление извне возлагает на жандарма роль «защитника» страны, придаёт ему национальный авторитет и позволяет ему

грабить страну вдвойне»⁹.

Не признавая советскую бюрократию особым классом, Троцкий тем не менее чётко прослеживал тенденцию к «буржуазиванию» этой социальной группы, полной утрате ею революционного духа и смене его консервативным стремлением к сохранению своего привилегированного положения. Он согласился с выводами Лондонского Королевского института внешних сношений, который в своём докладе о положении в СССР (март 1939 года) указывал, что «внутреннее развитие России направляется к образованию «буржуазии» директоров и чиновников, которые обладают достаточными привилегиями, чтобы быть в высшей степени довольными статус-кво.. В различных чистках можно усмотреть приём, при помощи которого искореняются все те, которые желают изменить нынешнее положение дел. Такое истолкование придаёт вес тому взгляду, что революционный период в России закончился и что опытные правители будут стремиться лишь сохранить те выгоды, которые революция доставила им»¹⁰.

В своём определении Советского государства Троцкий называл его комплексом общественных учреждений, который продолжает существовать, несмотря на то что идеи бюрократии вступили в полное противоречие с идеями Октябрьской революции¹¹.

Критикуя тезис, выдвинутый Шахтманом: «Раз мы против Сталина, значит, мы должны быть и против СССР», Троцкий саркастически замечал: «Сталин такого мнения держится уже давно»¹².

Троцкий писал, что американские либералы до советско-германского пакта примирились с существованием СССР, вернее — с московской бюрократией, и считали, что «советский режим в целом есть «прогрессивный факт», что отрицательные черты бюрократии («о, конечно, они существуют!») будут постепенно опмирать и что таким образом будет обеспечен мирный и безболезненный прогресс». После же заключения союза Сталина с Гитлером и особенно после советской интервенции в Финляндии большинство американских интеллектуалов объявило о своём отходе от сталинизма, что означало для них «полный разрыв с революцией и пассивное примирение с национальной демократией. Такие «разочарованные» образуют своего рода пипательную среду для бацилл скептицизма и пессимизма»¹³.

С этих позиций Троцкий исходил в полемике против теории, которая несла более глубокое содержание, чем идеи Бернхейма и Шахтмана, и была названа её автором — бывшим итальянским процистом Бруно Ризци — теорией «бюрократического коллективизма».

XVIII

Троцкий о «бюрократическом коллективизме»

Взгляды Рицци не были абсолютно оригинальны. Бывший член ЦК Югославской компартии Цилига, отбывший за оппозиционные взгляды несколько лет в сталинских полипизоляторах и сумевший вырваться из СССР в 1936 году, писал, что в Советском Союзе изменилась социальная природа общества и возник новый правящий класс. Более известный в качестве теоретика немецкий «левый коммунист» Гуго Урбанс после прихода Гитлера к власти сделал вывод, что на смену капитализму идёт новая историческая эра «государственного капитализма». Примерно в то же время бывшие лидеры Компартии Германии Маслов и Фишер, исключённые в середине 20-х годов из Коминтерна за близость к левой оппозиции, утверждали, что СССР превратился в новый тип эксплуататорского государства.

В свою очередь, изложенная Бруно Рицци концепция, интегрировавшая его взгляды на тенденции развития СССР, с одной стороны, и на тенденции современного капитализма — с другой, породила его эпигонов, в числе которых оказался Бернхем, окончательно порвавший с марксизмом и выступивший с теорией «революции управляющих», которая стала рассматриваться на Западе как новое слово в мировой социологической мысли. Между тем основная идея книги «Революция управляющих», вышедшей в 1941 году, — о переходе в капиталистическом обществе власти от собственников к администраторам, менеджерам, чиновникам — была заимствована Бернхемом от Рицци.

Бруно Рицци, итальянский «левый коммунист», на протяжении ряда лет принадлежал к движению IV Интернационала и в 1937 году опубликовал в Италии переложение работы Троцкого «Преданная революция». Но уже спустя два года он издал в Париже книгу «Бюрократизация мира», в которой выдвигал свою собственную концепцию, вызвавшую критический отклик со стороны Троцкого. Вместе с тем в полемике с Рицци Троцкий положительно оценивал ряд теоретических взглядов последнего и отмечал, что «Бруно Р. имеет во всяком случае то преимущество (перед другими ревизионистами марксизма. — В. Р.), что пытается перевести вопрос из закодированного круга терминологических умствований в плоскость больших исторических обобщений»¹.

Рассматривая социальную природу советского общества, Рицци объявил не социалистической не только его политическую надстройку, но и экономическую основу. Соглашаясь с идеологами типа Бернхема в том, что советское общество — не социалистическое и не капиталистическое, он не ограничился этим негативным определением, а выдвинул новый термин — «бюрократический коллективизм». Концепцию, основанную на этом термине, он вписал в более широкую схему глобального общественного развития, сводящуюся к тому, что «бюрократический коллективизм» является такой общественно-экономической формацией, которая идёт во всём мире на смену капитализму. Коллективизм в СССР — лишь наиболее последовательное и чистое проявление этой тенденции к «бюрократизации мира», которая ведёт к утверждению тоталитарных режимов.

Экономические корни этой новой общественной системы, по мнению Рицци, состояли в тенденции к возрастанию экономических функций государства и соответственно – к усилению роли управленцев, чиновников, бюрократов*. Эта тенденция проявлялась, как утверждал Рицци, не только в СССР, но и в Германии и Италии (в форме фашизма) и США (в форме «Нового курса» Рузвельта).

Троцкий соглашался с тем, что у всех этих режимов (плановое хозяйство в СССР, итальянский фашизм, национал-социализм и «Новый курс») действительно имеются общие черты, которые в конечном счёте определяются коллективистскими тенденциями современной экономики. Черты централизации и коллективизма определяют в современную эпоху и политику революционных, и политику контрреволюционных сил. Но это вовсе не значит, что между революцией, термидором, фашизмом и американским реформизмом можно ставить знак равенства.

Бруно, как подчёркивал Троцкий, сумел уловить тот факт, что в условиях прострации рабочего класса коллективистские тенденции принимают форму «бюрократического коллективизма». Однако Рицци ошибается, когда усматривает в бюрократическом коллективизме самостоятельную общественно-экономическую формацию, в которой бюрократия является господствующим классом.

Наиболее серьёзные возражения Троцкого вызвало проводимое Рицци отождествление сталинизма и фашизма. Это утверждение Рицци обосновывал тем, что, с одной стороны, советская бюрократия переняла многие политические методы фашизма; с другой стороны, фашистская бюрократия, которая пока ограничивается «частичными» методами государственного вмешательства в экономику, идёт и скоро придёт к полному огосударствлению хозяйства. Считая первое суждение Бруно совершенно правильным, Троцкий решительно не соглашался со вторым суждением, согласно которому фашистский «антикапитализм» способен дойти до экспроприации буржуазии. «Частичные» меры государственного вмешательства и национализации отличаются... от планового государственного хозяйства, как реформы отличаются от революции. Муссолини и Гитлер лишь «координируют» интересы собственников и «регулируют» капиталистическое хозяйство, притом преимущественно в военных целях².

«Бруно Р., – писал Троцкий, – подводит советский режим, как и фашистский, под категорию «бюрократического коллективизма» на том основании, что в СССР, в Италии и Германии господствует бюрократия; там и здесь – плановое начало; в одном случае частная собственность ликвидирована, в другом – ограничена и т. д. Так на основании *относительного* сходства *некоторых* внешних признаков *разного* происхождения, *разного* удельного веса, *разного* классового значения устанавливается принципиальное тождество социальных режимов». В противовес определению Рицци Троцкий выдвигал следующую социологическую формулу: «СССР минус социальные основы, заложенные Октябрьской революцией, это и будет фашистский режим»³. При замене политической надстройки в СССР эти основы смогут эффективно служить пролетариату.

---

* Идея о том, что не владение собственностью, а контроль над средствами производства становится решающим фактором в современном обществе, была развита в работах Бернхейма и в вышедшей после войны книге М. Джиласа «Новый класс».

Кроме того, ни сталинизм, ни фашизм не могут стать самостоятельной общественной формацией, поскольку «тоталитарный режим, сталинского или фашистского образца, по самой сути своей может быть только временным, переходным режимом. Диктатура в истории всегда была результатом и признаком особенно острого социального кризиса, а отнюдь не устойчивого режима. Острый кризис не может быть перманентным состоянием общества. Тоталитарное государство способно в течение известного времени подавлять социальные противоречия, но не способно увековечить себя»⁴.

Существенно по-иному, чем фашизм, Троцкий оценивал «Новый курс» Рузвельта, считая его наиболее масштабной попыткой создания системы, промежуточной между капитализмом и социализмом. Эта попытка была вызвана острым социально-экономическим кризисом начала 30-х годов в США, показавшим, что рынок в его традиционном, «классическом», описанном Марксом виде, оказывается неспособным регулировать экономические отношения при современной концентрации средств производства, т. е. при монополизме престонов. Поэтому государственное вмешательство в экономику становится в наиболее могущественной капиталистической стране абсолютной необходимостью.

Однако Троцкий считал, что «Новый курс» едва ли можно рассматривать в качестве удавшегося опыта «конвергенции» капиталистической и социалистической системы (если воспользоваться более поздней социологической терминологией). В этой связи он указывал на важнейшие социально-экономические признаки, доказывающие неспособность «Нового курса» коренным образом перестроить капиталистическое общество в США: «Число безработных по-прежнему измеряется восьмизначными цифрами^{*}; 60 семейств более могущественны, чем когда бы то ни было... Решают по-прежнему рынок, биржа, банки, престоны, — правительство только приспособляется к ним при помощи запоздалых паллиативов»⁵.

Отвергая идею о сближении экономических систем СССР и передовых капиталистических стран, Троцкий, как и в ходе прошлых дискуссий о социальном характере СССР, в дискуссии конца 30-х годов отказывался дать законченное социологическое определение социального характера советского общества в том виде, в каком оно сложилось в этот период. Он указывал, что «старая социологическая терминология не подготовила и не могла подготовить названия для нового социального явления, находящегося в процессе развития (перерождения) и не принявшего устойчивых форм»⁶.

Это же относится и к характеристике советской бюрократии, которая представляет социальную общность, во многом отличающуюся от «традиционной» бюрократии в капиталистическом, в том числе фашистском обществе. «Наши крипики, — писал Троцкий, — не раз ссылались на то, что нынешняя советская бюрократия... ещё в большей мере, чем фашистская бюрократия, представляет собою новое, крайне могущественное социальное образование. Это совершенно верно, и мы никогда не закрывали на это глаз»⁷. То беспрецедентное могущество, которое приобрела бюрократия в СССР, происходило из её специфического происхождения и специфической социальной функции: «Кремлёвская олигархия... имеет возможность руководить

---

^{*} В 1938 году численность безработных в США достигла 16 млн человек (Всемирная история. Т. IX. М., 1962. С. 412).

хозяйством, как единым целым, только благодаря тому, что рабочий класс России совершил величайший в истории переворот имущественных отношений⁸. Именно поэтому так сложно и вместе с тем столь необходимо отделять реакционные черты, порождаемые бюрократией и пронизывающие всю ткань экономической и социальной жизни СССР, от «тех элементов рабочего государства, которые могут на данной стадии быть спасены, сохранены и развиты»⁹.

«Научно и политически – а не чисто терминологически, – подчёркивал Троцкий, – вопрос стоит так: представляет ли бюрократия временный *нарос*т на социальном организме или же этот *нарос*т превратился уже в исторически-необходимый *орган*! Социальное уродство может быть результатом «случайного» (т. е. временного и исключительного) сочетания исторических обстоятельств. Социальный орган (а таким является каждый класс, в том числе и эксплуататорский) может сложиться лишь в результате глубоких внутренних потребностей самого производства»¹⁰.

Бруно Ритци, как и некоторые другие «левые», которые не ограничивались спором о словах, утверждал, что, поскольку пролетариат оказался не в силах совершить международную социалистическую революцию, то неоплодная задача огосударствления производительных сил будет выполнена новой бюрократией, которая заменил в мировом масштабе стгнившую буржуазию в качестве нового господствующего класса. В подтверждение этого он указывал на исторические факты, доказывающие, по его мнению, что «на пролетариат надеяться нельзя». Мировой пролетариат оказался «неспособен» предупредить первую мировую войну, хотя материальные предпосылки для социалистической революции были уже тогда налично. Успехи фашизма после войны явились результатом «неспособности» пролетариата вывести капиталистическое общество из тупика. Бюрократизация Советского государства явилась результатом «неспособности» пролетариата самому регулировать общество демократическим путём. Испанская революция на глазах мирового пролетариата оказалась задушенной бюрократией – фашистской и сталинской. Наконец, последним звеном этой цепи стала новая империалистическая война, подготовка к которой шла открыто, при полном бессилии пролетариата.

Троцкий лучше, чем кто-либо иной, понимал, что все эти чудовищные поражения рабочего класса породили в миллионах людей разочарование и скептицизм относительно революционной роли мирового пролетариата. Поэтому он счёл возможным выдвинуть пессимистическую гипотезу как один из вариантов прогноза дальнейшего исторического развития. С политической и теоретической беспощадностью он ставил вопрос о судьбах марксистской концепции и программы в случае, если вторая мировая война не будет иметь революционного исхода. «Если бы, вопреки всем вероятностям, – писал он, – в течение нынешней войны или непосредственно после неё Октябрьская революция не нашла своего продолжения ни в одной из передовых стран; если бы, наоборот, пролетариат оказался везде и всюду отброшен назад, – тогда мы несомненно должны были бы поставить вопрос о пересмотре нашей концепции нынешней эпохи и её движущих сил»¹¹.

Аналогичные соображения Троцкий высказывал и при рассмотрении вопроса о социальной природе СССР. Он подчёркивал, что действительный спор идёт о том, перешли ли количественные изменения в качественные, т. е. остался ли СССР рабочим государством, хотя бы искажённым и переродившимся его типом, или же он

превратился в новый тип эксплуататорского государства¹². Если, как это утверждал Бруно Рицци, общественное развитие СССР представляет частный случай всемирного процесса прихода к власти бюрократии, то социалистическую перспективу развития человечества следует считать утопией. Продуманная в этой связи до конца историческая альтернатива такова: либо сталинский режим есть отвратительный рецидив в процессе превращения буржуазного общества в социалистическое, временный паразитический нарост на новом социальном организме, либо он — закономерный этап становления нового эксплуататорского общества. Как ни тяжела эта вторая перспектива, но если бы мировой пролетариат действительно оказался неспособным выполнить историческую миссию, которую возлагает на него ход общественного развития, то не оставалось бы ничего другого, как открыто признать, что социалистическая программа, построенная на внутренних противоречиях капиталистического общества, неосуществима. В этом случае «понадобилась бы, очевидно, новая «минимальная» программа — для защиты интересов рабов тоталитарного бюрократического общества»¹³.

Эти положения вызвали в среде троцкистов недоумения и даже опасения по поводу того, не встал ли Троцкий на путь ревизии марксизма. В этой связи Троцкий высказал свои соображения о марксизме как открытой теоретической системе, которая не может быть опровергнута даже самыми губительными ошибками или поражениями той или иной революционной партии. Он напоминал, что «во все реакционные эпохи десятки и сотни неустойчивых революционеров провозглашали «кризис марксизма», последний, окончательный, смертельный кризис». Возрождение подобных настроений в троцкистском движении обусловлено тем бесспорным фактом, что «старая большевистская партия израсходовалась, выродилась, погибла... Но гибель определённой исторической партии, которая в известный период опиралась на марксистскую доктрину, вовсе не означает гибель этой доктрины. Поражение армии не опменяет основных начал стратегии. Когда артиллерист даёт промах, то этим не опменяется баллистика, т. е. алгебра артиллерии. Когда армия пролетариата терпит поражение, или партия его вырождается, это не опменяет марксизма, который есть алгебра революции»¹⁴.

Разумеется, для разъяснения своей позиции Троцкий не ограничивался этими общими положениями. Отвечая товарищам, которых поразило то, что он говорит о системе «бюрократического коллективизма» как о теоретической возможности, он указывал, что «марксистское понимание исторической необходимости не имеет ничего общего с фатализмом. Социализм осуществится не «сам собою», а в результате борьбы живых сил, классов и их партий. Решающее преимущество пролетариата в этой борьбе состоит в том, что он представляет исторический прогресс, тогда как буржуазия воплощает реакцию и упадок. В этом и заключается источник нашей уверенности в победе. Но мы имеем полное право спросить себя: какой характер приняло бы общество, если бы победили силы реакции?»¹⁵.

Исторический опыт XX века показал, что реальный переход к социализму оказался сложнее, многообразнее, противоречивее, драматичнее, трагичнее, чем предвидела теоретическая доктрина, разработанная марксистами в XIX — начале XX века. На этом пути возникло много новых явлений, в том числе негативного характера, которые Маркс не мог предвидеть. «Маркс говорил о диктатуре пролетариата и её дальнейшем опмирании, но ничего не говорил о бюрократическом перерождении диктатуры. Мы впервые на опыте наблюдаем

и анализируем такое перерождение. Есть ли это ревизия марксизма?»¹⁶

Троцкий подчёркивал, что запоздание международной социалистической революции как бы от противного подтвердило правоту марксизма тем, что оно породило «несомненные явления варварства: хроническую безработицу, пауперизацию (процесс массового обнищания. — В.Р.) мелкой буржуазии, фашизм, наконец, истребительные войны, которые не открывают никакого выхода. Какие социальные и политические формы могло бы принять новое «варварство», если теоретически допустить, что человечество не сумеет подняться к социализму? Мы имеем возможность высказаться на этот счёт конкретнее, чем Маркс. Фашизм, с одной стороны, перерождение Советского государства, с другой, намечают социальные и политические формы нового варварства»¹⁷.

В заметках, набросанных 20 августа 1940 года, за несколько часов до рокового удара Меркадера, Троцкий писал, что «современная война ставит вопросы социальных изменений бесконечно более настоятельно и повелительно, чем первая мировая война... Никогда прежде в истории человечества силы реакции не были так сильны. Однако было бы непростительной ошибкой не видеть ничего, кроме этого. Исторический процесс противоречив. Под ударами официальной реакции массы радикально меняются, обретают опыт и становятся восприимчивыми к новым политическим идеям... Будем ли мы двигаться вперёд в формировании (революционной) партии, достаточно сильной, чтобы выступить в момент кризиса? Смогут ли сталинисты оказаться во главе следующего революционного подъёма или они станут вести революцию к катастрофе, как они это сделали в Китае и Испании? Мы не можем не принимать во внимание эту возможность, особенно в Европе»¹⁸.

Рассматривая перспективы развития СССР в «Письме советским рабочим», Троцкий переводил свои идеи о социальной природе Советского государства на более конкретный и доступный массам язык. «Октябрьская революция, — писал он, — была совершена в интересах трудящихся, а не новых паразитов. Но вследствие запоздалости мировой революции, усталости и, в значительной мере, отсталости русских рабочих, особенно же крестьян, над Советской республикой поднялась новая антинародная, насильническая и паразитическая каста, вождём которой является Сталин... Рабочие и крестьянские Советы давно погибли. Их заменили развращённые комиссары, секретари и чекисты.

Но от Октябрьской революции ещё сохранились, к счастью, национализированная промышленность и коллективизированное сельское хозяйство. На этом фундаменте рабочие Советы могли бы построить новое более счастливое общество. Этого фундамента мировой буржуазии сдавать мы не должны ни в коем случае. Революционеры обязаны защищать зубами и когтями всякую позицию рабочего класса, идёт ли дело о демократических правах, о заработной плате или о таком гигантском завоевании всего человечества, как национализация средств производства и плановое хозяйство. Кто не умеет защищать старые завоевания, тот не способен бороться за новые. От империалистического врага мы будем охранять СССР всеми силами. Однако завоевания Октябрьской революции только в том случае будут служить народу, если народ сумеет расправиться со сталинской бюрократией, как он расправился в своё время с царской бюрократией и с буржуазией»¹⁹.

В случае победы советского рабочего класса над бюрократией произойдут серьёзные изменения в экономике:

резко изменится распределение производительных сил между разными отраслями хозяйства, да и всё содержание плана. Но так как эти преобразования сведутся к низвержению паразитической олигархии при сохранении национализированной (государственной) собственности, будущая революция станет носить не социальный, а политический характер²⁰.

XIX

Герберт Венер и Леопольд Треппер

В книге Виктора Сержа «Дело Тулаева» один из наиболее ярких образов — образ коммуниста-добровольца интернациональных бригад в Испании Стефана. Стефан, которому было тридцать пять лет, пережил уже крушение многих миров: поражение обессиленного пролетариата в Германии, термидор в России, развал социалистической Венны под пушками католиков, распад Интернационалов, эмиграцию, деморализацию, убийства, московские процессы». Размышляя над всеми этими трагическими событиями, Стефан с горечью думает: «Если мы исчезнем, не успев выполнить нашей задачи или просто быть свидетелями событий, сознание рабочего класса совершенно померкнет бог знает на сколько лет»¹.

Эти мысли Стефан развивает в разговоре со своей подругой: «Послушай, Анни! Во всём мире пятьдесят человек, не больше, понимают теорию Эйнштейна. Если бы их всех расстреляли в одну и ту же ночь, всё было бы кончено, на век, на два, может быть, на три, — откуда нам знать? Известное представление о мире исчезло бы целиком. Подумай только: в течение десяти лет большевизм поднимал миллионы людей в Европе и в Азии выше их обычного уровня. А теперь, когда расстреляли русских (старых большевиков — В.Р.), никто уже не увидит изнутри, что это было, чем жили эти люди, что составляло их силу, их величие, они станут непоспимыми, и после их исчезновения массы опустятся, окажутся ниже их...»²

Путь коммунистов, осознавших трагические последствия господства сталинизма в СССР и в международном рабочем движении, складывался по-разному. В этой связи любопытно сопоставить судьбы людей, сыгравших не последнюю роль в истории XX века, — Герберта Венера и Леопольда Треппера. Такое сопоставление тем более интересно, что оба они долгие годы провели в СССР, а в конце 30-х — начале 40-х годов оказались за его пределами.

Венер вплоть до 1941 года был одним из ведущих функционеров КПГ и Коминтерна. В 1982 году он выпустил книгу «Свидетельство», в которой пытался объяснить причины как своего длительного участия в международном коммунистическом движении, так и в отходе от него. Многие в его воспоминаниях правдиво отражают атмосферу, сложившуюся в 30-е годы в СССР и в коминтерновских кругах. «Для того, кто провёл некоторое время в условиях тоталитарного режима, такого, как русский, — пишет он, — особенно после опыта «чисток», нет необходимости пояснять, почему отдельный человек не занимал чётко и ясно позицию, направленную против тогдашней политики (СССР). Дискуссий не было. Опросов не было. Были декларации, и они вкалывались в мозг. Позицию одиночки можно было заметить только по нюансировке его слов, по его попыткам не дать выползнуть себя в передние ряды и остаться как можно более незамечным. Только очень близкие друзья знали друг о друге, что каждый думал в действительности. Вероятно, не только мне одному стало понятно, что всё это означало коррумпирование принципов рабочего движения, которое должно было коррумпировать и каждого в отдельности, и что каждый, кто всерьёз относился к социализму, должен был мечтать о наступлении того времени, когда

рабочее движение сможет освободиться от оков, навязанных ему сталинским режимом, чтобы быть в состоянии независимо вести свою борьбу за демократию и социализм... Надвигающаяся теперь опасность войны ещё более ухудшила это положение. Всё, что вводилось на русских предприятиях и во всей русской жизни в связи с подготовкой к войне (увеличение рабочего времени, драконовские штрафы за опоздания на работу, законы, отменявшие прежние реформы в области школьного и профессионального образования, и многое другое), должно было преподноситься дружественной Советскому Союзу пропагандой коммунистических партий как новые триумфы сталинизма»³.

Предпоследним толчком к своему опходу от сталинизма, отождествляемого им с коммунизмом, по словам Венера, было то, что ему было поручено заняться интерпретацией теории государства, изложенной Сталиным на XVIII съезде ВКП(б) (Венер называет эту «теорию» «коммунистической концепцией теории государства»). «Когда я пытался изложить это на бумаге, то на половине остановился, осознав: этого ты уже не можешь обосновать и нести за это ответственность». Последним толчком он называет память о том, какие страдания он пережил и видел в годы террора в Советском Союзе. Оказавшись за границей, он сказал себе: «Ты наконец вырвался, теперь, если удастся снова попасть в Германию, можешь вести себя совершенно честно и можешь – конечно, это была самоубийственная идея, – если тебя не очень быстро арестуют, делать хоть что-то, чтобы, когда война приблизится к концу, там были не только люди, которые работали на Москву... Я был тогда ещё во власти представления, что это можно сделать, так сказать, будучи партизаном, который внутренне ушел от коммунизма, но ещё всё-таки к нему привязан. На этом я споткнулся»⁴. Дальнейший шаг Венера состоял в том, что он порвал с «коммунизмом вообще»⁵ и перешёл в ряды социал-демократии, видным функционером которой он был на протяжении нескольких десятилетий.

По-инному сложилась судьба бывшего коминтерновца, а затем – легендарного советского разведчика Треппера. В его воспоминаниях рисуется картина, близкая той, которая обрисована Венером. «Сердце моё разрывалось на части при виде революции, становящейся всё меньше похожей на тот идеал, о котором мы все мечтали, ради которого миллионы других коммунистов отдавали всё, что могли, – писал Треппер. – Революция и была нашей жизнью, а партия – нашей семьей, в которой любое наше действие было проникнуто духом братства... Мы мечтали, чтобы история наконец перестала двигаться от одной формы угнетения к другой... Но если путь оказывается усеянным трупами рабочих, то он не ведёт, он никак не может вести к социализму. Наши поварищи исчезали, лучшие из нас умирали в подвалах НКВД, сталинский режим извратил социализм до полной неузнаваемости. Сталин, этот великий могильщик, ликвидировал в десять, в сто раз больше коммунистов, нежели Гитлер»⁶.

Находясь за рубежом в период действия советско-германского пакта, Трепперу и его товарищам часто приходилось слышать из уст немецких офицеров СС «невыносимое для нас сравнение режимов Гитлера и Сталина. Дескать, между национал-социализмом и «национальным социализмом» нет никакой разницы. Они нам говорили, что и тот и другой наметили себе одну и ту же цель, но идут к ней разными путями»⁷.

Объясняя причины сделанного им в те годы выбора, Треппер писал, что «между гитлеровским молотом и

сталинской наковальней вилась узехонькая пропка для нас, всё ещё веривших в революцию. И всё-таки вопреки всей нашей растерянности и тревоге, вопреки тому, что Советский Союз перестал быть той страной социализма, о которой мы грезили, его обязательно следовало защищать. Эта очевидность и определила мой выбор»⁸.

Нетрудно увидеть, что праведное чувство Треппера привело его к тем же выводам о необходимости защиты СССР в войне с фашизмом, которые в те же годы теоретически обосновывал Троцкий.

В отличие от Венеры Треппер не отрекся от коммунизма, не отождествлял его со сталинизмом, несмотря на то что ему пришлось после войны провести десять лет в сталинских тюрьмах, а затем наблюдать новые сталинские и постсталинские деформации и извращения социалистических идеалов в СССР и Польше. Автор книги о Треппере Жиль Перро писал: «Сталинизм, — говорил Треппер, — это болезнь. Надо было ждать, пока она пройдет». И ещё: «Путешествие Париж — Варшава заняло на одиннадцать лет (время от выезда Треппера в СССР до освобождения его из тюрьмы. — В. Р.), поезда ведь порой запаздывают». «Он вышел из тюрьмы таким же, каким вошел коммунистом. И нам, не коммунистам, нравится, что он им остался: ведь если человек, не выдержав ударов судьбы, как бы ни страшны они были, отрекается от своих убеждений — он терпит поражение, и вместе с ним терпит поражение весь род человеческий»⁹.

XX

Троцкий о советско-германских отношениях и характере

мировой войны

В своих первых откликах на советско-германский пакт Троцкий подчёркивал, что, «к изумлению дипломатических рупинеров и пацифистских ропозеев, Сталин оказался в союзе с Гитлером по той простой причине, что опасность большой войны могла идти только со стороны Гитлера и что, по оценке Кремля, Германия сильнее своих нынешних противников. Дипломатические московские совещания с военными делегациями Англии и Франции послужили не только прикрытием переговоров с Гитлером, но и прямой военной разведкой. Московский штаб убедился, очевидно, что союзники плохо подготовлены к большой войне. Насквозь милитаризованная Германия есть страшный враг. Купить её благожелательность можно только путём содействия её планам. Этим и определилось решение Сталина»¹.

Главной непосредственной выгодой пакта для СССР Троцкий считал ослабление угрозы со стороны Японии. Подчёркивая это, он выдвигал удивительно точный прогноз того, как развернутся дальнейшие события на Дальнем Востоке. «Пока Германия связана на Западном фронте, Советский Союз чувствует себя гораздо более свободным на Дальнем Востоке. Это не значит, что он предпримет здесь наступательные операции. Правда, японская олигархия ещё менее, чем московская, способна на большую войну. Но у Москвы, которая вынуждена стоять лицом к Западу, не может быть сейчас ни малейшего побуждения углубляться в Азию. В свою очередь Япония вынуждена считаться с тем, что может получить со стороны СССР серьёзный и даже сокрушительный оппор. В этих условиях Токио должен предпочесть программу своих морских кругов, т. е. наступление не на Запад, а на Юг, в сторону Филиппин, голландской Индии (Индонезии. — В. Р.), Борнео, французского Индокитая, британской Бирмы... Соглашение между Москвой и Токио на этой почве симметрично дополнило бы пакт между Москвой и Берлином (такое соглашение — договор о нейтралитете — было подписано в апреле 1941 г. — В. Р.). Вопрос о том, какое положение создаётся бы при этом для Соединённых Штатов, не входил в рассмотрение настоящей статьи»². Последняя фраза содержала неявный, но понятный любому проницательному политическому аналитику прогноз относительно возможной агрессии Японии против США.

Что же касается Европы, то Троцкий указывал, что морская блокада Англией германской внешней торговли окажется неэффективной, поскольку Германия будет регулярно получать сырьё из СССР в обмен на поставки германских товаров. «СССР скопил и продолжает накапливать огромные запасы сырья и продовольствия для задач обороны. Известная часть этих запасов представляет потенциальный резерв Германии»³.

К материальной поддержке Сталиным Гитлера, продолжал Троцкий, «надо прибавить — если это слово здесь уместно — моральную»⁴. «После пяти лет грубого заискивания перед демократиями, когда весь «коммунизм»

сводился к монопоному обвинению фашистских агрессоров, Коминтерн внезапно открыл осенью 1939 г. преступный империализм западных демократий... Отныне ни слова осуждения по поводу разгрома Чехословакии и Польши, захвата Дании и Норвегии и попяряющих зверств, учиненных гиплеровскими бандами над поляками и евреями! Гиплер изображается, как мирный вегетарианец, которого непрерывно провоцируют западные империалисты. Англо-французский союз называется в прессе Коминтерна «империалистическим блоком против немецкого народа». Геббельс не придумал бы лучше!»⁵

После долгих лет молчания по поводу британских колоний коминтерновская пресса внезапно стала требовать освобождения Индии. Всё это означает, что Сталин очень высоко оценивает силу Германии. При этом основной тактический метод Сталина остаётся таким же, как и в предыдущие годы: «Он превращает Коминтерн в революционную угрозу по отношению к противникам, чтобы в решительную минуту обменять его на выгодную дипломатическую комбинацию»⁶.

После вторжения СССР в Восточную Польшу англо-французская печать стала изображать дело таким образом, будто Гиплер оказался «пленником Сталина». Она подчёркивала громадность выгод, которые Москва получила за счёт Германии: захват значительной части Польши плюс господство над Восточным побережьем Балтийского моря, плюс открытая дорога на Балканы и п. д. «Разговоры о том, будто Сталин «обманул» Гиплера своим вторжением в Польшу и своим нажимом на Балтийские страны, совершенно вздорны... — писал по этому поводу Троцкий. — Так как национал-социализм вырос на проповеди войны против Советского Союза, то Сталин не мог, конечно, поверить Гиплеру на честное слово. Переговоры велись в «реалистических» тонах:

«Ты боишься меня, — говорил Гиплер Сталину. — Ты хочешь гарантий? Возьми их сам».

И Сталин взял»⁷.

Чтобы «взять» Финляндию, оказавшую дипломатическое сопротивление сталинским домогательствам, Сталин вынужден был начать против неё наступательную войну, что, казалось бы, находилось в противоречии с его страхом перед войной. «На самом деле это не так. Кроме планов есть логика положения. Уклоняясь от войны, Сталин пошёл на союз с Гиплером. Чтоб застраховать себя от Гиплера, он захватил ряд опорных баз на балтийском побережье»⁸.

Всё это говорил о том, что окончательный счёт между Сталиным и Гиплером ещё не подведён. «Гиплер начал борьбу мирового масштаба. Из этой борьбы Германия выйдет либо хозяйном Европы и всех её колоний, либо раздавленной. Обеспечить свою восточную границу накануне такой войны являлось для Гиплера вопросом жизни и смерти. Он заплапил за это Кремлю частями бывшей царской империи. Неужели это дорогая плата?»⁹

Нарушением всех исторических пропорций Троцкий считал бытовавшее в зарубежной печати мнение о том, что новая западная граница СССР навсегда претраждает Гиплеру путь на Восток. «Гиплер разрешает свою задачу по этапам, — писал он. — Сейчас в порядке дня стоит разрушение Великобританской империи. Ради этой цели можно кое-чем поступиться. Путь на Восток предполагает новую большую войну между Германией и СССР. Когда очередь дойдёт до неё, то вопрос о том, на какой черте начнётся столкновение, будет иметь второстепенное значение»¹⁰.

Троцкий считал, что на первом этапе мировой войны стратег Гитлер достиг очевидного перевеса над тактиком Сталиным. «Польской кампанией Гитлер привязывает Сталина к своей колеснице, лишает его свободы маневрирования: он компрометирует его и попушно убивает Коминтерн. Никто не скажет, что Гитлер стал коммунистом. Все говорят, что Сталин стал агентом фашизма. Но и ценою унижительного и предательского союза Сталин не купил главного: мира. Ни одной из цивилизованных наций не удастся спрятаться от мирового циклона, как бы строги ни были законы о нейтралитете. Меньше всего это удастся Советскому Союзу... И Сталин и Гитлер нарушают ряд договоров. Долго ли продержится договор между ними? Святость союзных обязательств покажется ничтожным предрассудком, когда народы будут корчиться в тучах удушливых газов»¹¹.

Территориальные захваты Кремля, как подчёркивал Троцкий, не улучшили, а значительно ухудшили международное положение СССР, особенно в свете никем не предвиденных молниеносных побед Гитлера на Западе. «Исчез польский буфер. Завтра исчезнет румынский... — писал Троцкий в июне 1940 года, предвидя усиление германской активности на Балканах. — Победы Германии на Западе — только подготовка грандиозного движения на Восток»¹².

Конечно, Сталин не мог не отдавать себе отчёт в вероломных планах Гитлера и поэтому пытался оставить открытой и другую возможность, помимо сохранения советско-германского союза, всё более дающего Гитлеру односторонние преимущества. Показателем этих сталинских намерений Троцкий считал то, что «Липвинов был показан неожиданно на трибуне Мавзолея Ленина 7 ноября (1939 года); в юбилейном шествии несли портреты секретаря Коминтерна Димитрова и вождя немецких коммунистов Тельмана». Однако подобные политические жесты относятся «к декоративной стороне политики, а не к её существу. Липвинов, как и демонстративные портреты, нужен был прежде всего для успокоения советских рабочих и Коминтерна. Лишь косвенно Сталин даёт этим понять союзникам, что, при известных условиях, он может пересесть на другого коня. Но только фанпазёры могут думать, что поворот внешней политики Кремля стоил в порядке дня. Пока Гитлер силен, — а он очень силен, — Сталин останется его сателлитом»¹³.

Для понимания перспектив советско-германских отношений Троцкий считал немаловажным сопоставление личных качеств Гитлера и Сталина. «У Гитлера есть всё, что есть у Сталина: презрение к народу, свобода от принципов, честолюбивая воля, тоталитарный аппарат, — писал он. — Но у Гитлера есть и то, чего у Сталина нет: воображение, способность экзальтировать массы, дух дерзания. Под прикрытием Гитлера Сталин попытался применять методы Гитлера во внешней политике. Сперва казалось, что всё идёт гладко: Польша, Эстония, Латвия, Литва. Но с Финляндией вышла осечка, и совсем не случайно». Советско-финляндская война показала, что «близорукий эмпирик, человек аппарата, провинциал до мозга костей, не знающий ни одного иностранного языка, не читающий никакой печати, кроме той, которая ежедневно преподносит ему его собственные портреты, Сталин оказался застигнут врасплох. Большие события ему не по плечу. Темпы нынешней эпохи слишком лихорадочны для его медлительного и неповоротливого ума»¹⁴.

Гибельной ошибкой, по мнению Троцкого, было бы и фетишизировать Гитлера, преувеличивать его могущество, не видеть объективных пределов его успехов и дальнейших завоеваний. «Правда, сам Гитлер

хвастливо обещает установить господство немецкого народа за счёт всей Европы, даже всего мира, «на тысячу лет». Но весьма возможно, что всего этого великолепия не хвалили и на десять лет»⁵. Однако пока, в особенности после победы над Францией и захвата ещё нескольких европейских стран, «гигантский военный перевес Гитлера налагает... свою печать на политическую физиономию всего мира»⁶.

Ещё в декабре 1939 г. Троцкий дал поразительно точный прогноз ближайших исторических событий, в котором указывалось на возможность новых крупных военных успехов Гитлера. «Величайшим легкомыслием, — писал он, — отличается та международная пропаганда, которая порогипится изображать Гитлера как загнанного в тупик маньяка. До этого ещё очень далеко. Динамическая индустрия, технический гений, дух дисциплины — всё это налицо; чудовищная военная машина Германии ещё себя покажет. Дело идёт о судьбе страны и режима. Польское правительство и чехословацкое полуправительство находятся сейчас во Франции. Кто знает, не придётся ли французскому правительству вместе с бельгийским, голландским, польским и чехословацким искать убежища в Великобритании?.. Я ни на минуту не верю... в осуществление замыслов Гитлера относительно Pax germanica (Германского мира) и мирового господства. Новые государства, и не только европейские, встанут на его пути. Германский империализм пришёл слишком поздно. Его милитаристические беснования закончатся величайшей катастрофой. Но прежде чем пробьёт его час, многое и многие будут сметены в Европе»⁷.

Пока продолжалась «странная война», Троцкий утверждал, что «на мировой арене мы не поддерживаем ни лагерь союзников, ни лагерь Германии»⁸. Это объяснялось тем, что он считал одной из главных целей Англии и Франции в войне сохранение принадлежащих им колоний. Бесспорно справедливый характер он признавал лишь за войнами, которые ведутся или будут вестись народами колониальных стран. «Создавая великие затруднения и опасности для империалистических метрополий, — провидчески писал он, — война открывает тем самым широкие возможности для угнетённых народов. Пушечный грохот в Европе возвещает близящийся час их освобождения»⁹.

Указывая, что новая мировая война даст новый грандиозный толчок движению за независимость угнетённых народов, Троцкий одновременно замечал, что без международной социалистической революции в передовых капиталистических странах эта независимость, даже будучи формально достигнутой, окажется неизбежно полуфиктивной. «Четвёртый Интернационал заранее знает и открыто предупреждает остальные народы, — писал он, — что их запоздалые национальные государства не могут больше рассчитывать на самостоятельное демократическое развитие»²⁰.

По мере всё новых успехов гитлеровской экспансии в Европе оценка Троцким характера происходящей войны претерпевала заметные изменения. Капитуляцию Франции он расценил не как простой военный эпизод, а как «катастрофу Европы»²¹, превращение Франции, вслед за рядом других, более мелких европейских государств, в угнетённую страну. В записи, сделанной за несколько дней до своей гибели, он отмечал, что Гитлер воплощает не просто империалистические устремления господствующих классов своей страны, а «последнее, самое опасное и самое варварское выражение империализма, ведущее цивилизацию к гибели»²².

После поражения Франции «германский империализм поднимается на небывалую военную высоту с

выпекающими отсюда возможностями международного грабежа. Что же дальше?». Отвечая на этот вопрос, Троцкий указывал, что «в побеждённых странах положение народных масс сразу чрезвычайно ухудшится. К социальному гнёту присоединяется национальный, который главной своей тяжестью также ляжет на рабочих. Тоталитарная диктатура чужеземного завоевателя есть самая невыносимая из всех форм диктатуры... У национал-социализма нет никаких рецептов, чтобы превратить покорённые им народы из врагов в друзей»²³. Из этих положений явно следует, что Троцкий теперь поддерживал не только народное сопротивление в оккупированных фашизмом странах, но и правительства, направляющие и координирующие это сопротивление либо воюющие с Германией за свободу и независимость своих народов.

Более того, Троцкий косвенно обращался к правительству США с призывом к скорейшему вступлению в антифашистскую войну. «Если война развернется до конца, — писал он, — если германская армия будет иметь успехи — а она будет иметь очень большие успехи, — и призрак германского господства над Европой встанет, как реальная опасность, правительству Соединённых Штатов придётся решать: оставаться ли в стороне, предоставляя Гитлеру ассимилировать новые приобретения, помножать германскую технику на сырьё захваченных колоний и подготавливать господство Германии над всей нашей планетой, либо вмешаться в самом ходе войны, чтобы помочь обрезать крылья германскому империализму»²⁴.

В последний день своей жизни Троцкий в продиктованных им заметках комментировал опрос общественного мнения США, показавший, что 70 процентов американских рабочих выступили за введение в стране воинской повинности, что должно было представлять необходимый шаг на пути вступления Соединённых Штатов в антифашистскую войну. «Мы занимаем такую же позицию, как 70 процентов рабочих, — подчёркивал он. — Мы говорим вам, рабочие, вы хотите защищать... демократию. Мы... хотим идти дальше, однако мы готовы защищать демократию с вами только при условии, что это будет действительная защита, а не предательство в стиле Петена»²⁵.

Первые трения между СССР и Германией

Внешне отношения между СССР и Германией сохраняли дружественный характер. 1 августа 1940 года Молотов говорил на сессии Верховного Совета СССР: «Наши отношения с Германией, поворот в которых произошёл почти год тому назад, продолжают полностью сохраняться, как это обусловлено советско-германским соглашением. Это соглашение, которого строго придерживается наше Правительствo, устранило возможность трений в советско-германских отношениях при проведении советских мероприятий вдоль нашей западной границы (так Молотов именовал действия по захвату чужих земель. — В. Р.) и, вместе с тем, обеспечило Германии спокойную уверенность на Востоке»¹.

Однако за подобными словами, в которых не было недостатка и в германской пропаганде, крылись нарастающие советско-германские противоречия. Нацистские вожди не хотели мириться с положением, при котором они осуществляют свои аннексии, будучи втянуты в войну с серьёзным противником — Англией, пользующейся всё более значительной помощью со стороны США, тогда как Советский Союз присоединяет к себе обширные территории «мирным» путём, претендуя на всё новые «сферы своих интересов». Стремление противодействовать дальнейшим аннексионистским замыслам Сталина нашло отражение в дневниковых записях Геббельса: «5 сентября 1940 г. Трения с Москвой из-за Румынии и Мемеля (Клайпеда — В. Р.), частично нашёвшие отражение в русских протестах, которые мы отклоняем... 19 сентября. Фюрер решил не предоставлять России больше ни одной европейской области»².

С августа-сентября проявились первые политические противоречия между СССР и Германией. Советское правительство выражало свою заинтересованность в ситуации на Балканах, в решении вопросов международного правового статуса Дуная и т. д. В свою очередь Германия совместно с Италией без консультаций с Советским Союзом провела 30 августа 1940 г. второй венский арбитраж, на котором Северная Трансильвания, входившая в Румынию, была передана Венгрии, а неприкосновенность остальной части Румынии, включая Южную Буковину, на которую советское руководство по-прежнему претендовало, гарантировалась Германией и Италией. По этому поводу Молотов 31 августа заявил Шуленбургу, что германское правительство нарушило статью 3 советско-германского пакта о ненападении, где говорилось о консультациях по вопросам, интересующим обе стороны³. В ответ на это германское правительство заявило, что правительство СССР не консультировалось с ним при осуществлении аннексии Прибалтийских государств, Бессарабии и Северной Буковины⁴.

26 сентября Молотов в беседе с поверенным в делах Германии в СССР Типпельскирхом выразил беспокойство по поводу того, что Советское правительство только из газет узнало о подписании немецко-финского договора о транзите германских войск в Норвегию через Финляндию и что, по имеющимся у него сведениям, германские войска высадились в нескольких городах Финляндии, относящейся к советской «сфере влияния»⁵.

В начале октября начали поступать сведения о прибытии в Румынию германской «военной миссии» и «учебных частей».

В свою очередь Советское правительство осуществило односторонний дипломатический шаг без консультаций с Германией, обратившись 25 ноября к Болгарии с предложением заключить пакт о взаимопомощи. Информирова Димитрова об этой советской инициативе, Сталин заявил: «Если болгары не примут это наше предложение, они попадут целиком в лапы немцев и итальянцев и тогда погибнут»⁶. Хотя данное предложение и было отклонено болгарским правительством, попытка СССР включить таким путём Болгарию в свою «сферу влияния» вызвала серьёзное недовольство в Берлине.

Особое беспокойство Гитлера вызывала возможность заключения союза СССР с Англией. Это беспокойство подогревалось доходившими в Берлин сообщениями о дипломатических контактах на высоком уровне между СССР и Англией. 24 июня 1940 г. Черчилль направил Сталину секретное послание, в котором говорилось о готовности британского правительства «полностью обсудить с Советским правительством любую из громадных проблем, возникающих в результате нынешней попытки Германии осуществлять в Европе последовательными этапами методический процесс завоевания и поглощения»⁷. 1 июля Сталин имел длительную беседу с британским послом в СССР Р. С. Криппсом, в ходе которой последний заявил о желании Англии «иметь с СССР хорошие отношения». Сталин в довольно откровенном тоне передал Криппсу свою оценку международного положения, указав, в частности, что он «считает ещё преждевременным говорить о господстве Германии в Европе. Разбить Францию — это ещё не значит господствовать в Европе. Для того, чтобы господствовать в Европе, надо иметь господство на морях, а такого господства у Германии нет, да и вряд ли будет»⁸. Хотя советская сторона известила германское правительство об этой беседе и передало её основное содержание, сам факт встречи Сталина с британским послом (Сталин лично никогда до этого не принимал послов) не мог не вызвать тревоги и недовольства в нацистском руководстве.

После поражения Франции Гитлер надеялся победить Англию в воздушной войне. Август был месяцем разгара воздушной битвы над Англией. Не добившись здесь победы и убедившись в том, что Англия ещё очень сильна, Гитлер в сентябре решил отложить намеченное вторжение в Англию.

Учитывая чрезвычайно выгодное положение СССР как нейтральной страны, сталинская клика надеялась на продолжение своей экспансии «мирным путём». Об этом свидетельствует выступление Жданова на объединённом пленуме Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) 20 ноября 1940 года. Перед этой закрытой аудиторией Жданов откровенно заявил: «Политика социалистического государства заключается в том, чтобы использовать противоречия между империалистами, в данном случае военные противоречия, для того, чтобы в любое время расширить, когда представляется эта возможность, позиции социализма... Из этой практики мы исходили за истекший год, она дала, как вы знаете, расширение социалистических территорий Советского Союза. Такова будет наша политика и впредь, и путь вам всем ясно, по какой линии должно идти дело (смех)». И далее ещё более цинично: «У нас нейтралитет своеобразный — мы не воюя получаем кое-какие территории (смех)». Характерно, что эти высказывания Жданова были изъяты из стенограммы его выступления⁹.

XXII

Тройственный пакт

27 сентября 1940 года был подписан пакт Германии, Японии и Италии, который представлял предварительное соглашение о разделе мира между этими странами. «Правительства этих стран признают, — говорилось в пакте, — что предпосылкой длительного мира является получение каждой нацией необходимого ей пространства»¹. Согласно пакту, Германия должна была получить «Евроафриканское пространство», Италия — Средиземноморье, Япония — «Восточноазиатское пространство».

30 сентября в «Правде» появилась передовая статья «Берлинский пакт о тройственном союзе», написанная, как недавно обнаружено в архивах, Молотовым. В статье говорилось, что «пакт не является для Советского Союза чем-то особенно неожиданным... потому что Советское правительство было информировано германским правительством о предстоящем заключении Тройственного пакта ещё до его опубликования». Статья констатировала, что подписание Тройственного пакта означает дальнейшее обострение войны и расширение её масштабов, причём позиция его участников трактовалась как едва ли не оборонительная, ибо она рассматривалась как обязательство взаимной защиты их сфер влияния «от покушений со стороны других государств и, конечно, прежде всего со стороны Англии и находящихся в сотрудничестве с ней Соединённых Штатов Америки». Таким образом, в статье фактически указывалось, что из всех великих держав нейтральным остаётся один Советский Союз, отношение которого к каждому из противостоящих друг другу военно-политических блоков характеризовалось весьма недвусмысленно. Статья констатировала, что «важную особенность пакта составляет имеющаяся в нём оговорка о Советском Союзе. В пакте сказано: «Германия, Италия и Япония заявляют, что данное соглашение никоим образом не затрагивает политического статуса, существующего в настоящее время между каждым из трёх участников соглашения и Советским Союзом». «Правда» указывала, что «эту оговорку надо понимать как подтверждение силы и значения пакта о ненападении между СССР и Германией и пакта о ненападении между СССР и Италией».

Понимая, что эта статья носила официальный характер, Гитлер на следующий день после её появления записал в своём дневнике: «Сталин публикует в «Правде» заявление насчёт пакта Трёх держав. Весьма позитивное. Мол, Россия была заранее ориентирована и никаких опасений не имеет... Заявление Сталина воспринято фюрером с удовлетворением»².

Вскоре после заключения Тройственного пакта германское руководство предприняло попытку подключить к нему Советский Союз, в связи с чем в Берлин для переговоров с Гитлером был приглашён Молотов. По этому поводу Риббентроп обратился к Сталину 13 октября с письмом, в котором говорилось: «Я хотел бы заявить, что, по мнению фюрера, очевидная историческая миссия четырёх держав — Советского Союза, Италии, Японии и Германии — заключается в том, чтобы принять долгосрочную политику и направить дальнейшее развитие

народов в правильное русло путём разграничения их интересов в мировом масштабе». В этих целях «приветствовался» скорейший визит Молотова в Берлин для того, чтобы «уточнить вопросы, имеющие столь решающее значение для будущего наших народов и для того, чтобы обсудить их конкретно». «Я бы хотел передать ему (Молотову) самое сердечное приглашение от имени правительства Рейха... — писал Риббентроп. — Его визит дал бы возможность фюреру объяснить господину Молотову лично его точку зрения в отношении будущих форм отношений между нашими странами»³.

XXIII

Визит Молотова в Берлин

Зная из всего предшествующего опыта переговоров с СССР, что Молотов является всего лишь передаточным звеном в диалоге между Сталиным и Гитлером, Риббентроп подчёркивал, что по возвращении в Москву Молотов смог бы доложить Сталину «со всеми подробностями цели и намерения фюрера». Если бы вслед за этим возникла необходимость для дальнейшей разработки общей политики, завершал своё послание Риббентроп, «я был бы рад снова лично приехать в Москву для того, чтобы, дорогой господин Сталин, возобновить обмен мнений с Вами и обсудить... основу политики, которая могла бы полько принести всем нам *практическую пользу*»¹.

22 октября Сталин направил ответ Риббентропу, в котором выражалась «искренняя благодарность» за доверие, а также за содержащийся в письме последнего «поучительный анализ последних событий». Соглашаясь с тем, что для «дальнейшего укрепления отношений между нашими странами» «мы должны постоянно определять, причём на длительный срок действия, взаимные интересы обеих стран», Сталин выражал согласие на визит Молотова в Берлин, равно как на приезд Риббентропа после этого визита в Москву «для возобновления обмена мнениями, начавшегося в прошлом году по вопросам, представляющим интерес для наших стран»².

О тщательной подготовке Сталина и Молотова к переговорам в Берлине свидетельствуют директивы Молотову к этим переговорам. В этом ёмком документе определялись основные цели визита: 1. Разузнать действительные намерения Германии и всех участников Тройственного пакта относительно планов создания «новой Европы» и «Великого Восточноазиатского пространства», а также этапы и сроки осуществления этих планов и место в них СССР; 2. Прощупать возможность соглашения с Германией и Италией об удовлетворении «интересов СССР» в Европе, а также в Ближней и Средней Азии, но заключение такого соглашения опложить до переговоров с Риббентропом в Москве.

«Директивы», составленные совместно Сталиным и Молотовым, исходили из того, что советско-германские договорённости 1939 года определили лишь «частичное разграничение сфер интересов» СССР и Германии, которое «исчерпано» событиями последнего года. Поэтому Молотов должен был добиваться признания новых сфер интересов СССР в Европе, к которым была прежде всего отнесена Болгария, куда Сталин намеревался ввести советские войска. В «Директивах» указывалось также, что Советский Союз «имеет серьёзные интересы» в Азии (прежде всего в Турции и Иране). Наконец, Молотову поручалось выразить недовольство тем, что Германия не консультировалась с СССР при вводе своих войск в Румынию и Финляндию.

В случае успеха переговоров по всем этим вопросам Молотов должен был предложить выработать общую декларацию стран Тройственного пакта и СССР, включающую признание Индонезии сферой влияния Японии, требование немедленного возврата Германии её прежних колоний и немедленного ухода Англии из Гибралпара и Египта как «условия сохранения Великобританской Империи». Таков был новый советский план раздела мира,

который Молотов должен был изложить на переговорах в Берлине³.

Переговоры Молотова с Гитлером и Риббентропом проходили 12 и 13 ноября. Как вспоминал участвовавший в них в качестве переводчика Хильгер, «Гитлер, приветствуя Молотова при первой встрече, был ошеломляюще любезен. Ему явно важно было расположить к себе Молотова как в деловом, так и в человеческом плане. Однако на второй день противоположность целей обоих партнёров по переговорам выявилась столь опчѣтливо, что о возможности договорѣнностей речь уже вряд ли могла идти»⁴.

Гитлер в своём выступлении заострил внимание своего партнёра на глобальных проблемах. Он заявил, что в ближайшем будущем «Германия разбомбит Англию окончательно и бесповоротно» и поэтому пришло время для раздела колониальных владений Англии между Германией, Италией, Японией и СССР. При этом надо озаботиться тем, чтобы не допустить поддерживающую Англию заокеанскую державу — США на Европейский континент. Далее Гитлер прямо предложил «Советскому Союзу участвовать в качестве четвёртого партнёра в Тройственном пакте».

На протяжении всей речи Гитлера Молотов в основном молчал, прерывая её лишь репликами, выражающими согласие с идеями фюрера, которые, по его словам, «абсолютно верны и будут подтверждены историей»⁵. Своё выступление он начал с упоминания о том, что «при его отъезде из Москвы Сталин дал ему точные инструкции и всё, что он собирается сказать, будет совпадать с точкой зрения Сталина». Далее Молотов сказал, что Советское правительство «заинтересовано в Новом Порядке в Европе», и заявил о возможности участия Советского Союза, как партнёра, «в широком соглашении четырёх держав», что предполагает уточнение «ряда вопросов, касающихся советских интересов на Балканах и в Чёрном море с учётом Болгарии, Румынии и Турции»⁶.

На второй встрече, состоявшейся на следующий день, Молотов навязал Гитлеру длительную дискуссию относительно нахождения германских войск в Финляндии, что-де нарушает положения секретного протокола 1939 года о Финляндии как зоне влияния СССР. На это Гитлер ответил, что Германия соблюдала все советско-германские договорѣнности, в том числе относительно Финляндии, несмотря на то, что «позиция Германии во время советско-финской войны вызвала серьёзную оппозицию со стороны всего остального мира». В свою очередь он упрекнул Молотова в нарушении Советским Союзом соглашений 1939 года, в частности, в вопросе о Буковине и подчеркнул, что «гораздо больших успехов (в советско-германском сотрудничестве) можно было бы достичь, если бы Советский Союз не искал успехов на территориях, в которых Германия заинтересована для продолжения войны... А, по его мнению, дальнейшее сотрудничество гораздо важнее, чем улаживание в настоящий момент споростепенных вопросов»⁷.

Когда дискуссия благодаря упорному упрямству Молотова стала принимать нервный характер, Гитлер вернулся к намеченной им теме, заявив, что «все страны, которые могут быть заинтересованы в территориях обанкротившейся (Британской) империи, должны будут прекратить раздоры между собой и посвятить себя исключительно разделу Британской империи». В ответ на это Молотов вновь перевёл разговор на другую тему, пространно рассуждая о ситуации на Балканах, заинтересованности СССР в проливах на Чёрном море и в особенности в «предоставлении гарантий Болгарии со стороны Советского Союза». Гитлер в свою очередь заявил,

что не рассчитывает на немедленный ответ на свои предложения, так как «знает, что Молотов должен сначала обсудить эти вопросы со Сталиным». К этому он прибавил, что хотел бы лично встретиться со Сталиным, так как это «значительно облегчило бы ведение переговоров»⁸. После этого Гитлер быстро потерял интерес к беседе, которая стала походила на разговор слепого с глухим, и вскоре завершил её.

Вслед за этим состоялась заключительная встреча между Риббентропом и Молотовым, на которой Риббентроп вручил Молотову составленный им проект соглашения между странами Тройственного пакта и СССР. В этом документе указывалось, что, отвлекаясь от тех территориальных изменений, которые будут произведены в Европе после окончания войны, территориальные устремления Германии направлены на районы Центральной Африки, Ипалли — на Северную и Северо-Восточную Африку, СССР — в направлении на юг, т. е. к Индийскому океану. Что же касается устремлений Японии, то «они обращены в Восточную Азию к югу от островной империи Японии»⁹.

К проекту прилагались два секретных протокола. Первый определял «преимущественные сферы интересов участников соглашения». Второй касался установления нового режима черноморских проливов, учитывающего интересы Советского Союза.

Как справедливо замечает В. Бережков, «весьма детально разработанные немецкой стороной условия «пакта четырёх» «свидетельствовали о намерении правительства «третьего рейха» ещё какое-то время развивать германо-советское сотрудничество»¹⁰.

Молотов в ответ на соображения, изложенные Риббентропом, торопливо перечислил все требования, содержащиеся в «Директивах», в том числе те, которые он не успел обсудить с Гитлером. На это Риббентроп дал ответы в самой общей и неопределённой форме, напомнив в заключение Молотову, что «топ задолжал ответ на вопрос, сочувствует ли Советский Союз, в принципе, идее получения выхода в Индийский океан». Молотов ответил, что по этому вопросу он «не может в настоящее время занять окончательную позицию, поскольку не знает мнения Сталина и других своих московских друзей»¹¹.

Узнав о визите Молотова, англичане резко усилили во время его пребывания в Берлине бомбардировки германской столицы. Поэтому часть переговоров происходила в бомбоубежище. Молотов воспользовался этим обстоятельством, чтобы бросить ироническую реплику, едва ли способствовавшую успеху переговоров. Когда Риббентроп принялся вновь развивать мысль о скором крушении Англии, обычно немногословный Молотов прервал его своей, по выражению Бережкова, «знаменитой фразой», более уместной на полемическом диспуте, чем на дипломатических переговорах: «Если Англия разбита, то почему мы сидим в этом убежище? И чьи это бомбы падают так близко, что разрывы их слышны даже здесь?»¹² Впоследствии Молотов не раз с гордостью рассказывал своим собеседникам об этом проявлении своего «дипломатического искусства».

Беседы Молотова с Гитлером и Риббентропом не дали желанных результатов. Ни по одной из поднятых Молотовым проблем, связанных с Финляндией, Румынией, Болгарией, проливами и т. д., не было достигнуто взаимопонимания и согласия. Единственным осязаемым итогом переговоров был переданный Риббентропом Молотову проект соглашения, приглашавший СССР присоединиться к Тройственному пакту в качестве

четвёртого участника.

Тем не менее итоги берлинских переговоров освещались в советской и германской печати в мажорных тонах. В официальном коммюнике об итогах визита говорилось, что обмен мнениями Молотова с Гитлером и Риббентропом «пропекал в атмосфере взаимного доверия и установил взаимное понимание по всем важнейшим вопросам, интересующим СССР и Германию»³.

Несмотря на дипломатическую неуклюжесть Молотова, нацистское руководство не оставило сразу после его визита надежд на достижение такого «взаимного понимания» путём прямых переговоров Гитлера со Сталиным. При прощании с Молотовым Гитлер сказал о своём сожалении по поводу того, что «ему до сих пор не удалось встретиться с такой огромной исторической личностью, как Сталин, тем более что он думает, что может быть, он сам попадёт в историю». Поэтому он просил Молотова «передать господину Сталину приветы и предложение о такой встрече в недалёком будущем»⁴.

На следующий день после отъезда Молотова из Берлина Геббельс записал в своём дневнике: «Молотов уехал... Всё дальнейшее зависит от Сталина. Его решение пока ещё заставляет себя ждать»⁵.

По-видимому, Сталин не вынес вопрос о переговорах Молотова на обсуждение Политбюро, члены которого были весьма скудно проинформированы об этих переговорах. Как писал в своих мемуарах Хрущёв, «из вопросов Сталина и ответов Молотова можно было сделать вывод, что поездка Молотова ещё более укрепила понимание неизбежности войны... На лице Сталина и в его поведении чувствовалось волнение, я бы сказал, даже страх...

Я не знаю конкретно тем деловых разговоров, которые велись в Берлине, по каким вопросам и какие были у нас с немцами расхождения... У нас (в Политбюро. — В. Р.) сложилась такая практика: если тебе не говорят, то не спрашивай... Ограничение и отбор информации, которая давалась членам Политбюро, определялись Сталиным»⁶.

По-иному оценивал (также предположительно) реакцию Сталина на итоги визита Молотова Микоян, который впоследствии говорил: «Нам было ясно, что война неизбежна, но Сталин не верил в это. Неизвестно, какой вывод сделал для себя Молотов из бесед с Гитлером, но, зная, что Сталин не верил в скорое нападение, он и не пытался переубедить его... Так получилось, что после поездки Молотова в Берлин не только не было сделано выводов о необходимости готовиться к скорому неизбежному столкновению с гитлеровской Германией, но, наоборот, был сделан вывод о возможности дальнейшего развития советско-германского сотрудничества»⁷.

Более определённо по этому поводу высказывался в своих мемуарах Жуков: «Он (Молотов) в то время обладал серьёзным влиянием на Сталина, в особенности в вопросах внешней политики, в которой Сталин тогда, до войны, считал его компетентным... Молотов отнюдь не всегда молчал в ответ. Молотов и после своей поездки в Берлин в ноябре 1940 г. продолжал утверждать, что Гитлер не нападёт на нас. Надо учесть, что в глазах Сталина в этом случае Молотов имел дополнительный авторитет человека, самолично побывавшего в Берлине. Авторитет Молотова усиливался качествами его характера. Это был человек сильный, принципиальный, далёкий от каких-либо личных соображений, крайне упрямый, жестокий, сознательно шедший за Сталиным и поддерживавший его в самых жестоких действиях, в том числе и в 1937-1938 годах, исходя из своих собственных взглядов. Он убеждённо шёл за Сталиным, в то время как Маленков и Каганович делали на этом карьеру»⁸.

25 ноября, т. е. через десять дней после своего возвращения из Берлина, Молотов пригласил Шуленбурга и зачитал ему следующее заявление: «Советское правительство изучило содержание заявлений министра иностранных дел Рейха во время заключительной беседы 13 ноября и заняло следующую позицию: Советское правительство готово принять проект о пакте четырёх держав, который касается политического сотрудничества и взаимной экономической поддержки»¹⁹. Таким образом, в редакции Сталина и Молотова идея Риббентропа о соглашении участников Тройственного союза с СССР приобрела форму пакта четырёх держав.

Присоединение СССР к Тройственному пакту обговаривалось, однако, рядом условий, идущих ещё далее тех, которые Молотов выдвигал перед Гитлером и Риббентропом: немедленным выводом немецких войск из Финляндии; заключением пакта о взаимопомощи между Советским Союзом и Болгарией и размещением советских военных баз внутри полосы Босфора и Дарданелл; отказом Японии от своих прав на концессии нефти и угля на Северном Сахалине. К этому было добавлено требование признать зоной перрипоральных устремлений Советского Союза область к югу от Батуми и Баку в направлении к Персидскому заливу, т. е. перрипории Турции, Северного Ирана и Ирака. В соответствии с этим предлагалось приложить к пакту четырёх не два, а пять секретных протоколов, три из которых фиксировали бы согласие остальных участников пакта на требования СССР²⁰.

В последующие месяцы Молотов не раз запрашивал германское правительство относительно ответа на эти советские предложения, но в Берлине никак не реагировали на эти запросы.

Как вспоминал Бережков, начальник имперской канцелярии Мейснер дважды в месяц посещал советского посла в Германии Деканозова и «конфиденциально» сообщал, что германским руководством разрабатываются важные предложения к предстоящей встрече Гитлера и Сталина и при этом во многом учитываются пожелания, выдвинутые в заявлении Молотова от 25 ноября²¹.

XXIV

В преддверии нападения Гитлера на СССР

Однако к тому времени Гитлер, давно уже пришедший к выводу о чрезмерности территориальных притязаний Сталина и по-прежнему крайне низко оценивавший боеспособность Красной Армии, решил отказаться от дальнейших политических переговоров с СССР и форсировать подготовку войны против Советского Союза. Фюрер, склонный к разработке альтернативных вариантов своей военно-политической стратегии, дал первые распоряжения о проведении штабных разработок возможных военных действий против СССР ещё в конце июня 1940 года, т. е. сразу же после поражения Франции.

25 июня Гитлер на совещании в главном командовании сухопутных войск сформулировал установку на войну с СССР¹.

Выступая на секретном совещании в Ставке Верховного главнокомандования 31 июля, Гитлер объявил о своём решении: «В ходе этого столкновения с Россией должно быть покончено. Весной 41-го. Чем скорее будет разгромлена Россия, тем лучше. Операция имеет смысл только в том случае, если мы разобьём это государство одним ударом»².

К вопросам нападения на СССР Гитлер вернулся в преддверии визита Молотова в Берлин. 12 ноября он подписал директиву Объединённому командованию вермахта, в которой подробно рассматривались планы военных действий на Балканах и указывалось: «Политические переговоры с целью выяснить позицию России на ближайшее время начаты. Независимо от того, какие результаты будут иметь эти переговоры, продолжать все приготовления в отношении Востока, приказ о которых уже был отдан ранее устно»³.

Примерно в то же время Германия окончательно обрела новых союзников. 20 ноября Венгрия, а 23 ноября Румыния присоединились к Тройственному пакту.

С лета 1940 года начались нарушения воздушной границы СССР германскими самолётами. «После капитуляции французов, — вспоминал Хрущёв, — немцы обнаглели... Самолёты-разведчики «углублялись до Чернигова, а однажды мы засекали, как они летали над Шосткой... Бывали случаи, когда немцы совершали вынужденную посадку. Помню, в районе Тарнополь * сел самолёт, и крестьяне буквально захватили в плен немецких летчиков. Кончилось это тем, что этих летчиков отпустили, исправили самолёт, и всё это прошло тихо, даже, по-моему, протеста не было»⁴.

С сентября стали поступать сообщения советских разведчиков и дипломатов о крупномасштабной переброске немецких войск на советско-германскую границу⁵.

По мере обнаружения приготовлений Германии к войне с СССР возрастал страх Сталина перед Гитлером.

---

* Так до 1944 г. назывался г. Тернополь.

По словам Хрущёва, после поражения Франции Сталин «уже по-другому рассматривал возможный исход войны и боялся её. В результате этой боязни он и не хотел ничего делать, что могло бы обеспокоить Гитлера. Поэтому он нажимал, чтобы аккуратно вывозили в Германию всё, что по договору было положено»⁶.

Развивая эту тему, Хрущёв писал: «Когда он (Сталин) увидел результаты своего «труда» по уничтожению кадров, увидел, что армия обескровлена и ослаблена, а люди, которые пришли к её руководству, недостаточно опытные, недостаточно подготовлены и не умеют командовать; и даже ранее того, когда он увидел, что наша армия получила достойный отпор от маленькой Финляндии, что её замечательный, героический народ мужественно защищал свою страну и нанёс нам большой урон; когда Сталин всё это увидел, у него появилась какой-то физический, животный страх перед Гитлером. И он всё делал, чтобы уложить Гитлера»⁷.

О страхе как основной движущей причине действий Сталина писал и Жуков. «Главное, конечно, что дошло над ним, над всеми его мероприятиями, которые отзывались и на нас, — говорил он в беседе с военными историками, — это, конечно, страх перед Германией... Он боялся германских вооружённых сил... Боялся почему? Потому, что он привёл страну к такому угрожающему моменту, не готовил к войне... Сталин всё же в конце концов понял, что вся его предвоенная политика оказалась фальшивой»⁸.

По словам Хрущёва, хотя Сталин беседовал о неумолимо надвигающейся войне «очень редко, даже избегал этой темы, замыкался, но было заметно, что он очень волнуется и что его это очень беспокоит. Это было заметно и по тому, что он больше сам стал пить и спаивать других. Буквально спаивать! Обязательно, если он вызывает, у него бывает очень много народа. Он собирал как можно больший круг людей. Я думал, что он так волнуется, потому что начинает, оставаясь один, плохо себя чувствовать, потому что ему нужна большая компания, с тем чтобы в этой компании как-то отвлечься от мыслей, которые его беспокоят. А мысли эти: неизбежность войны, а главное то (о чём он, видимо, думал), что в этой войне мы потерпим поражение»⁹.

В этот период, по словам Хрущёва, «обеда» на сталинской даче «продолжались целыми ночами, а другой раз даже до рассвета. Они парализовали работу правительства и партийных руководителей, потому что, уйдя оплуда, просидев ночь «под парами», накачанный этим вином человек уже не мог работать... Я понимал, что такая атмосфера создавалась в результате, если грубо говорить, вроде какого-то упадничества. Сталин видел надвигающуюся лавину, неумолимую, от которой уйти нельзя, и уже была подорвана его вера в возможность справиться с ней. А лавиной этой была война, неотвратимая война с Германией... В этот предвоенный период, если кто-то на этих обедах говорил, что он не может или не хочет пить, то это считалось совершенно недопустимым, и потом завели в шутку такой порядок, что если кто не выпивает объявленный тост, то полагается ему в виде штрафа ещё дополнительный один бокал, а может быть, даже и несколько»¹⁰.

Естественно, что в такой иррациональной атмосфере не могли быть выработаны правильные политические решения, адекватные непрерывно меняющейся международной обстановке. Отсутствие продуманной стратегии в действиях сталинской клики вызывало изумление даже наиболее проницательных немецких дипломатов. «Чем дальше шло время и чем больше я наблюдал за поведением русских, — писал в своих воспоминаниях Хильгер, — тем больше я убеждался, что Сталин не сознавал, как близко было угрожавшее ему германское нападение. По-видимому,

он думал, что сможет вести переговоры с Гитлером о его требованиях, когда они будут предъявлены»¹¹.

В беседе с военными историками, состоявшейся в 1966 году, Жуков рассказывал, как в присутствии его и Тимошенко Сталин дал Молотову указание послать в Берлин человека с личным письмом к Гитлеру, в котором просил от него исчерпывающих объяснений: для чего немецкие войска так близко сосредоточиваются к Советскому Союзу?

Через несколько дней при личном докладе Сталину Молотов заявил, что получил от Гитлера личное письмо, в котором содержалось заверение, что сосредоточение в Польше немецких войск не имеет ничего общего с подготовкой нападения на Советский Союз, что «эти войска готовятся совершенно для другой цели, для более крупной цели на Западе. «И я вам скажу, — добавлял Жуков, — что Сталин этой версии, конечно, поверил»¹².

Сталин, не доверявший целиком даже своему ближайшему окружению, настолько поверил в честное слово Гитлера, что оказался глух к предупреждениям, идущим от Черчилля и американского правительства, сообщениям по дипломатическим каналам, шифровкам из посольства СССР в Германии, многочисленным донесениям разведки и т. д. «Сталин несёт ответственность не просто за тот факт, что он с непосижимым упорством не желал считаться с важнейшими донесениями разведчиков, — справедливо писал К. Симонов. — Главная его вина перед страной в том, что он создал гибельную атмосферу, когда десятки вполне компетентных людей, располагавших неопровержимыми документальными данными, не располагали возможностью доказать главе государства масштаб опасности и не располагали правами для того, чтобы принять достаточные меры к её предотвращению»¹³.

Вплоть до нападения Германии на СССР Сталин не сделал ни одной попытки установить политический контакт с США и Англией, хотя соответствующих зондажных попыток со стороны правительств этих государств было более чем достаточно.

Между тем Гитлер 18 декабря 1940 года подписал «Директиву № 21. План «Барбаросса», а 9 января 1941 года на совещании с высшим военным командованием заявил о близком нападении на СССР. Он мотивировал это тем, что «хотя сейчас русские вооружённые силы — это обезглавленный колосс на глиняных ногах... лучше сделать это сейчас, когда русские войска не имеют хорошего руководства, плохо оснащены и когда русские испытывают большие трудности в военной промышленности»¹⁴.

С декабря 1940 года усилилось политическое давление Германии на Балканах, где Гитлер начал демонстративно игнорировать своего партнёра, а затем и вовсе действовать наперекор ему. 8 февраля 1941 года германские войска вступили в Румынию. Однако, несмотря на все новые агрессивные акции Германии в этом регионе, Сталин ограничивался протестами по дипломатическим каналам и косвенным выражением недовольства германской политикой в печати.

«История вряд ли знает ошибку, равную той, которую допустили Сталин и коммунистические вожди, когда они отбросили все возможности на Балканах и лениво выжидали надвигавшегося на Россию страшного нападения или были неспособны понять, что их ждёт, — писал Черчилль в книге «Вторая мировая война». — До тех пор мы их считали расчётливыми эгоистами. В этот период они оказались к тому же простаками... Если брать за

криптерий стратегию, политику, дальновидность и компетентность, то Сталин и его комиссары показали себя в тот момент второй мировой войны полностью растяпами»^Б.

В январе, когда в мировой печати появились первые слухи о вводе немецких войск в Болгарию, Сталин ограничился публикацией заявления ТАСС, в котором говорилось: «Если немецкие войска в самом деле имеются в Болгарии и если их дальнейшая переброска в Болгарию действительно имеет место, то всё это произошло и происходит без ведома и согласия СССР, так как германская сторона никогда не ставила перед СССР вопроса о пребывании или переброске немецких войск в Болгарию»¹⁶.

Германские власти проигнорировали этот недвусмысленный намёк на нарушение статьи советско-германского пакта о консультациях. 2 марта 1941 г. было опубликовано сообщение о присоединении Болгарии к Тройственному пакту. В тот же день германские войска вступили на территорию Болгарии. Советское правительство в ответ ограничило очередным сообщением ТАСС, которое Геббельс в своём дневнике прокомментировал следующим образом: «Москва публикует наглое коммюнике: занятие Болгарии усиливает опасность войны и поэтому Россия больше не может поддерживать политику Софии. На мой взгляд, это холостой выстрел в воздух. Мы на это никак не реагируем... Решают не коммюнике, а реальность»¹⁷.

Ещё более драматично складывались события в Югославии. 25 марта 1941 г. югославское правительство подписало протокол о присоединении к Тройственному пакту. Известие об этом вызвало во всей стране мощный взрыв народного негодования, нашедшего отражение в многочисленных массовых митингах протеста под лозунгами «Лучше война, чем пакт»; «Белград — Москва — единственное спасение». Опираясь на широкое возмущение масс прогерманской политикой правительства, группа высших офицеров совершила 27 марта государственный переворот. К власти пришло правительство Д. Симовича, которое обратилось к Советскому правительству с предложением заключить военно-политический союз «на любых условиях, которые предложит Советское правительство, вплоть до некоторых социальных изменений, осуществлённых в СССР, которые могут и должны быть произведены во всех странах». Новое югославское правительство выразило готовность «немедленно принять на свою территорию любые вооружённые силы СССР, в первую очередь авиацию»¹⁸. Всё это никак не походило на ситуацию, предшествовавшую интервенциям СССР в 1939-1940 годах, осуществлённым вопреки воле и желанию правительств оккупированных стран. Но к этому времени существенно изменилась международная ситуация и прежде всего советско-германские отношения. Поэтому Сталин не решился пойти так далеко, как этого просило югославское правительство, и выразил готовность лишь подписать договор с Югославией о дружбе и ненападении, о заключении которого он предварительно известил немцев.

Вечером 4 апреля 1941 г. Молотов вызвал Шуленбурга в Кремль, чтобы сообщить: «Югославское правительство предложило Советскому правительству провести переговоры о заключении договора о дружбе и ненападении, и Советское правительство приняло это предложение. Это соглашение будет подписано сегодня или завтра утром». Шуленбург в ответ заявил, что, по его мнению, «Советский Союз выбрал для таких переговоров неудачное время... Политика югославского правительства совершенно неясна, его поведение, как и поведение югославской общественности по отношению к Германии вызывающе». Молотов в извинительном тоне ответил,

что югославский посол в СССР заверил Советское правительство в том, что его правительство будет соблюдать заключённый с Германией договор о присоединении Югославии к Тройственному пакту. «В свете этих обстоятельств, — заявил Молотов, — Советское правительство считало, что оно может, со своей стороны, заключить соглашение с Югославией, условия которого не заходят так далеко, как условия германо-югославского договора». В заключение беседы Молотов «настоятельно просил», чтобы «Германия тоже сделала всё возможное, чтобы сохранить мир на Балканах»¹⁹.

Пятого апреля договор между СССР и Югославией был подписан. В 5 часов утра 6 апреля, когда в Москве только что закончился банкет, устроенный по поводу подписания договора, немецкие войска напали на Югославию. В результате войны, продолжавшейся 11 дней, Югославия капитулировала, причём от Сталина не последовало ничего похожего на протест против оккупации Германией Югославии.

В конце апреля без всяких консультаций с Советским правительством немецкие войска были введены в Финляндию. Единственной реакцией советской стороны на этот шаг была публикация сообщения корреспондента «Правды» из Таллина, в котором говорилось, что, «по полученным здесь достоверным сведениям, 26 апреля в финляндский порт Або (Турку) прибыли 4 германских транспортных парохода, с которых выгрузились немецкие войска в количестве около 12 тысяч человек с вооружением, танками, артиллерией и т. д.»²⁰.

Даже в этих условиях Сталин не прекращал попыток доказать Гитлеру свою «добрую волю» и лояльность по отношению к Германии. В стремлении умиротворить Гитлера он зашёл так далеко, что разорвал дипломатические отношения СССР с эмигрантскими правительствами Бельгии, Югославии, Норвегии и Греции под тем предлогом, что эти страны ввиду их оккупации Германией утратили свой суверенитет²¹.

Единственное, на что решился Сталин без консультаций с Германией, — это подписать 13 апреля 1941 г. пакт о нейтралитете между Советским Союзом и Японией. Переговоры о заключении этого пакта велись Молотовым с японским послом на всём протяжении 1940 года, причём при этих переговорах Молотов выдвигал следующее соображение: заключая договор с СССР, Япония получит серьёзные выгоды, поскольку «она улучшает свои позиции на Севере для того, чтобы развить активные действия на Юге»²². Иными словами, Молотов прямо подкал Японию на агрессивные действия против США и на захват британских, французских и голландских колоний в Юго-Восточной Азии.

Во время отъезда из Москвы министра иностранных дел Японии Мацуоки, подписавшего пакт, Сталин и Молотов внезапно появились на вокзале. Как вспоминал Молотов, «этого не ожидал никто, потому что Сталин никогда никого не встречал и не провожал. Японцы, да и немцы, были потрясены. Поезд задержали на час. Мы со Сталиным крепко напоили Мацуоку и чуть ли не внесли его в вагон»²³. Затем Сталин стал выказывать подчеркнутые знаки внимания присутствовавшим на вокзале Шуленбургу и заместителю военного атташе Германии в СССР Кребсу, заявив им: «Мы должны остаться друзьями, и для этого вы теперь всё должны сделать». Геббельс прокомментировал в своём дневнике этот эпизод следующим образом: «Сталин и Молотов провожают Мацуоку на вокзале. Сталин обнимает германского военного атташе и при этом заявляет: Россия и Германия будут вместе идти к одной цели. Это великолепно и в настоящий момент должно быть отлично использовано

нами! Мы уж постараемся с соответствующей силой звука донести об этом до всеобщего сведения. Как хорошо обладать силой! Сталин явно не имел охоты познакомиться с германскими танками»²⁴.

Спустя несколько дней Геббельс столь же саркастически комментировал в дневнике статью, накануне появившуюся в «Правде»: «Ничего против Германии там не имеют. Москва, говорится в статье, хочет мира и т. п. Значит, Сталин почуял, что уже запахло жареным, и машет оливковой ветвью мира. Русская карта больше не бьёт»²⁵.

Как бы для того, чтобы продемонстрировать Гитлеру свою слабость и нежелание портить с ним отношения, Сталин отверг предложения военных о пресечении резко участвовавших облетов немецкой авиацией советской территории и распорядился оставлять без внимания вопиющие факты нарушения германскими солдатами советской границы. Даже в случае убийства немцами советских пограничников дело ограничивалось успешными протестами советского посольства в Берлине заместителем Риббентропа Вейцекеру²⁶.

По линии ГРУ доклады о подготовке Германии к войне с СССР поступали с начала января из Берлина, Бухареста, Парижа, Белграда. 29 декабря было сообщено о подписании Гитлером директивы «Барбаросса»²⁷.

Сталин требовал неуклонного обеспечения бесперебойности советских поставок Германии. Советская сторона неуклонно выполняла все ранее взятые на себя обязательства по товарным поставкам, несмотря на откровенный саботаж ответных поставок немецкими фирмами.

В апреле было заключено дополнительное соглашение между СССР и Германией о расширении поставок из СССР нефтепродуктов, цветных металлов, зерна, хлопка. Был значительно облегчен транзит через территорию СССР каучука и других стратегических материалов, закупавшихся Германией в странах Дальнего Востока. Последний советский эшелон с нефтью, марганцем, зерном пересёк германскую границу за час до вторжения немецких войск в СССР.

В результате перемен, принесённых второй мировой войной, и в частности «мирных» захватов Советским Союзом чужих территорий, стратегическое положение СССР не улучшилось, а ухудшилось. Если к моменту заключения советско-германского пакта границы СССР и Германии не соприкасались ни в одном пункте, то к июню 1941 года возникла общая граница с Германией и её союзниками протяжённостью около 5 тыс. км, где в каждом пункте Советский Союз был открыт для нападения.

Существенно увеличился за этот период людской и ресурсный потенциал Германии. К июню 1941 года собственно Германия занимала территорию с населением 117 млн человек, а под её пятой находилась территория с населением более 350 млн человек²⁸.

В оккупированных странах до 1941 года гитлеровцы захватили имущество на сумму, вдвое превышавшую национальный доход Германии²⁹. В первую очередь из захваченных стран оккупационные власти вывозили в Германию стратегические сырьё и материалы, нефтепродукты и транспортные средства, а также огромное количество сельскохозяйственной продукции.

Наряду с вывозом сырья, оборудования и продовольствия Германия использовала производственные мощности оккупированных стран для выпуска различных видов вооружения и другой продукции, необходимой для

войны. В первой половине 1941 года по заказам вермахта в этих странах работало около 2 тыс. промышленных предприятий, что позволило, в частности, вдвое увеличить производство танков по сравнению с сентябрем 1939 года и довести спаночный парк до размеров, в три раза больших, чем у Советского Союза³⁰.

На смену призываемым в армию немецким рабочим в Германию насильственно ввозились из оккупированных стран иностранные рабочие, численность которых достигла в мае 1941 года 3,1 млн человек.

Единственное, в чём Сталин продемонстрировал накануне войны свою «смелость», — это в попытках переориентации внутрисоциалистической пропаганды, преимущественно успешной. Тон этому был задан им самим в выступлениях 5 мая 1941 года перед выпускниками военных академий. Официальной стенограммы этих выступлений до сих пор не найдено (помимо хранящейся в архивах Сталина неправоленной записи), и о содержании его речей можно получить представление лишь по записям некоторых участников встречи и по свидетельствам, полученным немецкими спецслужбами от отдельных лиц, присутствовавших на встрече и захваченных в плен во время войны.

В выступлении на торжественном приёме Сталин дал оценку характера войны, коренным образом отличающуюся от той, которая давалась до того времени им самим и советской пропагандой в целом. Заявив о своём желании изложить «точку зрения нашей партии и правительства» на последние международные события, он сказал: «Германия начала войну и шла в первый период под лозунгами освобождения от гнёта Версальского мира. Этот (период) был популярен, встречал поддержку и сочувствие всех обиженных Версалем... Сейчас германская армия... сменила лозунги освобождения от Версаля на захватнические. Германская армия не будет иметь успеха под лозунгами захватнической, завоевательной войны³¹. Сейчас Германия ведёт агрессивную войну за мировое господство, за порабощение других народов... Всё это представляет реальную угрозу для всех государств и народов, в том числе для Советского государства и его народов... Германия ведёт несправедливую империалистическую войну с целью захвата территории других стран и порабощения их народов. Эти народы оккупированных стран поднимаются на борьбу за своё освобождение, за восстановление свободы и независимости своих стран. Война против Германии неизбежно перерастает в победоносную народно-освободительную войну». Исходя из этих посылок, Сталин призвал активно готовиться к войне СССР против Германии. При этом он коснулся уроков советско-финской войны, заявив, что «уроки этой войны очень суровые. Надо признать, что они показали: Красная Армия не подготовлена к ведению современной войны»³².

Сталин в мажорных тонах заявил, что за последние 3-4 года Красная Армия перестроена и вооружена современной военной техникой³³. Вместе с тем, не упреждая себя доказательствами, он утверждал об ослаблении материальной и моральной мощи германских войск. «Значительная часть германской армии теряет свой пыл, имевшийся в начале войны. Кроме того, (в германской армии) появилось хвастовство, самодовольство, зазнайство. Военная мысль не идёт вперёд, военная техника отстает не только от нашей, но Германию в отношении авиации начинает обгонять Америка. В смысле дальнейшего военного роста Германия поперяла вкус к дальнейшему улучшению военной техники»³⁴.

В заключение этих рассуждений, разительно противоречащих действительному положению дел, Сталин

повторил, что «в вооружении германской армии нет ничего особенного. Сейчас такое вооружение имеют многие армии, в том числе и наша. А наши самолёты даже лучше немецких. Да к тому же у немцев стало головокружение от успехов. У них военная техника уже не двигается вперёд»³⁵.

Эти мысли Сталин развил на банкете, следовавшем вслед за официальным приёмом. Когда один подвыпивший генерал-майор танковых войск произнёс привычный пост «за мирную сталинскую внешнюю политику», Сталин был очень недоволен. «Разрешите внести поправку... — произнёс он — Мы до поры, до времени проводили линию на оборону — до тех пор, пока не перевооружили нашу армию, не снабдили армию современными средствами борьбы. А теперь, когда мы нашу армию реконструировали, снабдили техникой для современного боя, когда мы стали сильны — теперь надо перейти от обороны к наступлению»³⁶.

Вслед за Сталиным аналогичные мысли были высказаны и его «ближайшими соратниками», в основном на всякого рода закрытых совещаниях и собраниях. На заседании Главного военного совета в июне 1941 года Жданов говорил: «Мы стали сильнее, можем ставить и более активные задачи. Войны с Польшей и Финляндией не были войнами оборонительными. Мы уже вступили на путь наступательной политики»³⁷.

Щербаков в докладе «О текущих задачах пропаганды», произнесённом за месяц до нападения Германии на СССР, убеждал слушателей, что на почве хвастовства и самодовольства, получивших распространение в правящих кругах Германии, военная мощь Германии уже не идёт, как прежде, вперёд. Германская армия потеряла вкус к дальнейшему улучшению военной техники. Если в начале войны... Германия обладала новейшей военной техникой, то сейчас развитие идёт в обратном направлении, и военно-техническое преимущество Германии постепенно уменьшается». Все эти утверждения являлись выдумками Щербакова, способными только дезориентировать пропагандистов, а затем и их слушателей.

Особенно нелепой была речь Калинина о международном положении на партийно-комсомольском собрании работников аппарата Президиума Верховного Совета СССР. Калинин признал, что советско-германский пакт «был неожиданностью для очень многих, во всяком случае, он был неожиданностью для населения и даже казался принципиально проповоречащим нашей линии: как же это так — заключать пакт с таким явным врагом, с фашизмом?» Однако, по словам Калинина, сталинская «мудрость» проявилась в том, что благодаря пакту «удалось расширить зону коммунизма и сделать это сравнительно с маленькими расходами средств».

Калинин посетовал на поведение Франции и Англии, чья «бездеятельность граничит с преступностью... Если бы это было у нас, то это так бы и квалифицировалось — преступная неподготовленность к войне» (однако после нападения Германии на СССР, обнаружившего такую «преступную неподготовленность» со стороны Советского Союза, никто в советской пропаганде таких квалификаций не давал. — В. Р.). Вместе с тем Калинин с одобрением указал, что «теперь, когда Германия ведёт завоевательную войну», многие люди в СССР «с удовольствием» встречают известия об успехах англичан, внутренне сочувствуют тому, чтобы немцы были биты».

Наиболее примечательным пассажем в речи Калинина было его утверждение: «Мы не защитники войны, но если нас заденут, то мы только это и ждали (*смех, аплодисменты*)... Армия должна думать: чем скорее драка, тем лучше (*бурные аплодисменты*)»³⁸.

В последние годы некоторые российские исследователи принимают эти безответственные заявления кремлёвских «вождей» и возно в пропагандистских канцеляриях по «перестройке» идеологической работы в духе тезиса о «наступательной войне» за выражение готовности сталинской клики начать в ближайшем времени такую войну, предупредив Гитлера. Доказательству этого тезиса посвящена монография молодого историка В. А. Невежина «Синдром наступательной войны» (М., 1997). (Я не буду касаться вызывающих лишь чувство брезгливости псевдоисторических работ перебежчика Резуна-Суворова о превентивном характере нападения Гитлера на СССР – в ответ на якобы имевшийся у Сталина замысел напасть на Германию в июле 1941 года.) В действительности даже в печатной пропаганде в мае-июне не произошло каких-либо изменений, направленных на психологическую подготовку советского народа к близкой войне с Германией. Соответствующие высказывания встречались только в устных выступлениях отдельных докладчиков и лекторов.

Что же касается действительного приведения армии в боевую готовность к надвигающейся войне, то здесь вплоть до ночи на 22 июня всё оставалось без изменений. Чтобы эффективно противостоять врагу, изгопотившемуся для наступления, необходимо было уже в мае-июне провести всеобщую мобилизацию, сосредоточить в западных военных округах мощную группировку войск, по численности превосходящую противника, привести войска в полную боевую готовность и разработать детальные планы наступления. Ни одна из этих задач не была решена. Когда в середине мая генштаб разработал план стратегического упреждения, Сталин не утвердил его и категорически отверг идею упреждающего удара. Когда же Тимошенко и Жуков напомнили его высказывания 5 мая, Сталин ответил: «Я так сказал это, чтобы... они думали о победе, а не о непобедимости немецкой армии, о чём трубят газеты всего мира»³⁹. После этого Сталин предостерёт высших военачальников: «Если вы там на границе будете дразнить немцев, двигать войска без нашего разрешения, тогда имейте в виду, что головы полетят»⁴⁰.

Изучение имевшихся к началу войны приказов и планов от генштаба до корпуса и дивизии показало, что никаких задач наступательного порядка войскам западных округов не ставилось, а в то же время предусматривалась оборона – в стратегическом масштабе до дальних подступов к Москве. Ни в каких планах не предусматривалось требование переноса военных действий на территорию противника. На случай вынужденного отхода Красной Армии разрабатывались планы эвакуации промышленных предприятий и правительственных учреждений, военного и государственного имущества⁴¹.

Сталин продолжал игнорировать агентурные донесения НКВД и военной разведки, хотя в них сообщалось даже о назначении начальников военизированных управлений будущих округов оккупированной территории Советского Союза⁴². Прогнорированы были и предупреждения глав правительств ряда государств, включая несколько упорных заявлений тогдашнего союзника СССР Чан Кай Ши о грядущем нападении Германии, в которых называлась даже дата нападения – 21 июня⁴³.

С 12 апреля по 21 июня один лишь заместитель наркома внутренних дел по пограничным войскам И. И. Масленников направил Сталину, Молотову, Тимошенко, Жукову, Вышинскому (последнему – для проведения переговоров по дипломатическим каналам) свыше 14 докладных записок об ускоренных темпах передислокации

немецких войск к границам СССР, о налаживании немцами связи для прослушивания телефонных переговоров, многочисленных случаях задержания нарушителей границы, в том числе заброски в СССР германских разведывательных агентов и групп, снабженных портяпными приёмно-передающими радиостанциями, оружием и гранатами. При задержании нарушителей на границе с Германией в связи с оказанием ими вооружённого сопротивления было убито 36 и ранено 25 нарушителей⁴⁴.

Новые архивные документы свидетельствуют о многочисленных донесениях агентуры о концентрации немецких войск на оккупированной нацистами польской территории и их движении в направлении советской границы, о строительстве укреплений и огневых точек, устройстве окопов и установке мин, о секретных фортификационных работах, о строительстве военных аэродромов и укреплений вдоль всей советской границы.

Сообщалось, что «немецкие солдаты и офицеры ведут агитацию среди местного украинского населения о необходимости вступления украинцев в германскую армию для борьбы за создание «Самостоятельной Украины». По сёлам... разъезжают и агитаторы из числа украинских националистов, которые проводят активную работу по созданию украинских национальных организаций под лозунгом борьбы с Советским Союзом, за создание «Самостоятельной Украины». Немцами формируются украинские националистические полки»⁴⁵.

С каждым месяцем увеличивалось число залётов немецкой разведывательной авиации над территорией СССР. С 28 сентября 1939 по 16 октября 1940 г. со стороны Германии нарушили нашу границу 120 самолётов, с 16 октября по 10 июня 1941 г. – 185 самолётов, в том числе за май и десять дней июня – 91 самолёт⁴⁶. Глубина нарушений советской воздушной границы достигала 200 километров. 15 апреля в районе г. Ровно истребителями Красной Армии был приземлён германский военный самолёт, у экипажа которого была обнаружена карта Черниговской области, аэрофотосъёмочные принадлежности и засыпанная плёнка⁴⁷.

С 18 по 21 июня 1941 г. произошло 84 нарушения советской воздушной границы, в том числе румынскими, венгерскими, финскими самолётами⁴⁸.

Наконец, Сталин счёл дезинформацией беспрецедентное в истории дипломатических отношений событие – конфиденциальное раскрытие германским послом государственной тайны советским дипломатам. В изложении Микояна это событие выглядело следующим образом: «Когда незадолго до войны в Москву из Берлина на несколько дней приехал наш посол Деканозов, германский посол Шуленбург пригласил его на обед в посольство... Шуленбург сказал: «Господин посол, может, этого ещё не было в истории дипломатии, поскольку я собираюсь Вам сообщить государственную тайну номер один: передайте господину Молотову, а он – надеюсь, проинформирует господина Сталина, что Гитлер принял решение 22 июня начать войну против СССР. Вы спросите, почему я это делаю. Я воспитан в духе Бисмарка, а он всегда был противником войны с Россией» (примерно такая же версия данной беседы излагается в воспоминаниях Г. Хильгера⁴⁹. – В. Р.). В тот же день Сталин собрал членов Политбюро и, рассказав о сообщении Шуленбурга, заявил: «Будем считать, что дезинформация пошла уже на уровне послов»⁵⁰.

Конечно, германские власти предпринимали маскировочные усилия, чтобы скрыть масштабы сосредоточения своих войск на советско-германской границе и их подготовку к вторжению в СССР. Однако в успех этих усилий не верили даже сами гитлеровские главарь, о чём свидетельствует дневниковая запись

Геббельса от 20 апреля: «Получено сообщение агентства Трансоцеан, в нём содержатся наши глубочайшие военные и дипломатические тайны... Ипак, наша маскировка (против России) немногого стоит. Сталин уже будет знать всё»⁵¹.

Сталин действительно «знал всё» о военных приготовлениях Германии, но упрямо не желал верить сообщениям об этом. Приравнивавшийся к его настроениям Берия нашёл выход в том, в чём всегда находила выражение отмеченная ещё Лениным нелояльность и капризность Сталина — в репрессиях против тех, кто, подчиняясь своему долгу, передавал неудобную Сталину информацию, точно сигнализируя о нависшей над страной опасности. 21 июня Берия направил докладную записку Сталину, в которой говорилось: «Я вновь настаиваю на отзыве и наказании нашего посла в Берлине Деканозова, который по-прежнему бомбардирует меня «дезой» о якобы готовящемся Гитлером нападении на СССР. Он сообщил, что это «нападение» начнётся завтра... То же радировал и генерал-майор В. И. Туников, военный атташе в Берлине. Этот тупой генерал утверждает, что три группы армий вермахта будут наступать на Москву, Ленинград и Киев, ссылаясь на свою берлинскую агентуру»⁵². «Начальник разведуправления, где ещё недавно действовала банда Берзина, генерал-лейтенант Ф. И. Голиков жалуется на Деканозова и на своего подполковника Новобранца, который тоже врёт, будто Гитлер сосредоточил 170 дивизий против нас на нашей западной границе... Но я и мои люди, Иосиф Виссарионович, твёрдо помним Ваше мудрое предначертание: в 1941 г. Гитлер на нас не нападёт!»⁵³. В тот же день Берия поставил следующую резолюцию на папке с донесениями, предупреждающими о нападении Германии: «В последнее время многие работники поддаются на наглые провокации и сеют панику. Секретных сотрудников «Ястреба», «Кармен», «Верного» за систематическую дезинформацию спереть в лагерную пыль, как пособников международных провокаторов, желающих поссорить нас с Германией»⁵⁴.

В ряде исторических работ бытует версия о том, что Сталин стремился оттянуть войну путём переговоров с Гитлером, в ходе которых последний должен был предъявить новые требования Советскому Союзу. В основе этой версии лежат распространявшиеся германскими дезинформационными службами и широко циркулировавшие во всём мире в мае-июне 1941 года слухи о стремлении Гитлера вынудить Сталина пойти на далеко идущие уступки Германии и о предстоящем новом советско-германском соглашении, основанном на этих уступках. Печально известное «Сообщение ТАСС» от 14 июня также создавало впечатление о том, что Москва готова к переговорам с немцами об их возможных претензиях к СССР и лишь ждёт, когда Германия выступит с соответствующим дипломатическим демаршем.

В донесениях Шуленбурга в МИД от 9, 12 и 24 мая высказывалось предположение о том, что смена Молотова Сталиным на посту председателя Совета Народных Комиссаров вызвана стремлением исправить «недавние ошибки во внешней политике, которые привели к охлаждению сердечных германо-советских отношений, для создания и сохранения которых Сталин постоянно прилагал усилия, в то время как Молотов по собственной инициативе часто протравил время на упрямое обсуждение второстепенных вопросов». К этому Шуленбург прибавлял, что Сталин сумеет «использовать своё новое положение для того, чтобы принять личное участие в поддержании и развитии добрых отношений между Советским Союзом и Германией», изменить «нынешнюю

внешнюю политику, которая привела к ухудшению отношений с Германией» и «избежать конфликта с Германией, что демонстрируется поведением Советского правительства на протяжении последних нескольких недель, тоном советской прессы, которая освещает события, касающиеся Германии, а также соблюдением торгового соглашения, заключённого СССР с Германией»⁵⁵.

Конечно, противопоставление Шуленбургом «курса Сталина» «курсу Молотова» было лишено каких бы то ни было оснований. Молотов был всегда лишь покорным исполнителем замыслов Сталина и не предъявлял никаких претензий на проведение самостоятельной линии во внешней политике. Вместе с тем представляется близким к истине предположение Шуленбурга, что назначение 6 мая Сталина на высший правительственный пост мотивировалось его стремлением вступить в личные переговоры с Гитлером на «законных», «конституционных» основаниях. Учитывая это, дезинформаторы Геббельса и Риббентропа распространяли по всему миру слухи о предстоящей встрече Сталина с Гитлером, причём германской печати был отдан строгий приказ не сообщать об этих слухах и никак не комментировать их⁵⁶.

Что же касается зондирования Советским Союзом вопроса об «уступках» германским требованиям, то российский историк Вишлёв, изучая германские дипломатические архивы, установил: в фондах этих архивов не содержится никаких документов, исходящих от Советского правительства, в которых немцам делались бы предложения об уступках политического, военного, экономического, территориального характера либо намекалось бы на готовность СССР к таким уступкам⁵⁷. Правда, между 18 и 20 июня советское руководство обратилось в Берлин с просьбой принять Молотова, но, как свидетельствует запись в дневнике Геббельса, оно «получило решительный отказ. Наивное предложение. Этим надо было заниматься полгода назад»⁵⁸. Лишь в ночь на 22 июня в советское посольство в Берлине поступила из Москвы телеграмма, предписывавшая послу безоплагато встретиться с Риббентропом и сообщить ему о желании Советского правительства вступить в переговоры с высшим руководством рейха, чтобы «выслушать возможные претензии Германии». Как справедливо пишет тогдашний первый секретарь посольства в Германии В. Бережков, «фактически это был намёк на то, что советская сторона не только выслушает, но и удовлетворит германские требования»⁵⁹.

Хорошо осведомлённый о советско-германских отношениях Хильгер в своих воспоминаниях писал: «После побед Гитлера на Балканах Сталин не упускал никаких средств, чтобы сохранить у Гитлера хорошее к себе отношение, давал ему одно за другим новые доказательства своей доброй воли. Но на Гитлера эта политика умиротворения впечатления не произвела. Напротив, продолжающиеся усилия Сталина избежать конфликта он рассматривал как доказательство его слабости и страха перед военным столкновением с Германией»⁶⁰.

С удовлетворением были восприняты в Берлине и нелепые военно-стратегические меры вконец расперявшегося советского руководства — концентрация в приграничных районах крупных военных сил, не приводимых в состояние повышенной боевой готовности. По этому поводу Геббельс записал 16 июня в дневнике: «Русские сосредоточились прямо у границы — лучшего просто нельзя было и ожидать. Будь они рассеяны шире, то представляли бы большую опасность. У них в распоряжении 180-200 дивизий». По этому скоплению «мы и ударим из 10 тыс. стволь... Это будет удар величайшей силы. Такой, какого, пожалуй, ещё не было в истории»⁶¹.

В самый канун войны, когда вся мировая печать писала о скором нападении Германии на СССР, Сталин неоднократно отвергал предложения Наркомапа обороны и Генерального штаба об осуществлении заблаговременного разворачивания вооружённых сил и приведении их в готовность к отражению агрессии.

Характеризуя действия Сталина в период, непосредственно предшествовавший войне, известный советский историк и публицист Эрнст Генри (Б. И. Ростовский) писал: «Сталин накануне войны совершенно запутался, никого не слушал, никому не верил, только себе. И в решающий момент оказался банкротом... Выяснилось, что его рукой водил Гитлер. Несмотря на гигантский информационный и агентурный аппарат, который был в его распоряжении, аппарат, прекрасно сработавший в этот момент, несмотря на то, что его осведомителем оказался сам германский посол — неслыханный случай в дипломатической истории! — он был слеп как крот. Почему? Ответ перед глазами: Сталин думал, что Гитлер ведёт с ним игру, которая была привычна ему самому, в которой он всегда видел подлинное содержание всей политики — игру в обман и шанпажирование другого. Он хотел сыграть с Гитлером, как до этого играл со своими противниками в большевистской партии. А Гитлер уже двигал танки к советской границе. Для фюрера речь шла уже не о том, чтобы обманывать и шанпажировать, а о том, чтобы бить и бить».

Отмечая, что главным интеллектуальным качеством Сталина была хитрость, Ростовский писал, что «как раз хитрость часто мешает быть умным. Человек, который видит вокруг себя только то, что в нём самом, только хитрость, очень часто слеп, каким и оказался Сталин накануне войны. Не Макиавелли и не Борджиа он был, а потерявший голову политик, хитрец, которого перехитрили, игрок, которого переиграли. У этого человека под руками был невиданный репрессивный аппарат, в его абсолютном подчинении — 170-миллионный героический народ, но Сталин неспособен был к настоящему глубокому политическому анализу, в этом отношении он был второго сорта, и в критический момент он провалился»⁶².

В мемуарах Хрущёв передавал рассказ Берия о том, как Сталин встретил начало войны. «Сначала он не хотел в это поверить и цеплялся за надежду, что это провокация, приказывал даже не открывать огня, надеялся на чудо, пытался спрятаться за собственные иллюзии. Затем военные доказали ему, что спрятаться поздно, и ему пришлось поверить, что действительно началась война с Германией. Ему стали докладывать о победоносном продвижении гитлеровских войск. Тут-то открыто проявилось то, что он скрывал от всех, — его панический страх перед Гитлером. Сталин выглядел старым, пришибленным, растерянным. Членом Политбюро... он сказал: «Всё, чего добился Ленин и что он нам оставил, мы про... Всё погибло». И, ничего не добавив, вышел из кабинета, уехал к себе на дачу, а потом некоторое время никого не принимал... Тогда члены Политбюро поехали вслед за ним и стали убеждать его, что ещё не всё потеряно, что у нас большая страна, мы можем собраться с силами и дать оппор врагу. Только после этого Сталин вернулся в Кремль и снова приступил к работе»⁶³. Этот рассказ подтверждается словами Молотова в беседе с Чуевым: «Поехали в Наркомат обороны Сталин, Берия, Маленков и я... Это было на второй или третий день (войны). Он сказал: «Прос...ли»⁶⁴.

Мир был ввергнут во вторую мировую войну. Вооружённая борьба развернулась на территории 40 стран. Формально нейтральными оставались только 6 государств. В войну вступило 72 государства с населением 1 млрд

700 млн человек, т. е. около 80% земель в то время. В армии и флоты было мобилизовано 110 млн человек.

Если во всех войнах XVII века погибло 3 млн человек, XVIII века — 5,5 млн, XIX века — 16 млн человек, то за шесть лет второй мировой войны смерть унесла примерно 55 млн человеческих жизней, в том числе 17 млн — на фронтах. Приблизительно 35 млн человек были ранены и почти 25 млн из них остались на всю жизнь инвалидами⁶⁵.

Часть III

Убийство Троцкого

I

Троцкий под прицелом НКВД

Троцкий ещё до прибытия в Мексику получил предупреждение о том, что ГПУ готовил на него покушение. Будущий «невозвращенец» И. Райсс, секретный агент ГПУ в Европе, предупредил друзей Троцкого, что зарубежным агентам ГПУ хорошо известно о готовящемся террористическом акте. Другой «невозвращенец» В. Кривицкий, один из руководителей всей зарубежной сети советской резидентуры в Европе, подтвердил это сообщение, когда его друг Райсс был убит наёмниками сталинистов и его самого стали обуревать угрызения совести за своё служение Сталину¹.

Луи Буденц, который в середине 30-х годов был одним из лидеров коммунистической партии США, впоследствии рассказывал в книге «Это моя история», что руководители Американской компартии Эрл Браудер и Джек О'Спэнчел говорили об убийстве Троцкого уже в конце 1936 года, когда появились сообщения о предстоящем прибытии Троцкого в Мексику. Буденц добавлял, что ему самому приходилось работать с несколькими советскими секретными агентами в США, один из которых просил его найти троцкиста, которого можно было бы познакомить с советским агентом в Париже. Буденц остановил свой выбор на сталинистке Руби Вайль, которая была знакома с американской троцкисткой Сильвией Агелофф. Во время совместной поездки в Париж Р. Вайль организовала встречу Сильвии с Меркадером, между которыми вскоре установились интимные отношения².

Одновременно советская резидентура в США неустанно искала людей, которых можно было бы «продвинуть» в окружение Троцкого.

Бывший американский сталинист Томас Блейк сообщил в 1956 году сенатской комиссии, что в середине 30-х годов он был внедрён агентурой НКВД в Социалистическую Рабочую Партию США. Вскоре после этого резидент НКВД в Нью-Йорке Рабинович, официально занимавший пост представителя советского Красного Креста в США, предложил ему направиться в Койокан, где он должен был получить дальнейшие инструкции, от находящихся там советских агентов. Когда же Блейк спросил, какое задание он должен выполнить, Рабинович сказал, что, «когда придёт время», его найдут и скажут, что он должен сделать³. Блейк отказался от этого предложения Рабиновича, но сама попытка направить агента в Койокан свидетельствовала не только о стремлении НКВД установить плотную слежку за Троцким, но и, возможно, непосредственно использовать своего агента для осуществления

террористического акта.

Секретарь Троцкого в Мексике Д. Хансен в 1938-1939 годах на протяжении трёх месяцев встречался с Рабиновичем, который был известен ему по кличке Джон. «Джон» предлагал Хансену выйти из IV Интернационала и вступить в Коминтерн. Об этих встречах, по словам Хансена, он рассказывал Троцкому⁴.

О том, что Троцкий находился под наблюдением НКВД с момента своего прибытия в Мексику, свидетельствует тот факт, что ещё в 1937 году французская полиция установила: непосредственные убийцы Райсса Роланд Аббиат (Росси) и Марпиньи ещё в феврале этого года вместе с другими головорезами побывали в Мексике. При обыске квартиры Росси были найдены карта Мексики, планы города Мехико и его окрестностей и копия заявления Росси в мексиканское консульство с просьбой предоставить ему визу на въезд в Мексику^{5*}.

В архиве советской внешней разведки находится документ, составленный в 1946 году, где указывается, что «до 1940 г. предпринято несколько попыток ликвидации Троцкого. Организация дела была такова, что в настоящее время невозможно сказать, кто именно тогда был привлечён к этому делу, где эти люди и в какой степени они информированы о существовании дела и его организаторах»⁶.

После смерти Л. Седова в НКВД разрабатывалось несколько вариантов дальнейшего использования Зборовского, одного из главных агентов НКВД во Франции, имевшего клички Мак и Тюльпан. Специальный представитель Центра, прибывший в Париж в апреле 1938 года, принимал меры, чтобы внедрить Зборовского в окружение Троцкого. Очевидно, с целью выполнения этого задания Зборовский в 1939 году не раз просил у Троцкого разрешения приехать в Мексику, но Троцкий неизменно отклонял эти просьбы. Возможно, что причиной этого было недоверие к Зборовскому, посеянное в Троцком анонимным письмом Орлова, разоблачающим Зборовского как агента-provokatora⁷.

Во время пребывания в Мексике Троцкий прилагал неустанные усилия для того, чтобы получить визу для постоянного или временного проживания в США, где он был бы в большей безопасности и мог бы поддерживать более тесные контакты с основными центрами троцкистского движения. Однако правительство этой «ципадели демократии» постоянно отклоняло попытки Троцкого и его друзей добиться для него политического убежища в Соединённых Штатах.

Ещё в 1933 году Троцкий обратился к консулу США в Стамбуле с письменной просьбой о разрешении въехать в Соединённые Штаты и пробывать там в течение трёх месяцев для работы над задуманной им книгой по сравнительному анализу истории гражданских войн в Америке и России. В этом ему было тогда отказано.

С момента прибытия в Мексику Троцкий с помощью своих друзей вновь не раз пытался добиться разрешения посетить Соединённые Штаты. Но, в отличие от Мексики, которая не имела тогда дипломатических отношений с СССР, власти США подвергались непрерывному давлению со стороны Советского правительства. В ответ на просьбу известного американского философа Дьюи разрешить Троцкому приехать в США для участия в

---

* Росси и Аббиат были кличками агента иностранного отдела ОГПУ В. Правдина, с 1938 года жившего в СССР (Кривицкий В. Я. был агентом Сталина. М., 1996. С. 374).

работе комиссии по расследованию московских процессов Государственный секретарь США К. Хэлл заявил, что ввиду усиливающейся агрессии Японии на Дальнем Востоке американское правительство отвергает эту просьбу, так как не желает раздражать Сталина — своего возможного будущего союзника в войне с Японией. Госдепартамент отказал в выдаче визы также и в связи с приглашением Троцкому от Университета штата Северная Каролина выступить там с лекциями⁸.

Положение, казалось бы, должно было измениться после заявления Рузвельта от 25 мая 1938 года, в котором указывалось, что США будут держать свои границы открытыми для всех, кто спасается от политических преследований. Однако и после этого заявления американское правительство продолжало отклонять все попытки добиться для Троцкого въездной визы в Соединённые Штаты, несмотря на поддержку этих попыток министром труда США Ф. Перкинсом, директором Американского союза за гражданские права Р. Болдуином и другими влиятельными лицами⁹. «Ворота нашей великой демократии, — говорил по этому поводу Д. Кэннон, — открыты многочисленным политическим изгнанникам. Реакционеров всех видов, демократическую сволочь, покинувшую и предавшую свой народ, монархистов и даже фашистов с почестями встречают в Нью-Йоркской гавани»¹⁰. Лишь Троцкому был преграждён путь в США, как и в другие «демократические» страны.

После подписания советско-германского пакта и советско-финляндской войны — событий, вызвавших возмущение общественного мнения США и охлаждение советско-американских отношений, казалось, что былые опасения Госдепартамента опали и у Троцкого возросли шансы на получение американской визы.

Новая возможность посетить США возникла из самого неожиданного источника — созданного в 1938 году особого Комитета палаты представителей Конгресса США по антиамериканской деятельности, названного Комитетом Дайеса — по имени его председателя — конгрессмена США. В октябре 1939 года главный исследователь этого Комитета, проводившего слушания в Конгрессе США, Метпьюз направил Троцкому телеграмму, приглашая его выступить перед Комитетом с «полным обзором истории сталинизма». Хотя Комитет Дайеса носил реакционный характер, занимаясь выявлением «подрывной деятельности» в рабочем движении США, Троцкий принял это приглашение, решив использовать своё выступление перед Комитетом «для разъяснения рабочим сталинского вырождения» и разоблачения «гнилостной природы сталинизма и его разлагающего влияния на рабочее движение». Однако 12 декабря Дайес под давлением Госдепартамента аннулировал своё приглашение.

Американский исследователь У. Чейз, тщательно изучавший отношения Троцкого с Комитетом Дайеса и другими государственными органами США, справедливо подчёркивает, что использование любого общественного форума для пропаганды своего дела и разоблачения врага было отличительной чертой политической тактики Ленина и Троцкого. «Троцкий, правительство США... и Комитет Дайеса могли иметь общего врага — Сталина, но непоколебимая приверженность Троцкого своим революционным убеждениям и методам делала тщетными все попытки обратить это (приглашение Комитета Дайеса. — В.Р.) ему (Комитету) на пользу... Троцкий был символом идеологического движения — троцкизма, который давно ненавидели и в Вашингтоне, и в Москве»¹¹.

Характеризуя своё положение в конце 30-х годов, Троцкий писал: «Ни одна из империалистских стран не

хочет допустить меня в свои пределы. Что касается угнетённых и полунезависимых стран, то они отказываются принимать меня под давлением Москвы, бюрократия которой играет сейчас во всём мире крайне реакционную роль. Мексика оказала мне гостеприимство потому, что Мексика — не империалистическая страна, и потому, что её правительство оказалось в виде редкого исключения достаточно независимым от внешних давлений, чтобы руководствоваться собственными принципами. Я могу поэтому сказать, что живу на земле не в порядке правила, а в порядке исключения»¹².

Пребывание в Мексике резко ограничивало личные контакты Троцкого со своими единомышленниками, за исключением американцев. Правда, в октябре 1939 года в Койокан прибыли французский социалист, активный деятель Коминтерна до 1924 года Альфред Росмер и его жена Маргарита, с которыми Троцкий дружил с 1913 года. Они прожили в доме Троцкого около восьми месяцев.

Во время пребывания в Мексике Троцкого постиг ещё один удар — исчезновение Вальтера Хелда. Это был молодой немецкий эмигрант, которого нацисты приговорили к смерти. Он был одним из самых преданных друзей семьи Троцких в Норвегии. Норвежские власти не разрешили ему, натурализованному гражданину Норвегии, направиться вместе с Троцким в Мексику. Когда немцы оккупировали Норвегию, Хелд переехал в Швецию и получил там американскую визу. Однако он совершил роковую ошибку — подобно многим другим эмигрантам, он отправился в Соединённые Штаты через Советский Союз — вместе со своей женой, сыном и несколькими товарищами. Советское консульство выдало ему транзитную визу, очевидно, обладая данными о его близости с Троцким. Где-то на транссибирской магистрали Хелда очень осторожно пригласили сойти с поезда — так осторожно и ловко, что другим пассажирам не пришло в голову задать какие-нибудь вопросы, пока не стало слишком поздно. Это был конец Хелда, его жены и сына. «Долгое время мы не упоминали в своих разговорах имени Вальтера Хелда, надеясь на что-то, вопреки всякой возможности надежды... — вспоминала Н. И. Седова. — В сентябре 1940 года я получила от него письмо с выражениями сожаления. Он писал, что послал мне статью о смерти Льва Давидовича. Статью эту я никогда не получала»¹³.

Н. И. Седова рассказывала, что, когда Троцкий находился в своём кабинете, до неё иногда доносились слова, которые он произносил как бы про себя: «Я устал, я так устал. Я не могу больше работать». «Он никогда не позволял себе говорить такие слова в присутствии других людей. Безупречные мучения доставляли ему мысли о бессмысленном унижении, моральном падении старых революционеров, которые любили его и тем не менее погибли, покрывая на московских процессах его и себя позором. Когда Лев Давидович оставался один, он иногда называл себе их имена»¹⁴.

После московских процессов Троцкий постоянно ощущал нависшую над ним угрозу убийства и даже предполагал, кем оно будет непосредственно осуществлено. 7 января 1939 года он писал своему адвокату Гольдману о предстоящем вскоре прибытии в Мексику 1500 «ветеранов импербригады» и вслед за этим замечал: «Я полагаю, что отбор этих людей был проведён ГПУ и что агенты ГПУ составляют значительный процент от этих 1500»¹⁵.

В первой половине 1940 года мексиканская пресса была полна слухов о сосредоточении в Мексике агентов НКВД. Об этом же сообщали и троцкистские источники информации. «Со времени активного и поистине

разбойничьего участия ГПУ в испанских событиях, — писал Троцкий, — я получал немало писем от своих друзей, главным образом из Нью-Йорка и Парижа, о тех агентах ГПУ, которые направлялись в Мексику из Франции и Соединённых Штатов. Имена и фотопортреты некоторых из этих господ были мною своевременно переданы мексиканской полиции»¹⁶.

Ответственность за безопасность Троцкого взяла на себя Социалистическая Рабочая Партия США. Руководство организацией охраны дома было поручено Джозефу Хансену, а главой внутренней охраны был назначен Гарольд Робинс.

Троцкий всегда относился с чувством доверия и благодарности к своей охране, обеспечившей ему безопасность в Турции, Франции и Норвегии. «Охрана всегда состояла из молодых товарищей, — писал он, — связанных со мной единством политических взглядов и отбравшихся моими старыми, более опытными друзьями из числа добровольцев, в которых не было недостатка... Прибавлю для полной ясности, что охрана содержится не мною (у меня таких средств нет), а на средства особого комитета, который собирает необходимые денежные суммы среди друзей и сочувствующих. Мы живём — моя семья и охрана — маленькой замкнутой коммуной, отделённые четырьмя высокими стенами от внешнего мира».

Безграничное доверие Троцкого к своей охране определялось его соображениями о том, что «вряд ли в истории вообще можно найти другое движение, которое в такое короткое время понесло бы такие многочисленные жертвы, как движение Четвёртого Интернационала... Никто не мог надеяться за последние 12 лет при помощи Четвёртого Интернационала сделать карьеру. Поэтому к движению примыкали люди бескорыстные, убеждённые, готовые отказаться не только от материальных благ, но, в случае необходимости, и жертвовать жизнью. Не желая впасть в идеализацию, я всё же позволяю себе сказать, что вряд ли можно сейчас в какой-либо другой организации найти такой отбор людей, преданных своему знамени и чуждых личным притязаниям, как в Четвёртом Интернационале. Именно из этой молодёжи вербовалась всё это время моя охрана»¹⁷.

В ответе на вопросы корреспондента газеты «Дейли Ньюс» Троцкий говорил: «Источником моего существования является моя литературная работа. И только! Но совершенно верно то, что мои друзья в Соединённых Штатах, как и в других странах, самоотверженно приезжают в Мексику, чтобы помогать мне в моей работе и охранять меня от возможных покушений. Они делают это по собственной инициативе, добровольно жертвуя своим временем и своими средствами, или средствами своих друзей... Они делали и делают это не ради меня лично, а ради тех идей, которые я представляю. Очевидно, эти идеи имеют призывательную силу»¹⁸.

В первые месяцы пребывания Троцкого в Мексике охрана осуществлялась в основном молодыми мексиканцами. Однако вскоре Троцкий счёл целесообразным отказаться от их услуг, поскольку его враги пытались разными путями вовлечь его в мексиканскую политику, чтобы сделать тем самым невозможным его дальнейшее пребывание в Мексике. Поскольку мексиканцы, живя в его доме, могли в известной степени стать носителями его политического влияния, Троцкий был вынужден отказаться от их участия в охране, заменив их иностранцами, в основном гражданами США. Все эти люди посылались в Мексику по особому отбору его старых испытанных

друзей.

Необходимость усиления охраны обнаружилась уже в январе 1938 г., когда была сделана первая попытка покушения на Троцкого; неизвестный человек попытался проникнуть в его дом с фальшивыми рекомендациями от одного политического деятеля. После этого эпизода, встревожившего Троцкого и его друзей, были приняты более серьёзные меры охраны: установлена автоматическая система сигнализации, введены дневные и ночные дежурства охранников и т. д. Постепенно дом Троцкого был превращён в своего рода крепость, защищённую железными решётками, проводами с пропущенным по ним электрическим током, и охраняемую извне постоянным отрядом из десяти мексиканских полицейских, а внутри виллы – неофициальными охранниками-процкистами. Для полицейских было построено небольшое помещение возле восточного угла ограды, куда была проведена сигнализация на случай тревоги, и четыре будки, также оборудованные специальными устройствами.

Когда друзья Троцкого устанавливали сигнализацию в доме и саду и определяли места постов, Наталья Ивановна обратила внимание Троцкого на то, что следовало бы установить пост у окна его кабинета. Троцкий отказался это сделать, сославшись на то, что в таком случае пришлось бы расширить внутреннюю охрану, а «это не по средствам ни в отношении затрат, ни в отношении человеческого материала, которым наша организация располагает»¹⁹.

Троцкий пишет книгу о Сталине

Тем временем Сталин всячески стремился ускорить подготовку покушения на Троцкого. При этом он руководствовался широким комплексом мотивов — личных и политических.

Даже Волкогонов в книге «Сталин», давая чисто сталинистскую характеристику Троцкого, обмолвился справедливым замечанием: «Сталин, воюя с Троцким полтора десятилетия, уничтожив почти всех его сторонников, превратив изгнанника-изгоя в постоянную мишень террора, не смог избавиться от ощущения своей впоросортности по сравнению с Троцким»¹.

К. Маркс в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» обращал внимание на то, что своеобразное преимущество этой «выдающейся посредственности» XIX века перед своими противниками состояло в том, что он пользовался в борьбе с ними «низкими средствами»². С ещё большим основанием можно сказать, что вся борьба Сталина с Троцким велась самыми низкими средствами и неизбежно должна была увенчаться убийством, поскольку никаким иным способом нельзя было заглушить голос Троцкого. Это стало особенно настоятельным для Сталина после начала второй мировой войны, когда Троцкий усилил свою непримиримую борьбу против внешней и внутренней политики сталинской клики. Даже буржуазные политики и публицисты вынуждены были убедиться, что никто другой в мире не даёт столь пронзительных анализов и достоверных прогнозов международных событий, как Троцкий. Поэтому его заявления и статьи в мировой печати — по поводу советско-германского пакта, расчленения Польши, нападения на Финляндию и т. п. — переиздавались во всех странах мира в десятках миллионов экземпляров. Редакция «Бюллетеня оппозиции» справедливо называла следующие основные причины убийства Троцкого: «...Гложущая ненависть к тому, чья преданность и верность рабочему делу составляла такой контраст с подлогами и изменой Сталина. Безумная жажда мести против бесстрашного и безупречного борца, обличившего Сталина и пригвоздившего его к позорному столбу перед всем миром; беспощадная решимость заставить замолчать своего обличителя накануне новых гнусностей и предательства против рабочего класса СССР и всего мира»³.

К этому добавлялся мотив, на который указал Джеймс Кэннон, напомнив слова английского историка Маколея о том, что вероотступники всех времен обнаруживали невероятное озлобление по отношению к тем, кого они предавали. «Сталин и его шайка изменников, — говорил Кэннон, — пылали безумной ненавистью к человеку, который напоминал им их вчерашний день... постоянно напоминал им о деле, которое они покинули и предали»⁴.

Стремление Сталина ускорить смерть Троцкого в немалой степени диктовалось и тем, что Сталину было известно: Троцкий пишет его политическую биографию, которая, несомненно, будет насыщена новыми обличениями и фактами, раскрывающими подлинную сущность его личности и его политики. Уже весной 1939

года в интервью корреспонденту английской газеты «Дейли Геральд» Троцкий сообщил, что заканчивает книгу о Сталине, которая «покажет в частности, как и почему бывший большевик Сталин вполне созрел ныне для союза с Гитлером»⁵.

Н. И. Седова вспоминала, что Троцкий собирался завершить книгу о Сталине к марту-апрелю 1940 года, но это ему не удалось, поскольку он был отвлечён от данной работы участием в дискуссии внутри Социалистической Рабочей Партии США, а затем — деятельностью по расследованию событий 24 мая.

Рассказывая о работе Троцкого над книгой «Сталин», Седова писала: «Он тщательно анализировал ценность каждого свидетельства и стремился к тому, чтобы каждый документ, который он использовал, рассматривался в его действительном контексте... Имея дело с врагом, он старался быть всесторонне объективным... Он сдерживал свои эмоции, если они не были посвящены поиску истины и отвлечению к антигуманности. Многие из набросков книги были написаны в пылу негодования, но окончательный текст был всегда результатом хладнокровного, спокойного размышления»⁶.

Едва ли можно согласиться с Седовой в том, что «труд о Сталине был навязан Троцкому посторонними обстоятельствами: материальной необходимостью и его издателем»⁷. Мне представляется, что в основе работы над этой книгой лежали и более глубокие мотивы — стремление не только объяснить другим, но и уяснить самому себе, как и почему человек, обладавший столь низменными моральными качествами и слабо развитыми высшими чертами интеллекта, сделался неограниченным диктатором СССР, сосредоточившим к тому же в своих руках безграничную власть над международным коммунистическим движением и оказывавшим столь огромное влияние на судьбы всего человечества.

Поэтому Троцкий, особенно во второй части книги, уделил большое внимание анализу крупномасштабных исторических процессов, обусловивших в конечном счёте победу Сталина над его противниками и его последующее всевластие. Здесь встречаются десятки страниц, на которых почти не упоминается имя Сталина и где Троцкий по-новому, более глубоко, чем в своих прежних работах, рассматривает причины перерождения Октябрьской революции. Это относится к сопоставлению политических событий во Франции конца XVIII века и в Советской России 20-х годов, к анализу характера насильственной коллективизации, объективных и субъективных причин поражения левой оппозиции и т. д. Здесь мы находим не только новое прочтение истории, но и новые суждения о судьбах социализма, разработанные на основе всего исторического опыта его побед и поражений в первые четыре десятилетия XX века.

Развивая марксистскую идею о решающем значении народных масс в истории, Троцкий показывал различную историческую роль, какую массы играют в периоды революционных подъёмов и реакционных спадов. «Революция оподвигает, разрушает, разбивает старый государственный аппарат, в этом её сущность, — писал он. — Массы заполняют собою арену. Они решают, они действуют по своему законодательству, они судят»*. Суть революции

---

* Именно эту особенность революции не понимают нынешние антикоммунисты, усматривающие во всех событиях Октябрьской революции одно лишь проявление воли большевиков, вернее — их руководящего центра. Вот почему, например,

состоит в том, что масса является сама своим собственным исполнительным органом.

Когда массы оставляют общественную арену, уходят к себе в свои кварталы, прячутся по домам, расперянные, разочарованные, усталые, тогда образуется пустота. Эту пустоту заполняет новый бюрократический аппарат. Вот почему в эпоху победоносной реакции аппарат, военно-полицейская машина играет такую громадную роль, какая была неизвестна старому режиму»⁸.

Временами Троцкий, на мой взгляд, даже преувеличивал бессознательность действий Сталина, представляя его искренним спорщиком социализма и простым органом нового правящего слоя, бюрократии, узурпировавшей власть большевистской партии и рабочего класса. Касаясь событий первой половины 20-х годов, он писал: «Не подозревая того, Сталин организует новый политический режим... Ему кажется, вероятно, поскольку он вообще интересуется общими вопросами, что утверждение его аппарата придаст твердость государственной власти и обеспечит дальнейшее развитие социализма в отдельной стране. Дальше этого его обобщающая мысль не идет. Что кристаллизация нового правящего слоя профессионалов власти, поставленных в привилегированное положение и прикрывающихся идеей социализма перед массами, что формирование этого нового архипривилегированного и архимогущественного правящего класса* изменяет социальную ткань государства и в значительной и возрастающей мере социальную ткань общества, от этой мысли Сталин далек, от нее он отмахивается рукой или маузером»⁹.

В этом фрагменте, как мне думается, Троцкий преуменьшил значение того факта, что именно Сталин в первую очередь использовал идею социализма как средство маскировки перед массами, что он не разделял кардинальные идеи социализма — идеи социального равенства, интернационализма, общественного самоуправления — и сознательно отвергал их при проведении внутренней и международной политики, — а это и означало изменение социальной ткани (структуры) государства и общества.

Что же касается суждений об «архимогуществе» правящего слоя, то и здесь Троцкий, на мой взгляд, нарушил некоторые реальные исторические пропорции. Это нашло отражение в формулировке о том, что «не Сталин лично имеет неограниченную власть, а бюрократия, как социальный слой, через Сталина»¹⁰. Хотя эта формулировка принадлежала не Троцкому, а Л. Седову, она в заостренном виде отражала некоторые высказывания Троцкого, например, выражение, за которое часто цепляются «процоеды» и антикоммунисты: «Не Сталин создал аппарат. Аппарат создал Сталина»¹¹. Но и в данном случае возникают вопросы, как мог «архимогущественный» слой аппаратчиков, «создавший» Сталина и приобретший к тому же неограниченную власть, позволить Сталину в годы большого террора почти целиком истребить себя?

авторы многочисленных работ о казни царской семьи как бы «забывают» о настоячивых требованиях уральских рабочих покончить с династией Романовых, способной стать знаменем контрреволюционных сил.

* Здесь Троцкий в целях доказательства своего тезиса даже допустил терминологическую ошибку (если исходить из его собственных взглядов). В десятках своих работ он уделял немало страниц доказательству того, что советская бюрократия не является классом.

По моему мнению, Троцкий до последних дней жизни в известном смысле недооценивал Сталина. Это во многом было связано с тем, что он глубоко верил в превосходство больших политических идей над тёмными политическими интригами и провокациями, как бы отказываясь признать, что мастера интриг, провокаций, коварства и лжи, вмешивающиеся в «чистые» социальные процессы, могут играть в определённые исторические эпохи решающую роль в ходе и исходе большой политической борьбы. Отсюда и часто повторяемая им характеристика Сталина как «выдающейся посредственности». Будучи односторонне понятой, эта характеристика не отражает всей совокупности духовных и особенно волевых качеств Сталина, которые сам Троцкий оценивал достаточно высоко.

Под характеристикой Сталина как «выдающейся посредственности» Троцкий понимал его невежество в теоретических вопросах, неспособность к выдвижению крупных политических идей, выработке долгосрочной политической стратегии, предвидению больших исторических событий и изменений.

Посредственность Сталина выражалась в сфере больших идей и крупномасштабной политической стратегии, но не в сфере политической тактики, чаще всего беспринципной, интриганской и преступной. К этой мысли Троцкий возвращался довольно часто. В статье «Иосиф Сталин. Опыт характеристики», представлявшей своего рода набросок книги «Сталин», рассматривая соотношение между Сталиным и аппаратом, он дал следующую глубокую диалектическую характеристику Сталина как политика: «Аппарат есть мертвая машина, которая... не способна к творчеству... Сталин есть самая выдающаяся посредственность бюрократии. Сила его в том, что инстинкт самосохранения правящей касты он выражает твёрже, решительнее и беспощаднее всех других. Но в этом его слабость. Он пронизателен на небольших расстояниях. Исторически он близорук. *Выдающийся тактик, он не стратег** ... Сознание своей посредственности Сталин неизменно несёт в самом себе. Отсюда его потребность в лестии. Отсюда его зависимость по отношению к Гиплеру и тайное преклонение перед ним»¹².

Характеристику Сталина как «выдающейся посредственности» конкретизируют и суждения Троцкого о различиях в интеллектуальном и нравственном облике Ленина и Сталина. «Поверхностные психологи изображают Сталина как уравновешенное существо, в своём роде целостное дитя природы, — писал он. — На самом деле он весь состоит из противоречий. Главное из них: несоответствие честолюбивой воли и ресурсов ума и таланта. Что характеризовало Ленина — это гармония духовных сил: теоретическая мысль, практическая пронизательность, сила воли, выдержка — всё было связано в нём в одно активное целое. Он без усилий мобилизовал в один момент разные стороны своего духа. Сила воли Сталина не уступает, пожалуй, силе воле Ленина. Но его умственные способности будут измеряться какими-нибудь десятью-двадцатью процентами, если принять Ленина за единицу измерения. В свою очередь, в области интеллекта у Сталина новая диспропорция:

---

* Эти выделенные мною слова характеризуют политические качества не только Сталина, но и его наиболее выдающихся преемников — Хрущёва и Горбачева, конечно, не обладавших его криминальными свойствами, но и лишённых многих его сильных сторон — твёрдости, уверенности, собранности в решающие моменты и т. д.

чрезвычайное развитие практической проницательности и хитрости за счёт способности обобщения и творческого воображения. Ненависть к сильным мира сего всегда была его главным двигателем как революционера, а не симпатия к угнетённым, которая так согревала и облагораживала человеческий облик Ленина. Между тем и Ленин тоже умел ненавидеть»¹³.

На страницах книги «Сталин» Троцкий чётко раскрывал связь между личными качествами Сталина и социальными качествами пермидорианской бюрократии. «С делом истребления противников и оппонентов новой правящей касты, — писал он, — Сталин соединил дело своей личной мести. При его пожиранием честолюбии, но бедных интеллектуальных ресурсах, лишённому какого бы то ни было таланта, ему часто приходилось страдать в обществе менее его честолюбивых, менее его сильных характером, но несравненно более ярких, одарённых и великодушных. Чего Сталин, эта выдающаяся посредственность, никогда не прощал никому, это — духовного превосходства... А так как вся советская олигархия, как и всякая вообще бюрократия, есть организованная и централизованная посредственность, то личные инстинкты Сталина как нельзя лучше совпадали с основными чертами бюрократии: её страхом перед массами, из которых она вышла и которых она предала, и её ненавистью ко всякому превосходству»¹⁴.

Считая страх определяющей чертой духовной и нравственной атмосферы советского общества 30-х годов, Троцкий ссылался на написанную в 1931 г. пьесу советского драматурга А. Афиногенова «Страх», в которой говорилось, что, если подвергнуть психологическому обследованию сто советских граждан, то окажется, что 80 процентов из них действуют под влиянием страха. «За годы кровавых чисток, — добавлял к этому Троцкий, — страх охватил и большую часть остальных 20 процентов. Главной пружиной политики самого Сталина является ныне страх перед порожденным им страхом. Сталин лично не трус, но его политика отражает страх касты привилегированных выскочек за свой завтрашний день»¹⁵.

На завершающих страницах книги «Сталин» Троцкий напоминал, что несколько лет назад, когда Франция жадно искала сближения с Москвой, влиятельная французская газета «Тан» жаловалась на то, что мир привык видеть Сталина в «троцкистском» освещении, т. е. несравненно хуже, чем он якобы был в действительности. «Сейчас, после серии московских процессов и серии разоблачений, после союза Сталина с Гитлером и разгрома Польши, многие, вероятно, склонны признать, что «троцкистское» освещение было очень близко к действительности»¹⁶.

Одним из новых, доселе неизвестных моментов биографии Сталина, освещённых в книге «Сталин», было впервые данное Троцким описание драматического эпизода, представляющего сталинский облик в особенно зловещем свете.

Отправил ли Сталин Ленина?

В книге «Была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд через годы», изданной в 1992 году, я рассматривал версию Троцкого об отправлении Сталиным Ленина, впервые изложенную в статье «Сверхборджиа в Кремле», опубликованной 10 августа 1940 года в американской газете «Либерти». Тогда я обращал внимание на то, что Троцкий датировал беседу в Политбюро о яде (о чём речь пойдёт ниже) февралем или началом марта 1923 года и сопоставлял эту дату с неизвестными Троцкому и опубликованными лишь в конце 80-х годов свидетельствами М. И. Ульяновой и Л. А. Фопиевой о том, что Ленин просил у Сталина яд трижды: в конце 1921 года, в мае 1922 года и в декабре 1922 года.¹

Тогда я полагал, что Троцкий не вполне точно датировал обсуждение вопроса о яде на заседании Политбюро (свойства памяти Троцкого были таковы, что при абсолютной точности воспроизведения содержания исторических событий он в ряде случаев невольно передвигал их даты — на год вперёд или назад). Однако за последние годы были обнаружены новые документы, показывающие, что в данном случае Троцкий почти не ошибся в дате: обсуждение вопроса о яде на заседании Политбюро произошло во второй половине марта 1923 года. Этому обсуждению предшествовала переписка между членами Политбюро, впервые опубликованная Д. Волкогоновым в книге «Ленин».

17 марта Сталин имел беседу с Крупской, после которой немедленно отправил записку (под грифом «Строго секретно») своим погдашним союзникам Зиновьеву и Каменеву: «Только что вызвала меня Надежда Константиновна и сообщила в секретном порядке, что Ильич в «ужасном» состоянии, с ним припадки, «не хочет, не может дольше жить и требует цианистого калия, обязательно». Сообщила, что пробовала дать калий, но «не хватило выдержки», ввиду чего требует «поддержки Сталина». Зиновьев и Каменев оставили на записке взволнованный ответ: «Нельзя этого никак. Ферстер (немецкий профессор, лечивший Ленина. — В. Р.) даёт надежды — как же можно? Да если бы и не было этого! Нельзя, нельзя, нельзя!»²

Однако Сталин этим не удовлетворился. 21 марта он написал новую «строго секретную» записку, обращённую на этот раз ко всем членам Политбюро. В ней говорилось: «В субботу 17 марта п. Ульянова (Н. К.) сообщила мне в порядке архиконспиративном «просьбу Владимира Ильича Сталину» о том, чтобы я, Сталин, взял на себя обязанность доставить и передать Вл. Ильичу порцию цианистого калия. В беседе со мной Н. К. говорила, между прочим, что «Вл. Ильич переживает невероятные страдания», что «дальше жить так невыносимо», и упорно настаивала не отказывать Ильичу в его просьбе». Ввиду особой настойчивости Н. К. и ввиду того, что В. Ильич требовал моего согласия (В. И. дважды вызывал к себе Н. К. во время беседы со мной и с волнением требовал «согласия Сталина») я не счёл возможным ответить отказом, заявив: «Прошу В. Ильича успокоиться и верить, что, когда нужно будет, я без колебаний исполню его требование». В. Ильич действительно успокоился.

Должен, однако, заявить, что у меня не хватило сил выполнить просьбу В. Ильича, и вынужден отказать от этой миссии, как бы она ни была гуманна и необходима, о чём и довожу до сведения членов Политбюро ЦК»³.

Записки Сталина весьма многозначительны по своему содержанию. Из них ясно видно, что Сталин приписывал Н. К. Крупской немислимое для неё «упорное» желание ускорить смерть Ленина (Сталин, конечно, понимал, что члены Политбюро не станут спрашивать Н. К. Крупскую, спремится ли она к этому, тем более «настойчиво»). В записках также явно прослеживается заглавное желание Сталина, чтобы члены Политбюро согласились на осуществление этой, по его словам, «гуманной и необходимой миссии».

Даже Волкогонов, комментируя эти документы с присущими ему ерничаньем и язвительностью по отношению к Ленину, справедливо отмечает, что в сталинских записках «рельефно прослеживаются не только нравственные параметры личности Сталина, но и трудно скрываемое желание ускорить развязку»⁴.

Все члены Политбюро решительно отвергли идею об осуществлении этой «миссии». На записке Сталина Томский написал: «Чипал. Полагаю, что «нерешительность» Сталина – правильна. Следовало бы в строгом составе членов Политбюро обмениваться мнениями. Без секретарей (технич.)». В знак согласия под этими словами Томского подписались Зиновьев, Молотов, Бухарин, Троцкий и Каменев.⁵

Описывая обсуждение сталинского сообщения на заседании Политбюро, Троцкий рассказывал: «Помню, насколько необычным, загадочным, не отвечающим обстоятельствам показалось мне лицо Сталина. Просьба, которую он передавал, имела прагматический характер; на лице его застыла полуулыбка, точно на маске... Жуть усиливалась ещё тем, что Сталин не высказывал по поводу просьбы Ленина никакого мнения, как бы выжидая, что скажут другие: хотел ли он уловить отпинки чужих откликов, не связывая себя? Или же у него была своя заглавная мысль?... Вижу перед собой молчаливого и бледного Каменева, который искренне любил Ленина, и растерянного, как во все острые моменты, Зиновьева...

– Не может быть, разумеется, и речи о выполнении этой просьбы! – воскликнул я. – Гетье (врач, лечивший Ленина и Троцкого. – В. Р.) не теряет надежды. Ленин может поправиться.

– Я говорил ему всё это, – не без досады возразил Сталин, – но он только отмахивается. Мучается старик...

– Всё равно невозможно, – настаивал я, на этот раз, кажется, при поддержке Зиновьева. – Он может поддаться временному впечатлению и сделать безвозвратный шаг.

– Мучается старик, – повторил Сталин, глядя неопределённо мимо нас и не высказываясь по-прежнему ни в ту, ни в другую сторону. У него в мозгу пропекал, видимо, свой ряд мыслей, параллельный разговору, но совсем не совпадавший с ним... Каждый раз, когда я мысленно сосредоточиваюсь на этой сцене, я не могу не повторить себе: поведение Сталина, весь его образ имели загадочный и жуткий характер... Голосования не было, совещание не носило формального характера, но мы разошлись с само собой разумеющимся заключением, что о передаче яда не может быть и речи»⁶.

Память об этом событии (обсуждении вопроса относительно передачи Ленину яда) засела крепко у Сталина и других членов ленинского Политбюро. В этом отношении представляет интерес переданный литературным криптиком К. Зелинским со слов Фадеева и Павленко рассказ об эпизоде, произошедшем в конце 1932 г. на встрече

писателей-коммунистов со Сталиным, Молоповым, Кагановичем, Ворошиловым и Бухариным. Во время встречи, состоявшейся на квартире у Горького, подвыпивший Сталин вслед за просьбой писателей рассказать что-нибудь из своих воспоминаний о Ленине, внезапно обратился к Бухарину со словами:

– Ты, Николай... лучше расскажи Алексею Максимовичу, что ты на меня наговорил, будто я хотел отправить Ленина*. Бухарин ответил:

– Ну, ты сам же рассказывал, что Ленин просил у тебя яд, когда ему стало совсем плохо, и он считал, что бессмысленно существование, при котором он точно заключён в склеротической камере для смертников – ни говорить, ни писать, ни действовать не может. Что тебе тогда сказал Ленин, повтори то, что ты говорил на заседании Политбюро?

Сталин неохотно, но с достоинством сказал, опираясь на спинку стула и расстегнув свой серый френч:

– Ильич понимал, что он умирает, и он действительно сказал мне, – я не знаю, в шутку или серьёзно, но я вам рассказал как серьёзную просьбу, – чтобы я принёс ему яд, потому что с этой просьбой он не может обратиться ни к Наде, ни к Марусе (М. И. Ульянова. – В. Р.). – «Вы самый жестокий член партии» – эти слова (Ленина), как показалось Павленко, Сталин произнёс даже с оттенком некоторой гордости⁷.

Официально «вопрос о яде», да и то в косвенной форме, был поднят на партийных форумах один-единственный раз. На июльском пленуме ЦК и ЦКК 1926 г. лидеры левой оппозиции, требуя выполнить ленинский совет о снятии Сталина с поста генсека, в обоснование этого требования приводили многочисленные факты о крайне отрицательном отношении Ленина в последние месяцы его политической деятельности к Сталину. В ответ на это лидеры правящей фракции решили, так сказать, перевернуть ситуацию, представить ленинскую просьбу о яде как выражение особого доверия, которое питал Ленин к Сталину. Для этого была использована М. И. Ульянова, которая по наущению Бухарина обратилась с официальным заявлением к пленуму. В нём говорилось, что о хорошем отношении Ленина к Сталину свидетельствует его обращение к последнему с просьбой, с которой можно обратиться только к настоящему революционеру. Это заявление, представленное пленуму от имени Ульяновой, было в черновике написано рукой Бухарина, в то время – верного союзника Сталина (об этом факте стало известно лишь в 1989 году после публикации фотокопии проекта заявления, написанного Бухариным).

Вспоминая об этом эпизоде, Троцкий писал: «Никто из нас, оппозиционеров, не счёл возможным расшифровать её (Ульяновой. – В. Р.) слова, но речь шла, разумеется, об обращении Ленина к Сталину за ядом»⁸.

Многие историки, недооценивающие криминальные способности Сталина и отвергающие версию об

---

* Рассказывая в статье «Сверхборджия в Кремле» о существовавших у членов партийной верхушки подозрениях относительно отравления Сталиным Ленина, Троцкий писал: «Точно свинцовая туча окупывала историю смерти Ленина. Все избегали разговора о ней, как если бы боялись прислушаться к собственной тревоге. Только экспансивный и разговорчивый Бухарин делал иногда с глазу на глаз неожиданные и странные намёки.

– О, Вы не знаете Кобы, – говорил он со своей испуганной улыбкой. – Коба на всё способен». (Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. М., 1991. С. 78). По-видимому, слухи о подобных бухаринских высказываниях дошли до Сталина.

оправлении им Ленина, в качестве одного из главных аргументов выдвигают то обстоятельство, что Троцкий высказал данную гипотезу только в 1940 году. Между тем в статье «Сверхборджия в Кремле» и в книге о Сталине Троцкий достаточно чётко объяснил причины этого. «Я должен прямо сказать, — писал он, — что, обдумывая этот эпизод (обсуждение вопроса о яде на заседании Политбюро. — В. Р.) в прежние годы, в частности, во время писания своей автобиографии (когда я считал ещё невозможным публично поднимать этот вопрос), я сам не шёл дальше того предположения, что Ленин понимал заинтересованность Сталина в его смерти и что Сталин догадывался о подозрениях Ленина. Процесс Ягоды и других заставил меня снова пересмотреть эту главу в истории Кремля»⁹. (Троцкий считал, что допрос Ягоды на этом процессе окончательно подтвердил версию о вине Сталина в гибели Кирова и, возможно, в смерти Горького.)

Описывая характерологические особенности Сталина, Троцкий подчёркивал, что сталинское «честолюбие не давало ему покоя, как внутренний нарыв, и оправляло его отношение к выдающимся людям, начиная с Ленина, мнительностью и завистливостью»¹⁰. Эти качества не могли не получить сгущённого, концентрированного выражения в сложной ситуации, возникшей в марте 1923 года в связи с болезнью Ленина и с предстоящим в апреле съездом партии, которому, как было известно членам Политбюро, Ленин подготовил документы, призванные сыграть сокрушительную роль в дальнейшей политической судьбе Сталина. «Никто (из членов Политбюро. — В. Р.) во всяком случае не сомневался, что появление Ленина на предстоящем через несколько недель съезде партии означало бы устранение Сталина с поста генерального секретаря и тем самым его политическую ликвидацию. Больной Ленин находился в состоянии подготовки открытой непримиримой атаки против Сталина, и Сталин слишком хорошо знал это»¹¹.

К этому можно добавить, что Ленин смог справиться с двумя предшествующими крайне тяжёлыми приступами болезни и вновь включиться в работу: принимать самое активное участие в политической жизни, выступать на важнейших политических форумах и т. д. Такой же исход мог получить и третий приступ болезни.

Если Сталин, понимавший всю опасность для него выздоровления Ленина, и вынашивал замысел помочь работе смерти, то тогда всё равно остаётся вопрос: зачем он сообщил о просьбе Ленина членам Политбюро, если он собирался так или иначе её выполнить? «Он, во всяком случае, не мог ждать поддержки или содействия с их стороны, — замечал по этому поводу Троцкий, — наоборот, он был уверен, что встретит оппор прежде всего с моей стороны»¹².

В этой связи Троцкий напоминал, что в марте 1923 года уже сложилась такая ситуация, когда все важнейшие вопросы не только обсуждались, но и решались триумвиратом (Зиновьев, Сталин, Каменев) за его, Троцкого, спиной. На заседаниях Политбюро, происходивших при участии Троцкого, обсуждение вопросов было чисто формальным. «Зачем же вообще понадобилось посвящать меня в это дело? На это я могу ответить гипотезой, которая мелькала у меня давно, но которая превратилась, я готов сказать, в уверенность только после московских процессов»¹³.

Поведение Сталина в марте 1923 г., по мнению Троцкого, может показаться загадочным и необъяснимым только на первый взгляд. В то время Сталин был ещё далёк от всевластия. Он мог с основанием опасаться, что

после смерти Ленина в его теле будет обнаружен яд и тогда станут искать оправдателя. «Гораздо осторожнее было при этих условиях сообщить Политбюро, что Ленин хочет отправиться. Политбюро решило вопрос о доставке ему яда отрицательно, но Ленин мог получить яд другим путём»¹⁴.

Политбюро лишило Сталина возможности легально выполнить просьбу Ленина. Но в этом не было нужды. Ленин мог обратиться к Сталину с этой просьбой не в официальном, а в личном порядке, рассчитывая, что Сталин охотно окажет ему такую услугу. «Передать больному яд можно было разными путями через очень надёжных людей в окружении. При Ленине были члены охраны, среди них люди Сталина. Могли дать яд при таких условиях, что никто не знал бы о характере передачи, кроме Ленина и его самого». Никто и никогда не узнал бы, кто именно сделал это. Сталин всегда мог сослаться на то, что из-за его отказа в соответствии с решением Политбюро Ленин нашёл, очевидно, какой-то иной источник. «Запо на случай открытия дела, вскрытия тела и обнаружения отравы преимущества предупреждения были поистине неоценимы: все члены Политбюро знали, что Ленин хотел достать яд. Сталин вполне легально предупредил об этом Политбюро. С этой стороны Сталин обеспечивал себя, таким образом, полностью... В случае, если бы яд в трупе оказался обнаружен, объяснений искать не пришлось бы... очевидно, несмотря на отказ Сталина в помощи, он (Ленин. – В. Р.) сумел её найти...»¹⁵

Троцкий считал, что когда-нибудь подлинная причина смерти Ленина будет разгадана и все преступления Сталина получат должную оценку хотя бы и после смерти последнего. Статью «Сверхборджиа в Кремле» он заключил словами: «Сейчас мы снова живём на переломе двух систем, в эпоху величайшего социального кризиса, который, как всегда, сопровождается кризисом морали... Когда в доме провалилась крыша, сорвались с цепей окна и двери, в нём неуютно и трудно жить. Сейчас сквозные ветры дуют по всей нашей планете. Традиционным принципам морали приходится всё хуже и хуже, и при этом не только со стороны Сталина... Историческое объяснение не есть, однако, оправдание. И Нерон был продуктом своей эпохи. Но после его гибели его стапуи были разбиты, и его имя выскоблено повсюду. Мест в истории страшнее места самого могущественного генерального секретаря. Я позволяю себе думать, что это утешительно»¹⁶.

IV

Убийцы

Появление многочисленных статей Троцкого в 1939-1940 годах показало, что бесчисленные наветы на него, даже распространяемые устами его бывших друзей и единомышленников — на московских процессах, — не сломили его, не подавили силу его разоблачений, обрушиваемых на Сталина. В десятках стран мира троцкистское движение набирало силу. Поэтому, завершив большой террор, не принеся желаемого морального и политического убийства Троцкого, Сталин приступил к форсированной подготовке прямого террористического акта против него. В феврале 1939 г. он приказал Берии заняться немедленной разработкой плана этой операции, которую потребовал осуществить в кратчайшие сроки. Спустя несколько месяцев был разработан и одобрен Сталиным план под кодовым названием «Упка», согласно которому одновременно готовились две операции: штурм дома Троцкого группой под руководством мексиканского художника-сталиниста Сикейроса и индивидуальный террористический акт, выполнение которого было возложено на молодого испанского сталиниста Рамона Меркадера.

Прежде чем перейти к описанию подготовки и осуществления этих террористических актов, я расскажу о судьбе шести непосредственных их организаторов и исполнителей.

1. Судоплатов

Руководителем группы, которой было поручено непосредственно осуществить террористический акт, по рекомендации Берии был утверждён Сталиным молодой чекист — П. Судоплатов, хотя в то время над ним висела угроза ареста. На собрании парторганизации, в которую входил Судоплатов, был поставлен вопрос о его связях с репрессированными руководителями разведки Шпигельглазом и Пассовым. Среди обвинений в его адрес была и анекдотическая кляуза о том, что, примкнув в возрасте 12 лет к отряду красноармейцев, Судоплатов вместе с этим отрядом в течение суток «находился в плену у генерала Шкуро» и не упоминал об этом «позорном» факте своей биографии в некоторых заполнявшихся им анкетах. Затем на заседании парткома было принято решение об исключении Судоплатова из партии. До очередного партсобрания, которое должно было утвердить это решение, оставалось несколько дней, когда судьба Судоплатова круто изменилась.

В ходатайстве о реабилитации, направленном в Политбюро ЦК КПСС, сам Судоплатов описывал события того времени следующим образом: «В конце 1938 года усилиями Деканозова, назначенного новым начальником Иностранного отдела, и Берии я был обвинён в «преступных связях с Шпигельглазом» (бывший заместитель начальника иностранного отдела НКВД. — В. Р.). Мне грозил арест... В подвешенном состоянии я находился до

марта-апреля 1939 г. К этому (времени) подошло возложенное на меня и Эйпингона новое боевое поручение ЦК ВКП(б); все вокруг нас утихомирилось, и мы начали активно готовиться к проведению операции в Мексике»¹.

Здесь Судоплатов несколько смягчает последствия своего «персонального дела». Несмотря на доверие, оказанное ему самим вождем, 14 июля 1939 г. по ипогам разбирательства этого «дела» ему был объявлен выговор с занесением в личное дело, который был снят только 18 января 1941 г., когда окончательно выяснилось, что операция «Утка» прошла успешно².

После проведения этой «операции» карьера Судоплатова неуклонно развивалась по восходящей линии – вплоть до 1953 г., когда он был арестован, как приспешник Берии, разделявший ответственность за многие преступления последнего. Судоплатов был приговорён к 15 годам тюремного заключения. В многочисленных письмах об освобождении, направляемых из тюрьмы в высшие партийные органы, он упирал на свои «заслуги перед партией», среди которых выделял «успешное выполнение поручения ЦК ВКП(б) по делу Троцкого.. Подробности приводить не буду. Они известны в ЦК КПСС из устного и письменного отчёта об уничтожении Троцкого»³.

Однако «инстанции» не спешили с освобождением Судоплатова. Он отбыл в тюрьме весь срок и вышел на свободу в 1968 году.

2. Эйпингон

Н. И. Эйпингон был одним из немногих чекистов-евреев, кому удалось пережить чистки 30-х годов, хотя за ним числился ещё один «компромат»: наличие родственников за границей, с которыми он поддерживал связь. Впрочем, связь с одним из этих родственников – двоюродным братом Максом Эйпингоном (1881-1943) носила, по видимому, специфический характер. М. Эйпингон был одним из лидеров мирового психоаналитического движения, близким учеником Фрейда. В 1926 году был избран президентом Международной психоаналитической ассоциации. Одновременно он был совладельцем предприятия, которое занималось торговлей мехами, закупленными в СССР. М. Эйпингон был связан с евразийцами – эмигрантским течением, положительно относившимся к Советскому Союзу. Его имя фигурирует в деле известной эмигрантской певицы Н. Плевицкой, жены генерала Скоблина (двойного агента НКВД и гестапо), осуждённой французским судом на 20 лет тюремного заключения за шпионаж и получавшей от М. Эйпингона финансовую помощь¹.

Выбор Н. Эйпингона в качестве одного из главных исполнителей операции «Утка» был связан, очевидно, с его прошлыми «заслугами» в «борьбе с троцкистами». Ещё в 1929 году Эйпингон руководил операцией по возвращению в Москву резидента НКВД в Турции Блюмкина, в прошлом работавшего в секретариате Троцкого и нелегально посетившего последнего в Турции². В годы гражданской войны в Испании Эйпингон работал помощником Орлова – эмиссара НКВД, возглавлявшего террор против троцкистов и поумовцев. После бегства Орлова в июле 1938 г. из Испании в США Эйпингон занял его пост.

После завершения операции «Утка» Эйпингон и Каридад Меркадер получили приказ оставаться некоторое

время в подполье. Полгода они провели на Кубе, а затем оправились в Нью-Йорк, где Эйпингтон использовал свои связи в еврейской общине для получения новых фальшивых паспортов. В феврале 1941 г. они перебрались в Китай, откуда в мае, перед самым началом Отечественной войны, возвратились в Москву из «долгосрочной командировки» по Транссибирской магистрали.³

В июле 1945 года был опубликован указ Верховного Совета СССР о присвоении Эйпингтону звания генерал-майора — наряду с другими высокими чинами НКВД, получившими после войны воинские звания. Тем же указом Судоплатову было присвоено звание генерал-лейтенанта.⁴

Падчерица Эйпингтона Зарубина рассказывала, что после убийства Троцкого Эйпингтон встречался со Сталиным, который сказал ему: «Партия всегда вам будет благодарна, ваше имя будет вписано в историю золотыми буквами».⁵

Тем не менее в разгар антисемитской кампании начала 50-х годов и одновременно — в период расправы над группой руководящих работников во главе с министром Абакумовым — Эйпингтон был арестован. Оформлявший его арест начальник следственной части по особо важным делам Рюмин «объяснил, что арест якобы производился по указанию главы Советского правительства, который, просматривая показания Шварцмана, принял такое решение».⁶

Через несколько дней после смерти Сталина Берия распорядился освободить Эйпингтона, реабилитировать его, вернуть ему все правительственные награды (Эйпингтон был награждён шестью орденами и несколькими медалями) и возвратиться на работу. В июне 1953 года Эйпингтон был арестован вновь — на этот раз как активный соучастник преступлений Берии. В отличие от Судоплатова он был приговорён к 12 годам тюремного заключения, поскольку ему было зачтено пребывание в тюрьме в 1951-1953 годах.

В 1954 году, когда Эйпингтон находился в Бутырской тюрьме, с ним была проведена неофициальная беседа — допрос о некоторых обстоятельствах убийства Троцкого⁷. В обращении к Хрущёву, отправленном в 1963 г. из Владимирской тюрьмы, Эйпингтон в качестве своей особой «заслуги перед партией» называл «работу, сделанную в Америке». «Этой работой, — писал Эйпингтон, — ЦК был доволен. Мне было официально объявлено от имени Инстанции (так зачастую в служебной переписке номенклатурных чиновников именовалось Политбюро либо же сам Сталин. — В. Р.), что проведённой мною работой довольны, что меня никогда не забудут, равно как и людей, участвовавших в этом деле».⁸

Эйпингтон был освобождён в 1963 году, после чего работал редактором в издательстве «Международная книга». Его реабилитация произошла в 1990 году, когда в угаре реабилитационной гонки реабилитировали всех и вся. Более того — ещё до этого он был причислен к лику героев-чекистов, о чём свидетельствовало наличие его портрета с папачической подписью в «Комнате памяти» Первого главного управления КГБ.⁹

3. Григулевич

В конце 1939 года, когда Берия решил усилить сеть нелегалов в Мексике, он привёл Судоплатова на явочную

квартиру, где познакомил его с И. Р. Григулевичем, кодовое имя которого было Юзик. Григулевич успел зарекомендовать себя во время гражданской войны в Испании, где участвовал в арестах поумовцев и анархистов после «барселонского мятежа»¹.

Григулевич прибыл в Мексику в январе 1940 года по фальшивому паспорту и стал работать официантом в баре². Он тесно сотрудничал с группой Сикейроса и принял активное участие в первом покушении на Троцкого. Именно он, единственный участник группы, находившийся в дружеских отношениях с охранником Троцкого Хартом, дал последнему условленный знак, чтобы тот открыл калитку для проникновения банды во двор дома Троцкого. Григулевич принимал непосредственное участие в налёте, орудуя ручным пулемётом. Вскоре после налёта он бежал из Мексики в Калифорнию.

После войны Григулевич продолжал свою агентурную деятельность, теперь уже под кличкой Макс. Ему удалось не только раздобыть костариканский паспорт, но и получить назначение на пост посланника Коста-Рики в Ватикане и по совместительству в Югославии. В конце 1952 года, когда Сталин дал приказ осуществить террористический акт против Типо, руководство МГБ приняло решение о подготовке этого теракта «с использованием агента-нелегала «Макса» — тов. Григулевича И. Р.».

Будучи вхож в высшие круги Югославии, Григулевич должен был добиться аудиенции у Типо и на этой встрече из замаскированного в одежде бесшумно действующего механизма выпустить дозу бактерий легочной чумы, достаточную для заражения и смерти Типо. В целях сохранения жизни «Макса» предполагалось привить ему противочумную сыворотку. Террористический акт планировалось провести одновременно с использованием слезоточивых газов, чтобы создать среди присутствовавших на аудиенции лиц панику, которая позволила бы осуществить «отход» Григулевича.

Используя опыт, применённый в операции «Упка», Григулевича обязали написать «прощальное письмо» к жене, которое в случае его задержания должно было попасть в руки югославских спецслужб. В письме излагалась версия, согласно которой террористический акт совершен одиночкой, ненавидящим Типо по идеологическим мотивам³.

Сразу же после смерти Сталина данная операция была отменена, а Григулевич был опозван Берией в Москву. Здесь он работал в конце 50-х годов в Государственном комитете по культурным связям с зарубежными странами, где продолжал выполнять шпионские задания, о чём свидетельствует награждение его «на гражданской службе» орденами Октябрьской революции и Дружбы народов⁴. Затем он занялся научной работой и в 1979 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР. В каталоге Ленинской библиотеки значится более 30 книг (в том числе на иностранных языках), не считая многочисленных статей в коллективных сборниках и периодических изданиях, написанных Григулевичем (в большинстве своём под псевдонимом Лаврецкий) за 60-70-е годы и посвящённых в основном истории Латинской Америки и Ватикана. Умер Григулевич в 1988 году.

В 90-х годах в российской прессе появился ряд апологетических статей о Григулевиче. В 1993 г. в журнале «Латинская Америка» была помещена обширная публикация о Григулевиче «Вся жизнь — подвиг: учёного и разведчика», включающая интервью, взятое у него незадолго до смерти журналисткой Шапуновской, и хвалебные

воспоминания ответственного работника разведки Леонова и академика Хачатурова. В Кабинете чекистской славы, находящемся в Москве, в районе Ясенева, половина стенда посвящена Григулевичу⁵. В статье О. Игнатьева, опубликованной в «Правде», говорится: «Надеюсь, что придёт время, когда появится книжка об этом замечательном человеке»⁶.

4. Сикейрос

Давид Альфаро Сикейрос – непосредственный организатор первого покушения на Троцкого – был одним из наиболее известных мексиканских сталинистов.

Когда руководящая роль Сикейроса в налёте на дом Троцкого была установлена, руководство Мексиканской компартии выступило с рядом заявлений о том, что Сикейрос не является членом партии. Член Политбюро ЦК МКПД Серрано даже заявил в своих показаниях на следствии, что «сразу после происшествия в Койокане коммунистическая партия произвела расследование, чтоб выяснить, что произошло... Расследование обратилось в сторону Альфаро Сикейроса, человека, не отвечающего за свои действия и которого считают полусумасшедшим».

По поводу подобных заявлений Троцкий писал: «У Сикейроса были, несомненно, «недоразумения» с теми или другими вождями Мексиканской компартии: зависть, интриги, взаимные доносы вообще характеризуют эту среду. Но Сикейрос никогда не рвал с Кремлём. Он всегда оставался верным агентом Сталина. В Испании он... вёл работу под руководством советских агентов ГПУ. Он вернулся в Мексику, как надёжный агент Москвы. Все сталинские и полусталинские группы чествовали его»¹. Сикейрос неоднократно выступал на митингах, организованных Мексиканской компартией, а на собрании, устроенном в честь 60-летия Сталина, находился в президиуме.

После покушения Сикейросу удалось скрыться. Из своего укрытия он посылал в газеты и журналы статьи с резкой критикой правительства и оправданиями своего участия в покушении. Один журнал опубликовал даже интервью с ним.

Лишь в октябре полиция получила сведения, что Сикейроса и его жену следует искать в небольшом городе Остопакильо, находящемся вдалеке от столицы. Туда выехал возглавлявший расследование полковник Салазар в сопровождении большого отряда полиции. Путём ряда следственных действий полиция узнала, что Сикейрос скрывается в близлежащих горах, где он вскоре был обнаружен и арестован.

На следствии Сикейрос не отрицал, что был руководителем группы, совершившей бандитский налёт, но упорно утверждал, что целью нападения было не убийство Троцкого, а лишь уничтожение его архивов. Он заявил также, что этой акцией предполагалось вызвать «психологический шок» в стране и использовать его для изгнания Троцкого из Мексики².

Эту версию Сикейрос повторил в интервью, данном им в 1972 году доминиканскому журналу «Ahora»³, и в своей автобиографической книге «Меня называли лхим полковником». Глава этой книги о «борьбе с процкистами» настолько насыщена фальсификациями, что даже Волкогонов, оценивая её, вынужден был

признать: «Сикейрос ничего не говорит об участии в операции Компартии Мексики, о людях – не мексиканцах – планировавших её. Для исторического оправдания Сикейрос пытается изобразить операцию лишь как результат недовольства мексиканцев-интернационалистов действиями троцкистов в Испании. Его рассуждения о роли ПОУМ, «предательстве» троцкистов в гражданской войне, мягко говоря, напаянны и исторически некорректны»⁴.

Повторяя в своей книге самые грубые и лживые сталинские наветы на Троцкого, Сикейрос столь же лживо утверждал, что решение об «уничтожении штаб-квартиры Троцкого» было принято самостоятельно ещё в Испании группой мексиканцев, выступавших на стороне республики; «естественно, левые политические партии, в частности Коммунистическая партия Мексики, ничего не могли и не должны были знать о наших планах»⁵.

По словам Сикейроса, он из Испании направил президенту Мексики Карденасу ряд писем, в которых требовал отменить решение о предоставлении Троцкому политического убежища. Это же требование он повторил на встрече с Карденасом после своего возвращения в Мексику, присовокупив к нему «предупреждение, что мы будем вынуждены применить силу, если не удастся решить вопрос мирным путём». В книге воспоминаний Сикейрос добавлял ещё один лживый аргумент, якобы побудивший его к организации налёта, – о том, что Троцкий выступил вместе с Диего Риверой в поддержку реакционного генерала Альмазана, стремившегося захватить власть в Мексике^{6*}.

В воспоминаниях Сикейрос косвенно признал соучастие председателя Конфедерации трудящихся Мексики, яркого сталиниста Толедано в организации покушения, заявив, что, «исчерпав все свои возможности с помощью мирных средств положить конец существованию штаб-квартиры Троцкого в Мексике, мы обратились к Висенте Ломбарде Толедано и к ломбардистам»⁷.

«Глобальная задача всей операции», по словам Сикейроса, состояла в том, чтобы «захватить по возможности все документы, но любой ценой избежать кровопролития». Кроме того, как уверял Сикейрос, «мы считали, что... скандал, вызванный нашими действиями, станет ещё одним мощным нажимом на правительство Карденаса и вынудит его запретить деятельность штаб-квартиры Троцкого в Мексике»⁸.

В 1947 году Сикейрос в интервью журналу «Эксельсиор» заявлял: «Я не отрицаю и не буду никогда отрицать мою ответственность в этом деле, но я подчёркиваю, что я действовал как независимый агент. Я чувствую себя обязанным сказать, что я рассматриваю своё участие (в нападении на дом Троцкого. – В. Р.) как один из самых почётных актов в моей жизни»⁹.

Оценивая спустя ещё три десятилетия свои действия, Сикейрос уже не говорил о «почётном» характере

---

* В действительности разрыв Троцкого с Риверой произошёл как раз в связи с тем, что последний яростно нападал на Карденаса как «пособника сталинистов», а в кампании по выборам президента поддерживал Альмазана. В специальном заявлении Троцкий выразил сожаление по поводу позиции Риверы и заявил в связи с этим, что опьяне не может поддерживать «моральную солидарность» с ним и пользоваться его гостеприимством (до этого Троцкий проживал в доме Риверы) (Дойчер И. Троцкий в изгнании. М., 1991. С. 475).

своего преступления, но казуистически писал: «Я никогда не отрицал и не отрицаю того, что формально, если исходить из действующего законодательства, моё участие в нападении на дом Троцкого 24 мая 1940 г. является преступлением. За это я пробыл долгое время в тюрьме, свыше трёх лет в изгнании, потерял большую сумму денег, внесённую в качестве залога, и подвергся оскорбительным нападениям во внешнем мире»¹⁰.

Изображая себя чуть ли не безвинной жертвой мексиканского правосудия, Сикейрос явно преувеличил тяжесть постигшего его наказания и лишений, которые он перенёс за своё преступление. Приговорённый к длительному тюремному заключению, он спустя год был освобождён из тюрьмы под денежный залог. Такое решение было принято генералом Мануэлем Авила Камачо, недавно избранным президентом Мексики. По словам Сикейроса, он был доставлен к Камачо, который заявил ему: «Я пригласил Вас, чтобы попросить о следующем: после выхода на свободу как можно скорее уезжайте из страны. По имеющимся у меня сведениям, ваши враги – процисты хотят убить вас. Я же этого отнюдь не хочу, тем более в период моего правления. Речь, следовательно, идёт о принятии мер безопасности, а вовсе не о высылке»¹¹. Эту просьбу Камачо подкрепил официальным санкционированием отъезда Сикейроса из Мексики не как высылки, а как предоставления ему возможности работы по контракту за границей.

Сикейрос был доставлен в аэропорт, откуда с семьёй отправился в Чили. Чилийская виза была получена с помощью поэта-коммуниста Пабло Неруды, занимавшего тогда пост генерального консула Чили в Мексике¹².

Когда Сикейрос в 1944 году вернулся в Мексику, пресса потребовала его немедленного ареста, но судебные органы сообщили, что его дело не может быть возобновлено, потому что досье на Сикейроса «тайнственно исчезло»¹³.

Сикейрос оставался «другом СССР» вплоть до своей смерти. В 1966 г. ему была присуждена Международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами».

Существуют, однако, свидетельства о том, что временами Сикейроса посещали угрызения совести за совершённое им преступление. Сын французского писателя Виктора Сержа – Влади Серж, после войны проживавший в Мексике, рассказал о своём разговоре с Сикейросом относительно организованного им налёта. В этом разговоре Сикейрос сказал, что он «впервые прочитал работы Троцкого, когда сидел в тюрьме. До этого я... жил в атмосфере, в которой жили мои друзья и товарищи по партии. Вместе ненавидели наших общих врагов, предателей революции. В этой ненависти мы убеждали друг друга и всё дальше уходили от реальностей, от жизни, от фактов»¹⁴.

5. Каридад Меркадер

Каридад Меркадер – мать убийцы Троцкого – была дочерью богатого испанского помещика, проживавшего на Кубе. После развода с мужем она поселилась со своими детьми в Париже, а затем принимала активное участие в испанской гражданской войне, выражавшееся, в частности, в добровольном выполнении агентурных заданий НКВД. Так, например, ею был написан донос на Михаила Кольцова и его жену Марию Остен.¹

Во время покушения Р. Меркадера на Троцкого Каридад Меркадер вместе с Эйпингном находилась в машине неподалёку от дома Троцкого, чтобы сразу же после убийства увезти Рамона по заранее разработанному маршруту – в США, а оттуда пароходом во Владивосток и затем по Транссибирской магистрали в Москву. Когда в доме Троцкого слышались крики и стало ясно, что Рамон Меркадер задержан, Эйпингон и Каридад немедленно скрылись, а затем бежали на Кубу. Спустя некоторое время они перебрались в США, где совместно с нью-йоркской резидентурой НКВД провели большую организационную работу по облегчению участи Р. Меркадера – обеспечили ему солидную юридическую поддержку и наладили связь с ним двух специально проинструктированных агентов, находившихся в Мехико².

Незадолго до нападения Гитлера на СССР Н. Эйпингон и К. Меркадер прибыли в Москву. За несколько дней до начала войны они вместе с Судоплатовым были приглашены в Кремль, где Калинин вручил им ордена Ленина.

В первые годы войны Каридад проживала в Уфе. Бывший командир корпуса испанской республиканской армии Мануэль Тагуэнья в опубликованных на родине воспоминаниях писал: «В общем-то все (испанские эмигранты – В. Р.) знали, кто из их среды работает на НКВД. Среди них выделялась капалонка на возраст, с совершенно белыми волосами. Мы встретились с ней в Москве по возвращении из эвакуации и обратили внимание на особое уважение, которым она пользовалась у русских»³.

Однако уже во время пребывания в СССР Каридад стала испытывать муки совести. В начале 40-х годов она говорила представителю Компартии Испании, работавшему в штаб-квартире Коминтерна: «Я им (НКВД) больше не нужна... Меня знают за границей. Меня опасно использовать. Но они также знают, что я больше не та женщина, какой была прежде... Каридад Меркадер – это не просто Каридад Меркадер, а худшая из убийц... Я не только ездила по всей Европе, разыскивая чекистов, покинувших рай (п. е. «невозвращенцев» – В. Р.), для того чтобы безжалостно убивать их. Я сделала даже больше этого!.. Я превратила, и сделала это для них, в убийцу моего сына Рамона, сына, которого я однажды увидела выходящим из дома Троцкого, связанного и окровавленного, не имеющего возможности подойти ко мне»⁴.

В книге Луиса Меркадера, младшего сына Каридад, «Мавр сделал своё дело» приводится её разговор с другим видным испанским коммунистом: «Нас обманули, Энрике... Это самый худший яд из всех существовавших. Я никогда не смогу к этому привыкнуть. У меня лишь одно желание, одна мысль: бежать, бежать подальше отсюда... Тебя лишают воли, заставляют убивать, а затем самого добивают ударом или выстрелом или сжигают на медленном огне, как меня сейчас»⁵.

В 1944 году К. Меркадер сумела добиться разрешения переехать во Францию, откуда она всего два раза приезжала в гости к сыновьям, проживавшим в Москве. Умерла она в Париже в 1975 году.

6. Рамон Меркадер

После убийства Троцкого судьба Р. Меркадера, действовавшего под псевдонимами Джексон и Жак Морнар, складывалась достаточно благоприятно. Его первым адвокатом стала кубинка Офелия Домингес, известный

юристу, выступавшая под легендой дальней родственницы обвиняемого. Берия объявил Судоплатову о решении не жалеть никаких денег для защиты Меркадера. Адвокаты должны были доказать, что убийство совершено на почве склок и интриг в троцкистском движении. В этом им активно помогал сам Меркадер, который упорно отрицал свою причастность к НКВД.

По словам Луиса Меркадера, во время пребывания Рамона в тюрьме на него было израсходовано около 5 миллионов долларов. Эти средства шли не только на оплату лучших адвокатов, но и на всемерное облегчение условий тюремного заключения, а также на содержание агентов в Мехико, которые осуществляли с Меркадером бесперебойную связь. Эти агенты через посредников были связаны с резидентурой в Нью-Йорке. Такая цепочка связи успешно действовала вплоть до конца 1943 года, когда после восстановления дипломатических отношений между СССР и Мексикой там стали действовать резидентуры советской внешней разведки, которым были переданы каналы связи с Меркадером.¹

После длительной и сложной юридической процедуры в различных судебных инстанциях страны суд Федерального округа Мехико в мае 1944 года вынес окончательный приговор: 20 лет тюремного заключения. Такова была высшая мера наказания в этой стране.

Пользуясь мягкостью мексиканской пенитенциарной системы, Меркадер получал большие суммы денег, на которые он «снял» в тюрьме роскошный отдельный «номер» со всеми удобствами, включая даже тогдашнюю новинку — телевизор.

Начиная с 1941 года на протяжении ряда лет с участием самого Меркадера разрабатывались различные варианты его побега из тюрьмы и тайной отправки его из Мексики. Для реализации таких планов складывалась временами крайне благоприятная обстановка. Так, весной 1945 года Меркадер в сопровождении своего адвоката выезжал в город к зубному врачу. Не застав врача, они провели в городе целый день. Поездка к врачу была повторена спустя два дня, причём на этот раз «узник» свободно прогуливался по городу без сопровождения адвоката. Новый, 1946 год ему было разрешено встретиться в доме своего приятеля, бывшего заключённого, с которым Рамон подружился в тюрьме. Из-за того, что возможности побега даже в таких условиях были упущены, «один агент, причастный к делу, высказал по этому поводу нашим работникам горькие и резкие упрёки, обвинив их в нерешительности, излишней перестраховке, в бессмысленной трате больших денег и т. п.»².

За попытками организовать побег из тюрьмы убийцы Троцкого тщательно следили британская и американская разведки. В 1941-1943 годах цензура США и Великобритании перехватила около 20 писем, циркулировавших по линии связи Нью-Йорк — Мехика и обратно, и раскрыла содержащиеся в них тайнопись и шифры. В результате этого было выяснено, что акция, направленная на организацию побега, готовится советскими резидентурами в Мехико и Нью-Йорке, а её участниками являются не менее двух десятков лиц разных национальностей, которыми руководят опытные разведчики, работающие под прикрытием представительств СССР в Нью-Йорке и Мексике. Были выяснены даже имена этих людей: секретарь посольства СССР в США Василий Зубилин (В. М. Зарубин), М. А. Шаляпин, Г. Б. Овакимян, Лев Тарасов (Л. П. Василевский) и Павел Кларин (П. П. Пастельняк)³. Двое последних были в 1941 году по представлению Берии награждены орденами за активное

участие в операции «Утка».

В 1946 году американская разведка организовала утечку сведений по этому делу в печать, где появились сообщения о том, что «заговор, который готовился в течение нескольких лет... окончился неудачей благодаря бдительности американских разведывательных органов»⁴. В начале 1946 года американские журналы «Нью Лидер» и «Тайм» сообщили, что в план организации побега убийцы была вовлечена некая женщина-коммунистка из Нью-Йорка, но американская и мексиканская полиция осуществили необходимые меры предосторожности, помешавшие реализации этого плана⁵.

Раскрытие планов побега не изменило комфортных условий пребывания Меркадера в тюрьме. С 1946 года его регулярно стала навещать индианка Ракелия Мендоса, снабжавшая его медикаментами и ежедневно приносившая ему в камеру домашние обеды. Вплоть до освобождения Меркадера она выполняла роль связника, а ещё во время его пребывания в тюрьме вступила с ним в брак и регулярно наносила ему супружеские визиты, которые были разрешены мексиканскими законами. Через Ракелию Меркадер пересылал письма родным в Москву.

На протяжении ряда лет мексиканские власти прилагали настойчивые усилия для обнаружения подлинного имени Меркадера. Уже в первые дни следствия судья обратился к профессору криминологии Альфонсо Куарону с просьбой провести медико-психологическое исследование личности убийцы. Используя различные психологические и медицинские тесты, Куарон дал много ценных данных о характерологических особенностях «Морнара», но не сумел найти никаких доказательств его идентичности.

Полиция установила, что убийца не является ни бельгийцем, ни французом, ни канадцем. Выйти на «испанский след» мешало то обстоятельство, что на протяжении ряда лет заключённый упорно заявлял, что не знает испанского языка и ни разу ничем не обнаружил своё знакомство с ним.

В 1945 году для защиты «Морнара» был нанят мексиканский адвокат Эдуарде Сенисерос. Меркадер назвал ему своё настоящее имя и изложил подлинные мотивы убийства. Как рассказал Сенисерос в 1975 году комиссии МКЧИ (Международного комитета Четвёртого Интернационала), Меркадер объяснял причину совершения им террористического акта тем, «что считал: в коммунистическом движении «не должно быть двух лидеров: Сталина и Троцкого, поскольку это разделяет марксистские силы»⁶. Разумеется, Сенисерос никому не сообщил, кем является на самом деле его подзащитный.

Первое доказательство идентичности Меркадера поступило от бывшего лидера ПОУМа Хулиана Горкина, проживавшего тогда в Мексике. Связавшись с другими испанскими изгнанниками, Горкин установил в 1947 году, что матерью убийцы была Каридад Меркадер, но ничего более конкретного о самом убийце не мог обнаружить⁷.

Несколько бывших членов интернациональных бригад опознали Меркадера по фотографиям и сообщили, что он получил в Испании рану в предплечье, следы которой были обнаружены на теле убийцы. Окончательную ясность внёс Куарон, во время своей поездки в Испанию в 1950 году раздобывший в тамошних полицейских архивах досье Меркадера с фотографией и отпечатками пальцев, взятыми после его ареста в 1935 году в Барселоне⁸. Вслед за этим были получены сведения о членах семьи Меркадера и месте их пребывания.

Когда в Мексику было доставлено из Испании полицейское досье Меркадера, его дальнейшее задержание

стало бессмысленным. Перед лицом неопровержимых улик Меркадер признал своё настоящее имя и своё происхождение из богатой испанской семьи. Но вплоть до своего освобождения он отказывался признать, что убил Троцкого по приказу из Москвы, по-прежнему подчёркивая личные мотивы убийства.

В определённых сталинистских кругах Меркадера рассматривали как героя. В кампанию его прославления включился известный кубинский поэт Николас Гильен, который в «Элегии о Жаке Морнаре» папетически писал:

*Суровым и жёстким он был,
Его голос угрюмым,
И его призвание было – быть сталью
(Не был. Есть.
Этот человек живёт и сейчас).
Он живёт.
Из стали.
Из стали создан он.
Сталь!
Он живёт.*

(Переведено мною с английского текста, который в свою очередь представляет перевод с испанского. – В. Р.).

Никто не смог документально доказать участие органов НКВД в убийстве Троцкого. Это стало очевидным только после освобождения Меркадера, отбывшего полностью свой тюремный срок. Незадолго перед выходом из тюрьмы ему был вручен чехословацкий паспорт. 6 мая 1960 года Меркадер был выпущен на свободу и в тот же день вылетел в Гавану. 7 мая он уже находился на борту теплохода, направлявшегося из Гаваны в Москву. Ещё через две недели он встречал в Москве Ракелию⁹. В Москве он получил советские документы на имя Рамона Ивановича Лопеса.

Председатель КГБ Шелепин направил Хрущёву докладную записку с предложениями о награждении Меркадера, предоставлении ему советского гражданства и решении вопросов его материально-финансового обеспечения. В этой записке «подвиги» Меркадера живописались следующим образом: «В силу своей безграничной преданности делу коммунизма и Советскому Союзу в период следствия и судебного разбирательства, а также на протяжении почти 20-летнего пребывания в тюрьме в условиях не прекращавшейся против него кампании угроз и провокаций, проявил смелость, стойкость и высокую идейность, присущие настоящему коммунисту, и сохранил в тайне свою связь с органами государственной безопасности Советского Союза».

На основе этой записки 31 мая был подписан указ Президиума Верховного Совета СССР, в котором говорилось: «За выполнение специального задания и проявленные при этом героизм и мужество присвоить тов. Лопесу Рамону Ивановичу звание Героя Советского Союза с вручением ему ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». В печати этот указ, разумеется, не был опубликован. 8 июня Председатель Президиума Верховного Совета СССР Брежнев вручил в Кремле Меркадеру высшую правительственную награду Советского Союза¹⁰.

По личному ходатайству Долорес Ибаррури и по специальному решению ЦК КПСС Меркадер был зачислен на должность старшего научного сотрудника в Институт марксизма-ленинизма, где он занимался историей гражданской войны в Испании. Кроме должностного оклада он получал пенсию от КГБ. Ему была предоставлена четырёхкомнатная квартира в Москве и подмосковная государственная дача. Ещё при жизни Меркадера его новое имя (Лопес) было выгравировано на почётной мраморной плите в вестибюле здания КГБ.

Тем не менее обласканный советскими властями Меркадер временами проявлял спропигивость. Когда он приехал в Советский Союз, то первым делом спросил, где находится сейчас Леонид Копов (Эйтингон), и был изумлён, узнав, что его наставник и непосредственный руководитель содержится в тюрьме. В течение 60-х годов Меркадер неоднократно обращался в ЦК и КГБ с просьбами об освобождении Эйтингона и Судоплатова. Он сумел дойти даже до Сулова, который заявил ему: «Мы решили для себя судьбу этих людей раз и навсегда. Не суйте нос не в свои дела»¹¹.

В начале 70-х годов Меркадер заявил, что он и его жена тяжело переносят местный климат. Узнав об этом, «кубинские друзья» пригласили его в свою страну, предложив ему работать в качестве консультанта по вопросам трудового воспитания в системе МВД. В конце 1973 года на Кубу выехала Ракелия с детьми. Спустя год к ним присоединился Меркадер. Он скончался в этой стране 18 ноября 1978 года. Согласно его воле, урна с его прахом была захоронена на московском кладбище. В 1987 году на могиле появилась гранитная плита с выгравированной на ней золотыми буквами надписью «Лопес Рамон Иванович, Герой Советского Союза».

Семье Меркадера учредили пенсии с выплатой в валюте: Ракелии пожизненно, а детям — до достижения совершеннолетия. В Москве из родных Меркадера остался только его младший брат Луис, который сумел вернуться в Испанию только в 80-х годах. Там он стал работать преподавателем Мадридского университета и выпустил книгу о своём брате.

В беседе с корреспондентом «Известий» Л. Меркадер заявил, что в Москве много раз мысленно садился за эту книгу, но всякий раз останавливал себя. «Почему?» — «Отвечаю искренне: я боялся, боялся КГБ, его длинных рук, боялся, что меня никогда не выпустят на родину — ведь я знал очень много»¹².

V

Идеологическая подготовка покушения

Неустанная подготовка к проведению операции «Утка» шла одновременно в нескольких странах. Были созданы два террористических центра – в Париже и в Нью-Йорке. Берия распорядился, чтобы Судоплатов и Эйпингтон немедленно отправились в Париж для оценки группы террористов, направляемой в Мексику. В Париже активную помощь им оказывал «важный агент» под кодовой кличкой Гарри – англичанин Моррисон, член так называемой особой террористическо-диверсионной группы Серебрянского, сыгравший ключевую роль в похищении архивов Троцкого в ноябре 1936 г. Моррисон имел связи с парижской полицией и добывал подлинные полицейские бланки и печати для подделки паспортов и видов на жительство, что позволяло советским агентам осесть во Франции.¹

В начале войны в Европе была перестроена схема связи с агентами, находящимися в Мексике. Из прежнего плана была исключена Франция, а посреднический пункт был организован в США.

В 1938 году Руби Вайль, знавшая Сильвию Агелофф с начала 30-х годов, когда они обе работали в Американской рабочей партии, предложила сопровождать Сильвию в поездке в Европу, куда последняя отправлялась для участия в Учредительном конгрессе IV Интернационала. В июне этого года Вайль познакомила Сильвию с Меркадером. В январе 1939 года Сильвия Агелофф покинула Париж и возвратилась в США.²

В октябре 1939 г. в Нью-Йорк прибыл Эйпингтон, основавший в Бруклине импортно-экспортную фирму, которая использовалась как центр связи и как «крыша» для Меркадера. Теперь Меркадер, прибывший в сентябре 1939 года в Нью-Йорк и через три недели после этого направившийся в Мексику, мог совершать поездки в Нью-Йорк для встреч с Эйпингтоном.³

Меркадер прибыл в США с канадским паспортом на имя Фрэнка Джексона. Этот паспорт принадлежал гражданину Канады, натурализованному югославу Тони Бабичу, погибшему в испанской войне. Такой способ внедрения агентов в различные страны НКВД широко использовал с начала гражданской войны в Испании. У всех интбригадовцев отбирались паспорта, которые затем передавались шпионам, забрасываемым в соответствующие страны.

В январе 1940 года в Мехико приехала Сильвия Агелофф, в течение двух месяцев работавшая секретарём у Троцкого. Ежедневно «Джексон» подвозил её к дому Троцкого, а вечерами ожидал её у ворот виллы, беседа с наружными и внутренними охранниками. В марте 1940 года Агелофф вернулась в Нью-Йорк.

Во время пребывания Сильвии в Мехико она спросила «Джексона», где помещается офис, в котором он работает. «Джексон» назвал комнату 820 в одном из крупных офисных домов. Сильвия послала туда Маргариту Росмер, которая эту комнату не обнаружила. Тогда «Джексон» назвал другой номер комнаты, в которой находился мальчишка-курьер, подтвердивший, что «Джексон» действительно там бывает. Впоследствии

выяснилось, что эта комната использовалась также и Сикейросом⁴.

Поскольку с внедрением «Раймонда» (кодовая кличка Меркадера в НКВД) в окружение Троцкого ничего не получалось, то, по словам Эйпингона, решено было организовать вооружённый налёт на дом Троцкого. Для проведения налёта были подобраны через Сикейроса необходимые люди. Сам Эйпингон не встречался с участниками операции и всю работу проводил через Сикейроса⁵.

Покушению предшествовала интенсивная идеологическая подготовка, за ходом которой Троцкий тщательно следил по сообщениям коммунистической газеты «Ля Вое де Мехико», органа Мексиканской конфедерации труда «Эль Популар» и ломбардистского журнала «Футуро». 2 июля 1940 года он заявил на суде, что с особой уверенностью ожидал покушения с начала 1940 года. Объясняя причины этого, он указал, в частности, на состоявшийся в марте этого года съезд Коммунистической партии Мексики, провозгласивший курс на истребление «троцкизма». Этому съезду предшествовал кризис руководства партии, начавшийся в ноябре-декабре 1939 года. «Неизвестно кем был выработан особый документ, так называемые «Материалы для дискуссий», опубликованные в «Ля Вое» 28 января и представлявшие анонимный обвинительный акт против старого руководства (Лаборде, Кампо и др.), виновного будто бы в «примирительном» отношении к троцкизму»⁶.

В июле 1978 года Валентине Кампо сообщил на страницах французской газеты «Юманите», что официальный эмиссар Коминтерна, специально прибывший в Мексику из Европы, предложил ему организовать террористический акт против Троцкого. После того как Кампо отказался выполнить эту директиву, он был исключён из партии⁷.

Не зная о конкретной причине изгнания Кампо, Троцкий тем не менее писал: «Сейчас совершенно очевидно, что переворот внутри коммунистической партии был тесно связан с данным из Москвы приказом о покушении. Вероятнее всего, ГПУ напикнулось на известное сопротивление среди руководителей компартии, которые привыкли к спокойной жизни и могли бояться очень неприятных политических и полицейских последствий покушения. Именно в этом лежат, очевидно, источник обвинения против них в «троцкизме». Кто возражает против покушения на Троцкого, тот, очевидно... «троцкист»⁸.

Предвестие гоповящегося покушения Троцкий видел и в том, что некая анонимная комиссия, действовавшая внутри Мексиканской компартии, отстранила от работы весь Центральный Комитет партии, избранный на предшествующем съезде, а прения по вопросу «Борьба против троцкизма и других врагов народа», как явствовало из отчёта о съезде в «Ля Вое де Мехико», происходили не на открытых заседаниях съезда, как по другим вопросам повестки дня, а на закрытом заседании особой комиссии⁹. Что же касается открытого доклада мартовскому съезду, сделанному членом ЦК Сальгадо, то он, по словам Троцкого, «превозмог все рекорды лжи, установленные международным сталинизмом. Побеждая брезгливость, приведу несколько образцов: «Правительство Карденаса разрешило въезд Троцкого вопреки мнению рабочих организаций; это дало Троцкому возможность создать в нашей стране руководящий центр его интернациональной организации шпионажа на службе всех контрреволюционных сил... да послужит это нам примером, чтоб усилить нашу борьбу против троцкизма и чтоб изгнать шефа этой банды шпионов из нашей страны»¹⁰.

За этим последовал новый взлёт клеветнической кампании, отличавшейся от предшествующих лишь тем, что до заключения блока Сталина с Гитлером Троцкий изображался в сталинистской печати не иначе как со свастикой, а после вхождения Красной Армии в Финляндию он был внезапно превращён теми же органами печати в агента Соединённых Штатов.

Первого Мая по улицам Мехико прошла инспирированная сталинистами демонстрация под лозунгами «Троцкого — вон!». В тот же день «Ля Вое» опубликовала манифест компартии к народу, который гласил: «Иностранцы шпионы и провокаторы должны быть изгнаны из страны, и в первую очередь их самый злобный и опасный главарь: Лев Троцкий»¹¹. Однако большинство трудящихся страны не пошло за коммунистами и ломбардистами, продолжая сохранять симпатии к Троцкому. В этой связи Троцкий писал: «Первоначальный широкий план: добиться массового движения за изгнание Троцкого из Мексики, потерпел полное крушение. ГПУ пришлось встать на путь террористического акта. Но необходимо было попытаться подготовить к этому акту общественное мнение. Так как ГПУ не собиралось признать своё авторство в убийстве, то необходимо было связать террористический акт с внутренней политической борьбой в Мексике»¹².

Благоприятную обстановку для этого создавала начавшаяся кампания по выборам президента республики. Сталинисты и ломбардисты стали изображать Троцкого спорщиком реакционного генерала Альмазана, что не помешало им позже приписать альмазанистам организацию покушения. «В строгом соответствии со всей системой ГПУ, — писал Троцкий, — забота о том, чтобы направить следствие на ложный след, включена была уже в самый план покушения. Связывая полицейских, покушавшиеся кричали: «Да здравствует Альмазан!»... Эти люди руководствуются в своей деятельности тем правилом, которое Сталин применял раньше, чем его формулировал Гитлер: «чем грубее ложь, тем скорее ей поверят»¹³.

Изображая Троцкого «врагом мексиканского народа», «Ля Вое» 24 декабря 1939 г. обвинила его в том, что он «вмешивается в дела Латинской Америки на стороне империалистических государств». Эта кампания достигла особого остроты в дни, непосредственно предшествующие бандитскому налёту на дом Троцкого. Приводя соответствующие выдержки из номера «Ля Вое» от 19 мая 1940 года, Троцкий замечал: «Так пишут люди, которые собираются завтра сменить перо на пулемёт. Редакция «Ля Вое» знала о предстоящем покушении и готовила к нему общественное мнение партии и сочувствующих кругов»¹⁴.

На основании анализа статей сталинистских газет Троцкий писал: «ГПУ одновременно готовило — по разным каналам — и конспиративный заговор, и политическую защиту, и дезинформацию следствия»¹⁵.

По свидетельству Робинса, примерно за 10 дней до 24 мая Троцкий собрал повара из охраны и сказал им, что истерическая кампания по его дискредитации достигла апогея — с тем чтобы оправдать его предстоящее убийство в глазах общественного мнения.¹⁶

VI

Покушение в ночь на 24 мая

В распоряжение банды Сикейроса резидентура НКВД передала немало материалов, которые должны были обеспечить чёткую ориентацию налётчиков на территории виллы.

Перебежавший после войны на Запад шифровальщик НКВД В. Петров сообщил, что он имел возможность ознакомиться с одним из досье по убийству Троцкого. Это была толстая папка, содержащая снимки, сделанные внутри сада и виллы и изображавшая заборы, охранников, Троцкого с женой, Троцкого, пьющего чай с друзьями, и многое другое. Эти снимки были сделаны агентами НКВД, в разное время внедрёнными в окружение Троцкого. Наиболее важным таким агентом, как заметил Петров на основании знакомства с досье, была женщина-секретарь, завербованная ещё во время пребывания Троцкого в Норвегии.¹

Данный факт подтвердил впоследствии Судоплатов, назвавший имя этой женщины – Мария де Лас Эрас. Помимо плана виллы, тайно переправленного ею в Москву ещё до её отъезда из Мексики (из-за её связей с Орловым, который, по мнению руководителей операции, мог разоблачить её), она дала характеристику телохранителей Троцкого и тщательный анализ деятельности его секретариата. Вся эта важная информация была направлена Судоплатовым Эйлингону, который в свою очередь передал её Сикейросу.²

Хорошо зная о неприглядных действиях Сикейроса во время его пребывания в Испании, Троцкий, по словам Н. И. Седовой, ожидал, что этот авантюрист примет активное участие в покушении.

Около 4 часов утра 24 мая примерно 20 человек в форме мексиканских полицейских и военнослужащих напали на виллу Троцкого. Они бесшумно разоружили и связали полицейских наружной охраны и вызвали звонком дежурившего в это время внутреннего охранника Роберта Шеддона Харпа. Харп открыл калитку и впустил налётчиков во двор. Они отключили звуковую сигнализацию, схватили и изолировали в закрытых помещениях нескольких охранников, а других членов охраны отрезали от дома пулемётным огнём. Группа нападавших устремилась к дому, заняла с двух сторон позиции напротив спальни Троцкого и открыла перекрестный огонь из ручного пулемёта и стрелкового оружия. Весь налёт продолжался 10-15 минут, в течение которых нападавшие выпустили из автоматического оружия более трёхсот пуль. После этого бандиты захватили две машины, принадлежащие охране Троцкого, и, уезжая, бросили в дом зажигательные снаряды, вызвавшие пожар, который Троцкий и его жена смогли потушить. Помимо этого у дверей спальни была оставлена зажигательная бомба, начиненная полутора килограммами динамита. Взрывное устройство бомбы не сработало из-за какой-то технической неисправности. Следствие установило, что заложенная в ней сила взрыва была такова, что могла снести весь дом до основания.³

Описывая действия нападавших, Троцкий обращал внимание на исключительно высокую технику покушения. «Убийство не удалось, – писал он, – вследствие одной из тех случайностей, которые входят неизбежно

элементом во всякую войну. Но подготовка и выполнение покушения поражают своей широтой, обдуманностью и тщательностью. Террористы прекрасно знают расположение дома и его внутреннюю жизнь. Они достают полицейское обмундирование, оружие, электрическую пилу, морские лестницы и пр. Они с полным успехом связывают внешнюю полицейскую охрану, парализуют внутреннюю стражу правильной стратегией огня, проникают в помещение жертвы, стреляют безнаказанно в течение трёх-пяти минут, бросают зажигательные бомбы и покидают арену нападения без следов. Такое предприятие не под силу частной группе. Здесь видна традиция, школа, большие средства, широкий выбор исполнителей. Это работа ГПУ»⁴.

Руку ГПУ (НКВД) Троцкий видел и в том, что нападавшие имели несколько зажигательных снарядов, два из которых они бросили в комнату внука. «Участники покушения преследовали, таким образом, не только убийство, но и поджог. Единственной целью их могло быть при этом уничтожение моих архивов. В этом заинтересован только Сталин, так как архивы имеют для меня исключительную ценность в борьбе против московской олигархии... Зажигательные снаряды представляют собою, таким образом, нечто вроде визитной карточки Сталина»⁵.

Троцкий и его жена сумели спастись только потому, что Наталья Ивановна увлекла мужа в дальний угол спальни и заставила его лечь на пол. Троцкий считал, что они «помогли счастливому случаю тем, что не потеряли голову, не метались по комнате, не кричали, не звали на помощь, когда это было бы безнадежно, не стреляли, когда это было бы безрассудно, а молча лежали на полу, притворяясь мертвыми»⁶.

Объясняя неудачу покушения, Судоплатов подчёркивал, что «группа захвата не была профессионально подготовлена для конкретной акции... В группе Сикейроса не было никого, кто бы имел опыт обысков и проверок помещений или домов»⁷. Нападавшие не являлись прямыми агентами НКВД, их подобрал Сикейрос только для участия в данной операции.

VII

Роль Роберта Шелдона Харта

Через час после покушения на виллу Троцкого прибыл начальник секретной службы национальной полиции Мексики полковник Санчес Салазар, который возглавил следствие по делу о покушении.

Одним из самых загадочных аспектов налёта, осложнивших следствие, была роль Роберта Шелдона Харта, двадцатипрехлетнего охранника из США, всего полтора месяца назад прибывшего в Койокан. В момент нападения Харт охранял ворота, которые он не должен был открывать никому без разрешения Гарольда Робинса. Однако он открыл калитку нападавшим, вместе с которыми покинул виллу после налёта.

Напалья Ивановна вспоминала, что «вскоре по приезде к нам Шелдон получил урок от Льва Давидовича. У нас производился ремонт, каждые 15-20 минут надо было оппирать ворота, чтоб выпустить рабочего с тачкой на улицу и потом впустить его обратно. Боб (так они звали Харта. – В. Р.) был увлечён постройкой клетки (для птиц), чтоб не отрываться от работы, он давал ключ от ворот рабочему. Это не ускользнуло от внимания Л. Д. Последний объяснил ему, что это очень неосторожно со стороны Боба, и прибавил: «Вы, первый, можете оказаться жертвой своей неосторожности!»¹ Однако Седова полагала, что этот случай свидетельствовал лишь о легкомыслии молодого охранника.

Фанни Янович, русская секретарша Троцкого, помогавшая ему в работе над книгой «Сталин», рассказывала, что Харт спрашивал её каждый день, как продвигается эта работа, что Троцкий написал нового о Сталине. По её словам, за день до нападения Харт вёл себя крайне нервно.² После налёта один из полицейских сообщил, что видел, как Харт шёл через ворота, протеспуя, но не сопротивляясь, поддерживаемый под руки двумя налётчиками.³ Впоследствии один из участников налёта заявил на следствии, что видел Харта, говорящего «в нервной, но дружеской манере» с «французским евреем», следы которого никогда не отыскались.⁴

Судьбой Харта заинтересовалось американское консульство в Мексике. Через час после налёта, по распоряжению консула США Шоу, сотрудник консульства Мактрегор посетил Троцкого и беседовал с ним. На следующий день состоялась беседа Шоу с Троцким, который выразил готовность оказывать помощь американским властям в выяснении судьбы Харта.

Вскоре после налёта в Мехико прибыл отец Харта, преуспевающий бизнесмен, бывший другом директора ФБР Гувера. Он сообщил, что Харт никогда не испытывал симпатий к Троцкому, а, напротив, был спорщиком Сталина. В нью-йоркской квартире Шелдона Харта был обнаружен большой портрет Сталина.⁵ Известно было также, что Шелдон в прошлом был членом официальной Коммунистической партии США. В его комнате Робинс нашёл испано-английский словарь с подписью Сикейроса.

Салазар был убеждён, что Харт был в сговоре с бандитами и уехал с ними по собственной воле. Троцкий же упорно отказывался верить в вину Харта. «Если бы Шелдон был агентом ГПУ, – говорил он, – то он имел бы

возможность убить меня ночью без всякого шума и скрыться, не приводя в движение 20 человек, которые все подвергались большому риску... Поэтому я с самого начала заявил себе самому и своим друзьям, что я буду последним, который поверит в участие Шелдона в покушении»⁶.

На протяжении месяца полиция разыскивала Харта. 25 июня его тело с пулей в затылке было найдено во дворе дома, который арендовали участники покушения, родственники и друзья Сикейроса. Вслед за этим вновь возникли две версии. Салазар настаивал на том, что Харт был агентом ГПУ, убитым своими соучастниками из-за опасения, что он может рассказать лишнее, если попадёт в руки полиции. Троцкий оставался убеждённым в том, что Харт «был не участником покушения, а жертвой его»⁷.

Во время следствия арестованные участники покушения подтвердили версию Салазара и рассказали, что Харта подкупил некий «французский еврей», который был известен им под кличкой Филипп.

Диего Ривера рассказывал советскому журналисту Папорову, что этим «французским евреем» был Г. Рабинович, который находился среди налётчиков вместе с подчинённым ему Витторио Видали, известным ипальянским коммунистом, действовавшим в Испании и Мексике под испанским именем⁸.

Виктор Серж, находившийся во время покушения в Мексике и тщательно изучивший материалы следствия, считал вторым по значению (после Сикейроса) руководителем покушения иностранца-еврея, превосходно говорящего по-французски, который появился во время атаки на автомобиле, чтобы убедиться, что операция прошла успешно⁹.

В литературе, посвящённой покушению на Троцкого, вопрос о роли Харта долгие годы служил предметом дискуссий. Даже Судоплатов в своих предсмертных воспоминаниях излагал версию, согласно которой Григулевич, подружившийся с Хартом, на рассвете 24 мая постучал в ворота виллы. Узнав его голос, «Харт допустил непростительную ошибку — он приоткрыл ворота, и группа Сикейроса ворвалась в резиденцию Троцкого... Харт был ликвидирован, поскольку знал Григулевича и мог нас выдать»¹⁰.

Рассекреченные недавно документы НКВД показали, что правда лежала посредине между версиями Салазара и Троцкого. Харт был завербован в Нью-Йорке резидентурой НКВД и значился в её досье под кличкой Амур. Когда он был направлен в Мексику американскими троцкистами, то получил от сталинской агентуры данные для установления контактов с тамошней резидентурой НКВД¹¹. Эти факты совпадают с конфиденциальным сообщением Григулевича, который спустя много лет после событий в Койокане рассказал Папорову, что Харта завербовал в Нью-Йорке Григорий Рабинович¹².

Однако Харт, согласившийся выполнять шпионско-агентурные задания НКВД, по-видимому, не предполагал, что НКВД планирует убийство Троцкого. Поэтому, открыв ворота и увидев банду налётчиков, он сделал всё, что мог, чтобы помешать довести до конца её злоешие планы. Это следует из заявления Эйпингтона во время его допроса, проведённого 9 марта 1954 года. «Во время операции было выявлено, что Шелдон оказался предателем, — заявил Эйпингтон. — Хотя он и открыл дверь калипки, однако в комнате, куда он привёл участников налёта, не оказалось ни архива, ни самого Троцкого. Когда же участники налёта открыли стрельбу, Шелдон заявил им, что если бы знал всё это, то он, как американец, никогда не согласился бы участвовать в этом деле. Такое поведение

послужило основанием для принятия на месте решения о его ликвидации. Он был убит мексиканцами»³.

VIII

Версия о самопокушении

Седова вспоминала, что Троцкий принимал самое активное участие в следствии по делу о покушении. «Вялый ход его беспокоил Л. Д. чрезвычайно. Терпеливо и неутомимо он следил за ним, разъяснял положение дела и суду и печати, делал сверхъестественное усилие над собой, чтобы опровергать очевидную и безнадежную ложь или злонамеренные двусмысленности, и делал всё это со свойственным ему напряжённым вниманием, от которого не ускользала ни одна мелочь... И уставал. Спал плохо всё с теми же мыслями, с ними же и просыпался. Я слышала, как иногда наедине с собой, из внутренней глубины своей, Лев Давидович говорил: «устал... устал»¹.

С одинаковым вниманием Троцкий следил и за следственными действиями полиции, и за выступлениями сталинистской печати.

До конца мая полиции не удавалось напасть на след преступников. Это обстоятельство вынуждало сталинистскую печать на первых порах выступать с осторожными заявлениями. В ближайшие дни после покушения орган Толедано — газета «Эль Популар» поместила на первой странице заголовок, набранный крупным шрифтом: «Покушение на Троцкого — покушение против Мексики». Передовая статья под тем же заглавием требовала строжайшего расследования и наказания преступников, «независимо от их политического направления и от той иностранной державы, с которой они связаны». Редакция стремилась этим создать впечатление беспристрастного и патристического негодования и отделить себя от убийц, которые могли в ближайшие дни оказаться в руках полиции. Однако призыв искать преступников независимо от той державы, с которой они были связаны, получил в статье ограничительное толкование, поскольку в ней с возмущением утверждалось, что «враги Мексики» будут приписывать покушение Сталину.

Когда со времени покушения прошло три дня, опасность ареста главных участников налёта могла считаться устранённой, поскольку за этот срок они сумели перебраться за границу по заранее заготовленным фальшивым паспортам. Тогда инсинуации коммунистической и ломбардийской прессы, поначалу осторожные, стали принимать всё более смелый и вызывающий характер. 27 мая «Эль Популар» поместила передовую, в которой говорилось: «Покушение каждый день возбуждает всё больше сомнений и кажется более подозрительным и менее логичным... Троцкий открыл войну народов против Мексики. Поэтому покушение против него есть акт международного шанпажа». Статья приписывала покушение американским империалистам, стремящимся к интервенции в Мексике и опирающимся в этих попытках на своего агента — Троцкого. Газета «Националь», в которой сталинисты также играли ведущую роль, заявила, что Троцкий подвергся «театральному» (!) покушению в своём доме².

Первого июня «Ля Вое де Мехико» писала: «События, имевшие место недавно в Мексике, были ловко подстроены ничтожным Троцким и его бандой». Так родилась версия «самопокушения», в которой Троцкий

усматривал «несомненный элемент сумасшедшего дома»: наглость и безнаказанность легко доходят до грани безумия. Но в этом безумии есть система, неразрывно связанная с именем ГПУ»³.

Версия «самопокушения» была изложена в официальном письме Ломбарде Толедано министру внутренних дел Мексики, где утверждалось, что покушение на Троцкого являлось обманчивой игрой и что Троцкий виновен в шпионаже в пользу иностранных держав. Эта версия была подхвачена реакционной американской газетой «Nation», которая опубликовала статью под заголовком «Мошеннический заговор в Мексике»⁴.

Кампания проталинской прессы в сочетании с ещё более циничной устной агитацией и закулисными маневрами, проводимыми Толедано и его союзниками, оказала неблагоприятное воздействие на ход следствия: полиция была отвлечена на ложный путь на несколько дней, за которые ведущие участники покушения смогли покинуть пределы страны.

28 мая следственные органы уже были наведены на версию «самопокушения», о чём свидетельствовал резкий поворот, происшедший в ориентации следствия и в отношении полиции к ближайшему окружению Троцкого. 30 июня были арестованы 4 человека: секретари и охранники Отто Шюсслер и Чарльз Коронель, ответственные за связь с властями и друзьями Троцкого в Мехико, а также мексиканец Сендехас и чех Базан, молодые друзья Троцкого, посетившие его дом для выражения своего сочувствия. Целью этих арестов было добиться полной изоляции Троцкого, пресечь его связи с внешним миром. От арестованных членов охраны полицейские требовали признать, что Троцкий приказал им произвести «автопокушение», бросая при этом издевательские реплики по адресу Троцкого, его жены и его сотрудников⁵.

После этих событий, писал Троцкий, «нас сразу окружила атмосфера враждебности. В чём дело? Мы недоумевали. Этот поворот не мог совершиться самопроизвольно. Он должен был иметь конкретные императивные причины. Никакого подобия фактов или данных, которые могли бы оправдать подобный поворот, следствие не обнаружило и обнаружить не могло. Я не нахожу другого объяснения повороту, кроме чудовищного давления аппарата ГПУ, опирающегося на всех своих «друзей». За кулисами следствия совершился подлинный *coup d'état*. Кто руководил им?»⁶.

Через неделю после покушения возмущенный Троцкий обратился с письмом к Карденасу, в котором говорилось:

«Г. Президент!

В конце 1936 г., в минуту крайней опасности не только для моей жизни, но и для моей политической чести, я обратился к Вам из далёкой Норвегии, и Вы оказали мне великодушие, гостеприимство. Сейчас, в крипическую минуту, когда полицейские власти Мексики совершают явную ошибку и явную несправедливость по отношению к моим сотрудникам и ко мне, я вынужден снова апеллировать непосредственно к Вам. Мой дом подвергся атаке банды ГПУ. Генерал Нуñez (начальник мексиканской полиции. — В. Р.) объявил мне от Вашего имени, что полиция сделает всё для раскрытия преступления. Ничего другого я, разумеется, и не мог ожидать от руководимых Вами властей. Однако я должен с огорчением констатировать, что отношение полиции к делу резко изменилось за последние три дня. То обстоятельство, что нападавшим, несмотря на приведённую ими в движение огромную

машину убийств, не удалось убить меня, косвенно как бы ставится мне в вину...

Г. Президент, этот образ действий не нов. Когда банда норвежских фашистов совершила в 1936 году нападение на мой дом, чтобы похитить мои архивы и, если возможно, меня самого, норвежские власти начали с ареста преступников, но затем пошли по линии наименьшего сопротивления: объявили атаку фашистов «шуткой» и арестовали меня и мою жену. Несколько месяцев назад авторы «шутки» помогли Гиплеру овладеть Норвегией.

Следствие вступило на ложный путь. Я не боюсь сделать это заявление, ибо каждый новый день будет опровергать постыдную гипотезу самопокушения и компрометировать её прямых и косвенных защитников»⁷.

Вынужденный опровергать ложную и нелепую версию, Троцкий писал: «если даже допустить невозможное, именно, что... я решил организовать «авпокушение» во имя неизвестной цели, то остаётся ещё вопрос: где и как я достал 20 исполнителей? Какими путями обмундировал их в полицейскую форму? Вооружил их? Снабдил всем необходимым? И пр. и пр. Иначе сказать, каким образом человек, живущий почти совсем изолированно от внешнего мира, умудрился выполнить предприятие, которое под силу только могущественному аппарату?»⁸

Получив письмо Троцкого, Карденас распорядился немедленно освободить его друзей и соратников и направить следствие на разработку более правдоподобных версий покушения. Вскоре Салазар сумел узнать, что несколько недель назад кто-то просил у одного из следователей полиции раздобыть несколько комплектов полицейской формы. Допрошенный следователь назвал имя человека, который разыскивал полицейскую форму. Им оказался член МКП Луис Мартинес. Тот в свою очередь сознался, что его просил достать комплекты полицейской формы член ЦК МКП Серрано Андонети. После этого был произведён ряд обысков, позволивших выявить почти всех участников налёта. Более 20 человек были арестованы. Они назвали руководителя операции – Сикейроса, раздававшего полицейскую форму и оружие и самолечно возглавлявшего налёт, будучи одетым в форму майора полиции⁹.

25 июня второстепенные участники налёта были освобождены. Девять человек были приговорены к тюремному заключению. Но, как сообщила 16 июня нью-йоркская «Таймс», «полиция ищет четырёх человек», которых считают организаторами покушения»¹⁰.

Тем не менее «Эль Популяр» опубликовала статью, в которой утверждалось, что единственным настоящим преступником был Шелдон Харп. «За покушение, – говорилось в статье, – ответственна банда неконтролируемых элементов и агентов-провокаторов. Само присутствие Троцкого в Мексике представляет собой акт провокации против Мексиканской компартии и против самой Мексики»¹¹.

23 июня, когда имена главных участников покушения были выяснены, руководство Мексиканской компартии выпустило заявление, ставившее задачей полностью отмежеваться от налётчиков. В нём говорилось, что «множество лиц оказываются прямо или косвенно замешанными, среди них Давид Альфаро Сикейрос, на которого указали как на руководителя нападения... Коммунистическая партия Мексики заявляет категорически, что никто из участников провокации не является членом партии, что всё это элементы безответственные и агенты-провокаторы». В то же время некоторые партийные деятели во время следствия пытались

реанимировать версию «самопокушения». Так, член политбюро МКП Серрано Андонети заявил, что Троцкий давал Сикейросу деньги не то на издание какого-то журнала, не то... на организацию «автопокушения»¹².

IX

«Коминтерн и ГПУ»

Сразу же после того, как в мировой печати появились сообщения о неудаче покушения, Судоплатов был вызван на дачу Берия. «Берия был взбешён, — вспоминал об этой встрече Судоплатов. — Глядя на меня в упор, он начал спрашивать о составе одобренной мною в Париже группы и о плане уничтожения Троцкого. Я ответил, что... ожидаю подробного отчёта из Мексики по радиоканалам через день-два»¹.

После этого Берия и Судоплатов отправились к Сталину на близкую дачу. Сталин подтвердил своё прежнее решение, заявив: «Акция против Троцкого будет означать крушение всего троцкистского движения. И нам не надо будет тратить деньги на то, чтобы бороться с ними и их попытками подорвать Коминтерн и наши связи с левыми кругами за рубежом. Приступите к выполнению альтернативного плана, несмотря на провал Сикейроса, и пошлите телеграмму Эйтингону с выражением нашего полного доверия».

Судоплатов подготовил текст такой телеграммы, закончив её словами: «Павел шлёт наилучшие пожелания». Павел — кодовое имя Берия².

Ещё через два дня был получен краткий отчёт Эйтингона о неудаче покушения. Эйтингон сообщал, что готов приступить к осуществлению альтернативного плана с участием Меркадера.

Восьмого июня Берия направил Сталину и Молотову копию более подробного донесения Эйтингона, в котором говорилось: «О нашем несчастье вы знаете из газет подробно... Пока все люди целы, и часть уехала из страны... Принимая целиком на себя вину за этот кошмарный провал, я готов по первому Вашему требованию выехать для получения положенного за такой провал наказания»³.

В заключении «Центра» по поводу налёта Сикейроса говорилось: «Мексиканской полиции удалось раскрыть все обстоятельства подготовки и совершения покушения, а также установить многих исполнителей»⁴.

Пока начал проводиться в жизнь второй вариант террористического плана, мексиканская сталинистская пресса продолжала публиковать инсинуации о Троцком. Уже после того, как полиция нашла след действительных убийц, 29 мая «Эль Популар» напечатала декларацию Коммунистической партии, которая требовала не наказания террористов, а высылки Троцкого из страны⁵.

Всё это побудило Троцкого приступить к более активным действиям по разоблачению лжецов и провокаторов. 1 июня перед группой журналистов он обвинил Сталина и НКВД в организации покушения и заявил, что «следующее покушение на мою жизнь неизбежно»⁶. В тот же день он опубликовал в мексиканских газетах письмо президенту республики, в котором называл Толедано моральным соучастником покушения и обвинил газеты «Ля Вое де Мехико», «Эль Популар» и журнал «Футуро» в том, что они получают денежные средства от Советского правительства⁷. «Футуро» и «Эль Популар» немедленно возбудили против Троцкого иск о клевете. На слушаниях этого дела Троцкий подтвердил своё утверждение, что названные им издания являются

полуофициальными органами НКВД и пользуются его материальной поддержкой⁸. После этого «Ля Вое де Мехико» также обратилась к прокуратуре с требованием привлечь Троцкого к юридической ответственности за «диффамацию».

На протяжении июня-июля Троцкий продолжал встречаться с сотрудником американского консульства Макгрегором, которому он рассказал о свидетельствах, собранных им по делу о покушении. Он сообщил Макгрегору названия сталинистских изданий в Мексике, а также имена политических и рабочих лидеров и правительственных чиновников, связанных с Мексиканской компартией. В частности, он заявил, что в ЦК этой партии работает один из ведущих агентов Коминтерна — Карлос Контеро* (псевдоним Виппорио Видали) и Энрике Мартинес Ригги, имевший прямые связи с Москвой и возглавлявший чистку МКП весной 1940 года⁹.

Готовясь к новому судебному расследованию, Троцкий написал свою последнюю крупную статью «Коминтерн и ГПУ», которую он завершил 17 августа, т. е. за три дня до покушения Меркадера.

Публикуя посмертно эту статью, редакция «Бюллетеня оппозиции» назвала её «самым драматическим документом политической литературы современности: в нём человек объясняет нам, почему его должны убить, обнажает нити интриги, всё теснее его обволакивающие, разоблачает мотивы убийцы»¹⁰.

В этой статье Троцкий описывал политическое перерождение Коминтерна, закономерно повлекшее коррумпирование его секций и особенно их «вождей». «В первый период советского режима, — писал он, — когда революция шла от опасности к опасности, когда все силы уходили на гражданскую войну с её свиппой голода и эпидемий, к Октябрьской революции и Коминтерну примыкали в разных странах наиболее смелые и бескорыстные революционеры. Из этого первого революционного слоя, который делом доказал свою верность Октябрьской революции в трудные годы, не осталось сейчас в Коминтерне буквально ни одного человека. Путём непрерывных исключений, материального давления, прямого подкупа, чисток и расстрелов тоталитарная клика Кремля окончательно превратила Коминтерн в своё покорное орудие. Нынешний руководящий слой Коминтерна, как и отдельные его секции, состоит из людей, примкнувших не к Октябрьской революции, а к победоносной олигархии, источнику высоких политических титулов и материальных благ... Они с восторгом и завистью взирают на вторжения Красной Армии в Польшу, Финляндию, Балтийские страны, в Бессарабию потому, что такие вторжения немедленно ведут к передаче власти местным сталинским кандидатам на тоталитарное господство»¹¹.

Далее Троцкий переходил к одной из наиболее острых тем, щедро эксплуатируемой прежними и нынешними антикоммунистами, — о том, что деятельность Коминтерна оплачивалась «московским золотом».

Приводя декрет Совнаркома от 13 декабря 1917 года о финансовой помощи, которую Советская республика будет оказывать революционным движениям в других странах, Троцкий писал, что такая помощь «началась с

---

* По-видимому, речь идёт о Карлосе Контеррасе. «Имя его впервые получило печальную известность во время гражданской войны в Испании, где Контеррас, в качестве комиссара пятого полка, был одним из наиболее свирепых агентов ГПУ» (Бюллетень оппозиции. № 85. С. 11).

того часа, когда большевики взяли в свои руки власть». Однако тогда дело шло об открытой помощи коммунистическим партиям, которая отнюдь не обуславливалась их покорным подчинением диктату Москвы. «Партии, получавшие помощь, пользовались полной внутренней демократией, в том числе — полной свободой критики по отношению к Советскому правительству. На конгрессах Коминтерна шла всегда страстная идейная борьба, причём бывало не раз, что мы с Лениным оставались в меньшинстве»¹².

Начало перерождения дела финансовой помощи иностранным коммунистическим организациям Троцкий датировал тем временем, когда Сталин и Бухарин захватили в свои руки руководство Коминтерном. «Система подкупа и развращения руководителей рабочего движения в других странах начали систематически применяться, примерно, с 1926 года... С этого же времени начинается непримиримая борьба оппозиции («троцкистов») против финансового произвола и подкупов в Коминтерне и на его периферии»¹³.

После победы правящей фракции над левой оппозицией и утверждения сталинистского режима в СССР и в международном коммунистическом движении «международная солидарность» превратилась в уничижительную зависимость от Кремля. «Финансовая помощь стала формой подкупа... Теперь эта «помощь» стала ощущаться даже агентами Москвы, как постыдная и уничижительная зависимость, в которой не следует открыто признаваться»¹⁴.

Под влиянием разоблачений оппозиции Сталин оказался вынужден публиковать нечто вроде финансовых отчётов Коминтерна. «Надо сказать сразу, — подчёркивал Троцкий, — что эти отчёты, обработанные в лаборатории ГПУ, совершенно нереальны. Весь бюджет преуменьшен в несколько раз. Секретные расходы не упомянуты вовсе. Источник поступления доходов замаскирован»¹⁵. При всём этом в отчётах неизменно встречается особая статья: субвенции партийным периодическим изданиям. Что же касается секретных расходов, то они связаны с вмешательством ГПУ в дела Коминтерна и его секций, осуществлением тайных операций ГПУ за рубежом с помощью иностранных коммунистических партий.

В подтверждение этого Троцкий ссылался на конкретные факты, изложенные в книгах бывшего члена ЦК Компартии Испании Э. Маторраса «Коммунизм в Испании. Его ориентация, его организация, его методы» и одного из основателей Компартии США, на протяжении 20 лет бывшего членом ИККИ и его президиума Б. Гиплова «Я свидетельствую». Наиболее исчерпывающие свидетельства связей Коминтерна с ГПУ и финансовой зависимости компартий от ГПУ принадлежали, по словам Троцкого, бывшему главе советской разведывательной сети в Западной Европе В. Кривицкому, причём эти сведения «имеют юридический вес свидетельского показания», так как Кривицкий дал их под присягой комиссии палаты депутатов США¹⁶.

Троцкий приводил также свидетельское показание И. Закса, в течение 15 лет игравшего руководящую роль в коммунистическом движении Латинской Америки, и письма Кривицкого и Гиплова с выражением готовности ответить под клятвой на вопросы мексиканского суда. Более того, Гиплов и Кривицкий прислали Троцкому специальные показания для мексиканского суда, причём в заявлении Кривицкого, которое, по его словам, «могло быть использовано для любого суда в Мексике по делу Льва Троцкого», говорилось: «ГУГБ (Главное управление государственной безопасности НКВД, — В. Р.) организует террористические акты за границей...

Организаторами этих террористических актов являются ответственные агенты ГУГБ за границей. Убийцы всегда иностранцы, находящиеся на службе в ГУГБ... Некоторые из них – по соображениям конспиративного характера официально не принадлежат к партии»¹⁷.

Освещая события, связанные с покушением, совершённым 24 мая, Троцкий писал, что он никогда не считал непосредственным организатором этого покушения Мексиканскую коммунистическую партию. «ГПУ пользуется компартией, но вовсе не сливается с нею»¹⁸. «Для преступлений ГПУ крайне характерно разделение труда между тайными убийцами и легальными «друзьями»: уже во время подготовки покушения, наряду с подпольной работой конспирации, ведётся открытая клеветническая кампания с целью скомпрометировать намеченную жертву. То же разделение труда продолжается и после совершения преступления: террористы скрываются, на открытой сцене остаются их адвокаты, которые стараются направлять внимание полиции на ложный след»¹⁹.

Х

Убийца появляется в доме Троцкого

Пока Троцкий вёл неустанную борьбу за установление правды о налёте банды Сикейроса, его будущий убийца оспорожно, но настойчиво готовился к внедрению в его дом. Через Сильвию Агелофф он познакомился с супругами Росмерами и охотно поддерживал это знакомство, предлагая им пользоваться его машиной и оказывая другие мелкие услуги. Росмеры часто путешествовали с ним, устраивали совместные пикники в сельской местности. Поскольку Маргарита Росмер была очень дружна с Седовой, близость Меркадера с Росмерами не могла не вызвать доверия к нему со стороны Седовой и, следовательно, Троцкого.

Рассказывая об отношениях между Росмерами и Меркадером, Жан Ван Хейженоорт писал: «Существует один вопрос, который до сих пор ставил меня в тупик. Почему особенности языка Меркадера не вызвали подозрений у Росмеров? Меркадер говорил, что он был бельгийцем, но... его французский язык был пересыпан испанизмами. Французский язык бельгийца отличается от французского языка испанца. Росмер, будучи французом, знал свой язык в совершенстве... Как он мог не заметить чего-то неправильного в речи Меркадера?»¹

По приезде в Мексику с «Джексоном» (Р. Меркадером) произошла поразительная перемена. До этого он изображал себя перед Сильвией Агелофф и её окружением совершенно аполитичным человеком. Как сообщила Сильвия Комиссии по антиамериканской деятельности в 1950 году, в Париже он «казался совершенно не интересующимся политикой любого направления... Он казался заинтересованным только спортом, театром, музыкой и другими вещами такого рода»².

Теперь же в разговорах с охранниками и Росмерами «Джексон» не только часто говорил о своём интересе к политике и троцкистскому движению, о своём знакомстве с европейскими троцкистами, но даже упоминал о жертвованиях, которые он якобы делал французской секции IV Интернационала.

Объясняя Сильвии причины своего пребывания в Мексике, «Джексон» говорил, что занимается здесь выгодным бизнесом — экспортом бананов и сигар в Англию. Этот бизнес он осуществляет на службе у крупного торгового босса из США, который щедро платит ему.

28 мая, через три дня после налёта банды Сикейроса, Росмеры должны были покинуть Мексику и выехать на пароходе в Европу. «Джексон» предложил довезти их на своей машине до порта и упрям в назначенное время подъехал к вилле. Узнав об этом, Троцкий сказал, что неудобно, чтобы «муж Сильвии» ожидал у ворот, и предложил пригласить его на прощальный завтрак с Росмерами. Так «Джексон» впервые оказался на вилле Троцкого и встретился с ним. С тех пор охранники свободно пропускали «Джексона» на виллу. Его ни разу не обыскивали, так как Троцкий запретил применять подобные меры к людям, постоянно посещавшим виллу, сказав, что недоверие унижает человеческое достоинство. По тем же мотивам Троцкий запретил охранникам находиться в его кабинете и даже за его дверью, когда он встречался с посетителями.³

Согласно записям в книге посетителей виллы, «Джексон» побывал на ней двенадцать раз и находился там в общей сложности около четырёх с половиной часов. За это время Троцкий и Седова беседовали с ним по несколько минут в саду и два раза в доме. Следствие установило, что до дня убийства Троцкий оставался с «Джексоном» наедине всего один раз – в течение 10 минут 17 августа.

В июне Сильвия поехала в Нью-Йорк. Вслед за ней отправился в Нью-Йорк и «Джексон». Спустя три недели они вернулись в Мексику. Вслед за ними в Мексику выехала Каридад. В конце июля Эйпингтон сообщил условным письмом Центру, что у них «всё в порядке»⁴.

После возвращения из Нью-Йорка «Джексон» продолжал время от времени посещать виллу Троцкого. Однажды он обратил внимание на то, что рабочие укрепляют наружную стену. «Джексон» спросил Хансена: «Зачем они это делают?» Хансен ответил, что работа производится для того, чтобы обезопасить виллу от возможного следующего налёта. «Джексон» на это заметил: «Это не остановит ГПУ»⁵. В другой раз, говоря с Сильвией о майском налёте, он сказал: «В следующий раз ГПУ использует другой способ»⁶.

В июле «Джексон» вновь отправился в Нью-Йорк, где пробыл три недели. После возвращения из этой поездки, как вспоминала Седова, он выглядел крайне нервным и истощённым, его лицо стало бледным и серым. «Его визит в Штапы совершенно изменил его. Несколько вульгарный бонвиван, который раньше казался вполне удовлетворённым своей лёгкой жизнью, внезапно впал в ужасное нервное состояние»⁷.

На протяжении нескольких недель, когда «Джексон» посещал виллу, он не вызывал подозрений у Троцкого. Это тем более удивительно, что вскоре после нападения банды Сикейроса Троцкий сказал мексиканскому журналисту Эдуарду Варгасу: «Я буду убит либо одним из тех, кто находится здесь, либо одним из тех, кто имеет доступ в этот дом. Потому, что Сталин не может оставить меня в живых»⁸.

Постоянное ожидание нового покушения не вергло Троцкого в депрессию. Он не раз успокаивал жену, озабоченную теми же мыслями о неизбежности скорой гибели. «Открывая утром или закрывая вечером массивные железные ставни, устроенные нашими друзьями в нашей спальне... Лев Давидович иногда говорил: «Ну, теперь до нас не доберутся никакие Сикейросы», – вспоминала Н. И. Седова. -А просыпаясь, он приветствовал меня и себя: «Вот нас с вами этой ночью и не убили, а вы всё недовольны»... Один раз после такого «приветствия» он в раздумьи прибавил: «Да, Наташа, мы получили отсрочку»⁹.

После покушения 24 мая в руководящих органах троцкистской партии США вновь обсуждался вопрос о защите Троцкого. Делегация партийных деятелей посетила Мехико, где на совещании с Троцким было решено принять новые меры по усилению охраны. Высота стены, опоясывающей виллу, была поднята с 10 до 15 футов. В Соединённых Штатах было собрано несколько тысяч долларов для обороны дома. «В тот час, когда смертельный удар был нанесён, – вспоминал Кэннон, – я возвращался поездом из специальной поездки в Миннеаполис. Я отправился туда с целью подбора новых, особо квалифицированных товарищей для охраны в Койокане»¹⁰.

Лев Давидович был очень тронут подарком, присланным ему друзьями из Лос-Анджелеса после налёта банды Сикейроса – металлическим жилетом, напоминавшим древнюю кольчугу. Он настаивал на том, чтобы этот жилет надевал каждый из охранников, находившихся в данный момент на наиболее ответственном посту.

«После неудачи, которую потерпели наши враги в атаке 24-го мая, — вспоминала Н. И. Седова, — мы твёрдо знали, что Сталин на этом не остановился, и готовились... Знали также, что ГПУ прибегнет к другой форме нападения. Не исключали удара и «одиночки», подсланного и купленного ГПУ. Но ни кольчуга, ни шлем не могли бы предохранить. Невозможно было эти средства защиты применять изо дня в день, невозможно было превратить свою жизнь только в самозащиту — она теряла в таком случае всякую ценность»¹¹.

Постоянно висевшая над головой опасность побудила Троцкого мобилизовать все свои силы на работу, охватывающую самый широкий круг теоретических и политических проблем. К последним месяцам его жизни, может быть, в особенности относятся слова Джеймса Кэннона: «Он знал, что он обречён, и лихорадочно работал, чтобы оставить нам, а через нас — человечеству всё, что только возможно. В последние одиннадцать лет своего изгнания он приковал себя к письменному столу и работал с такой энергией, с такой настойчивостью, с такой выдержкой, как никто из нас не умеет работать, как только гении умеют работать. Он работал, чтоб излить на бумаге всё богатое содержание своего могучего ума и сохранить это в... письменной форме для нас и для тех, кто придёт после нас»¹².

В доме Троцкого по-прежнему царила интеллектуальная, творческая атмосфера, в которую Троцкий вовлекал всех людей из своего окружения. Как вспоминал один из секретарей Троцкого, «часто в случайном разговоре за обеденным столом всплывал какой-нибудь вопрос, завязывалась дискуссия, и Старик высказывал какие-нибудь новые и свежие взгляды. Почти неизменно замечания, сделанные мимоходом в обеденной беседе, позднее появлялись либо в книге, либо в статье или письме»¹³.

Сразу же после покушения 24 мая Троцкий стал заниматься вопросом о хранении своих архивов. После 7 ноября 1936 года, когда ГПУ похитило в Париже 65 кг его архивов, различные научные учреждения США обратились к нему с просьбой передать наиболее ценную в историческом смысле часть архивов в их библиотеки и хранилища. Адвокат Троцкого Альберт Гольдман вёл по этому поводу длительные переговоры с библиотекой, основанной бывшим президентом США Гербертом Гувером, с Чикагским и Гарвардским университетами. В результате этих переговоров договор на передачу архивов был заключён с Гарвардским университетом.

После покушения 24 мая директор библиотеки Гарвардского университета прислал Троцкому письмо, в котором настаивал на скорейшем получении архивов. Сообщая об этом секретарю внутренних дел Мексики, Троцкий уточнял, что «дело идёт об архивах советского периода моей деятельности и о моей переписке, кончающейся декабрём 1936 г., т. е. до моего въезда в Мексику. Что касается писем, рукописей и документов за время моего пребывания в Мексике, то они полностью останутся со мной до тех пор, пока я буду пользоваться гостеприимством этой страны». Троцкий просил, чтобы компетентные чиновники секретариата внутренних дел, знающие иностранные языки, в том числе русский, совместно с представителем посольства США, обещавшего оказать содействие в пересылке рукописей, просмотрели архивы, подлежащие отправке в Гарвардский университет, после чего все рукописи были бы заделаны в герметические ящики во избежание их вскрытия на границе»¹⁴.

Тем временем будущий убийца делал всё возможное, чтобы ввернуться в доверие к Троцкому. В августе он

появился на вилле без предварительного приглашения, с букетом цветов и огромной коробкой конфет, присланной, по его словам, Сильвией. В этот день «Джексон» впервые заговорил с секретарями Троцкого о развитии мирового троцкистского движения, упомянул некоторые имена его руководителей в различных странах и намекнул, что мог бы содействовать движению материально¹⁵.

Девятого августа Сильвия вернулась в Мехико. После её приезда состоялось несколько визитов «Джексона» в Койокан. По-видимому, во время первого из этих визитов он заговорил с Троцким о своём желании оказать материальную поддержку троцкистскому движению. По словам Хансена, Троцкий говорил, что «Джексон» ещё до этого рассказал ему об оказанной им финансовой помощи французской троцкистской партии.

10 августа, когда Троцкий находился в саду «Джексона», который крайне редко беседовал о своём «бизнесе» даже с Сильвией, заговорил с Троцким о своём «боссе», «замечательном бизнесмене», финансовые дела которого складываются очень благоприятно. К этому он прибавил, что его работодатель, зная о материальных трудностях Троцкого и троцкистов, посоветовал ему оказать им помощь.

Этот короткий разговор о финансовых спекуляциях и готовности материально помочь троцкистскому движению вызвал раздражение у Троцкого и Седовой. «Кто этот сказочно богатый босс, — сказал Троцкий Наталии Ивановне, — мы должны узнать это. «Джексон» может оказаться спекулянтом с фашистскими замашками. Было бы лучше прекратить посещение нашего дома мужем Сильвии»¹⁶.

Тем не менее спустя несколько дней появившиеся в саду «Джексона» и Сильвия были приглашены в дом на чашку чая. Во время беседы Сильвия горячо защищала точку зрения меньшинства американской троцкистской партии. «Джексон», хотя и не вполне внятно, возражал ей и доказывал правоту позиции Троцкого в дискуссии.

17 августа «Джексон» неожиданно появился вновь в саду. Он сказал Троцкому, что просит прочесть набросок его статьи, направленной против раскольников в троцкистском движении, США. Троцкий предложил ему пройти в кабинет, где они впервые оказались наедине на протяжении нескольких минут. «Я его (Джексона) не видела, не была, к сожалению, дома, — вспоминала об этом визите Седова, — но Л. Д. мне рассказал, что «Ж» (Троцкие называли Джексона Жасоном. — В. Р.) был у него и несколько удивил его своим поведением. Говорил об этом Л. Д. так, как будто не хотел на этом останавливаться, но в то же время, учитывая какие-то новые обстоятельства, не мог не поделиться со мной своим впечатлением. «Приносил конспект своей статьи, в сущности несколько фраз... путанно. Я дал ему кое-какие указания. Посмотрим». И ещё: «Он вчера совсем не был похож на француза, уселся вдруг на мой письменный стол и всё время был в шляпе». — «Да, странно», — удивилась я... Мне показалось, что в этот раз он увидел в «Ж» нечто иное, но не успел, вернее, не спешил ещё сделать вывод»¹⁷.

В более поздних воспоминаниях Седова писала, что Троцкий в этот день сказал ей о «Джексоне»: «Мне он не нравится. Какого сорта этот парень? Мы должны провести небольшое расследование о нём... Я не хочу его больше видеть»¹⁸.

Однако Троцкий не смог проверить свои подозрения, в частности, потому, что в его окружении не было людей, прибывших из Испании. Если бы прошло ещё несколько дней, Меркадер мог быть расконспирирован

прибывшим в Мексику членом ПОУМа Бартоломе Коста-Амиком, встречавшимся с Троцким во время своей предыдущей поездки в Мексику в 1937 году, когда он собирал средства для ПОУМа. Теперь Коста-Амик приезжал в Мексику в качестве эмигранта. В беседе с советским журналистом в начале 90-х годов Коста-Амик сказал, что он «мог предотвратить убийство Троцкого... если бы оказался в Мехико на несколько дней раньше. Ведь первое, что я сделал бы, это пошёл к Троцкому. И очень вероятно, что встретил бы там капалонца Рамона Меркадера, который зачастил в этот дом. Я ведь хорошо знал и его, и его мать Каридад... Я знал, что Каридад и её сын были фанатичными коммунистами, из тех, которые поклонялись Сталину и беспрекословно выполнили бы любое указание Кремля... Рамон был добровольным спускачом ГПУ ещё в Испании, в середине тридцатых годов, выявляя «неблагонадёжных» среди местных коммунистов, и я, конечно, предупредил бы Льва Давидовича, что за человек приходил к нему в дом под видом бельгийского журналиста... Мысль о том, что я мог спасти его, не даёт мне покоя до сих пор»¹⁹.

Существует версия о том, что после встречи с «Джексоном» 17 августа Троцкий обратился к своему секретарю Джозефу Хансену и настойчиво просил его выяснить, «кто такой этот Джексон». Когда в 70-е годы Международный комитет IV Интернационала, проводивший расследование обстоятельств убийства Троцкого, пришёл к выводу о неблагоприятной роли Хансена и потребовал от него ответить на ряд острых вопросов, Хансен заявил, что «не может вспомнить, говорил ли ему Троцкий о своих опасениях относительно Джексона»²⁰.

Во всяком случае, никаких справок о «Джексоном» наведено не было, и, когда спустя два дня он вновь появился в саду Троцкого, Троцкий не выгнал его, а пригласил в свой кабинет.

В дни, непосредственно предшествующие убийству, происходили последние тайные встречи Меркадера с Эйтинггоном и Каридад, в ходе которых отрабатывались детали террористического акта. Предполагалось, что Меркадер нанесёт Троцкому бесшумный смертельный удар и вслед за этим быстро покинет виллу, не возбуждая подозрений охраны, — с тем чтобы немедленно сесть в автомобиль, в котором неподалёку от ворот его будут поджидать Эйтинггон и Каридад.

В расчёте на благополучный выход из дома и дальнейший скорый выезд из страны Меркадеру были подготовлены выездные документы.

Основываясь на своих беседах с Эйтинггоном и Меркадером в 60-70-е годы, Судоплатов рассказывал, что существовал ещё один план, обсуждавшийся Эйтинггоном, Каридад и Меркадером. Он сводился к тому, что во время нахождения Меркадера на вилле Троцкого Эйтинггон, Каридад и группа из пяти боевиков попытаются ворваться на виллу и завязать перестрелку с охранниками, во время которой Меркадер убьёт Троцкого и покинет виллу. Однако Меркадер не согласился с этим и убедил Эйтинггона в том, что он «один приведёт смертный приговор в исполнение», используя навыки, полученные им во время партизанской войны в Испании.²¹

При выборе орудия убийства «тройка» пришла к выводу, что лучше всего использовать малый ледоруб альпиниста, поскольку его легче скрыть от охранников и им можно нанести бесшумный удар, так, чтобы никто не успел прибежать на помощь Троцкому. Надеясь на свою физическую силу, Меркадер хотел убить Троцкого одним ударом ледоруба. Кроме того, в день убийства он захватил с собой нож и пистолет.

Решимости Меркадеру, несомненно, прибавляло и то обстоятельство, что в законах Мексики отсутствовала высшая мера наказания, стало быть, даже при самом неблагоприятном для него исходе покушения ему была бы сохранена жизнь.

XI

Последний день

20 августа Троцкий поднялся в 7 часов утра и сказал жене: «Знаешь, я сегодня с утра, по крайней мере, совсем хорошо себя чувствую, давно так не было». Хорошее физическое состояние окрыляло его надеждой поработать в этот день «как следует». «Последнее время, – вспоминала Седова, – Л. Д. жаловался на общее недомогание, которое время от времени им овладевало... А сегодняшний день нам показался началом лучшего периода в его физическом состоянии. И выглядел он хорошо»¹.

После завтрака Троцкий ещё раз сказал, что хорошо себя чувствует и хочет начать диктовку статьи о военной мобилизации в Соединённых Штатах. От этой работы он был оторван в час дня приходом его адвоката Ригаго. После его визита Троцкий зашёл к жене, чтобы сообщить, не без сожаления, что придётся оплощить начатую статью и вернуться к работе, подготавливаемой им к суду по делу о «диффамации».

До пяти часов вечера Троцкий продиктовал в диктофон несколько кусков статьи о мобилизации в США и около пятидесяти небольших страниц с разоблачением инсинуаций газеты «Эль Популар».

В 5 часов 30 минут явился без приглашения «Джексон», одетый так же, как и 17 августа, – в шляпе и с плащом, висящим на левой руке, прижатой к телу. Между тем он всегда хвастался, что не носит ни шляпы, ни плаща – даже в самую скверную погоду, а этот день был ясным и солнечным.

Вид «Джексона» был очень нервным, а цвет лица – серо-зелёным. Встретившая его Наталья Ивановна подумала про себя: «Почему он стал приходиться так часто?» «Почему вы в шляпе и с плащом? – спросила она его. – Погода такая солнечная». «Да, но вы знаете, это не надолго, может пойти дождь», – ответил «Джексон». Затем он направился к Троцкому, находившемуся у кроличьих домиков. Сопровождавшая его Седова спросила: «А статья ваша готова?» – «Да, готова». «Он вынул стеснённым движением руки, продолжая не отрывать её от корпуса и прижимая плащ, в котором были зашпы, как потом стало известно, топор и кинжал, и показал мне несколько листиков, напечатанных на машинке»².

Как и два дня назад, Троцкий, обменявшись несколькими словами с «Джексоном», пригласил его в свой кабинет. Через несколько минут Меркадер нанёс альпенштоком по его голове страшный удар, который, какой полагал, немедленно убьёт Троцкого. Однако Троцкий издал пронизывающий крик, повернулся, напал на убийцу и успел схватиться за альпеншток.

В 1969 году, когда Судоплатов впервые за 30 лет встретился с Меркадером, последний рассказал, что в ответ на эту реакцию Троцкого он расперялся и не смог заколоть Троцкого, хотя имел при себе нож. «Представьте, – говорил Меркадер, – ведь я прошёл партизанскую войну и заколот ножом часового на мосту во время гражданской войны в Испании, но крик Троцкого меня буквально парализовал»³.

Вспоминая об этих минутах, Седова рассказывала: «Я услышала ужасный, потрясающий крик. Не отдавая себе

отчёта, *чей это крик*, я бросилась на него. Между столовой и балконом, на пороге, у косяка двери, опираясь на него... стоял Лев Давидович... с окровавленным лицом и ярко выделяющейся голубизной глаз без очков и с опущенными руками... Я обняла его... Мы отошли на несколько шагов и Л. Д. с моей помощью опустился на пол, на дорожку

– Напаша, я тебя люблю... – он сказал это так неожиданно, так значительно, почти строго, что я, без сил от внутреннего содрогания, склонилась к нему...

– Знаешь, *там* – он глазами указал на дверь своей комнаты, – я почувствовал... понял, *что он хочет сделать*... он хотел меня... ещё раз... но я ему не дал, – говорил спокойно, тихо, прерывающимся голосом»⁴.

Тем временем в кабинет ворвались охранники, которые стали жестоко избивать «Джексона». В этот момент покушавшийся – в первый и последний раз – потерял контроль над собой, однако, не забыв о том, что не должен говорить по-испански. Он кричал на французском языке: «Они заставили меня сделать это... Они держат в тюрьме мою мать. Они собираются убить её... Пожалуйста, убейте меня! Я хочу умереть!»⁵

Услышав крики «Джексона», Седова спросила Троцкого: «Что делать с этим? Они его убьют». «Нет... убивать нельзя, надо его заставить говорить», – всё так же с трудом, медленно произнося слова, ответил мне Л. Д.»⁶.

Услышав это, охранники стали добиваться от убийцы признаний в том, что он действовал по приказу ГПУ. Не вполне придя в себя от шока, но твёрдо помня легенду, «Джексона» ответил, что его послало не ГПУ, а какой-то человек, которого он не знает, но который заставил его это сделать.

Вскоре приехал доктор, который, осмотрев рану, сказал Троцкому, что она «не опасна». «Л. Д. принял это спокойно, почти равнодушно, как будто другого мнения от врача в таком положении и нельзя ожидать, – вспоминала Седова, – но, обратившись к Джо (Хансену) по-английски и указав на сердце, он сказал: «Я чувствую здесь... что это конец, на этот раз они имели успех»... Меня он щадил»⁷.

Затем прибыла полиция, отправившая жертву и исполнителя террористического акта под усиленной охраной в больницу. Там Троцкий подозвал Хансена и прошептал ему: «Пожалуйста, скажите моим друзьям, что я уверен в победе Четвёртого Интернационала... Идите вперёд!»⁸

Вскоре Троцкий впал в бессознательное состояние, из которого его не вывела срочно проведённая операция. «Не спуская глаз, всю ночь я сидела над ним, ждала «пробуждения», – рассказывала Седова. – Глаза были закрыты, но дыхание, то тяжёлое, то ровно-спокойное подавало надежду. Так прошёл и наступивший день. К середине его, по определению врачей, наступило улучшение. Но к концу дня внезапно произошла резкая перемена в дыхании больного: оно стало быстрым, быстрым, внушающим смертельную тревогу... Его приподняли. Голова склонилась на плечо. Руки упали, как после распытия у Тициана на его «Снятии с креста». Терновый венец умирающему заменила повязка. Черты лица его сохранили свою чистоту и гордость. Казалось, *вот он выпрямится и сам распорядится собой*. Но глубина поражённого мозга была слишком велика. Пробуждения, столь страстножданного, не свершилось»⁹.

В 7 часов 25 минут вечера 21 августа 1940 г. Троцкий скончался.

ХII

Письмо убийцы

Описывая главные задачи операции «Утка», Судоплатов отмечал: «Важно было также выдвинуть подходящий мотив убийства, с тем чтобы скомпрометировать Троцкого и таким образом дискредитировать его движение. Убийство должно было выглядеть как акт личной мести Троцкому, который якобы опговаривал Сильвио Агелофф выйпи замуж за Меркадера. Если бы Меркадера схватили, ему надлежало заявить.. что Троцкий пытался уговорить его войпи в международную террористическую организацию, ставившую своей целью убийство Сталина и других советских руководителей»¹.

В этих целях было сфабриковано письмо Меркадера на французском языке, которое раненый Меркадер поспешил передать работнику медицинской кареты, увозившей его в больницу, и содержание которого вскоре стало достоянием гласности.

В письме автор, называвший себя бельгийским подданным Жаком Морнар, писал, что хочет «объяснить людям свои мотивы, побудившие его осуществить акт возмездия». Он «сообщал сведения о своих родителях-бельгийцах, о своей учёбе в Бельгии и Франции, о возникшем у него интересе к политической деятельности троцкистов, о своём знакомстве с некоторыми представителями этого движения». Он утверждал, что некий «ведущий член IV Интернационала» (не названный им по имени) предложил ему выехать в Мексику и войпи в контакт с Троцким. От этого человека им якобы был получен канадский паспорт на имя Фрэнка Джексона и деньги на поездку.

Далее автор письма обстоятельно излагал мотивы убийства: в результате личного знакомства и «частых дискуссий» с Троцким он постепенно начал разочаровываться в теории и практике троцкизма. Он обнаружил, что Троцкий «был пожиром ненавистью и жадной мщениа» и вступил в заговор с «некоторыми лидерами капиталистических стран». А после того, как Троцкий стал уговаривать его отправиться в Советский Союз для совершения «серии (!) покушений» против различных лиц и в особенности против Сталина, он принял решение устранить этого злодея. В этом ему должен был помочь «иностранный парламентский комитет великой державы» (о каком комитете и какой державе идёт речь, в письме не упоминалось. — В. Р.).

Дополнительным мотивом убийства «Морнар» называл требование Троцкого «покинуть свою жену», поскольку она присоединилась к группе Шахмана.

Кроме того, в письме говорилось о том, что симпатии Троцкого были на стороне Альмазана и что, вероятно, Троцкий принадлежал к группе заговорщиков, намеревавшихся убить Ломбарде Толедано и Авила Камачо, кандидата в президенты Мексики. Эта часть письма ставила целью настроить против Троцкого мексиканское общественное мнение.

Наконец, «Морнар» сообщал, что партия Троцкого была очень бедна (это заявление противоречило

«признаниям» на московских процессах, согласно которым Троцкого и троцкистов финансировали все крупные капиталистические державы) и что лишь «консул одной великой иностранной державы», часто навещавший Троцкого, может ответить на вопрос, откуда брались деньги на охрану дома.

Последние слова письма были как бы скопированы с судебных речей Вышинского: «История оправдает меня за то, что я устранил злейшего врага рабочего класса»².

Салазар легко определил, что письмо было напечатано на пишущей машинке за много дней до того, как под ним была поставлена карандашом подпись «Жак» и дата «20.08.1940».

Письмо «Морнара» Д. Кэннон назвал «глупой попыткой полицейского ума восстановить подлоги, дискредитированные в глазах всего света»³.

Спустя много лет Диего Ривера говорил советскому журналисту Папорову: «Текст письма был неграмотен. Полиция могла цепляться к каждой фразе. Например, Джексон утверждал, что он разочаровался в Троцком. Когда успел, если в общей сложности общался с Троцким четыре часа? Джексон утверждал, что Троцкий предложил ему отправиться в Россию, чтобы совершить там ряд убийств руководителей партии и Красной Армии. Когда и как Троцкий мог доверить такое неизвестному человеку, с которым — это показывают записи в книге внутренних охранников — Троцкий находился наедине всего десять минут 17 августа»⁴.

На первом допросе, проведённом Салазаром в приёмном покое больницы, убийца, обретя вновь спокойствие и выдержку, сообщил, что его настоящее имя — Жак Морнар Вандендрейш.

На очной ставке с потрясенной Сильвией, пребывавшей от него назвавший подлинные причины убийства, «Джексон» (теперь уже «Морнар») повторил изложенную в письме версию и добавил, что Троцкий уговаривал его отправиться в Россию через Шанхай и обещал оплатить ему дорогу.

Первая часть легенды «Морнара» была разоблачена уже в самом начале следствия, когда Салазар пригласил посланника Бельгии в Мексике на очную ставку с «Морнаром». Бельгийский дипломат привёл много фактов, свидетельствующих о том, что «Морнар» не является бельгийцем и все его сообщения о своих родителях и своём пребывании в Бельгии вымышлены.

Ещё до того, как следствие отвергло версию о «Морнаре» как «разочарованном троцкисте», ещё тогда, когда Троцкий находился в госпитале, его секретарь Джозеф Хансен сделал заявление для прессы, в котором главное внимание уделялось характеристике убийцы, причём эта характеристика была составлена в унисон с письмом «Морнара» и была как нельзя более благоприятна для сталинистской пропаганды.

Хансен заявил, что «Троцкий знал лично убийцу более шести месяцев перед убийством», что «Джексон пользовался доверием Троцкого из-за его связи с троцкистским движением во Франции и США», «часто посещал дом Троцкого» и «был известен, как щедрый финансовый сторонник троцкистского движения».

На самом деле «Морнар» был человеком, совершенно чужим Троцкому. Он не являлся членом IV Интернационала и вошел в дом Троцкого, не имея каких-либо рекомендаций от европейских или американских троцкистов. Троцкому и его окружению не было известно о каких-либо связях «Морнара» с троцкистским движением во Франции. Во время своих приездов в Нью-Йорк «Морнар» не вступал ни в какие контакты с

Социалистической Рабочей Партией США. Он встречался с Троцким на протяжении всего 11 недель (а не шести с лишним месяцев). Троцкий не только не питал доверия к «Джексону», но высказывал прямые подозрения опносительно него. Что же касается «финансовой щедрости» «Джексона», то она ограничивалась только словами: он никогда не вручал никаких денег Троцкому или близким к нему людям, да Троцкий никогда не принял бы их от этого сомнительного «сторонника»⁵.

Ажливое заявление Хансена немедленно было растиражировано американской прессой, а это в свою очередь дало возможность советской и коминтерновской печати, со ссылкой на буржуазные газеты, широко распространять версию об убийстве Троцкого одним из его близких приверженцев.

Через два дня после смерти Троцкого в «Правде» появилась краткая заметка: «Лондонское радио сегодня сообщило: «В Мексике в больнице умер Троцкий от пролома черепа, полученного во время покушения на него одним из лиц его ближайшего окружения». Рядом с этой заметкой была напечатана статья «Смерть международного шпиона», начинающаяся словами: «По сообщению американских газет, на Троцкого, проживавшего последние годы в Мексике, было совершено покушение. Покушавшийся – Жак Морнар Вацденрейш – один из ближайших людей и последователей Троцкого». Вслед за этим в статье кратко излагалась – в духе «Краткого курса истории ВКП(б)» – биография Троцкого, завершавшаяся словами: «Троцкий запутался в собственных сетях, дойдя до предела человеческого падения. Его убили его же сторонники... Троцкий... стал жертвой своих же собственных интриг, предательств, измен, злодеяний»⁶.

Волкогонов, ознакомившийся со сталинской правкой на корректуре статьи, писал, что Сталин сделал в ней только ряд вставок, касающихся Троцкого: «Организатор убийц», «Он учил убийству из-за угла», «Троцкий организовал злодейское убийство Кирова, Куйбышева, Горького», «С печатью международного шпиона и убийцы на челе» и т. п.⁷

Ещё дальше пошли некоторые издания зарубежных коммунистических партий. Так, американская «Дейли Уоркер» уже 22 августа поспешила заявить, что «Джексон был секретарём Троцкого на протяжении многих лет»⁸.

Активную лепту в распространение сталинской версии о причинах убийства Троцкого внесла мексиканская сталинистская печать. Правда, непосредственно после убийства Компартия и Толедано осудили покушение, обвинив в нём провокаторов, заинтересованных в том, чтобы замарать доброе имя Мексики. Однако спустя несколько дней коммунистические и ломбардистские газеты принялись на все лады излагать содержание письма, написанного убийцей в своё оправдание, и изображать Меркадера злым троцкистом, разочаровавшимся в своём вожде.

После смерти Троцкого госдепартамент США продолжал проявлять интерес к судьбе Харта и к обстоятельствам убийства Троцкого вообще. В этой связи он сотрудничал с Хансеном, который в сентябре 1940 года посещал американское посольство. 3 сентября Хансен встретился с сотрудником ФБР Макгрегором в американском консульстве и сообщил ему о существовании трёх неопубликованных работ Троцкого... На следующий день Хансен вручил их Макгрегору... Через 5 дней Хансен передал Макгрегору новые материалы, найденные им в письменном столе Троцкого⁹. Отчёты о его сообщениях внимательно изучались в

Госдепартаменте. Перед отъездом из Мехико Хансен просил Макгрегора, работавшего в качестве диппредставителя США в Мехико, установить конфиденциальным путём связи со спецслужбами в США. 25 сентября американский консул Джордж Шоу обратился к главе безопасности Госдепартамента в Вашингтоне Раймону Мэрфи с просьбой принять Хансена для получения от него информации. В письме Мэрфи, направленном 28 сентября Шоу, говорилось, что Хансен должен войти в контакт с директором Нью-Йоркского отделения ФБР Сакеттом.

Сообщения Сакетта дошли до Рузвельта, который поручил Гуверу, директору ФБР, заняться этим делом^{*}. 9 декабря сотрудник ФБР сообщил Гуверу о встрече агента ФБР Стара, Кэннона и Хансена в штаб-квартире Социалистической Рабочей Партии. Хансен передал ФБР документ о сети агентов НКВД в США. Однако в интервью, данном в 1977 году комиссии Международного комитета IV Интернационала, Хансен заявил, что не предпринимал никаких попыток установить контакт с ФБР¹⁰.

---

* В ходе следствия, проведённого ФБР, была выявлена причастность к первому покушению на Троцкого американца Джорджа Минка. По мнению ФБР, именно Д. Минк, один из агентов ГПУ, был главным дирижёром нападения на Троцкого. Об этом сообщил отцу Шелдона Харта его друг, директор ФБР Гувер. К сожалению, я не располагаю другими данными, подтверждающими причастность Минка к этому делу. Джордж Минк, член Американской компартии, имел связи с СССР с 1921 года. Работал в Профинтерне и Коминтерне. В 1936 г. он был лидером международной коммунистической организации в Копенгагене, являющейся связующим звеном между Коминтерном и местной компартией. В 1936 г. его арестовали по подозрению в шпионаже. В ходе расследования была обнаружена его связь с советским резидентом Разведуправления А. Улановским, действующим под псевдонимом Шерман и возглавлявшим шпионскую группу в Дании (Вопросы истории. 1995. № 4; Огонёк. 1990. № 3. С. 10-13. Улановские Н. и М. История одной семьи. М. 1994. С. 154-155).

XIII

Чем занимался Сталин после убийства Троцкого

«История — большая искусница связывать разное значением и ценой в один нераспоржимый узел, — писал советский историк Гефтер. — И тут она соединила днями уничтожение Троцкого — и явный надлом столь невероятно до тех пор складывавшегося в его, Сталина, пользу соотношения сил во всемирной схватке. Сладость личного триумфа — и явный сигнал бедствия. Услышал ли? Или торжество от достижения сокровенного (Троцкого нет, нет навсегда!) припухло его чутье?»¹

Под «явным надломом» благоприятного для Сталина международного положения Гефтер, очевидно, имел в виду появление первых трещин в советско-германских отношениях. Но Сталин отказывался адекватно реагировать на эти тревожные сигналы, продолжая надеяться на то, что события будут развиваться по прежнему сценарию: Германия будет захватывать новые территории в Европе военной силой, а Советский Союз — «мирным» путём, что приведёт к разделу Европы, а затем и всего мира между антикоммунистическими державами и Советским Союзом. Поэтому никаких активных дипломатических акций в дни, непосредственно следовавшие за гибелью Троцкого, им осуществлено не было. Зато пристальное внимание Сталина в эти дни было направлено, как это ни удивительно, на расправу с второстепенным писателем Авдеенко за его сценарий «Закон жизни».

Судьба Авдеенко была не совсем ординарной. На рубеже 30-х годов был объявлен так называемый «призыв ударников в литературу». Согласно этому лозунгу, сами рабочие-ударники должны были описывать свои трудовые подвиги. Вслед за этим им должна была оказываться «творческая помощь», с тем чтобы за их счёт пополнялись ряды советских писателей. Из всех попут созданы в ходе этой кампании нечто, напоминающее художественное произведение, выделилась лишь одна повесть под названием «Я люблю», принадлежащая двадцатипятилетнему рабочему магнитогорского комбината Авдеенко. После издания огромным тиражом этой повести, в апологетических тонах описывающей будни «Магнитки», перед Авдеенко открылась головокружительная карьера. Он был избран членом Союза советских писателей, назначен спецкором «Правды» по Донецкому краю, получил шикарные квартиры в Москве и Макеевке. Когда же обнаружилось, что под умелым руководством Мехлиса Авдеенко научился особенно удачно льстить Сталину (так, в выступлении на Съезде советов он обещал, что первым словом, которое произнесёт его будущий сын, будет слово «Сталин»), его стали «для знакомства с капиталистической действительностью» посылать в заграничные круизы и командировки, позволили приобрести редкий в то время зарубежный автомобиль «Бьюик».

За короткое время, помимо множества сервильных статей и очерков, Авдеенко написал несколько графоманских «половтен», последним из которых был сценарий «Закон жизни». Однако фильм, спешно созданный по этому сценарию, вызвал недовольство Сталина. Чтобы «наказать» Авдеенко, Сталин прибегнул к своему

излюбленному приёму — неожиданно сбросить человека с вершин карьерного успеха и благополучия в грязь и позор.

Сам Авдеенко узнал о постигшем его остракизме, находясь в Киеве, когда 15 августа увидел, как щипательно заклеиваются свежие афиши с анонсом о появлении фильма на экранах города. Затем он узнал, что сотрудники НКВД на мотоциклах объезжают кинотеатры города, опечатывая коробки с кинолентами «Закона жизни». В тот же день он прочёл анонимную разгромную статью в «Правде» — «Фальшивый закон», которая, как он вскоре узнал, была напечатана по личному заданию Сталина, отредактирована и дописана им. Наконец, ему была доставлена правительственная телеграмма с предписанием Жданова явиться в ЦК.

Девятого сентября Авдеенко был вызван на заседание Оргбюро ЦК, которое продолжалось с 5 часов вечера до 12 ночи. После занудного вспугливающего слова Жданова и бичующих выступлений приглашённых на заседание членов Президиума Союза советских писателей на сцене внезапно появился Сталин. Рассаживая около трибуны, он несколько раз прерывал выступавших и раздражался длинными монологами. В них он не ограничивался репликами типа: «Авдеенко — человек в маске, вражеское охвостье. Говорят, он был рабочим. А разве мы не знаем таких случаев, когда бывший рабочий становился нашим заклятым врагом?» Сталин подробно рассуждал о Шекспире, Гоголе и Чехове, доводил до сведения присутствующих, какой манере письма отдаёт предпочтение².

Сразу же после заседания и в последующие дни Авдеенко ожидал ареста. Но Сталин ограничился на этот раз более «мягкими» санкциями. В «Правде» была помещена заметка: «Ввиду того, что, как выяснилось в последнее время, ряд произведений писателя Авдеенко носят не вполне советский характер, а в некоторой части даже антисоветский характер, редакция «Правды» постановила исключить писателя Авдеенко из списка корреспондентов «Правды» и отобразить у него корреспондентскую карточку³. Вслед за этим Авдеенко был исключён из партии, из Союза писателей и выведен из состава Макеевского горсовета как «лишённый доверия избирателей». Его семья была выселена в Макеевке из квартиры и дачи и переселена в бывшее овощехранилище. Все его книги были изъяты из библиотек.

Размышляя спустя много лет над причинами расправы над ним, Авдеенко писал: «Какое зловещее совпадение! В одно и то же августовское время убит Троцкий, а я распят на страницах любимой «Правды». Как неожиданно, как страшно время соединило две судьбы, абсолютно чуждые друг другу... Не время соединило мою беду с бедой Троцкого, а одна и та же карающая, мстящая рука. Понял задним числом и причину необыкновенного, сильнее всего возбуждения Сталина в ту ночь, когда встретился с ним, когда подвергся расправе. Возбудила хозяйина кровь Троцкого, его разрубленный череп, предсмертные крики⁴.

Раздражение и гнев Сталина были, по-видимому, во многом вызваны беспокойством по поводу того, не будут ли пойманы соучастники убийства и не «расколется» ли Меркадер, сообщив следствию подлинные мотивы и имена организаторов террористического акта.

Как сообщил 5 марта 1954 года Эйлингон, вечером 20 августа, когда мексиканское радио передало подробности покушения на Троцкого, он и «Мать» немедленно покинули Мексику, выехав на Кубу⁵. Через несколько дней об этом было сообщено Сталину.

Однако и это известие не внесло полного успокоения в жизнь Кремля. Соучастники убийцы, находившиеся за

пределами СССР, могли быть арестованы и открыты на следствии подлинную причину убийства и имя убийцы. Как вспоминал Судоплатов, «мне было официально объявлено, что людьми Эйпингтона и их работой наверху довольны, но участники операции будут награждены только после возвращения в Москву... Берия спросил меня, удалось ли Карридад, Эйпингтону и Григулевичу спастись и надёжно спрятаваться. Я ответил, что у них хорошее укрытие, неизвестное Меркадеру»⁶.

Это свидетельство говорит о том, что у главных организаторов убийства оставались опасения относительно поведения Меркадера на следствии. Некоторое успокоение принесли первые сообщения о том, что Меркадер точно придерживается в своих показаниях изготовленной для него в НКВД легенды. 19 сентября 1940 года Берия послал спецсообщение Сталину и Молотову: «НКВД направляет вам в переводе с английского письмо, найденное мексиканской полицией в кармане арестованного Жака Морнара. Письмо добыто агентурным путём»⁷.

Лишь в июне 1941 года, после возвращения Эйпингтона и К. Меркадер в Москву, Берия направил Сталину следующее представление к правительственным наградам: «Группой работников НКВД в 1940 г. было успешно выполнено специальное задание. НКВД СССР просит наградить орденами Союза ССР шесть товарищей, участвовавших в выполнении этого задания. Прошу вашего решения». На этом документе Сталин наложил резолюцию: «За (без публикации)».

В закрытом Указе Президиума Верховного Совета СССР награждёнными орденами значились: К. Меркадер, Судоплатов, Эйпингтон, Григулевич, Василевский и Пастельник (двое последних были работниками советских резидентур в Париже и Нью-Йорке, внесшими важную лепту в подготовку и организацию террористического акта)⁸.

XIV

Деятельность НКВД по борьбе с «троцкистами» после смерти Троцкого

Согласно данным, приведённым в книге Волкогонова, вскоре после получения известия об убийстве Троцкого Берия, исходя из указаний Сталина, отдал распоряжение о «ликвидации в лагерях активных троцкистов». Накануне войны по лагерям прокапилась ещё одна, малозаметная волна, сметающая последних осуждённых, причисленных к «активным троцкистам»^{1*}.

После смерти Троцкого не прекратилось внедрение агентов НКВД в зарубежные троцкистские организации, особенно в Социалистическую Рабочую Партию США. Судоплатов относил такие акции к «важным приоритетам в работе советской разведки в 1930-1940-х годах» потому, что Сталин хотел получить информацию о том, что будет происходить в троцкистских кругах после убийства Троцкого: «Будут ли троцкисты обладать силой и представлять угрозу для СССР без своего лидера?» Поэтому Сталин регулярно продолжал читать сообщения, приходившие от агента, который сумел проникнуть в редакцию троцкистской газеты, издававшейся в Нью-Йорке. «От него, – вспоминал Судоплатов, – мы получали информацию о планах и целях их движения и строили соответственно свою деятельность по борьбе с троцкизмом. Нередко Сталин имел возможность читать троцкистские статьи и документы ещё до того, как они публиковались на Западе»².

В ходе расследования, проведённого в семидесятых годах Международным комитетом IV Интернационала на тему «Безопасность и IV Интернационал», были обнаружены многочисленные факты, свидетельствующие о проникновении агентов НКВД в американское троцкистское движение. Используя материалы архивов Госдепартамента и «шпионских процессов» 50-60-х годов в США, а также свидетельства очевидцев, МКЧИ обнаружил имена советских резидентов и американских агентов, информировавших их о деятельности

---

* Но и на этом борьба с «троцкизмом» внутри страны не закончилась. После войны, уже в 1947 году, Сталин отдал распоряжение «о создании тюрем и лагерей самого строгого режима для особо опасных государственных преступников, и в первую очередь для «троцкистов...» (Волкогонов Д. Троцкий. Кн. 2. М. 1994. С. 203). И хотя Волкогонов относится к такой «перестраховке» достаточно иронично, не допуская мысли о том, что в действительности могли ещё существовать троцкисты – по его мнению, даже в середине 30-х годов их насчитывалось всего 300-400 человек, – этот факт говорит о реально существовавшем сопротивлении вплоть до самой смерти Сталина. Подтверждением этой мысли может служить раскрытие в 1951 году двух молодёжных троцкистских организаций в Москве и Ленинграде, лидеры которых были расстреляны. Как вспоминает член московской организации «Союз борьбы за дело революции» М. Улановская, в их группе, считавшей себя троцкистской, не только ставилась целью борьба с существующим режимом, но и обсуждался вопрос о физическом устранении Сталина (Улановские И. и М. История одной семьи. М. 1994. С. 297).

процкистов в США.

В конце 30-х годов резидентом, непосредственно занимавшимся американским процкистским движением, был уже упоминавшийся Г. Рабинович, официально действовавший под прикрытием звания главы представительства Советского общества Красного Креста в США, а перед завербованными им агентами выступавший под именами Роберта, Джо и Джона Рича. 31 августа 1940 года секретарь Троцкого Хансен заявил Макгрегору, что агент ГПУ «Джон» предлагал ему выйти из процкистской партии и вступить в Компартию США. В шпионскую сеть, созданную Рабиновичем, входили, в частности, Руби Вайль, а также Сильвия Франклин, внедрённая в аппарат Социалистической Рабочей Партии США и ставшая секретарём её руководителя Джеймса Кэннона³. В 1950 году бывший редактор газеты «Нью Уоркер» Буденц сообщил Комиссии палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности, специально изучавшей вопрос «Американские аспекты убийства Троцкого», что Сильвия Франклин передавала советской внешней разведке документы партии, включая переписку Троцкого с процкистами всего мира. Кэннон с негодованием отверг это разоблачение на основании того, что оно принадлежало платному агенту-информатору ФБР, и посчитал его провокацией. Однако на процессах 1960-1962 годов сама Сильвия Франклин вынуждена была признаться в том, что в конце 30-х и в 40-х годах выполняла задания советской разведки.

С конца 20-х годов в международном процкистском движении активно действовали в качестве агентов-провокаторов братья Соболевичусы, носившие партийные клички Сенин и Велл, а позднее, после переезда в США, принявшие имена Джек Собл и Роберт Соблен.

В 1929 году Соболевичусы примкнули к левой оппозиции. Тогда же Собл был исключён из КПГ. В 1931 году он был завербован ГПУ. В конце 20-х — начале 30-х годов он встречался с Седовым в Берлине, в 1931 году посетил Троцкого в Принкипо, а в следующем году беседовал с ним в Копенгагене, куда Троцкий выезжал для чтения лекций. После этой беседы Троцкий назвал Соболевичусов сталинскими агентами. Обо всех контактах с Седовым и Троцким Собл подробно докладывал ГПУ.

28 апреля 1936 года Седов писал Виктору Сержу: «Что касается Сенина, то это не только провокатор, но и перебежчик, совершенно открыто перешедший на сторону сталинцев за границей. И только оторванность от заграницы — где мы опубликовали о нём в нашей печати — дала ему возможность гастролить в Париже.

Я его видел раз в Берлине. Он на меня произвёл неблагоприятное впечатление, никаких связей, поручений и пр. я ему не давал. Да и он тогда не склонен был их брать, ибо в ту пору, по всему, был просто трусливым обывателем, а провокатором стал позже. Если он, по приезде в Россию, сослался на меня или на нас, так он это делал в качестве провокатора. И так как он не имел никаких, да и не мог иметь, доказательств, что он действует в союзе с нами за границей, то доверия само по себе он не заслуживал»⁴.

В 1933 году Собл приехал в Советский Союз, где работал в газете «Бакинский рабочий», а затем в издававшейся в Москве на немецком языке газете «Дейче Централ Цайтунг». В 1934 году Собл вместе со своей многочисленной семьёй был переправлен в США, причём перед его выездом из СССР он был принят Берией, который сказал ему: «Я слышал о Вашей полезной работе для партии. Товарищ Сталин помнит Ваше имя и

заслуги, которые принадлежат Вам в борьбе против заклятого врага нашего государства Троцкого»⁵.

В 1943 году Собл вступил в контакт с советским резидентом Зубилиным, Шамяпиным и Худенко, которым в дальнейшем передавал информацию о лицах, симпатизирующих троцкистам. За это он получал деньги, предназначенные ему и его соучастникам. НКВД передало Соблу своих агентов, в результате чего возникла шпионская группа внутри американского троцкистского движения, включавшая около 10 человек.

Разыскав Зборовского, исчезнувшего на некоторое время из поля зрения советской агентуры, Шамяпин связал его с Соблом. Представляя Зборовского Соблу, Шамяпин назвал его «нашим старым агентом». После этого, по словам Собла, он встречался со Зборовским не менее 40-50 раз. Зборовский регулярно передавал ему информацию о троцкистах и русских эмигрантах и получал за это под расписку ежемесячно 150 долларов.

В 1945-1946 годах Собл передал всех своих агентов в троцкистском движении Соблену. В конце 40-х – начале 50-х годов ФБР тщательно разрабатывало шпионскую сеть Собла-Соблена. Собл был арестован в 1957 году.

НКВД вербовал агентов разного рода. Одни из них были головорезами, способными и готовыми на убийство. Другие были способны на выполнение более «мягких», но зачастую не менее важных заданий – поставку необходимой информации. К таким принадлежал и Марк Зборовский.

Ещё в 1939 году один из парижских агентов НКВД докладывал в Москву, что наибольшая опасность «Тюльпану» (кодовая кличка Зборовского) исходит от «Соседки» (кодовая кличка Л. Эсприн), но «Тюльпан» «совершенно недооценивает» эту опасность⁶.

Однако Эсприн (сменившая фамилию после вступления в брак с меньшевиком-эмигрантом Давидом Даллиным) сохранила полное доверие и дружеские чувства к Зборовскому. Она специально ездила в 1941 году во Францию, чтобы раздобыть ему визовые документы, а после его приезда в США нашла ему работу. Она же ввела его в круг американских троцкистов.

На допросе в ЦРУ в 1965 году Орлов заявил, что, по его мнению, Лола Даллин знала всё о подлинном статусе Зборовского как советского агента и более того – она сама была советским агентом. Однако в подтверждение этого Орлов смог сообщить лишь то, что Лола в одной из бесед с ним сказала, что была знакома с офицером НКВД Брюнном, курировавшим агентов из числа эмигрантов⁷.

Во время войны Зборовский поддерживал отношения с бывшим секретарём Троцкого, а затем секретарём IV Интернационала по международным связям Ж. Хейженортром.

В 1953 году Орлов впервые сказал эмигранту-меньшевику Абрамовичу, что «Марк», которого он знал только по имени, – давний агент-provokator НКВД. В 1954 году, узнав от Даллиных фамилию «Марка», Орлов обратился к своему адвокату и рассказал ему о Зборовском, чтобы адвокат сообщил о последнем ФБР.

В конце 1954 года Зборовский был впервые допрошен агентами ФБР. Зборовский уверял, что порвал связи с ГПУ в 1938 году, и теперь он – «лояльный американец». Он не назвал имена Собла и других своих соучастников⁸.

В начале 1955 года американский журналист Генри Кассой опубликовал в журнале «Нью Лидер» статью о Зборовском на основе сообщений Орлова. В марте 1956 года в том же журнале Давидом Даллиным была опубликована статья «Марк Зборовский – советский агент».

По делу Зборовского состоялись слушания в сенатской юридической подкомиссии – на закрытой сессии в 1955 году и на открытой сессии в 1957 году – с участием Орлова и Л. Даллин как свидетелей. Когда Зборовский стал опираться оп предъявленных ему обвинений, было зачитано письмо о его агентурной деятельности, переданное Соблом главному советскому резиденту в США Зарубину (Зубилину) через члена его группы Б. Моррроса. В письме Собл сообщал о разоблачении Зборовского Орловым и просил Зарубина «принять самые настоятельные меры», с тем чтобы помочь ему (Соблу) избежать разоблачения. Однако Морррос оказался двойным агентом, в результате чего это письмо легло на стол директора ФБР Гувера.

После этого Зборовский сознался, что в 1943 году к нему подошёл незнакомый человек и сказал: «Наконец-то мы нашли Вас». Далее этот человек заявил: «Пришло время работать» – и потребовал восстановить старые связи с американскими троцкистами и русскими эмигрантами⁹.

В ходе слушаний о Зборовском выяснилось, что в 1946 году он информировал резидентов НКВД о предстоящем невозвращенчестве работника торговой миссии СССР в США Кравченко, что вызвало панику в советском посольстве и недоверие к этой информации. Когда же эта информация подтвердилась, Зборовский, которому Кравченко доверял, стал докладывать советской агентуре о поведении Кравченко, передавал через Собла рукопись книги, над которой тот работал.

Затем ему было поручено вступить в троцкистскую партию и сообщать о ней информацию изнутри¹⁰.

В 1958 году Зборовский был судом, приговорён к пяти годам тюремного заключения. После поданной им апелляции был снова судом и приговорён к меньшему сроку, который отбыл не полностью.

И до, и после ареста научная карьера Зборовского складывалась весьма благоприятно. Он работал в американских университетах, занимал высокий пост в Правительственном департаменте умственного здоровья, откуда получал щедрые федеральные гранты, был близок с Маргарет Мид и другими видными американскими антропологами. После освобождения из тюрьмы он работал в медико-антропологическом департаменте Еврейского медицинского центра¹¹.

Ещё одним платным агентом НКВД в США был Флойд Кливленд Миллер, вначале работавший под руководством Рабиновича и прослушивающий телефонные разговоры Кэннона. Вскоре Миллер стал главой троцкистской фракции в Интернациональном профсоюзе моряков и редактором газеты этого союза. Он передавал советской агентуре имена моряков-троцкистов, плавающих на американских судах в советские порты Мурманск и Архангельск. В результате этого органы НКВД – КГБ наблюдали за поведением этих людей, особенно – за их встречами с советскими гражданами (это служил косвенным свидетельством того, что троцкистская литература переправлялась в СССР даже в 40-е годы).

Не зная всего этого, руководство Социалистической Рабочей Партии США сохраняло своё доверие к Миллеру и даже направило его в 1944 году в Мексику, чтобы обсудить с Седовой вопрос о публикации книги Троцкого о Сталине.

В 1953 году в Мюнхене был убит бывший личный секретарь и охранник Троцкого Залус, самый первый иностранный доброволец, который присоединился к нему в изгнании. В 18 лет Залус был делегатом

интернациональной конференции молодых коммунистов в Москве. После разрыва с официальной чехословацкой коммунистической группой «Руде право» Залус организовал журнал левой оппозиции «Ингра»¹².

В марте 1953 года, через несколько дней после смерти Сталина, тогдашний министр госбезопасности СССР Игнатьев в донесении, направленном Маленкову, Берии, Молотову, Булганину и Хрущёву, сообщал: «Ликвидация Залуса осуществлена через агента МГБ, немца по национальности, всыпавшего ему 13 февраля с.г. специальный препарат, вызывающий смерть через 10-12 дней. Вскоре после этого Залус заболел и в одном из госпиталей Мюнхена 4 марта с.г. умер. При проверке через различные источники выяснилось, что отравление Залуса не вызвало у противника каких-либо подозрений. Врачи констатировали, что его смерть наступила в результате воспаления лёгких»¹³.

В 1954 году Миллер передал ФБР подробное заявление о своей шпионской деятельности.

XV

Отклики на гибель Троцкого

На протяжении пяти дней тело Троцкого, окружённое друзьями, находилось в помещении городской рапуши Мехико. Мимо него в скорбном молчании прошли не менее сотни тысяч человек. Вслед за этим в Мехико состоялась многотысячная похоронная процессия, превратившаяся в грандиозную антисталинскую манифестацию. Мексиканское правительство взяло на себя расходы и ответственность за проведение праурных мероприятий.

Президент Карденас по политическим соображениям не участвовал в прощальной церемонии, но в день смерти Троцкого он оставил в дневнике следующую запись (впервые опубликованную в книге его дневниковых записей, вышедшей в свет в 1972 году): «Дела и идеи народов не исчезают со смертью их лидеров, наоборот — подтверждаются ещё больше кровью жертв святого дела. Кровь Троцкого станет удобрением в сердцах людей его родины»¹.

Телеграммы с выражением сочувствия и соболезнования помимо отдельных лиц прислали секции IV Интернационала, а также испанская ПОУМ, Независимая рабочая партия Великобритании, Революционно-социалистическая рабочая партия Голландии, Независимая социалистическая партия Ипалии и другие левые организации. Некролог Цейлонской троцкистской партии был озаглавлен «Убийство Троцкого — дело злодейских рук Сталина»².

В заявлении центрального комитета Социалистической Рабочей Партии США, озаглавленном «Мы обвиняем Сталина!», говорилось: «Авангард передового человечества навсегда лишён неупоминных трудов Троцкого, его неподкупной преданности. Утрачен его мудрый совет, воодушевление его непреклонного мужества. Но вечными останутся плоды его сорокалетнего труда и бесстрашной борьбы... Нет такой силы на свете, которой удалось бы уничтожить то плодотворное наследство, которое он оставил нам, — дар его несравненного гения делу человечества... Мы не забудем последнего завета тов. Троцкого: «Скажите нашим друзьям — я уверен в победе Четвёртого Интернационала. Вперёд!»³

Глубокими мыслями была насыщена страстная и проникновенная речь Джеймса Кэннона «Памяти Старика», произнесённая 28 августа на массовом праурном митинге в Нью-Йорке. Кэннон подчёркивал, что «Троцкий считал идеи величайшей на свете силой. Творцы идей могут быть уничтожены, но сами идеи, раз пущенные в обращение, живут своей собственной жизнью. Это было центральной, доминирующей концепцией тов. Троцкого. Не раз он пояснял нам: «Не партия создаёт программу (идею), а программа создаёт партию». В личном письме мне он писал: «Мы оперируем самыми правильными и могучими идеями при недостатке сил и материальных средств. Но в конце концов правильные идеи всегда побеждают и находят для себя необходимые материальные силы и средства».

Поэтому Троцкий, по словам Кэннона, считал, что «его главное значение — не в его физической жизни, не в его эпических подвигах, размахом и величием которых он превосходил все героические фигуры истории, но в том, что он оставил после себя, когда убийцы выполнят своё дело»⁴. Такого же мнения, пусть не всегда сознательно, а интуитивно придерживались его противники. Поэтому символичный характер носил тот метод, который они избрали для его убийства.

«Великий мозг Троцкого — вот чего так спрашивали его враги. С ним они не могли совладеть. Ему они не находили ответов. В ужасающе-чудовищном способе, которым они убили его, таился глубокий символ. *Они ударили по его мозгу!* Но богатейшие продукты этого мозга живут. Они уже вырвались, их никогда не поймать, никогда не уничтожить»⁵.

Кэннон выражал уверенность, что «миллионы людей будущих поколений будут разыскивать все данные о нём, каждое слово, каждое впечатление, бросающее свет на него, на его идеи, его цели и его личную жизнь». Главной целью жизни Троцкого было создание гармоничного общества, в котором люди связаны между собой глубоко человеческими отношениями. Сам Троцкий «был уже и по своему уму, и по образу жизни человеком коммунистического будущего... Многие опойдёт из нашей ужасной эпохи... но дух коммунистического человека, который тов. Троцкий олицетворял, — он не умрёт!»⁶.

Кэннон напоминал, что трагический путь Троцкого был утлан неисчислимыми утратами. «Троцкого убили не одним ударом, не в тот момент, когда убийца, агент Сталина, вонзил острие ножа в его затылок. Этот удар был только последним ударом. Его убивали постепенно, его убивали много раз. Семь раз его убивали, когда убили семь секретарей его. Четыре раза его убивали, когда убили его дочерей и сыновей. Его убивали, когда истребляли его старых сподвижников по Русской революции... Все ресурсы могущественного государства, приведённые в движение ненавистью и мстительностью Сталина, были направлены на уничтожение одного человека, без средств, окружённого только небольшой группой приверженцев»⁷.

Кэннон считал, что с убийством Троцкого самый тяжёлый удар понёс русский народ. «Но тот самый факт, что после одиннадцати лет (изгнания) сталинская камарилья вынуждена была убить Троцкого, что она вынуждена была протянуть руку из Москвы, сосредоточить все свои усилия, чтобы покончить с Троцким, — это самое лучшее доказательство того, что Троцкий живёт в сердце русского народа»⁸.

Непоправимый удар нанесён и международному троцкистскому движению, ученикам Троцкого, которых он воспитал более чем в тридцати странах. «Только совсем немногие из товарищей знали Троцкого лично. И всё же его знали везде: и в Китае, и за широкими морями в Чили, в Аргентине, Бразилии, Австралии, почти во всех странах Европы, в Соединённых Штатах, Канаде, Индокитае, Южной Африке»⁹.

XVI

«Завещание»

В конце февраля — начале марта 1940 года Троцкий составил документ, названный им «Завещанием». В этом документе нет каких-либо политических выводов и оценок, советов спорщикам и т. д. Имущественным вопросам посвящены всего три строки (Троцкий сообщал, что передает всё имущество, которое останется после его смерти, и все свои литературные права Н. И. Седовой). «Завещание» написано в то время, когда Троцкий уже ожидал близкого покушения, но в нём говорится не о возможном террористическом акте, а об ожидании скорого конца от кровоизлияния в мозг («это самый лучший конец, какого я могу желать») и о возможности самоубийства в случае, если склероз примет запяжной характер и приведёт к длительной инвалидности.

«Завещание» носит по преимуществу личный и мировоззренческий характер. Уделив несколько слов благодарности друзьям, которые оставались верны ему в самые трудные часы его жизни, Троцкий с особенной теплотой пишет о Н. И. Седовой (в мировой литературе и в биографиях великих людей найдётся немного таких проникновенных слов любви и нежности, которые человек в ожидании скорой кончины посвящает спутнице своей жизни, проведшей рядом с ним почти сорок лет).

Главное, на мой взгляд, что содержится в «Завещании», — это краткое выражение Троцким своего мировоззренческого и нравственного кредо, которому он оставался верен перед лицом приближающейся смерти. «Я умру пролетарским революционером, марксистом, диалектическим материалистом и, следовательно, непримиримым атеистом. Моя вера в коммунистическое будущее человечества сейчас не менее горяча, но более крепка, чем в дни моей юности... Эта вера в человека, в его будущее даёт мне сейчас такую силу сопротивления, какого не может дать никакая религия».

В «Завещание» как бы неожиданно вкрапливается лирический фрагмент, навеянный конкретным и случайным обстоятельством, но в конечном счёте «работавший» всё на ту же тему: «Напаша подошла сейчас со двора к окну и раскрыла его шире, чтоб воздух свободнее проходил в мою комнату. Я вижу ярко-зелёную полосу под стеной, чистое небо над стеной и солнечный свет везде. Жизнь прекрасна. Пусть грядущие поколения очистят её от зла, гнёта, насилия и наслаждаются ею вполне».¹

Находясь в Мексике, Троцкий получал письма из многих стран мира. Ни в коей мере не пытаясь исчерпать содержания этой переписки, которая ещё ждёт своего тщательного исследования, расскажу только о двух письмах, полученных Троцким в 1939 году (ответов Троцкого на эти письма, хранящиеся в его архиве, мне не удалось обнаружить). В первом из них Галина Юркевич (по-видимому, русская эмигрантка, проживавшая во Франции) писала по просьбе своего друга — французского писателя Ж. М., мобилизованного в армию: «Если чудом выйдет из этой резки цел и невредим, единственное его желание — это попасть в Мексику и продолжать работать... Для моего друга будет большой радостью получить от Вас письмо. Это поможет переносить все неприятности... Как

бы мне хотелось слышать Ваше мнение о том, что происходил в Европе. Здесь никто ничего не понимает»².

Другое письмо пришло от Ф. Х. Берпума – участника гражданской войны, члена ВКП(б) с 1919 года, капитана дальнего плавания Черноморского пароходства. Обращаясь к Троцкому как к «старейшему революционеру и лидеру идейных коммунистов», Берпум рассказывал о горестных перипетиях своей судьбы. В начале 1938 года он прибыл в Роттердам для капитального ремонта парохода «Днепрострой». Спустя несколько месяцев, когда ремонт закончился, он получил распоряжение сдать пароход своему старшему помощнику, а самому отправиться в Москву. Ещё через 2 дня он получил известие о гибели своей жены в одесском НКВД. Естественно, что Берпум отказался ехать в Москву и стал очередным «невозвращенцем», поскольку рассматривал полученный им приказ как «вызов на расстрел. Единственной «виной», которую он мог считать за собой, Берпум считал свои правдивые рассказы голландским рабочим о том, что творится в СССР.

На этом спрадания Берпума не окончились. Голландская полиция, пренебрегая правом убежища, несколько раз высылала его в Бельгию, откуда, продержав некоторое время в тюрьме, его возвращали обратно в Голландию. Всё это время Берпум чувствовал усиленную слежку за собой со стороны агентов НКВД.

«Уверяю Вас, Лев Давыдович, – писал Берпум, – что я не провокатор и не подставное лицо, а самая настоящая жертва и мученик сталинской пирании... Учассть эта в последние годы постигла десятки тысяч лучших идейных российских коммунистов. Наряду с этим, десятки тысяч коммунистов и миллионы рабочих, крестьян и интеллигентов томятся и погибают в сталинских опдалённых концлагерях при самых кошмарных тяжёлых условиях». Обращаясь к Троцкому, Берпум выражал веру в «пторжество Вашей идеи и справедливость над Вами»³.

Такое отношение к Троцкому сохранилось и в СССР. Пока не найдены прямые свидетельства переписки Троцкого со своими советскими единомышленниками в середине и конце 30-х годов. Зато существует волнующий документ: письмо Троцкого советским рабочим «Вас обманывают!» Этот документ является косвенным свидетельством того, что даже после большого террора, казалось бы, выжигшего всех, имевших какое-либо отношение к «троцкизму», работы Троцкого продолжали переправляться в СССР. В письме имеются прямые указания на «надёжных революционеров, готовых рисковать собою за дело социализма», которые доставят это письмо в СССР, на «верных и надёжных людей, в частности... моряков (очевидно, иностранных судов, прибывающих в Советский Союз. – В. Р.)», через которых советские люди смогут «устанавливать связь с... революционными единомышленниками в буржуазных странах. Это трудно, но это возможно»⁴.

Письмо Троцкого, написанное в апреле 1940 года, уже через несколько месяцев дошло до своих адресатов. На траурном митинге, посвящённом гибели Троцкого, Д. Кэннон рассказывал, что за несколько дней до этого трагического события редакция «Бюлетеня оппозиции» получила письмо из Риги, авторы которого сообщали, что «открытое письмо рабочим СССР» «они заучили наизусть, слово за словом, и будут передавать его из уст в уста». «Воистину, мы уверены в том, – комментировал это сообщение Кэннон, – что слова Троцкого будут жить в Советском Союзе дольше, чем кровавый режим Сталина»⁵.

Оглавление

Часть I СССР перед большой войной

I	Справка на «пайке».....	2
II	Положение на селе.....	5
III	Борьба с очередями.....	8
IV	Неравенство расчёт.....	11
V	Недовольство народа.....	14
VI	Карательные меры по ужесточению трудовой дисциплины.....	18
VII	Боеготовность армии перед войной.....	26
VIII	Обезглавленная армия.....	29
IX	Репрессии.....	33
X	«Разбольшевичивание» партии.....	38
XI	Прогерманская пропаганда.....	42

Часть II Мир в войне

I	Раздел Польши.....	46
II	«Германо-советская дружба установлена окончательно».....	54
III	«Миротворческая» концепция Германии и Советского Союза.....	57
IV	Переориентация политики западных компартий.....	59
V	Расширение экономических отношений с Германией.....	65
VI	Нацистский «социализм» в Германии.....	67
VII	Расправа Сталина с полипэмигрантами.....	74
VIII	«Военная прогулка» в Финляндию.....	79
IX	Троцкий о советско-финляндской войне.....	92
X	Советское вторжение в прибалтийские республики.....	95
XI	«Бессарабский поход».....	100
XII	Троцкий о социальном характере советской экспансии.....	102
XIII	Коминтерн.....	106
XIV	Дискуссия в Социалистической Рабочей Партии США.....	116
XV	Троцкий о диалектике.....	118
XVI	Троцкий о социологии и политике.....	120

XVII	Троцкий о характере советского государства и политике сталинизма	122
XVIII	Троцкий о «бюрократическом коллективизме».....	126
XIX	Герберт Венер и Леопольд Треппер	133
XX	Троцкий о советско-германских отношениях и характере мировой войны	136
XXI	Первые трения между СССР и Германией.....	141
XXII	Тройственный пакт	143
XXIII	Визит Молотова в Берлин	145
XXIV	В преддверии нападения Гитлера на СССР	150

Часть III Убийство Троцкого

I	Троцкий под прицелом НКВД.....	164
II	Троцкий пишет книгу о Сталине	170
III	Отправил ли Сталин Ленина?	175
IV	Убийцы	180
	1. Судоплатов	180
	2. Эйпингтон.....	181
	3. Григулевич.....	182
	4. Сикейрос	184
	5. Каридад Меркадер	186
	6. Рамон Меркадер.....	187
V	Идеологическая подготовка покушения	192
VI	Покушение в ночь на 24 мая.....	195
VII	Роль Роберта Шелдона Харпа	197
VIII	Версия о самопокушении	200
IX	«Коминтерн и ГПУ».....	204
X	Убийца появляется в доме Троцкого	208
XI	Последний день	214
XII	Письмо убийцы.....	216
XIII	Чем занимался Сталин после убийства Троцкого	220
XIV	Деятельность НКВД по борьбе с «троцкистами» после смерти Троцкого	223
XV	Отклики на гибель Троцкого.....	228
XVI	«Завещание».....	230

¹ Промышленность СССР. М., Госспатиздат. 1957. С. 12.

---

² Народное хозяйство СССР. 1922-1972. Стат. сб. М., 1972. С. 72; Дихтыр Г. Советская торговля в период социализма и развернутого строительства коммунизма. М., 1965. С. 81.

³ Они не молчали. Сост. Афанасьев А. М., 1991. С. 41-42.

⁴ Рубинштейн Г. Развитие внутренней торговли в СССР. Л., 1964. С. 349, 355-356.

⁵ РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 16. Д. 65. Л. 107-117; РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 121. Д. 99. Л. 61-65.

⁶ Осокина Е. За фасадом «сталинского благополучия». М., 1998. С. 185.

⁷ РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 16. Д. 75. Л. 151-170.

⁸ Вопросы истории. 1996. № 1. С. 22-23.

⁹ Осокина Е. За фасадом «сталинского благополучия». С. 215.

¹⁰ Независимая газета. 1992. 9 июня.

¹ Дихтыр Г. Советская торговля в период социализма и развернутого строительства коммунизма. С. 93.

² Там же. С. 94.

³ Осокина Е. За фасадом «сталинского благополучия». С. 200.

⁴ Там же. С. 195.

⁵ Там же. С. 198.

⁶ История социалистической экономики СССР. Т. 5. М., 1978. С. 113, 114.

⁷ Осокина Е. За фасадом «сталинского благополучия». С. 199.

⁸ Там же. С. 201.

⁹ Дихтыр Г. Советская торговля в период построения социализма. М., 1961. С. 121-122.

¹⁰ Осокина Е. За фасадом «сталинского благополучия». С. 220.

¹¹ История крестьянства СССР. Т. 3. М., 1987. С. 26.

¹² РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 16. Д. 77. Л. 65; Д. 78. Л. 207; Д. 87. Л. 7.

¹³ Дихтыр Г. Советская торговля в период построения социализма. С. 116-119.

¹⁴ Осокина Е. За фасадом «сталинского благополучия». С. 191.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 672. Л. 10-13.

¹⁶ ЦАФСБ. Ф. 3. Оп. 7. Д. 880. Л. 27-29, 36-40.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 670. Л. 24.

¹⁸ Там же. Л. 157.

¹ Осокина Е. За фасадом «сталинского благополучия». С. 189-190.

² Там же. С. 192.

³ Там же. С. 228-229.

---

⁴ ЦАФСБ. Ф. 3. Оп.7. Д. 944. Л. 199-207; Д. 872. Л. 240-241.

⁵ Осокина Е. За фасадом «сталинского благополучия». С. 231.

⁶ Там же. С. 232-233.

⁷ Вопросы истории. 1996. № 1. С. 22.

⁸ Осокина Е. За фасадом «сталинского благополучия». С. 212.

⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 993. Л. 83.

¹⁰ Народное хозяйство СССР за 70 лет. Стат. сб. М., 1987. С. 431.

¹¹ Бюлетень оппозиции. 1938. № 65. С. 15.

¹² Клифф Т. Советская Россия: пропасть в благосостоянии и дискриминация. ЭКО. 1989. № 9. С. 128-129.

¹³ Литературный фронт. История политической цензуры. М., 1994. С. 50.

¹ Вопросы истории. 1996. № 1. С. 18-19.

² Там же. С. 21-22.

³ РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 16. Д. 81. Л. 214-219.

⁴ Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. М., 1991. С. 152.

⁵ Осокина Е. За фасадом «сталинского благополучия». С. 224.

⁶ ЦАФСБ. Ф. 3. Оп. 7. Д. 945. Л. 378.

⁷ Осокина Е. За фасадом «сталинского благополучия». С. 225.

⁸ ЦАФСБ. Ф. 3. Оп. 7. Д. 945. Л. 347, 363, 364.

¹ Вопросы истории. 1996. № 1. С. 9, 17, 20, 14.

² Там же. С. 16.

³ Там же. С. 8.

⁴ Там же. С. 13-14.

⁵ Там же. С. 14.

⁶ Там же. С. 11-12.

⁷ Там же. С. 12.

⁸ Там же. С. 8-9.

⁹ Там же. С. 8.

¹⁰ Там же. С. 5.

¹¹ Там же. С. 19.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 16-17.

¹⁴ Там же. С. 12.

-
- ¹⁵ Там же. С. 11.
- ¹⁶ Там же. С. 17, 19.
- ¹⁷ Там же. С. 6.
- ¹⁸ Там же. С. 21.
- ¹⁹ Осокина Е. За фасадом «сталинского благополучия». С. 197.
- ²⁰ Вопросы истории. 1996. № 1. С. 14.
- ²¹ Там же. С. 10.
- ²² Осокина Е. За фасадом «сталинского благополучия». С. 207.
- ²³ Исторический архив. 1995. № 2. С. 23.
- ²⁴ Осокина Е. За фасадом «сталинского благополучия».
- ¹ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. С. 544.
- ² КПСС в резолюциях. Т. 7. С. 41-43.
- ³ Правда. 1938. 19 декабря.
- ⁴ Правда. 1938. 15 декабря.
- ⁵ Правда. 1940. 26 июня.
- ⁶ Правда. 1940. 29 июня.
- ⁷ Бюллетень оппозиции. № 85. С. 13.
- ⁸ Источник. 1997. № 5. С. 112.
- ⁹ Коммунист. 1989. № 9. С. 88.
- ¹⁰ Большевик. 1940. № 11-12. С. 5.
- ¹¹ Правда. 1940. 29 июня.
- ¹² Бюллетень оппозиции. № 85. С. 14.
- ¹³ Коммунист. 1989. № 9. С. 89.
- ¹⁴ Кнышевский П. Н. Государственный комитет обороны: методы мобилизации трудовых ресурсов. Вопросы истории. 1994. № 2. С. 54.
- ¹⁵ Источник. 1997. № 5. С. 112.
- ¹⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 672. Л. 50, 64.
- ¹⁷ Там же. Л. 59.
- ¹⁸ Там же. Л. 95.
- ¹⁹ Источник. 1997. № 5. С. 113.
- ²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 674. Л. 63.
- ²¹ Там же. Д. 672. Л. 68, 69.

-
- ²² Там же. Л. 73, 75.
- ²³ Правда. 1940.-20 июля.
- ²⁴ Правда. 1940. 22 октября.
- ²⁵ Коммунист. 1989. № 9. С. 93.
- ²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 672. Л. 86, 87.
- ²⁷ Там же. Д. 674. Л. 60.
- ²⁸ Там же. Л. 51.
- ²⁹ Там же. Л. 62.
- ³⁰ Там же. Д. 672. Л. 60.
- ³¹ Источник. 1997. № 5. С. 113.
- ³² Правда. 1940. 18 октября.
- ³³ Бюллетень оппозиции. 1940. № 85. С. 13.
- ¹ Военно-исторический журнал. 1989. № 11. С. 13.
- ² История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945. Т. 1. М., 1963. С. 409.
- ³ Военно-исторический журнал. 1989. № 11. С. 13.
- ⁴ История второй мировой войны - 1939-1945. Т. 3. С. 388.
- ⁵ Военно-исторический журнал. 1960. № 3. С. 17.
- ⁶ Вопросы истории. 1994. № 4. С. 187.
- ⁷ Военно-исторический журнал. 1989. № 11. С. 12.
- ⁸ Откровения и признания. М., 1996. С. 120.
- ⁹ Военно-исторический журнал. 1989. № 11. С. 14.
- ¹⁰ Устинов Д. Во имя победы. М., 1988. С. 120.
- ¹¹ Военно-исторический журнал. 1991. № 4. С. 33-35.
- ¹² Там же. 1989. № 11. С. 14.
- ¹³ Канун и начало войны. Документы и материалы. Л., 1991. С. 244, 262.
- ¹⁴ Там же. С. 237.
- ¹⁵ Вопросы истории. 1994. № 4. С. 187.
- ¹⁶ Исторический архив. 1995. № 2. С. 31.
- ¹⁷ Канун и начало войны. С. 235.
- ¹⁸ Волкогонов Д. Сталин. Кн. 2. М., 1996. С. 73.
- ¹⁹ Родина. 1992. № 5. С. 33.
- ²⁰ Исторический архив. 1995. № 2. С. 24.

---

²¹ Вопросы истории. 1990. № 3. С. 187.

²² Там же. № 7. С. 103.

²³ Там же. С. 80-81.

²⁴ Веряп Н. История советского государства 1917-1991. М., 1995. С. 302.

²⁵ Вопросы истории. 1998. № 1. С. 137.

¹ Наше отечество. Опыт политической истории. Т. 2. М., 1991. С. 395.

² Правда. 1989. 22 июня.

³ Военно-исторический журнал. 1990. № 2. С. 28.

⁴ Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 188.

⁵ Там же.

⁶ Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 80.

⁷ Канун и начало войны. С. 281.

⁸ Вопросы истории. 1990. № 7. С. 104.

⁹ Волкогонов Д. Сталин. Кн. 2. С. 48.

¹⁰ Военно-исторический журнал. 1988. № 10. С. 31.

¹¹ Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1990. С. 339-340.

¹² Новобранец В. Накануне войны — В кн. Кривицкого «Я был агентом Сталина». М., 1991. С. 355.

¹³ Маршал Жуков. Каким мы его помним. М., 1988. С. 86.

¹⁴ Канун и начало войны. С. 301.

¹⁵ Военно-исторический журнал. 1989. № 4. С. 34.

¹⁶ Канун и начало войны. С. 302-303.

¹⁷ Маршал Жуков. Каким мы его помним. С. 86.

¹⁸ Откровения и признания. С. 176.

¹⁹ Там же. С. 101.

²⁰ Военно-исторический журнал. 1988. № 5. С. 73-75.

²¹ Новая и новейшая история. 1993. № 4. С. 121.

¹ Хрестоматия по истории России. 1917-1940. М., 1994. С. 386.

² Сообщение Т. И. Смилги автору книги.

³ Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Т. 9. М., 1967. С. 246.

⁴ Ваксберг А. Нераскрытые тайны. М., 1993. С. 66, 70-74.

⁵ Там же. С. 126-128.

⁶ Там же. С. 129.

-
- ⁷ Трагические судьбы репрессированные учёные АН. М., 1995. С. 85.
- ⁸ The God that failed. N.Y., 1949. P. 61-62.
- ⁹ Верните мне свободу! Мемориальный сборник документов из архивов бывшего КГБ. М., 1997. С. 202.
- ¹⁰ Ваксберг А. Нераскрытые тайны. С. 133.
- ¹¹ Там же. С. 134.
- ¹² Судебный отчёт по делу антисоветского «право-процкистского блока». М., 1938. С. 547.
- ¹³ Реабилитация. Политические процессы 30-50-х годов. М., 1991. С. 239.
- ¹⁴ Там же. С. 286.
- ¹⁵ Там же. С. 307.
- ¹⁶ Там же. С. 291.
- ¹⁷ Пятницкий В. Заговор против Сталина. М., 1998. С. 75.
- ¹⁸ Там же. С. 74.
- ¹ Источник. 1997. № 5. С. 114.
- ² Резолюции XVIII конференции ВКП(б). М., 1941. С. 21-22.
- ³ Волкогонов Д. Сталин. Кн. 2. С. 70.
- ⁴ Независимая газета. 1992. 9 июня.
- ⁵ Металполис-экспресс. 1991. № 19. С. 9.
- ⁶ Независимая газета. 1992. 9 июня.
- ⁷ Литературный фронт. История политической цензуры 1932-1946. Сборник документов. М., 1994. С. 217.
- ⁸ Троцкий Л. Д. В защиту марксизма., Cambridge, MA, USA, 1995. С. 103.
- ⁹ Архив Троцкого. № 4888.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Бюлетень оппозиции. 1940. № 82-83. С. 8.
- ¹² Независимая газета. 1992. 9 июня.
- ¹³ Откровения и признания. С. 220.
- ¹⁴ Там же. С. 101.
- ¹⁵ Копелев Л. «И сотворил себе кумира». Ан Арбор (США), 1978. С. 221.
- ¹⁶ Там же. С. 146.
- ¹ Wehner H. Zeugnis. Köln, 1988. S. 275.
- ² Откровения и признания. С. 207.
- ³ Вопросы истории. 1994. № 8. С. 168.
- ⁴ Литературный фронт. История политической цензуры 1932-1946. Сборник документов. С. 48.

---

⁵ ГАРФ. Ф. 9425. Оп. 1. Д. 9. Л. 39; Оп. 2. Д. 19. Л. 103, 115, 132.

⁶ Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Т. 9. С. 263.

⁷ Там же. С. 263.

⁸ Откровения и признания. С. 68.

⁹ Большевик. 1941. № 9. С. 4-5.

¹⁰ Гефтер М. Из тех и этих лет. М., 1991. С. 262.

¹¹ Вопросы истории. 1994. № 8. С. 166.

¹² Волкогонов Д. Сталин. Кн. 2. С. 135.

¹³ Откровения и признания. С. 68.

¹⁴ Гефтер М. Из тех и этих лет. С. 261-262.

¹⁵ Лерт Р. На том стою. М., 1991. С. 250.

¹⁶ Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Т. 9. С. 259.

¹ Год кризиса. 1938-1939. Т. 2. М., 1990. С. 323.

² Коминтерн и вторая мировая война. Ч. I. М., 1994. С. 95.

³ Внешняя политика СССР. Сборник документов. Т. IV (1935 - июнь 1941 г.). М., 1946. С. 445.

⁴ Архивы раскрывают тайны... М., 1991. С. 106.

⁵ Вопросы истории. 1994. № 4. С. 66.

⁶ 1939 год. Уроки истории. М., 1990. С. 378.

⁷ Вопросы истории. 1997. № 7. С. 19.

⁸ Советско-нацистские отношения. 1939-1941. Документы. Париж-Нью-Йорк, 1983. С. 94.

⁹ Вопросы истории. 1997. № 7. С. 21.

¹⁰ Советско-нацистские отношения. С. 96.

¹¹ Там же. С. 93-94.

¹² Архивы раскрывают тайны... С. 107.

¹³ Советско-нацистские отношения. С. 96.

¹⁴ Там же. С. 99.

¹⁵ Там же. С. 100.

¹⁶ Откровения и признания. М., 1996. С. 69.

¹⁷ Правда. 1939. 18 сентября.

¹⁸ Вопросы истории. 1997. № 7. С. 24.

¹⁹ История и сталинизм. М., 1991. С. 222.

²⁰ Вопросы истории. 1990. № 8. С. 54.

-
- ²¹ Вопросы истории. 1997. № 7. С. 24-25.
- ²² РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 332. Л. 97-102.
- ²³ Правда. 1939. 7 ноября.
- ²⁴ Вопросы истории. 1997. № 7. С. 26.
- ²⁵ Инквизитор: сталинский прокурор Вышинский. М., 1992. С. 282.
- ²⁶ Красная звезда. 1940. 17 сентября.
- ²⁷ Волкогонов Д. Сталин. Кн. 2. С. 39.
- ²⁸ Вопросы истории. 1993. № 1. С. 19.
- ²⁹ Там же. С. 20-21.
- ³⁰ Внешняя политика СССР. Т. 4. С. 449.
- ³¹ Там же.
- ³² Некрич А. 1941. 22 июня. Изд. 2. М., 1995. С. 35.
- ³³ Вопросы истории. 1990. № 9. С. 60.
- ³⁴ Советско-нацистские отношения. С. 106.
- ³⁵ Там же. С. 107.
- ³⁶ Откровения и признания. С. 97-98.
- ³⁷ Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 410.
- ³⁸ Вопросы истории. 1990. № 9. С. 60.
- ³⁹ Булок А. Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Т. 2. Смоленск, 1994. С. 276.
- ⁴⁰ Вопросы истории. 1997. № 7. С. 28.
- ⁴¹ Правда. 1939. 1 ноября.
- ⁴² Правда. 1939. 7 ноября.
- ⁴³ Вопросы истории. 1994. № 4. С. 66.
- ⁴⁴ Бережков В. Как я стал переводчиком Сталина. М., 1993. С. 300.
- ⁴⁵ Коминтерн и вторая мировая война. Ч.1. М., 1994. С. 400.
- ⁴⁶ Бережков В. Как я стал переводчиком Сталина. С. 301.
- ¹ Правда, Известия. 1939. 29 сентября.
- ² Архивы раскрывают тайны... с. 110.
- ³ Советско-нацистские отношения. С. 259.
- ⁴ Правда. 1939. 29 сентября.
- ⁵ Откровения и признания. С. 23.
- ⁶ Там же. С. 70-77.

---

⁷ Там же. С.61.

⁸ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 19.

⁹ Откровения и признания. С. 43.

¹⁰ Правда. 1939. 30 сентября.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 83. Д. 394. Л. 252-253.

¹ Тилпельскирх К. История второй мировой войны. М., 1956. С. 8.

² Советско-нацистские отношения. С. 113.

³ Правда. 1939. 7 октября.

⁴ Правда. 1939. 1 ноября.

⁵ Вопросы истории 1990. № 9. С. 59.

⁶ Правда. 1939. 1 ноября.

¹ Коминтерн и вторая мировая война. Ч. I. С. 70.

² Там же. С. 101.

³ Там же. С. 184.

⁴ Там же. С. 100.

⁵ Там же. С. 107.

⁶ Там же. С. 13.

⁷ Там же. С. 104-105.

⁸ Там же. С. 128.

⁹ Там же. С. 92.

¹⁰ Там же. С. 132.

¹¹ Там же. С. 144.

¹² Коммунистический интернационал в документах. М., 1933. С. 35.

¹³ Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 32.

¹⁴ Там же. С. 32.

¹⁵ Коминтерн и вторая мировая война. Ч. I. С. 13, 217.

¹⁶ Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 33.

¹⁷ Там же. С. 34.

¹⁸ Коминтерн и вторая мировая война. С. 89.

¹⁹ Лондон А. Признание. Иностранная литература. 1989. № 4. С. 172.

²⁰ Wehner H. Zeugnis. S. 271.

²¹ Коминтерн и вторая мировая война. С. 95.

-
- ²² Wehner H. Zeugnis. S. 271.
- ²³ Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 35, 36.
- ²⁴ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 19.
- ²⁵ Коминтерн и вторая мировая война. С. 13.
- ²⁶ Там же. С. 133, 135.
- ²⁷ Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 209.
- ²⁸ Там же. С. 210.
- ²⁹ Там же. С. 210, 211.
- ³⁰ Коммунистический интернационал 1939. № 8-9. С. 26, 28.
- ³¹ Коминтерн и вторая мировая война. С. 325.
- ³² Там же. С. 290.
- ³³ Там же. С. 448.
- ³⁴ Там же. С. 176.
- ³⁵ Там же. С. 248, 249.
- ³⁶ Там же. С. 252.
- ³⁷ Там же. С. 252-257.
- ³⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 83. Д. 397. Л. 141-142.
- ³⁹ Коминтерн и вторая мировая война. С. 282.
- ⁴⁰ Там же. С. 20.
- ⁴¹ Там же. С. 383.
- ¹ Правда. 1939. 9 октября.
- ² Документы внешней политики. Т. XXIII. Кн. 1. М., 1995. С. 7, 57, 77.
- ³ Правда. 1940. 13 февраля.
- ⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 83. Д. 399. Л. 50-51.
- ⁵ Новая и новейшая история. 1997. № 2. С. 39.
- ⁶ Откровения и признания. С. 198.
- ⁷ Новая и новейшая история. 1997. № 2. С. 32-33.
- ⁸ Петров И. Я. Я выполнял задание Сталина. - Родина. 1992. № 5. С. 32-33.
- ⁹ Исторический архив. 1995. № 3. С. 4-20.
- ¹⁰ Откровения и признания. С. 218.
- ¹¹ Источник. 1994. № 2. С. 54.
- ¹² Откровения и признания. С. 77.

---

¹ Новая и новейшая история. 1997. № 2. С. 96-97.

² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 83. Д. 396. Л. 277-278.

³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 83. Д. 406. Л. 135.

⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 83. Д. 398. Л. 79.

⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 83. Д. 404. Л. 179-180.

⁶ Там же. Л. 115.

⁷ Там же.

⁸ Новая и новейшая история. 1997. № 2. С. 90, 95.

⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 83. Д. 404. Л. 114-115.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 83. Д. 406. Л. 81.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 83. Д. 399. Л. 99.

¹² Там же.

¹³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 83. Д. 406. Л. 136.

¹⁴ Там же. Л. 63.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 83. Д. 398. Л. 158.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 83. Д. 400. Л. 10.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Новая и новейшая история. 1997. № 2. С. 98.

¹⁹ Там же. С. 97.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 83. Д. 403. Л. 189.

²¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 83. Д. 398. Л. 79.

²² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 83. Д. 396. Л. 189-190.

²³ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 83. Д. 394. Л. 145.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 83. Д. 406. Л. 4-5.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 83. Д. 398. Л. 78-79.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 83. Д. 403. Л. 226.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 83. Д. 399. Л. 98.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 83. Д. 398. Л. 158.

²⁹ Там же.

¹ Ваксберг А. Валькирия революции. С. 460.

² Пятницкий В. Заговор против Сталина. М., 1998. С. 341.

³ Вопросы истории. 1994. № 4. С. 65.

-
- ⁴ Пятницкий В. Заговор против Сталина. С. 73.
- ⁵ Треппер Л. Большая игра. М., 1990. С. 102.
- ⁶ РГАСПИ. Ф. 495 Оп. 13. Д. 7. Л. 4-6.
- ⁷ Коминтерн и вторая мировая война. Ч. 1. С. 401.
- ⁸ Там же. С. 399.
- ⁹ Там же. С. 401.
- ¹⁰ Там же. С. 375.
- ¹¹ Верните мне свободу! С. 121.
- ¹² Шрейдер М. НКВД изнутри. М., 1995. С. 152-153.
- ¹³ За рубежом. 1989. № 47. С. 17.
- ¹⁴ Бубер-Нейман М. Мировая революция и сталинский режим. М., 1995. С. 258.
- ¹⁵ Там же. С. 258-259.
- ¹⁶ Коминтерн и вторая мировая война. Ч. 1. С. 510.
- ¹⁷ Там же. С. 491.
- ¹ Полвинен Т. Финляндия в международной политике до «зимней войны». — Вопросы истории. 1990. № 10. С. 187.
- ² Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. Т. 1-2. М., 1991. С. 173.
- ³ Вопросы истории. 1990. № 10. С. 188.
- ⁴ Мерецков К. А. На службе народу. Страницы воспоминаний. М., 1971. С. 177-178.
- ⁵ Правда. 1939. 1 ноября.
- ⁶ От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада. М., 1992. С. 97.
- ⁷ Правда. 1939. 27 ноября.
- ⁸ Правда. 1939. 29 ноября.
- ⁹ Правда. 1939. 30 ноября.
- ¹⁰ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 333. Л. 133-137.
- ¹¹ Вопросы истории. 1990. № 7. С. 100, 104.
- ¹² Архивы раскрывают тайны... С. 126.
- ¹³ Канун и начало войны. С. 193.
- ¹⁴ Правда. 1939. 2 декабря.
- ¹⁵ Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. С. 159.
- ¹⁶ Некрич А. 1941, 22 июня. Изд. 2. С. 140.
- ¹⁷ Правда. 1939. 2, 3 декабря.
- ¹⁸ Коминтерн и вторая мировая война. Ч. 1. С. 386.

-
- ¹⁹ Правда. 1939. 2 декабря.
- ²⁰ Коминтерн и вторая мировая война. Ч. I. С. 204.
- ²¹ Правда. 1939. 5 декабря.
- ²² Документы внешней политики. Т. XXIII. Кн. I. С. 348.
- ²³ Правда. 1939. 5 декабря.
- ²⁴ Правда. 1939. 16 декабря.
- ²⁵ Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. I. Т. 1-2. С. 245.
- ²⁶ Майский И. И. Воспоминания советского посла. Война 1939-1945. М., 1965. С. 40, 42.
- ²⁷ Ваксберг А. Валькирия революции. Смоленск, 1997. С. 489-490.
- ²⁸ Московские новости. 1989. 3 декабря. С. 7.
- ²⁹ Документы внешней политики. Т. XXIII. Кн. I. С. 89; Майский И. И. Воспоминания советского посла. С. 42.
- ³⁰ От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада. С. 109; Архивы раскрывают тайны... С. 131.
- ³¹ Известия. 1940. 15 января.
- ³² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 83. Д. 393. Л. 112-113.
- ³³ Архивы раскрывают тайны... С. 128, 129.
- ³⁴ Новая и новейшая история. 1993. № 4. С. 116.
- ³⁵ Цит. по кн.: Ваксберг А. Валькирия революции. С. 498.
- ³⁶ Новая и новейшая история. 1993. № 4. С. 113.
- ³⁷ Канун и начало войны. С. 190.
- ³⁸ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. II. М., 1991. С. 286.
- ³⁹ Гриф секретности снят: потери Вооружённых сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. С. 121.
- ⁴⁰ От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада. С. 102.
- ⁴¹ Архивы раскрывают тайны... С. 130-131.
- ⁴² Откровения и признания. С. 180, 201.
- ⁴³ Гиппельскирх К. История второй мировой войны. С. 50.
- ⁴⁴ Бумлок А. Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Т. 2. Смоленск, 1994. С. 287.
- ⁴⁵ Вопросы истории. 1990. № 7. С. 103.
- ⁴⁶ Ваксберг А. Валькирия революция. С. 495.
- ⁴⁷ Документы внешней политики. Т. XXIII. Кн. I. С. 68.
- ⁴⁸ Там же. С. 101, 104.
- ⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 83. Д. 401. Л. 74; Д. 402. Л. 50.

-
- ⁵⁰ Правда. 1940. 30 марта.
- ⁵¹ Новая и новейшая история. 1993. № 4. С. 104, 109, 111.
- ⁵² Источник. 1997. № 5. С. 110.
- ⁵³ Вопросы истории. 1990. № 7. С. 104.
- ⁵⁴ Коминтерн и вторая мировая война. Ч. I. С. 368-370.
- ¹ Бюлетень оппозиции. 1940. № 82-83. С. 31.
- ² Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. С. 165.
- ³ Бюлетень оппозиции. 1940. № 82-83. С. 7.
- ⁴ Там же. С. 6.
- ⁵ Троцкий Л. Д. В защиту марксизма. С. 114.
- ⁶ Бюлетень оппозиции. 1940. № 82-83. С. 7.
- ⁷ Там же. С. 6.
- ⁸ Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. С. 165-166.
- ⁹ Бюлетень оппозиции. 1940. № 82-83. С. 7.
- ¹⁰ Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. С. 165.
- ¹¹ Бюлетень оппозиции. 1940. № 82-83. С. 32.
- ¹² Бюлетень оппозиции. 1940. № 84. С. 19.
- ¹³ Троцкий Л. Д. Дневники и письма. М., 1994. С. 176.
- ¹ Коминтерн и вторая мировая война. Ч. I. С. 320.
- ² Полпруды сообщают... М., 1990. С. 138-139, 140, 144.
- ³ Там же. С. 147-152.
- ⁴ РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 332. Л. 97-102.
- ⁵ Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 210-211; Полпруды сообщают... С. 312-314, 318-319.
- ⁶ Коминтерн и вторая мировая война. Ч. I. С. 319; Правда. 1940. 18 апреля.
- ⁷ Известия. 1940. 16 мая.
- ⁸ Полпруды сообщают... С. 331.
- ⁹ Известия. 1940. 30 мая.
- ¹⁰ Полпруды сообщают... С. 375.
- ¹¹ Документы внешней политики. Т. XXIII. Кн. 1. С. 350, 351.
- ¹² Чув Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 15.
- ¹³ Документы внешней политики. Т. XXIII. Кн. 1. С. 353.
- ¹⁴ Полпруды сообщают... С. 434.

---

¹⁵ Родина. 1991. № 6-7. С. 22.

¹⁶ Полпреды сообщают... С. 485-490.

¹⁷ Там же. С. 493.

¹⁸ Источник. 1996. № 1. С. 137-138.

¹⁹ Правда. 1989. 11 августа.

²⁰ Откровения и признания. С. 209, 219.

¹ Документы внешней политики. Т. XXIII. Кн. 1. С. 365-366.

² Советско-нацистские отношения. С. 158.

³ Там же. С. 159.

⁴ Там же. С. 160-161.

⁵ Там же. С. 163.

⁶ Там же. С. 164.

⁷ Откровения и признания. С. 214.

⁸ Документы внешней политики. Т. XXIII. Кн. 1. С. 381.

⁹ Там же. С. 431.

¹⁰ Сиполс В. Я. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. М., 1997. С. 246.

¹¹ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 17-18.

¹² Документы внешней политики. Т. XXIII. Кн. 1. С. 409.

¹ Бюллетень оппозиции. 1940. № 82-83. С. 5.

² Бюллетень оппозиции. 1940. № 81. С. 10.

³ Цит. по: Бюллетень оппозиции. 1940. № 82-83. С. 30-31.

⁴ Троцкий Л. Д. В защиту марксизма. Cambridge, MA, USA, 1995. С. 113.

⁵ Там же. С. 113.

⁶ Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. С. 159.

⁷ Троцкий Л. Д. В защиту марксизма. С. 98.

⁸ Там же. С. 114.

⁹ Бюллетень оппозиции. 1939. № 79-80. С. 8.

¹⁰ Там же. С. 9.

¹¹ Бюллетень оппозиции. 1940. № 81. С. 10.

¹² Бюллетень оппозиции. 1940. № 82-83. С. 5.

¹³ Там же. С. 31.

¹⁴ Там же. С. 5.

---

¹ Советско-нацистские отношения. С. 140.

² Там же. С. 142.

³ Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 213.

⁴ Булок А. Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. Т. 2. С. 294.

⁵ Советско-нацистские отношения. С. 144.

⁶ Документы внешней политики. Т. XXIII. Кн. 1. С. 343-344.

⁷ Эренбург И. Собр. соч. в 9 томах. Т. 9. М., 1967. С. 244-246.

⁸ Бюллетень оппозиции. 1940. № 84. С. 29.

⁹ Там же. С. 28.

¹⁰ Крестья Ф., Эстаже Ж. Как это было. Французская коммунистическая партия в 1939-1940 гг. М., 1989. С. 130.

¹¹ Смирнов В. П. Французская коммунистическая партия и Коминтерн в 1939-1940 годах. Новые архивные материалы. - Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 36.

¹² Там же. С. 36.

¹³ Там же. С. 37-38.

¹⁴ Там же. С. 39-41.

¹⁵ Там же. С. 42.

¹⁶ Там же. С. 44.

¹⁷ Коминтерн и вторая мировая война. С. 340.

¹⁸ Там же. С. 367.

¹⁹ Бюллетень оппозиции. 1940. № 84. С. 22-23.

²⁰ Коминтерн и вторая мировая война. С. 396, 401-402.

²¹ Там же. С. 405.

²² Там же. С. 411.

²³ Там же. С. 408-409.

²⁴ Миллер А. Пьесы. М., 1999. С. 562-563.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 83. Д. 406. Л. 107-109.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 83. Д. 404. Л. 106.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 83. Д. 407. Л. 67-68.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 83. Д. 410. Л. 122.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 83. Д. 409. Л. 202.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 83. Д. 410. Л. 46.

³¹ Документы внешней политики. Т. XXIII. Кн. 1. С. 361-362.

---

³² Известия. 1940. 23 июня.

³³ Откровения и признания. С. 213.

³⁴ Эренбург И. Собр. соч. в 9 томах. Т. 9. С. 258.

³⁵ Коминтерн и вторая мировая война. С. 413.

³⁶ Там же. С. 436.

³⁷ Свободная мысль. 1995. № 2. С. 21.

³⁸ Коминтерн и вторая мировая война. С. 475.

³⁹ Там же. С. 466.

⁴⁰ Там же. С. 485; Свободная мысль. 1995. № 2. С. 22.

⁴¹ Гиренко Ю. Сталин-Тито. М., 1991. С. 86, 88.

⁴² Коминтерн и вторая мировая война. С. 518, 519-520.

⁴³ Там же. С. 525.

⁴⁴ Свободная мысль. 1995. № 2. С. 23-24.

⁴⁵ Там же. С. 24.

¹ Архив Троцкого. № 907.

² Фоке М. Троцкий и его критики о природе СССР. - Вопросы истории. 1992. № 11-12. С. 33.

³ Троцкий Л. Д. В защиту марксизма. С. 95.

⁴ Там же. С. 120-121.

⁵ Там же. С. 92.

⁶ Бюллетень оппозиции. 1940. № 84. С. 6.

¹ Бюллетень оппозиции. 1940. № 82-83. С. 13.

² Там же. С. 14.

³ Там же. С. 13.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Там же. С. 18.

⁶ Там же. С. 19.

⁷ Там же. С. 15.

⁸ Там же. С. 17.

⁹ Троцкий Л. Д. В защиту марксизма. С. 103.

¹ Бюллетень оппозиции. 1940. № 82-83. С. 17.

² Там же. С. 27-28.

³ Там же. С. 25.

-
- ⁴ Троцкий Л. Д. В защиту марксизма. С. 105.
- ⁵ Бюлетень оппозиции. 1940. № 82-83. С. 25.
- ⁶ Там же. С. 27.
- ⁷ Троцкий Л. Д. В защиту марксизма. С. 191-192.
- ¹ Бюлетень оппозиции. 1940. № 82-83. С. 17.
- ² Бюлетень оппозиции. 1940. № 81. С. 9.
- ³ Бюлетень оппозиции. 1940. № 82-83. С. 12.
- ⁴ Бюлетень оппозиции. 1940. № 85. С. 7.
- ⁵ Бюлетень оппозиции. 1940. № 82-83. С. 27.
- ⁶ Там же. С. 25.
- ⁷ Там же. С. 29.
- ⁸ Бюлетень оппозиции. 1939. № 79-80. С. 3.
- ⁹ Там же. С. 3.
- ¹⁰ Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. С. 157-158.
- ¹¹ Троцкий Л. Д. В защиту марксизма. С. 63.
- ¹² Бюлетень оппозиции. 1940. № 82-83. С. 28.
- ¹³ Бюлетень оппозиции. 1939. № 74. С. 11.
- ¹ Бюлетень оппозиции. 1939. № 79-80. С. 5.
- ² Там же. С. 5.
- ³ Бюлетень оппозиции. 1940. № 82-83. С. 17.
- ⁴ Бюлетень оппозиции. 1939. № 79-80. С. 6.
- ⁵ Бюлетень оппозиции. 1940. № 82-83. С. 11.
- ⁶ Бюлетень оппозиции. 1939. № 79-80. С. 3.
- ⁷ Там же. С. 2-3.
- ⁸ Там же. С. 5.
- ⁹ Там же. С. 1.
- ¹⁰ Там же. С. 3.
- ¹¹ Там же. С. 7.
- ¹² Бюлетень оппозиции. 1940. № 82-83. С. 26.
- ¹³ Бюлетень оппозиции. 1939. № 79-80. С. 4.
- ¹⁴ Бюлетень оппозиции. 1939. № 74. С. 11.
- ¹⁵ Бюлетень оппозиции. 1940. № 81. С. 12.

---

¹⁶ Там же. С. 12.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Цит. по: Sedova N. & Serge V. *The Life and Death of Leon Trotsky*. N. Y., 1973. P. 262.

¹⁹ Троцкий Л. Д. *Дневники и письма*. С. 175-176.

²⁰ *Бюллетень оппозиции*. 1939. № 79-80. С. 2.

¹ Серж В. *Дело Тулаева*. Челябинск, 1991. С. 272.

² Там же. С. 273.

³ Wehner H. *Zeugnis*. S. 274-275.

⁴ *Ibid.* S. 360.

⁵ *Ibid.* S. 355.

⁶ Грегпер Л. *Большая игра*. С. 87-88.

⁷ Там же. С. 110.

⁸ Там же. С. 88.

⁹ Перро Ж. *Красная капелла* — *Иностранная литература*. 1990. № 2. С. 228.

¹ Троцкий Л. Д. *Портреты революционеров*. С. 152-153.

² Там же. С. 154.

³ Там же. С. 155.

⁴ Там же.

⁵ *Бюллетень оппозиции*. 1940. № 84. С. 22.

⁶ Троцкий Л. Д. *Портреты революционеров*. С. 160.

⁷ Там же. С. 153.

⁸ Там же. С. 154.

⁹ Там же. С. 153.

¹⁰ Там же.

¹¹ Троцкий Л. Д. *К истории русской революции*. М., 1990. С. 411.

¹² *Бюллетень оппозиции*. 1940. № 84. С. 28-29.

¹³ Троцкий Л. Д. *Портреты революционеров*. С. 156-157.

¹⁴ Там же. С. 164, 165.

¹⁵ *Бюллетень оппозиции*. 1940. № 84. С. 35.

¹⁶ Там же. С. 27.

¹⁷ Троцкий Л. Д. *Портреты революционеров*. С. 156.

¹⁸ Троцкий Л. Д. *В защиту марксизма*. С. 188.

-
- ¹⁹ Бюллетень оппозиции. 1940. № 84. С. 19.
- ²⁰ Там же. С. 19.
- ²¹ Там же. С. 28.
- ²² Sedova N. & Serge V. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 261.
- ²³ Бюллетень оппозиции. 1940. № 84. С. 34.
- ²⁴ Бюллетень оппозиции. 1940. № 82-83. С. 10-11.
- ²⁵ Цит. по: Дойчер И. Троцкий в изгнании. М., 1991. С. 526-527.
- ¹ Правда. 1940. 2 августа.
- ² Откровения и признания. С. 221, 222.
- ³ Документы внешней политики. Т. XXIII. Кн. 1. С. 546.
- ⁴ Там же. С. 619.
- ⁵ Там же. С. 628.
- ⁶ Коминтерн и вторая мировая война. Ч. I. С. 455.
- ⁷ Документы внешней политики. Т. XXIII. Кн. 1. С. 400.
- ⁸ Там же. С. 394-395.
- ⁹ Некрич А. 1941. 22 июня. 2-е изд. С. 128.
- ¹ Цит. по: Волкогонов Д. Сталин. Кн. 2. С. 122.
- ² Откровения и признания. С. 223.
- ³ Советско-нацистские отношения. С. 206.
- ¹ Советско-нацистские отношения. С. 206-207.
- ² Там же. С. 209.
- ³ Новая и новейшая история. 1995. № 4. С. 77-79.
- ⁴ Откровения и признания. С. 75-76.
- ⁵ Советско-нацистские отношения. С. 220.
- ⁶ Там же. С. 226.
- ⁷ Там же. С. 228-231, 233.
- ⁸ Там же. С. 236.
- ⁹ Там же. С. 250.
- ¹⁰ Березков В. Как я стал переводчиком Сталина. С. 53.
- ¹¹ Советско-нацистские отношения. С. 247.
- ¹² Березков В. Как я стал переводчиком Сталина. С. 52.
- ¹³ Известия. 1940. 15 ноября.

---

¹⁴ Бережков В. Просчёт Сталина. — Международная жизнь. 1989. № 8. С. 21.

¹⁵ Откровения и признания. С. 227.

¹⁶ Вопросы истории. 1990. № 8. С. 60.

¹⁷ Цит. по: Карпов В. Маршал Жуков: Его соратники и противники в дни войны и мира. М., 1994. С. 184-185.

¹⁸ Симонов К. Заметки к биографии Жукова. Военно-исторический журнал. 1987. № 9. С. 49.

¹⁹ Советско-нацистские отношения. С. 251.

²⁰ Там же. С. 251-252.

²¹ Бережков В. Как я стал переводчиком Сталина. С. 58-59.

¹ История второй мировой войны. 1939-1945. Т. 3. М. 1974. С. 231; Вопросы истории. 1997. № 2. С. 5.

² Откровения и признания. С. 108.

³ Вопросы истории. 1997. № 2. С. 12.

⁴ Вопросы истории. 1990. № 8. С. 59.

⁵ Документы внешней политики. Т. XXIII. Кн. 1. С. 630.

⁶ Вопросы истории. 1990. № 8. С. 60.

⁷ Вопросы истории. 1992. № 2-3. С. 77.

⁸ Карпов В. Маршал Жуков. Опала. М., 1994. С. 373.

⁹ Вопросы истории. 1990. № 8. С. 71.

¹⁰ Берия: конец карьеры. М., 1991. С. 238-239.

¹¹ Канун и начало войны. С. 316.

¹² Карпов В. Маршал Жуков. Опала. С. 369-370.

¹³ Симонов К. Глазами человека моего поколения. М., 1988. С. 300.

¹⁴ Цит. по: Булок А. Гитлер и Сталин. Жизнь и власть. С. 343.

¹⁵ Цит. по: Канун и начало войны. Документы и материалы. С. 325.

¹⁶ Правда. 1941. 13 января.

¹⁷ Откровения и признания. С. 234.

¹⁸ Гиренко Ю. Сталин-Тито. С. 86-87.

¹⁹ Советско-нацистские отношения. С. 305-307.

²⁰ Правда. 1941. 30 апреля.

²¹ Документы внешней политики. Т. XXIII. Кн. 2. С. 661-662, 714.

²² Цит. по: Сиполс В. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. М., 1997. С. 309.

²³ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 30.

²⁴ Откровения и признания. С. 239.

-
- ²⁵ Там же. С. 240.
- ²⁶ Бережков В. Как я стал переводчиком Сталина. С. 59.
- ²⁷ Треппер А. Большая игра. С. 122-123.
- ²⁸ Некрич А. 1941. 22 июня. Изд. 2. С. 142.
- ²⁹ История второй мировой войны. 1939-1945. Т. 3. С. 282.
- ³⁰ Там же. С. 287-288.
- ³¹ Исторический архив. 1995. № 2. С. 26.
- ³² Нева. 1993. № 7. С. 283.
- ³³ Исторический архив. 1995. № 2. С. 26.
- ³⁴ Там же. С. 29.
- ³⁵ Источник. 1997. № 5. С. 116.
- ³⁶ Исторический архив. 1995. № 2. С. 30.
- ³⁷ Вопросы истории. 1990. № 9. С. 61-62.
- ³⁸ Некрич А. 1941. 22 июня. Изд. 2-е. С. 129-131.
- ³⁹ Военно-исторический журнал. 1995. № 3. С. 41.
- ⁴⁰ Новое время. 1991. № 19. С. 40.
- ⁴¹ Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 115-116.
- ⁴² Справка КГБ «О разведывательной деятельности органов госбезопасности накануне нападения Германии на Советский Союз». — Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 221.
- ⁴³ Свободная мысль. 1995. № 2. С. 24.
- ⁴⁴ Исторический архив. 1995. № 2. С. 15.
- ⁴⁵ Новая и новейшая история. 1997. № 4. С. 97.
- ⁴⁶ Там же. С. 103.
- ⁴⁷ Там же. С. 103-104.
- ⁴⁸ Исторический архив. 1995. № 2. С. 16-21.
- ⁴⁹ Откровения и признания. С. 82.
- ⁵⁰ Правда. 1989. 22 июня.
- ⁵¹ Откровения и признания. С. 240.
- ⁵² Карпов В. Маршал Жуков. С. 210.
- ⁵³ Горчаков О. Накануне, или Трагедия Кассандры. — Горизонт. 1988. № 7. С. 62.
- ⁵⁴ Карпов В. Маршал Жуков. С. 21.
- ⁵⁵ Советско-нацистские отношения. С. 323-325, 331.

-
- ⁵⁶ Вишлёв О. Почему же Сталин медлил в 1941 г. (Из германских архивов). — Новая и новейшая история. 1992. № 2. С. 85, 88-90.
- ⁵⁷ Вишлёв О. Была ли в СССР оппозиция «германской политике» Сталина накануне 22 июня 1941 года. По документам германских архивов. — Новая и новейшая история. 1994. № 4-5. С. 253.
- ⁵⁸ Новая и новейшая история. 1992. № 2. С. 86.
- ⁵⁹ Бережков В. Как я стал переводчиком Сталина. С. 62.
- ⁶⁰ Откровения и признания. С. 78.
- ⁶¹ Цит. по: Вишлёв О. Почему медлил И. В. Сталин в 1941 г.? (Из германских архивов). — Новая и новейшая история. 1992. № 1. С. 97-98.
- ⁶² Дружба народов. 1988. № 3. С. 236.
- ⁶³ Вопросы истории. 1992. № 2-3. С. 77.
- ⁶⁴ Чув Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. С. 52.
- ⁶⁵ Военно-исторический журнал. 1988. № 12. С. 51.
- ¹ Sedova N. & Serge V. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 254-255.
- ² Ibid. P. 274.
- ³ The Case for a Commission of Inquiry. N. Y., 1976. P. 14.
- ⁴ The Indictment Stands. Security and the Fourth International. N. Y., 1977. P. 31.
- ⁵ Бюллетень оппозиции. 1937. № 62-63. С. 24.
- ⁶ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. М., 1997. С. 109.
- ⁷ Волкогонов Д., Троцкий Кн. 2. М., 1994. С. 307, 337; How the GPU Murdered Trotsky. Documents from 1975, the first year of the investigation by the International Committee of the Fourth International. N. Y., 1981. P. 91-92.
- ⁸ Чейз У. Троцкий в Мексике. К истории его нелегальных контактов с правительством США (1937-1940). Отечественная история. 1995. № 4. С. 84.
- ⁹ Там же. С. 86, 87.
- ¹⁰ Бюллетень оппозиции. № 84. С. 9.
- ¹¹ Отечественная история. 1995. № 4. С. 88, 96.
- ¹² Архив Троцкого. № 4885.
- ¹³ Sedova N. & Serge V. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 255.
- ¹⁴ Ibid.
- ¹⁵ Отечественная история. 1995. № 4.
- ¹⁶ Бюллетень оппозиции. № 85. С. 9.
- ¹⁷ Троцкий Л. Д. Дневники и письма. М., 1994. С. 190-191.
- ¹⁸ Бюллетень оппозиции. № 74. С. 14.

-
- ¹⁹ Бюллетень оппозиции. № 85. С. 3.
- ¹ Волкогонов Д. Сталин. Кн. 2. С. 104.
- ² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 176.
- ³ Бюллетень оппозиции. 1940. № 84. С. 2.
- ⁴ Там же. С. 8.
- ⁵ Бюллетень оппозиции. 1939. № 75-76. С. 9.
- ⁶ Sedova N. & Serge V. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 252.
- ⁷ Бюллетень оппозиции. 1940. № 87. С. 8.
- ⁸ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. II. С. 234.
- ⁹ Там же. С. 134-135.
- ¹⁰ Бюллетень оппозиции. 1936. № 52-53. С. 27.
- ¹¹ Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 409.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 403.
- ¹⁴ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. II. С. 251-252.
- ¹⁵ Троцкий Л. Д. К истории русской революции. С. 408.
- ¹⁶ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. II. С. 278.
- ¹ Роговин В. Была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд через годы. М., 1992. С. 70-73, 156-163.
- ² Волкогонов Д. Ленин. Кн. 2. М., 1994. С. 347.
- ³ Там же. С. 346-347.
- ⁴ Там же. С. 348.
- ⁵ Там же. С. 347.
- ⁶ Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. С. 71-72.
- ⁷ Вопросы литературы. 1989. № 6. С. 159.
- ⁸ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. II. С. 254. См. также: Троцкий Л. Д. Дневники и письма. С. 94-96.
- ⁹ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. II. С. 255.
- ¹⁰ Троцкий Л. Д. К истории русской революции. С. 403.
- ¹¹ Троцкий Л. Д. Сталин. Т. II. С. 253.
- ¹² Там же. С. 256.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. С. 256-257.

---

¹⁶ Троцкий Л. Д. Портреты революционеров. С. 79.

¹ Волкогонов Д. Троцкий. Кн. 2. С. 31.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 247610. Л. 32.

³ Московские новости. 1992. № 31. С. 10.

¹ Эткинд А. Эрос невозможного. История психоанализа в России. СПб., 1993. С. 293-299.

² Эндрю К. и Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. — *Nota Bene*, 1992. С. 172

³ Судоплатов П. Разведка и Кремль. М., 1996. С. 92.

⁴ Известия. 1945. 11 июля.

⁵ Воскресенская Э. Под псевдонимом Ирина. М., 1997. С. 266.

⁶ Ваксберг А. Нераскрытые тайны. М., 1993. С. 299.

⁷ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 109.

⁸ Волкогонов Д. Троцкий. Кн. 2. С. 310.

⁹ Эндрю К. и Гордиевский О. КГБ. С. 185.

¹ Латинская Америка. 1993. № 3. С. 63.

² Папоров Ю. По следу призрака Троцкого. — *ЛГ-досье*. 1994. № 8. С. 23.

³ Волкогонов Д. Несостоявшееся покушение. — *Известия*. 1993. 11 июня; Судоплатов П. Разведка и Кремль. С. 390-392.

⁴ Латинская Америка. 1993. № 3. С. 66, 70.

⁵ Там же. С. 65.

⁶ Игнатъев О. Шаманы, вожди и партизаны... — *Правда* 5. 1996. № 11.

¹ Бюллетень оппозиции. 1940. № 86. С. 6-7.

² Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 101.

³ *How the GPU Murdered Trotsky*. N. Y., 1981. P. 105.

⁴ Волкогонов Д. Троцкий. Кн. 2. С. 315-316.

⁵ Сикейрос Д. Меня называли лихим полковником. Воспоминания. М., 1986. С. 221.

⁶ Там же. С. 222-223.

⁷ Там же. С. 224.

⁸ Там же. С. 223.

⁹ Цит. по: Sedova N. & Serge V. *The Life and Death of Leon Trotsky*. P. 277.

¹⁰ Сикейрос Д. Меня называли лихим полковником. С. 225.

¹¹ Там же. С. 232, 240.

¹² Sedova N. & Serge V. *The Life and Death of Leon Trotsky*. P. 277.

¹³ *Ibid.*

-
- ¹⁴ Комсомольская правда. 1989. 22марта.
- ¹ Ваксберг А. Нераскрытые тайны. С. 22.
- ² Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 104.
- ³ Нева. 1989. № 3. С. 203.
- ⁴ Эндарю К. и Гордиевский О. КГБ. С. 188.
- ⁵ Цит. по: Верников. «Мавр сделал своё дело». Известия. 1991. 30 июля.
- ¹ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 104.
- ² Там же. С. 104-105.
- ³ Там же. С. 106.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Sedova N. & Serge V. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 275.
- ⁶ Trotsky's Assassin at Large. Security and the Fourth International. N. Y., 1977. P. 2.
- ⁷ Ibid. P. 5.
- ⁸ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 105-106; Trotsky's Assassin at Large. P. 7.
- ⁹ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 107.
- ¹⁰ Там же. С. 107, 109.
- ¹¹ Судоплатов П. Разведка и Кремль. С. 94.
- ¹² Известия. 1991. 30 июля.
- ¹ Судоплатов П. Разведка и Кремль. С. 81-82.
- ² Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 95.
- ³ Судоплатов П. Разведка и Кремль. С. 85.
- ⁴ How the GPU Murdered Trotsky. P. 103, 104.
- ⁵ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 101.
- ⁶ Бюлеть оппозиции. № 85. С. 10.
- ⁷ Нева. 1989. № 3. С. 204-205.
- ⁸ Бюлеть оппозиции. № 85. С. 10-12.
- ⁹ Там же. С. 10-11.
- ¹⁰ Там же. С. 11-12.
- ¹¹ Там же. С. 12.
- ¹² Там же. С. 11.
- ¹³ Там же. С. 10-11.
- ¹⁴ Там же. С. 11-12.

---

¹⁵ Троцкий Л. Д. Дневники и письма. С. 190.

¹⁶ How the GPU Murdered Trotsky. P. 253.

¹ Эндрю К. и Гордиевский О. КГБ. С. 185.

² Судоплатов П. Разведка и Кремль. С. 85-86.

³ Бюллетень оппозиции. № 87. С. 7.

⁴ Бюллетень оппозиции. № 85. С. 9-10.

⁵ Там же. С. 10.

⁶ Троцкий Л. Д. Дневники и письма. С. 180.

⁷ Судоплатов П. Разведка и Кремль. С. 86.

¹ Бюллетень оппозиции. № 87. С. 8.

² Trotsky's Assassin at Large. P. 12, 23.

³ How the GPU Murdered Trotsky. P. 116.

⁴ Sedova N. & Serge V. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 260.

⁵ Огонёк. 1990., № 34. С. 13.

⁶ Троцкий Л. Д. Дневники и письма. С. 191.

⁷ Бюллетень оппозиции. 1940. № 86. С. 5.

⁸ Огонёк. 1990. № 34. С. 13; Огонёк. 1990. № 37. С. 10.

⁹ Sedova N. & Serge V. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 260.

¹⁰ Судоплатов П. Разведка и Кремль. С. 86.

¹¹ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 101.

¹² Папоров Ю. По следу призрака Троцкого. — ЛГ-досье. 1994. № 8. С. 23.

¹³ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 101.

¹ Бюллетень оппозиции. № 87. С. 8.

² Троцкий Л. Д. Дневники и письма. С. 187-189.

³ Бюллетень оппозиции. № 86. С. 4-5.

⁴ Sedova N. & Serge V. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 259.

⁵ Троцкий Л. Д. Дневники и письма. С. 184-185.

⁶ Архив Троцкого. № 4885.

⁷ Троцкий Л. Д. Дневники и письма. С. 177-178.

⁸ Там же. С. 186.

⁹ Огонёк. 1990. № 34. С. 12.

¹⁰ How the GPU Murdered Trotsky. P. 104.

---

¹¹ Sedova N. & Serge V. *The Life and Death of Leon Trotsky*. P. 260, 261.

¹² Бюллетень оппозиции. № 86. С. 6.

¹ Судоплатов П. Разведка и Кремль. С. 87.

² Там же. С. 89.

³ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 99.

⁴ Там же. С. 101.

⁵ Троцкий Л. Д. *Дневники и письма* М. С. 188-189.

⁶ Огонёк. 1990. № 35. С. 23.

⁷ Отечественная история. 1995. № 4. С. 93.

⁸ Trotsky. Stalin's Gangsters. London. 1977. P. 83.

⁹ Отечественная история. 1995. № 4. С. 94-95.

¹⁰ Бюллетень оппозиции. № 85. С. 7.

¹¹ Там же. С. 8.

¹² Бюллетень оппозиции. 1940. № 86. С. 9.

¹³ Там же. С. 10.

¹⁴ Там же. С. 9.

¹⁵ Там же. С. 10.

¹⁶ Там же. С. 11.

¹⁷ Там же. С. 14.

¹⁸ Троцкий Л. Д. *Дневники и письма*. С. 192.

¹⁹ Бюллетень оппозиции. 1940. № 85. С. 10.

¹ Jean van Heijenoort. *With Trotsky in Exile. From Prinkipo to Coyokan*. London, 1978. P. 147.

² *How the GPU Murdered Trotsky*. P. 95, 103.

³ Glotser A. *Trotsky. Memoir and Critique*. N. Y., 1989. P. 293.

⁴ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 103.

⁵ Sedova N. & Serge V. *The Life and Death of Leon Trotsky*. P. 264.

⁶ *How the GPU Murdered Trotsky*. P. 106.

⁷ Sedova N. & Serge V. *The Life and Death of Leon Trotsky*. P. 264.

⁸ *Trotsky's Assassin at Large*. P. 16.

⁹ Бюллетень оппозиции. № 85. С. 1.

¹⁰ Бюллетень оппозиции. № 84. С. 8.

¹¹ Бюллетень оппозиции. № 85. С. 3.

---

¹² Бюллетень оппозиции. № 84. С. 5.

¹³ Там же. С. 6.

¹⁴ Архив Троцкого. № 8227.

¹⁵ ЛГ-Досье. 1994. № 8. С. 23.

¹⁶ Sedova N. & Serge V. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 265.

¹⁷ Бюллетень оппозиции. № 85. С. 3.

¹⁸ Sedova N. & Serge V. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 265.

¹⁹ Труд. 1994. 22 февраля.

²⁰ The Indictment Stands. By the International Committee of the Fourth International. N. Y., 1976. P. 14.

²¹ Судоплатов П. Разведка и Кремль. С. 90.

¹ Бюллетень оппозиции. 1940. № 85. С. 1-2.

² Там же. С. 1-2.

³ Судоплатов П. Разведка и Кремль. С. 91.

⁴ Бюллетень оппозиции. 1940. № 85. С. 4.

⁵ Sedova N. & Serge V. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 268; How the GPU Murdered Trotsky. P. 118, 122.

⁶ Бюллетень оппозиции. 1940. № 85. С. 4.

⁷ Там же. С. 4.

⁸ Sedova N. & Serge V. The Life and Death of Leon Trotsky. P. 271.

⁹ Бюллетень оппозиции. № 85. С. 5.

¹ Судоплатов П. Разведка и Кремль. С. 90.

² Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 102; Дойчер И. Троцкий в изгнании. М., 1991. С. 524; Sedova N. & Serge V.

The Life and Death of Leon Trotsky. P. 272-273.

³ Бюллетень оппозиции. № 84. С. 8.

⁴ Огонёк. 1990. № 37. С. 11.

⁵ Trotsky's Assassin at Large. P. 4.

⁶ Правда. 1940. 24 августа.

⁷ Волкогонов Д. Ленин. Кн. 2. С. 42.

⁸ Trotsky's Assassin at Large. P. 35.

⁹ Отечественная история. 1995. № 4. С. 95.

¹⁰ The FBI and Joseph Hansen. N. Y., 1978. P. 8.

¹ Гефтер М. Из тех и этих лет. С. 262.

² Авдеенко А. Наказание без преступления. М., 1991. С. 217, 218.

-
- ³ Правда. 1940. 12 сентября.
- ⁴ Авдеенко А. Наказание без преступления. С. 206.
- ⁵ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 104.
- ⁶ Судоплатов П. Разведка и Кремль. С. 91.
- ⁷ Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 103.
- ⁸ Книга исторических сенсаций. М., 1993. С. 130; Московские новости. 1992. № 31. 2 августа.
- ¹ Волкогонов Д. Сталин. Кн. 2. С. 92.
- ² Судоплатов П. Разведка и Кремль. С. 89.
- ³ The Gelfand Case. A Legal History of the Exposure of US Government Agent in the Leadership of the Workers Party. Detroit. 1985. P. 217.
- ⁴ Архив Троцкого. № 13224.
- ⁵ How the GPU Murdered Trotsky. P. 136.
- ⁶ Волкогонов Д. Троцкий. Кн. 2. С. 307.
- ⁷ Царев О., Костелло Дж. Роковые иллюзии. М., 1995. С. 475.
- ⁸ How the GPU Murdered Trotsky. P. 206, 210.
- ⁹ Ibid. P. 145.
- ¹⁰ Ibid. P. 177.
- ¹¹ Ibid. P. 29, 204-211.
- ¹² Revolutionary History. Vol. 4. P. 167.
- ¹³ Московские новости. 1992. 2 августа.
- ¹ Цит. по: Палорюв Ю. Огонёк. 1990. № 37. С. 12.
- ² Revolutionary History. Vol. 6. № 4. P. 67-68.
- ³ Бюлетень оппозиции. 1940. № 84. С. 2.
- ⁴ Там же. С. 5.
- ⁵ Там же. С. 7.
- ⁶ Там же. С. 9.
- ⁷ Там же. С. 6, 8.
- ⁸ Там же. С. 7.
- ⁹ Там же.
- ¹ Троцкий Л. Д. Дневники и письма. С. 194.
- ² Архив Троцкого. № 2131.
- ³ Там же. № 320.
- ⁴ Троцкий Л. Д. Дневники и письма. С. 177.

